

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 12 (54) 2016
Часть 2
Декабрь**

Подписано в печать 19.12.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26166
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам LVII заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

ЕCHO-QUESTION AS A MEANS OF INFORMATION GAPS ELIMINATION: PRAGMATIC ASPECT	6
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ «ВРАЧ–ПАЦИЕНТ» НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	9
РОЛЬ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ	11
ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕНДИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВОГО МЕТА-СМЫСЛА «ДЕТСТВО» В ТЕКСТЕ Е. КАЛИНЧУК «СКОБЯНЫХ ДЕЛ МАСТЕР»	13
ВЕДИЙСКИЙ РИТУАЛ КАК АКТ ПЕРЕВОДА	19
МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ДУШЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА	21
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦАРЬ-ПРОИЗВОДНЫХ РУССКОГО ДИСКУРСА	24
ОЦЕНКА КАК ИСТОЧНИК ДИНАМИКИ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	27
ФУНКЦИИ АНТИТЕЗЫ В ПОЭЗИИ ЮРИЯ ВИЗБОРА	30
ПРОСТРАНСТВО СНА В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА	33
СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА	36
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ).....	38
НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ	41
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕН ДЕЯТЕЛЕЙ В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ).....	44
СЧАСТЬЕ КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И АРАБСКИХ СТУДЕНТОВ.....	48
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ МИТХАСА ТУРАНА	50
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РИТМИКИ РУССКОГО И ТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ	54
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ АББРЕВИАТУР В ТЕРМИНОЛОГИИ МЕДИАЦИИ	58
ПОЭТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА Б.Ю. ПОПЛАВСКОГО «НАД СОЛНЕЧНОЙ МУЗЫКОЙ ВОДЫ»	62
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОЯВЛЕНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	66
ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО	69
ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА НОВАЛИСА	72
ЛЕКСИКА М.-А. ЧУКУРИ В СТАТИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	76
БРЕГОВСКИЙ ВЛАШСКИЙ ДИАЛЕКТ КАК ЯВЛЕНИЕ САМОБЫТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРОЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ.....	79
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗГОВОРНИКА В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ.....	81
ЭССЕИЗМ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.Д. КРЮКОВА	83
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>ВРЕД</i> В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ	85
СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА СЕМЬЯ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ.....	88
ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ «СМЕНЫ СОБСТВЕННОСТИ» В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ	91
ВИДЫ И ФУНКЦИИ ПОВТОРОВ В ТЕКСТАХ САТИРИЧЕСКИХ НОВЕЛЛ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «1001 ДЕНЬ, ИЛИ НОВАЯ ШАХЕРЕЗАДА»	93
ПОВТОРНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОВТОРА	95

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

ХАКАСИЯ В ОРБИТЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ	98
---	----

БОЛЬШАЯ ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЬЯ И КРИЗИС КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА У КАЛМЫКОВ В XIX В.....	100
ИМПЕРАТОРСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ	102
ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН В НАЦИОНАЛЬНУЮ	104
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКРЕТНЫХ ВОЕННЫХ КОМИССИЙ В ПОЛЬШЕ И ГЕРМАНИИ (1934 – 1935 ГГ.)	107
ВКЛАД А.Н. БАЛАКШИНА В АГРАРНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ	109
КОММЕРЧЕСКИЕ БАНКИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	112

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	114
ЭРОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В КНИЖНОЙ ГРАФИКЕ ХУДОЖНИКОВ СТИЛЯ МОДЕРН	117
ПОЛИТИКА СТРАНОВОГО БРЕНДИНГА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА)	123
ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, ФИЗИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ	127

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	129
КОНКУРЕНЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ НА ПРИМЕРЕ РЫНОЧНОЙ КОНКУРЕНЦИИ АВТОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ.....	131
МОРАЛЬНАЯ ПОЛИВАЛЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ.....	134
НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	137
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЕКЦИИ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ	139
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА	142
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ	145
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «КОСМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ» К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО	149
РОЛЬ И МЕСТО РАЗУМА ВО ВСЕЛЕННОЙ («КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО).....	151
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В РУССКОМ КОСМИЗМЕ.....	154
МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.....	157
ТРАНЗИТИВНОЕ ОБЩЕСТВО: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	159
ГЕНЕАЛОГИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА КАК ВЕКТОРА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ	162
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАУКЕ: ОБРАЗЫ «НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»	167

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ИСКУССТВА	170
К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	174
ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ КОМПОЗИТОРА ЕВГЕНИЯ КРАВЦОВА.....	176
ТВОРЧЕСТВО РОЗЫ РЫМБАЕВОЙ КАК ФЕНОМЕН ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА	180
ДЕТСКИЙ ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР ТУРУХАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2016 Г.)	183

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.183

Аведова Р.П.¹, Бойко А.К.², Величко Е.В.³, Мойсова О.Б.⁴¹ORCID: 0000-0002-8771-9215, Кандидат филологических наук,²ORCID: 0000-0002-8506-5190, Кандидат филологических наук,³ORCID: 0000-0002-7626-6847, Кандидат филологических наук,⁴ORCID: 0000-0002-2533-9241, Кандидат филологических наук,

Донской государственный технический университет

**ВОПРОС-ПЕРЕСПРОС КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТА С ЦЕЛЮ
ЭЛИМИНАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЛАКУН: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****Аннотация**

В статье исследуется особый вид реплик-реакций – вопрос-переспрос. Благодаря своему прагматическому потенциалу, данный вид ответных реплик может выступать в качестве эффективного средства воздействия и позволяет говорящему управлять ходом взаимодействия в зависимости от своего интенционального замысла и поставленных им целей. В статье исследуется способность данного вида реактивных реплик устранять информационную недостаточность, обусловленную различными факторами. Авторы выделяют несколько прагматических типов вопроса-переспроса и проводят детальный анализ способности каждого из них воздействовать на реципиента, а также исследуют взаимосвязь между их структурой и прагматическим потенциалом, позволяющим устранять информационную лакунарность.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, вопросительная реплика-реакция, вопрос-переспрос, информационные лакуны, коммуникативный эффект, прагматический потенциал, уточняющий вопрос-переспрос, информационная недостаточность, избыточная информация.

Avedova R.P.¹, Boyko A.K.², Velichko E.V.³, Moysova O.B.⁴¹ORCID: 0000-0002-8771-9215, PhD in Philology, ²ORCID: 0000-0002-8506-5190, PhD in Philology,³ORCID: 0000-0002-7626-6847, PhD in Philology, ⁴ORCID: 0000-0002-2533-9241, PhD in Philology,

Don State Technical University

ECHO-QUESTION AS A MEANS OF INFORMATION GAPS ELIMINATION: PRAGMATIC ASPECT**Abstract**

The article studies a peculiar type of interrogative response-statements - echo-question. Due to its pragmatic potential it can be applied by the speaker as an efficient communicative tool, enabling the speaker to channel the course of interaction the way intentionally advantageous for achieving the speaker's communicative goals. The article analyses echo-question in correlation with its ability to eliminate information gaps of various nature. The authors distinguish several pragmatic types of echo-question and conduct their thorough analysis, considering communicative effect on the listener, correlation between their structure and pragmatic performance in information deficiency elimination.

Keywords: interaction environment, interrogative response-statement, echo-question, information gap, communicative effect, pragmatic performance, clarifying echo-questions, information deficiency, excessive information.

Globalization processes and the growing informatization of social life in the 21-st century stimulate scientific community to study more detailed such a multifunctional phenomenon as communication in all its spheres. The interest of researchers to one of the most important aspects of communication – ways and tools of the speaker's influence on the listener has been increased of late. One of such tools enabling the participants of communicative process to manage the interaction is a special kind of remarks-reactions – echo-question. Echo-question is a specific pragmatic marker of different communicative situations in English dialogs, which functional-semantic features cause pragmatic modalization of a dialog, implementing various communication strategies, enabling modification of the speech illocutionary force.

The echo-question being a jet replica in the process of verbal interaction in English dialogs has two main functions: informative-motivational and manipulative. In dialogs, where the appearance of the echo-question is due to the lack of replica-stimulus awareness, the echo-question aims at the information lacunarity elimination. This feature we will discuss in our article.

There are different interpretations of the term “gaps”. L. S. Barkhudarov, I. A. Belov, Y. S. Stepanov, I. V. Tomasheva, K. Hale, etc. understand the gaps as a language inconsistencies in various languages and distinguish verbal (phonetic, lexical, phraseological, grammatical, stylistic), cognitive (perceptual, ethno-geographical, routine, conceptual), motivational (psychological, aesthetic, religious), emotional and articulation (facial, gestural) gaps [1]. However, in this study, the term “gaps” is considered in the framework of one language, and is used in relation to information gaps in sender's message.

Generally, the occurrence of information gaps in dialogs, where an echo-question is used as a response replica, is due to the lack of replica-stimulus information needed for further communication. Lack of information can be a result of various reasons. It may occur as a result of the fact that the sender tells the recipient less information than is needed for a successful development of a communication. Information deficiency can occur due to different conditions of the communicative situation where the interaction takes place. In addition, information gaps can be caused by various kinds of extra-linguistic factors. Such extra-linguistic factors of information gaps are situations in which the addressee by any psychological reason was not able to perceive adequately the contents of the replica, or it seemed to him incredible or implausible. As a result, he wants to obtain additional information, clarification or confirmation of what he has heard before.

Elimination of information gaps can be made by the influence of communicant on his companion with various types of echo-question. Each of the considered types of question responses has a corresponding influence potential. This feature of the echo-questions explains the fact that not all types of echo-questions can eliminate information gaps equally. In this regard, we

distinguish and consider separately several types of echo-questions responses, which are characterized by different ability to influence the recipient to eliminate information gaps.

In order to understand what determines the specificity of impact on the recipient of each type of echo-questions and research the peculiarities of their use in different contexts we shall analyse the factors that lead to the emergence of information gaps causing the use of echo-questions to eliminate them and therefore, defining the pragmatic nature of the echo-question, as a means of information gaps elimination.

One of the factors predetermining the use of echo-questions as the means of information gaps elimination is the need to clarify the information given in the initial statement. Echo-questions pragmatically aimed at remedying information deficiency caused by the need to specify data are called clarifying echo-questions. Clarifying echo-questions induce the speaker define the meaning of the statement which failed to provide the addressee with sufficient information. Information deficiency of the statement can result from hints, omissions on the part of the speaker or misunderstanding. The later might arise from the addressee's emotional state or overall interaction environment which made it impossible for the addressee to perceive properly the information delivered by the speaker or he didn't intend to give full information as it might be unfavorable for him.

There is a certain correlation between pragmatic purpose of clarifying echo-questions and their structure. The structure of clarifying echo-questions accentuates the part of the statement and the exact information that requires clarification. Excessive information that is not relevant for the speaker is not reflected in the question's structure.

Let's analyze a dialogue, displaying information gap elimination:

- You think I should be as forgiving as you are? We can't all be saints and martyrs.
- Grow up, Jacob.
- I wish I could.
- I stared at him, trying to make sense of his response. 'You what?'
- One of those many strange things I mentioned.
- You . . . can't . . . grow up? You're what? Not . . . aging? Is that a joke? – Nope [2].

Initial incentive statement was mentioned by the speaker just in passing. The speaker didn't intend to draw the listener's attention to the information provided by his statement *I wish I could* which was produced by him spontaneously and resulted from tribulations torturing him. Nevertheless the statements arouse the listener's interest and he is willing to get explanation and further information to clear his misunderstanding. The echo-question induces the speaker to clarify his statement and thus helps to eradicate information gap. The clarifying echo-question is represented by a reduced structure that accentuates only the part of the initial statement which arouses the information gap.

Echo-question's pragmatic potential can be characterized not only by its capacity to induce speaker's clarification of the information given previously. The addressee can turn to echo-questions in order to evoke the speaker's confirmation or denial of the statement which appears doubtful and provokes astonishment, disbelief or perplexity on behalf of the addressee. Echo-question helps the speaker to fill the information gap prompted by unexpected statement delivered in the initial remark. That in turn contributes to the fluent conversation flow which is important for both speakers.

The confirmation / denial function is performed by one of the echo-question's functional varieties - confirmative echo-question, that can be represented by two structures: replica (full or partial replica of the initial statement) or constructions like *Really?*. The structural types of confirmative echo-question are determined by their pragmatic function. Though completely different by their structure both types result from the addressee's being not able to thoroughly perceive the information delivered in the initial statement and are aimed at making the speaker confirm or refute whether his interpretation of the initial statement was correct or not.

Let's analyze the use of confirmative echo-question:

– Sam had it so much harder than the rest of us. There was no one there to recognize the signs. The first time it happened – the first time he phased – he thought he'd gone insane. It took him two weeks to calm down enough to change back... Sam's mother and Leah Clearwater had the forest rangers searching for him, the police...

– 'Leah?' I asked, surprised. – Yeah. Leah and Sam were high school sweethearts. They started dating when she was just a freshman. She was frantic when he disappeared [3].

In the above mentioned example the speaker delivers quite unexpected message. The addressee applies confirmative echo-question represented by partial replica of the initial statement. The echo-question induces the speaker confirm that the information is perceived correctly and prompts him eliminate information gap arisen by unawareness about relationships once existing between the heroes. The example also proves that confirmative echo-question's structural peculiarities reflect its main pragmatic function: the addressee replicates initial statement fully or partially depending on what information from the previous statement he would like to confirm thus abandoning all the data considered irrelevant.

As it has been already noted, the confirming function can also perform interrogative word-sentences like *Really?*, to which, besides responsive replicas proper *Really?*, can be referred the following constructions *Indeed?*, *Yes?*, *So?*, *Is that so?*, *Seriously?* and suchlike, as well as brief questions, consisting of an auxiliary verb and a personal pronoun, which designate an inquiry for the correctness or incorrectness of the information contained in the initial statement.

Interrogative echo-question replicas, apart from pragmatic focus on information vacuum elimination caused by the necessity to clarify or confirm/refute the information of the initial statement, can also be used by the communicators in order to eliminate the consequences of influence on information gaps emergence of emotional-psychological state of the recipient, as well as influence on communicative act development of communicators' personal characteristic features, their inherent qualities and traits of character. This pragmatic purpose is typical of echo-questions like *Beg your pardon?*. In order to understand the way of information gaps elimination under suchlike conditions, let's consider the following example:

- Not bad, not bad at all. The name's Lenny by the way, Leonard Evans. I think I've got a bit of Welsh in me somewhere back down the line. I must do a family tree sometime. And your name is?
- Sorry? (A bit taken aback by his forthcoming manner)
- Your name?

– Sorry yeah, it's Waters, Kevin Waters [4].

In the cited example the echo-question *Sorry?* arises as consequence of the fact that the interlocutor, being an unsociable man, is unable to absorb the flow of information pouring down on him, that is why he cannot properly perceive the question set to him by his interlocutor, and misses a certain part of the reported information. This is fact which causes information gaps emergence. To eliminate them the addresser by means of echo-question *Sorry?* demonstrates his embarrassment which ultimately makes the interlocutor repeat his question, and the arisen information gaps turn out to be eliminated as both communicating parts reach understanding.

Echo-questions like *Beg your pardon?* can also eliminate information gaps, the emergence of which was influenced by communicative situation peculiarities in which the interaction between the communicators took place. Thus, for example, information deficiency may occur as a result that the initial replica was uttered by the person unknown to the addressee. The unexpected addresser's interference into addressee's private space gives an impetus to the emergence of echo-question like *Beg your pardon?*, aiming at giving a boost to addresser's information doubling contained in initial replica, which was not received properly due to the fact that the addressee was not ready to communicate.

Thus, such questions are considered to be a very effective means of information gaps elimination in communicative situations in which the emergence of gaps is the result of the interlocutor's sudden reaction or a sudden change of the subject as well as a return to a subject which was touched upon earlier, but subsequently was changed.

Another pragmatic characteristic feature of echo-questions is the ability to eliminate information gaps, appeared due to the slurred pronunciation messages, remarks aside, the comments of the author, etc. We also have such echo-questions as *Well* in the meaning of "attention marks". This helps the interlocutors develop their communication and interaction environment.

So, having considered the pragmatic potential specifics of the echo-question as a means of eliminating information gaps we have found out that this type of jet replicas helps eliminate information gaps in situational contexts in which lacunarity is a consequence of the need to clarify information, confirm or refuse. Interrogative statements, possessing highly significant pragmatic potential, let eliminate the effects of emotional, psychological state, personal characteristics of communicants and the peculiarities of communicative situation in which the interaction between the participants is being carrying out; facilitate the realization of communicative intentions of the message sender, the positive effect of speech influence, interaction and productive continuation of communication.

Список литературы / References

1. Эйнуллаева Е. А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации (На примере английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
2. Meyer S. Eclipse / S. Meyer. - New York: Little, Brown and Company, 2008.–576p.
3. Cussen R. The Night Watchman. EServer. - 1992. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://drama.eserver.org/plays/contemporary/night-watchman.html> (дата обращения: 20.10.2016).
4. Rowling J. K. Goblet of fire. NY: Scholastic Paperbacks, 2002. - 752p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Jejnnullaeva E. A. Lakuny v strukture jazykovej lichnosti i ih zapolnenie v mezhkul'turnoj kommunikacii (Na primere anglijskogo i russkogo jazykov) [Gaps in communicative person's structure and their filling in intercultural communication (On the basis of English and Russian languages)]: Dis. ... kand. filol. Nauk. [dis. ... of PhD in Philology] М., 2003. [in Russian]
2. Meyer S. Eclipse / S. Meyer. - New York: Little, Brown and Company, 2008.–576p.
3. Cussen R. The Night Watchman. EServer. - 1992. [Electronic resource] - Access mode. - URL: <http://drama.eserver.org/plays/contemporary/night-watchman.html> (accessed: 20.10.2016). [in Russian]
4. Rowling J. K. Goblet of fire. NY: Scholastic Paperbacks, 2002. - 752p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.056

Агаджанян С.А.

Аспирант, факультет иностранных языков и регионоведения

МГУ им. М.В. Ломоносова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ «ВРАЧ–ПАЦИЕНТ» НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности синтаксиса в медицинских консультациях, где врачи и пациенты являются носителями английского языка. Были выделены наиболее типичные для этого коммуникативного пространства явления, а именно использование редуцированных вопросов, синтаксических и диалогических повторов. Анализ данных средств позволил прийти к выводу о том, что редуцированные вопросы и диалогические повторы, к которым по большей части прибегают врачи, помогают в реализации функции общения. Это происходит за счет того, что перечисленные выше средства являются неотъемлемой частью повседневной речи, и с их помощью врач может налаживать доверительные отношения с пациентом. Кроме того, синтаксические повторы могут встречаться и в речи пациентов: чаще всего путем использования таких средств пациенты пытаются оказать воздействие на врачей, привлечь их внимание к наиболее беспокоящим их симптомам.

Ключевые слова: коммуникация «врач – пациент», синтаксис, редуцированные вопросы, синтаксические повторы, диалогические повторы.

Adagzhanyan S.A.,

postgraduate student, Lomonosov Moscow state university

SYNTACTIC CHARACTERISTICS OF DOCTOR–PATIENT COMMUNICATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract

The present article is devoted to the topic of the syntax authentic medical consultations led in English. The most prominent features typical of this type of communication were singled out. In particular, it is worth pointing out the use of reduced yes/no questions, syntactic and dialogic repetitions. It is possible to conclude that various types of repetitions as well as reduced yes/no questions are mostly used by doctors. All the previously mentioned syntactic means form an integral part of everyday speech and therefore help the doctors to develop trust in their relationships with the patients. Moreover, patients often recur to syntactic repetitions: in the majority of cases such a tool is used to influence the doctor and to emphasize the facts and symptoms that cause apprehension in patients.

Keywords: doctor – patient communication, syntax, reduced questions, syntactic repetitions, dialogic repetitions.

Сфера медицины отличается от многих других научных областей тем, что она очень тесно связана с повседневной жизнью человека. Ее понятия и новшества сопровождают каждого человека на протяжении всей его жизни. Этот процесс находит свое отражение и в языке, так как он быстро реагирует на все жизненные тенденции и перемены. В целом, язык медицины, который формировался на протяжении тысячелетий, невероятно многогранен, охватывает и сферу повседневности, и научное знание. Особенно сильна эта разноплановость в такой разновидности устного языка медицины, как коммуникация между врачами и пациентами. Черты научного функционального стиля в коммуникации «врач – пациент» наиболее ярко проявляются на лексическом уровне, так как медицинской терминологией пользуются и врачи, и пациенты. Характеристики обиходно-бытового функционального стиля, на наш взгляд, в наибольшей степени отражены на уровне синтаксиса данного типа коммуникации.

Целью данной статьи стало выявление особенностей синтаксиса медицинских консультаций на английском языке, а также роли, которую они играют с точки зрения функциональной стилистики. Материалом исследования послужили скрипты аутентичных медицинских консультаций, в которых и врач, и пациент являются носителями английского языка.

Проведенный анализ позволил выявить, что среди наиболее ярких черт, характерных для обиходно-бытового функционального стиля с точки зрения синтаксиса, в общении «врач – пациент» можно выделить редуцированные вопросы, синтаксические повторы и диалогические повторы.

Редуцированные вопросы – неотъемлемая часть любой медицинской консультации – можно встретить преимущественно в речи медиков. Это объясняется тем, что редуцированные вопросы в условиях ограниченного времени консультации (как правило, на каждого пациента отведено 10-15 минут) позволяют максимально быстро собрать анамнез. Таким образом, принцип экономии речевых средств, реализуемый через использование редуцированных вопросов, становится особенно важным и необходимым в коммуникации «врач – пациент». Наиболее часто встречаются редуцированные вопросы, которые начинаются со слова *any*:

–Any shortness of breath?

–Any operations in the past?

–Any pain?

В отдельных случаях можно наблюдать редуцирование вопроса до одного слова:

–Alcohol?

–Headaches?

Кроме того, довольно распространенными являются вопросы, которые состоят из одного вопросительного слова, в некоторых случаях в сочетании с частицей *not*:

–Why not?

–How?

–When?

С нашей точки зрения, редуцированные вопросы помогают не только в экономии речевых средствах, но и в налаживании доверия в общении с пациентами. Это происходит за счет того, что редуцированные вопросы характерны для повседневной речи: такая форма позволяет врачу найти общий язык с пациентом и находиться с ним «на одном уровне», запрашивая необходимую для постановки диагноза информацию в доступной и понятной форме.

Еще одной отличительной особенностью медицинских консультаций становится использование в них синтаксических повторов. В целом многие лингвисты определяли роль этого средства в коммуникации как гармонизатора общения, формирующего адекватное восприятие информации, «общеречевую универсалию, помогающую по-разному выражать отношение к явлениям действительности» [1, С.101]. Однако анализ показал, что в коммуникации «врач – пациент» через синтаксические повторы могут реализовываться и другие функции.

Чаше всего на протяжении консультации можно встретить вопросы, повторяющиеся в речи врача. Иногда при повторе в них могут вноситься небольшие дополнения, однако общий смысл остается неизменным:

(1) – *Do the chest infections always go away without treatment?*

<.....>

– *And your chest infections go away without any treatment, right?*

(2) – *What do you think the problem is?*

<.....>

– *And what do you think is actually wrong?*

При многократном повторе вопросы могут быть не только перефразированы с сохранением общего значения, но и редуцированы:

– *Have you ever experienced any shortness of breath?*

<.....>

– *Any shortness of breath?*

Как правило, в таких случаях синтаксические повторы выполняют функцию верификации, а именно проверки точности и достоверности данных, предоставляемых пациентом. Иногда с помощью повторов такого типа можно также проверить, насколько хорошо пациент понял врача: при отсутствии единообразия в ответах пациента на повторяющиеся вопросы можно выявить непонимание.

Еще одна разновидность синтаксических повторов, которые распространены в общении «врач – пациент» – диалогические повторы. Они представляют собой повтор последней реплики одного из агентов коммуникации его собеседником. В общении «врач – пациент» к диалогическим повторам также чаще всего прибегают врачи:

(1) – *What do you do for employment, Ms Jennings?*

– *I work as a receptionist.*

– *You work as a receptionist...*

(2) – *Well, I think I drink about two or three glasses of white wine a week.*

– *Two or three glasses of wine a week?*

– *Uh-huh.*

Примеры 1 и 2 показывают, как врач прибегает к диалогическому повтору, «отзеркаливая» ответы пациента. Такие типы повторов очень распространены в речи обиходно-бытового стиля. С.В. Андреева подчеркивает, что использование в речи слушающего слов говорящего («чужого материала») является процессом естественным и практически неизбежным. Кроме того, исследователь указывает на то, что диалогические повторы играют роль метакоммуникативных сигналов слушающего, так как способны передавать широкий круг метакоммуникативных значений и намерений, каждое из которых прямо или косвенно указывает на отношение слушающего к реплике говорящего [2]. Иными словами, синтаксические повторы такого рода являются эффективным инструментом для реализации функции общения. С помощью этого приема у врача появляется возможность показать больному свое внимание к разговору в целом и его деталям.

Если говорить о синтаксических повторах в речи пациента, то особенно часто встречается такое явление, как повтор одной и той же реплики пациентом на протяжении всей консультации:

– *And the coughing keeps me up all night...*

<.....>

– *The cough is really bad when I try to get off to sleep.*

<.....>

– *I usually cough at night.*

Чаше всего в повторяющихся репликах пациентов содержится намек на какой-либо особо беспокоящий симптом, проблему и т.д., то есть с помощью подобных повторов пациент пытается привлечь внимание врача к тому, что вызывает у него наибольший дискомфорт, беспокойство. Иными словами, в речи пациента синтаксические повторы часто становятся средством воздействия на врача для того, чтобы подчеркнуть особую важность некоторой информации. В целом, имеет место явление, описанное Ю.М. Лотманом, при котором повторение некоторых слов или выражений в одном контексте не означает механического повторения одного и того же смысла: происходит не количественное, а качественное, смысловое усложнение [3].

Таким образом, можно сделать выводы о том, что, во-первых, коммуникация «врач – пациент» содержит большое количество элементов, типичных для обиходно-бытового функционального стиля. Во-вторых, наиболее часто встречающиеся элементы такого характера, а именно редуцированные вопросы и различные типы повторов, могут выполнять в данном типе коммуникации как функцию общения, так и функцию воздействия. Первая, как правило, реализуется через указанные выше синтаксические средства в речи врача, так как для него важно наладить доверительные отношения с пациентом, необходимые для успешного консультирования. Функция воздействия может выражаться через синтаксические повторы в речи пациентов.

Список литературы / References

1. Плотникова А.В. Повтор как составляющая речевой коммуникации // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II междунар. науч. конф. (Москва, 2014). – М.: Буки-Веди. – 2014. – с. 100-102
2. Андреева С. В. Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 49 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста (семиотическое исследование по теории искусства). М.: Искусство, 1970. – 384 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Plotnikova A.V. Povtor kak sostavlyayushaya rechevoy kommunikatsii [Repetition as part of oral communication] // Filologiya i lingvistika v sovremennom obschestve: materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 2014) [Philology and linguistics in modern society: the materials of II international scientific conference (Moscow, 2014)]. – М.: Buki-Vedi. – 2014. – P. 100-102 [in Russian]
2. Andreeva S.V. Elementarnye konstruktivno-sintaksicheskiye yedinititsi ustnoy rechi i ikh kommunikativniy potentsial [Basic constructive and syntactic units of oral speech and their communicational potential]: avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk [synopsis of a doctoral thesis]. – Saratov, 2005. – 49 P. [in Russian]
3. Lotman Y. M. Struktura khudozhestvennogo teksta (semioticheskoye issledovaniye po teorii iskustva) [The structure of a literary text (semiotic research on theory of art)]. М.: Iskustvo, 1970. – 384 P. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.080

Асонова Г.А.

ORCID: 0000-0002-2456-5503, Старший преподаватель русского языка как иностранного,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва

**РОЛЬ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ**

Аннотация

В настоящей статье анализируется роль современной нейролингвистики для лингвистики и методики преподавания иностранных языков, так как большую роль при обучении иностранным языкам играет формирование коммуникативных навыков учащихся. Приведены основные положения нейролингвистических исследований, показана их значимость для лингвистики. Теоретические исследования способов обучения иностранным языкам подтверждены результатами нейролингвистических исследований области мозговой деятельности человека. Язык является сложной органической структурой, которая напрямую зависит от мышления человека. Главным методом работы представляется анализ некоторых научных работ ведущих ученых 20 века, посвящённых вопросам лингвистических и нейролингвистических экспериментов. Установлено, что результаты научных нейролингвистических исследований вносят главный вклад в поиски методов коррекции речи при наличии у учащихся ее дефектов, и способы ее коррекции.

Ключевые слова: лингвистика, нейролингвистика, мысль, речевое сообщение, язык, речь, мышление, внутренняя речь, внешняя речь, нарушения речи, языковые игры.

Asonova G.A.

ORCID: 0000-0002-2456-5503, Senior Russian as a foreign language teacher,
Russian Economics University named by G.V. Plekhanov, Moscow

**ROLE OF NEUROLINGUISTIC RESEARCH FOR LINGUISTICS AND METHODICS OF TEACHING
TO FOREIGN LANGUAGES AT THE FORMATION OF THE SPEECH CONVERSATION**

Abstract

Present article analyses a role of the modern neurolinguistics for the linguistics and methodics of teaching to foreign languages, due to the forming communicative skills plays a huge part at studying process. There are given main directions of the neurolinguistic researches, their importance to the linguistics is shown. Theoretical researches of teaching foreign languages are proven by results of neurological researches of the brain activity of a person. Language is a complex organized structure which has its complete dependency on a human's way of thinking. The main method of the present work lays in analyzing of the several scientific and linguistic works of scientists of 20-th century and modern. It's concluded that results of neurological researches input a main legacy in searching for the methods of speech's corrections.

Keywords: linguistics, neurolinguistics, a thought, a speech message, language, speech, internal speech, external speech, imperfections of speech, language games.

Человек может постараться контролировать свое сознание, но не может контролировать физиологические и генетические характеристики мозговой активности. Если в сознании людей возникают какие-либо дефекты или нарушения в психологическом смысле, то коррекция или лечение возможны и многое будет зависеть от воли самого человека. В случаях же нарушений физиологических процессов, связанных с мозговой деятельностью, что является областью такого научного направления как нейролингвистика, могут быть выявлены различные отклонения, потеря памяти и нарушения, либо дефекты речи. Нейролингвистика также изучает процессы механизмов речевой деятельности, взаимосвязь языка, мышления и сознания человека, способы порождения речевых высказываний. В начале 20-го века выдающиеся лингвисты Л.С. Выготский, Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н. Хомский занимались вопросами взаимодействия мышления и речи, процессами формирования речевого сообщения в сознании человека. Мысль, по Л.С. Выготскому, рассматривалась не как абстрактное явление, а как продукт наиболее сложных

форм психической деятельности человека [3, С.65]. Основную проблему исследования составляет процесс становления мысли в развернутую речь. Л.С. Выготский отмечал, что для осуществления данного перехода необходим механизм для его реализации, которым, по его мнению, является *внутренняя речь*. Внутренняя речь соединяет мысль с ее конечным высказыванием – *внешним речевым*. Большую роль в данном переходе играет «*предикативное содержание*», способствующее построению речевого высказывания. Изучение процесса формирования мысли в речь и понимания смысла речевого высказывания проводилось и исследователем-лингвистом середины 20-го века – Ф. де Соссюром. В своей работе «Курс общей лингвистики» он указывает, что язык является как средством общения, так и средством выражения и оформления мыслей, что совместно с внутренней лингвистикой, изучающей формы сложившихся языков, должна развиваться и внешняя лингвистика – наука о применении языковых знаков. Соссюр разграничивает понятия «*язык*» и «*речь*», указывая на их взаимодействие друг с другом. *Речь* обозначает собой процесс передачи информации при помощи языка, в то время как язык является исторически сложившейся системой знаков [4, С. 77].

В лингвистике середины 20-х г.г. исследовалось, насколько можно считать неверными следующие языковые конструкции, когда они преобразуются в речевые, например, «Виктор пришел к Марии с Петром». Означает ли данная фраза, что Виктор пришел вместе с Петром к Марии, или он пришел к Марии и Петру в гости? Этот вопрос разъяснит контекст всей речевой ситуации. Но, с точки зрения лингвистики, данная конструкция включает в себе многозначную вариативность смыслов высказывания. С точки зрения нейролингвистики, понимание данного высказывания будет обусловлено, во-первых, способностью сознания определить взаимосвязь мысли и языка, выраженного при помощи данной мысли, и, во-вторых, психологическим взаимодействием сознания человека, произносящего данную речевую конструкцию, и его речевых способностей, и, в-третьих, потом уже наличием самого лингвистического контекста. Известный исследователь Н. Хомский предлагал, в свою очередь, разделить и выделить отдельные звуки и слова, чтобы впоследствии сложить их в последовательную лексико-семантическую структуру языка. Просодические и неязыковые элементы высказывания будут выделены при этом в отдельные компоненты, а при помощи внутренней речи сможет быть найден смысл данного речевого сообщения. Н. Хомский указывает, что путь понимания речевого сообщения лежит «в реконструировании его на более глубинном уровне синтаксической структуры в семантическую запись на глубинном уровне речевого мышления» [5, С.79]. Необходимо выделить главные характеристики лингвистики и нейролингвистики: если лингвистика описывает компоненты речевого сообщения, исследует фонематические структуры речи и лексические единицы наряду с грамматическими структурами языка, то нейролингвистика позволяет глубже раскрыть и описать реальные процессы формирования, понимания и восприятия сообщений, происходящие в мозгу говорящих и слушающих. Если лингвистика изучает язык, в основном, путем построения его функциональных моделей, то нейролингвистика говорит о психологических предпосылках формирования таких моделей и речевых высказываний. Следует отметить, что речь является видом высшей нервной деятельности человека. Любой человек может освоить иностранный язык вследствие активизации работы своего сознания, даже имея какие-либо нарушения речи. Организация способов передачи смысловой организации речевого сообщения в современной методике преподавания иностранных языков может найти применение в практическом применении лингвистических знаний. Одним из способов такого применения лежит «в языковой игре, функции которой направлены на развитие не только грамматических, но и коммуникативных умений учащихся» [2, С. 80].

В современной нейролингвистике появляется все больше исследований межполушарных различий, которые отвечают за вербализацию воспринимаемой информации. Правое и левое полушария используют разные стратегии обработки зрительной информации. Традиционно процессы пространственного мышления связывают с работой правого полушария, особенно его теменных отделов. Эксперименты по выполнению вербальных и невербальных нагрузок, состоявшие из распознавания слов и распознавания картинок участниками в возрасте от 20 до 40 человек, показали, что образные задачи человек решает быстрее, чем вербальные. В образных задачах более быстрая реакция наблюдалась для левой руки по сравнению с правой рукой. В научной литературе существуют данные, что сложные тексты и цифры легче опознаются левым полушарием, а изобразительный материал правым полушарием. Было выявлено, что нельзя утверждать, что функция речи полностью лежит только на левом полушарии, что характер асимметрии может меняться в зависимости от задачи и характера тестирования, в том числе от таких факторов, как продолжительность или интенсивность заданий, субъективная стратегия, направленность внимания [1, С.35].

В заключение следует выделить основную мысль о том, что результаты исследований нейролингвистики могут применяться в различных науках, таких как лингвистика, методика преподавания иностранных языков. Язык как сложная структурная организация требует системного подхода и усилий, которые могут достигаться путем правильной психологической организации учащихся иностранных языков. Нарушения речи не должны быть проблемой на пути к изучению иностранного языка. Нейролингвистика способствует созданию новых способов лечения или корректировки процессов мозговой деятельности, что должно учитываться при работе с людьми с такими нарушениями. Речь напрямую зависит от мышления, что, в конечном счете, образует речевую деятельность. Речевые конструкции изучаемого языка необходимо тренировать в процессе изучения иностранных языков, чтобы довести языковые и речевые знания до автоматизма. Знания и результаты исследований в области нейролингвистики и лингвистики могут помочь лучше понять природу работы мозговой деятельности и активности сознания учащихся.

Список литературы/ References

1. Айдаркин Е.К., Кундупьян О.Л., Кундупьян Ю.Л. Нейрофизиологические корреляты выполнения вербальных и невербальных нагрузок// Современные направления исследований функциональной межполушарной асимметрии и пластичности мозга. Известия Южного Федерального университета. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 220.
2. Асонова Г.А. Грамматико-коммуникативные упражнения с элементами игры как способ активизации владения РКИ// Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – М., 2013 – С.79.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 1999. – С. 352.

4. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. – М., 2004. – С. 256.
5. Хомский Н. Языки мышление. – М., 1972. – С. 126.

Список литературы/ References in English

1. Aydarkin E.K., Kundupyan O.L., Kudupyan Yu. L. Neyrofiziologicheskie vypolneniya verbalnykh i neverbalnykh nagruzok [Neurophysiological execution of verbal and non-verbal amounts]. Sovremennyye napravleniya issledovaniy funktsionalnoy mezhpolutsharnoy assimetrii i plastichnosti mozga [Modern research functional hemispheric asymmetry and brain plasticity]. Rostov-na-Donu: Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta. – 2010. – P. 35. [in English]
2. Asonova G.A. Grammatiko-kommunikativnye uprazhneniya s elementami igry kak sposob aktivizatsii vladeniya RKI [Grammar-social exercises of game elements as activating way for Russian language]. Rostov-na-Donu: Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta: Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2013. – 79 P. [in Russian]
3. Vygotsky L.S. Myshlenie i rech. [Thinking and speech]. – 1999. –352 P. [in Russian]
4. Sossur Ferdinand de. Kurs obshei linguistiki [Course of common linguistics]. – 2004. –256 P. [in Russian]
5. Chomsky N. Yazyk i myshlenie [Language and thinking]. – 1972. –126 P. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.076

Безроднова И.А.

Аспирант, Тверской государственный университет

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕНДИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВОГО МЕТА-СМЫСЛА «ДЕТСТВО» В ТЕКСТЕ Е. КАЛИНЧУК «СКОБЯНЫХ ДЕЛ МАСТЕР»

Аннотация

На материале сетературного текста Е.Калинчук выделяются и анализируются уровни и этапы интендирования мета-смысла «детство» в тексте, ориентированном на работу с образом читателя-подростка, а также их педагогические импликации с точки зрения достижимости смыслов-переживаний, смыслов-ценностей и смыслов-мотиваций для юного читателя. В свете диалектики понимания как субъективного освоения смыслов текста различными категориями читателей риторико-герменевтическая программа текста может рассматриваться в качестве контрбаланса единства и цельности художественного замысла и множественности пониманий реципиентами. Выявляются лингвостилистические средства и риторические особенности интендирования в тексте «Скобяных дел мастер» ключевого мета-смысла «детство», которые обнаруживают одновременную адресованность текста взрослому читателю и читателю-ребенку и выступают основанием для отнесения данного произведения к особому типу текстов двойной адресованности, предполагающему прочтение читателем-подростком в сотрудничестве со взрослым.

Ключевые слова: типология смыслов текста, мета-смысл, интервализация, смысловой интервал, экспертиза качества беллетристического текста, поэтика текста, лингвостилистика, двойная адресованность в тексте.

Bezrodnova I.A.

Postgraduate, Tver state university

GENRE FORMING PECULIARITIES OF A KEY META-MEANING “CHILDHOOD” INTENDATION IN THE NETWORK-ENABLED TEXT “THE HARDWAREMAN” BY ELENAKALINCHUK

Abstract

Levels and stages of meta-meaning «Childhood» intendation in the text aimed at representation of the adolescent reader are analyzed as well as their pedagogical implications in respect to meanings-experiences, meanings-values and meanings-motivations attainability for the young reader (based on the network-enabled text by E. Kalinchuk). In terms of text reception the dialectics of understanding is defined as an experience-based acquisition of text meanings by different categories of readers. The rhetoric text program can be considered as counterbalance to the artistic conception unity and integrity. Specific linguostylistic markers and rhetoric peculiarities of key meta-meaning “Childhood” intendation in the text «The hardwareman» have been elicited and defined; these are treated as instances of evidence the text dual/bifocal addressedness rhetoric set, aimed at both the adult reader and the child as a reader. So «The hardwareman» can be classified as belonging to the special text category of adolescent reading in cooperation with the adult reader.

Keywords: typology of textual meanings, meta-meaning, intervalization, meaning interval, fiction text quality expert evaluation, poetics, linguostylistics, dual-addressee in the text.

В настоящей статье рассматриваются особенности авторского интендирования образа адресата (как риторической конструкции «читателя в тексте») в свете разработки проблематики лингвистической и общей поэтики текстов для детского и подросткового чтения. Общефилологическая, а также и социально-педагогическая проблема определения / выявления имплицитного адресата текста (в данном случае – адресата-ребенка и адресата-взрослого) и авторской системы управления читательской рецепцией и интерпретацией текста относится к актуальным теоретическим и прикладным задачам наук о тексте и текстовой деятельности. Четкие представления об особенностях восприятия и предсказуемой / программируемой самим текстом реакции различных групп реципиентов могут существенно рационализировать и оптимизировать процесс выбора (подбора) текстов в прагматических целях – например, в просветительском, учебном, воспитательном контекстах.

Известный специалист по общей поэтике текста Цв. Тодоров отмечает, что «с появлением читателя чтение теряет свою имманентность» [23, С. 38]. Следовательно, смыслы текста выстраиваются на орбите читательского понимания. Вместе с тем исследователь отмечает наряду с явлением плюрализма интерпретаций одного текста различными

читателями явление *неравноценности пониманий*, прослеживаемых различными читателями нетождественных герменевтических кругов [ibid, С. 40]. В настоящем случае в фокус рассмотрения попадает установка текста на диалог с читателем, а вместе с ней и разрывы в зафиксированном в тексте образе адресата повествования. Интерсубъективность понимания текста обуславливает решение читателем задачи по проникновению в смысловые миры другого. Именно текст обуславливает столкновение пониманий и непониманий различных персонажей текстового мира, *мотивирующее* рефлексию читателя над реальностью сказанного и открывающее возможности для читателя самостоятельно выстраивать свою проекцию текста и свой текст.

Важной требующей учета особенностью объекта анализа с точки зрения стилистического разбора выступает то, что каждый беллетристический текст есть явление, которое характеризуется неповторимым синтезом языковых средств и смыслов. В означенной связи утверждать об эффективности той или иной поверхностной классификации текстов в плане постижения потребностей и программирования рецепции определенной целевой аудитории не представляется возможным. Оптимальным представляется подход, при котором учитываются связи между образом адресата в тексте и образом или образами потенциальных и реальных реципиентов текста, в роли которых могут выступать и подростки, и взрослые. Отметим, что текст может трактоваться в роли субъекта, инициатора коммуникации [18, С. 60], а его риторико-герменевтическая программа [cf. 14, С. 50] в качестве системы конструирования и реконструирования субъектности текста.

Отметим особо, что значительная свобода понимания и непонимания предоставляется реципиенту текстом не всегда. Если речь идет о «понятийном» [5] или об узкожанровом тексте, то говорить о трудозатратном выявлении сложной смысловой схемы в общем приближении не представляется необходимым, поскольку бытующие *мета-смыслы* (смыслы, управляющие пониманием более частных смыслов в тексте [13], [3] etc.) предельно тривиальны, ясны и прозрачны. Предметным образцом текста такого типа может послужить «Мишкина каша» Николая Носова [19]. Благодаря четко представленному в тексте познавательному контенту и его драматичному обыгрыванию в нем можно усмотреть, например, такие *два ключевых рамочных мета-смысла*: для читателя-ребенка смысл «готовься к жизни», для взрослого – «готовь ребенка к жизни». Смыслы текстов выводимы из его сюжетного содержания. Такая структурированность авторского сообщения позволяет предполагать, что текст адресован конкретной категории читателей – это старшие дошкольники и младшие подростки, которым еще только предстоит столкнуться с реалиями самостоятельной жизни, и родители и взрослые, которым необходимо привести юному читателю пример таких реалий, причем сделать это в легкой, ненавязчивой и запоминающейся форме. С функциональной точки зрения такой текст является развлекательным по форме и прагматическим по содержанию общения. При этом характерной особенностью авторской программы интендирования смыслов выступает то, что текст не пробуждает интенсивную рефлексию читателя над «смыслами-ценностями» [cf. 13, С.21], т.е. глубокими философско-нравственными вопросами, требующими от читателя повышенного напряжения духовных сил.

Текст «Мишкина каша» может быть отнесен к «детской литературе» в том специфическом узком понимании этого термина, согласно которому текст полностью «готов к потреблению» детской аудиторией (в плане языка, содержания, смыслов), не содержит лакун и смысловых разрывов и оставляет мало места для интенсивной рефлексии взрослого человека. Понимание такого рода текста подростком не нуждается во вспомоществовании со стороны взрослого. План смыслового послания синонимичен или равен плану сообщения.

Тексты, смысловая структура которых более сложна и многогранна, представляют преимущественный интерес с точки зрения *оценки достижимости* «плана послания» (смыслового содержания) [3], [4], [9, С.871] для юного читателя. По ходу развертывания в поле рецепции читаемого текста содержаний и смыслов реципиент улавливает семантические сигналы, открывающие ему новые грани смыслов (и мета-смыслов [13], [3]) и управляющие читательскими ожиданиями по отношению к тексту как «пространству смыслопостроения» [6, С. 53] в сотворчестве «текста и реципиента». М.М. Гиршман пишет об особом рода вовлечении читателя в художественный мир текста «изображаемые события, действия, переживания, не теряя уже порожденной причастности к читательскому опыту, оказываются в то же самое время своеобразным предметом его сознания, воображаемой жизнью – не субъективно придуманной, а «выросшей» на границе художественного текста и воспринимающего сознания» [16, С. 67]. В то же время мы должны признать существование *сильных* и *слабых* корреляций между характером текста (риторико-герменевтической программой текстопостроения) и характером его адресата, а также – между характером его читательской аудитории и характером и качеством рецепции, включающей в себя понимание и интерпретацию его смыслов.

В ходе анализа отдельных текстов филологу подчас удастся выявить закономерности, позволяющие с определенной долей уверенности классифицировать их по типам оптимального имплицитного адресата. Здесь затрагивается одна из идей библиопсихологии Рубакина Н.А. как учения об ориентации человека в мире текстов [20, С. 229-230]. В то же время мы исходим из допущения о том, что не существует текстов, которые были бы абсолютно «детскими» или «подростковыми» *«от природы»*. Текст и составляющие его семантические элементы *могут* восприниматься, пониматься, интерпретироваться ребенком, подростком и взрослым по-разному и с различной степенью адекватности, интенсивности, полноты и точности осмысления в силу различий, обусловленных воздействием возрастных особенностей и качеством жизненного опыта и опыта чтения.

В качестве предметного образца нами выбран сетературный текст «Скобяных дел мастер» современного автора Елены Калинчук [17]. Предикативное *содержание* текста может быть кратко изложено в следующем виде: работник сферы высшего скобяного дела по заказу маленького мальчика Димы изготавливает ключ от детства и тем самым исполняет мечту бабушки Заказчика (в лице Димы) о возможности вернуться в те времена, когда она была по-настоящему счастлива. Основным методом интерпретации текста будет выступать его стилиметрический анализ.

Перспективность основанного на выделении и контрастивном сопоставлении стилей речи стилиметрического подхода обусловлена тем обстоятельством, что он «позволяет декодировать монады человеческих характеров и судеб по фрагменту повествования даже тогда, когда частичные прямые указания на количество, возраст, пол, социальное

положение участников молчаливой беседы вынесены за рамки художественного изображения» [8, С. 128]. В стихии авторской риторико-герменевтической программы стилистические черты текста выступают в риторических функциях как эмоционального или рационального воздействия на читателя, так и управления его вниманием и пониманием. В означенной связи можно отметить наличие в тексте ряда риторических средств, которые демонстрируют установку на привлечение внимания юного читателя / слушателя. Эти средства имплицитно указывают на то, что может юный читатель самостоятельно освоить и усвоить. В означенной связи можно допустить, что контактоустанавливающую функцию в тексте выполняет сам язык изложения.

В качестве целевой аудитории читателей означенного выше текста мы рассматриваем детей в возрасте 7-12 лет, что соответствует младшему школьному возрасту по классификации Д.Б. Эльконина [24, С. 304]. В языковой ткани нарратива периодически встречаются просторечные эмоциональные выражения повседневности, не только понятные юным читателям, но и стимулирующие эмоциональный отклик подростка, вызывающие улыбку («елки-палки», «ежик кот», «завяли бы уши», «ох, и лопухнусь я»). Их значимость может быть обусловлена решением риторической задачи, связанной с повествованием той живости и непосредственности эмоционального отклика, которые часто выступают необходимым условием для прочтения текста ребенком до конца. При этом, однако, поддерживается филологическая и педагогическая установка на выведение рефлексии юного читателя на усмотрение ключевых смыслов и мета-смыслов текста, включая *эстетическую идею* (как его *предельный мета-мета-смысл*). В рассматриваемом тексте это мета-мета-смысл «любовь», который перевыражается через смысл «забота о ближнем» («Это для бабы Кати... Она все вспоминает, как была маленькая. Даже плачет иногда. Вот если бы она могла туда снова попасть!»). В целом непосредственное содержание текста, трактуемое как «сумма тестовых предикаций» [12], не вызывает затруднений для восприятия юного читателя от семи лет и старше.

Поскольку сказочный тип повествования традиционно включает в себе диалектику смыслов-восприятий, смыслов-действий (или также смыслов-операций как особых способов осуществления действий) и смыслов-ценностей, выделяемых в типологии смыслов А.А. Богатырёва [7, С. 21], [2]), и мы охарактеризуем избранный текст в этих терминах. Образы персонажей повествования достаточно непротиворечивы на уровне смыслов-восприятий и смыслов-действий в возможных мирах сказочного повествования. Жанровая оболочка сказочности (включающая в себя волшебно-сказочное «двоемирие») тесно переплетается и взаимодействует с интригующей, фасциативной и педагогической (воспитательной) функциями текста. Неопределенность (низкая степень предсказуемости) схем развития «неканоничного» сюжета стимулирует пробуждение рефлексии реципиента над читаемым и прочитанным, а целостная риторико-герменевтическая программа текста – актуализацию «смыслов-ценностей» в герменевтической системе смыслов-вызовов и смыслов-ответов.

Но совокупность вышеозначенных жанровых условий не может обусловить трех *полноценных* составляющих понимания данного текста читателем-ребенком: *предпонимания, вчувствования и рефлексии*. Глубина предпонимания ребенка ограничена «не-проторенностью» некоторых схем понимания слов, без труда узнаваемых взрослым читателем. Например, таких схем понимания текста как «реминисценции о будущем-в-прошлом» и «волнительное переживание порога свершения тогда как сейчас», интендированных в словах «рано или поздно любой мастер получает Заказ». Прерывность образа адресата-ребенка в тексте обозначается в виде латентных вкраплений и явных интервенций «дискурса взрослого». Приведем один из предметных образцов означенного рода интервенции в тексте: «А я держал на ладони кусок мыла. Что оно смое с меня? Грязь? Болезни? Может быть, грехи?» [17]. Не маленький Дима задается этим вопросом, и хотя звучит он для читателя-ребенка, но «голосом взрослого» (понятие голоса как субъекта речи или как позиции человека в мире и в отношении самого себя во внутреннем диалоге разрабатывалось Бахтиным М.М. [2, С.196]; явление «*взросло-детского прочтения текста*» описывалось в литературе [10], [9], [4, С. 222]). Данный риторический образ в тексте вмещает в себе, как минимум, два критических «порога» понимания. Преодолев их, ребенок-дитя, с одной стороны, вероятно, потеряет часть непосредственности и незамутненности внутреннего мира, а с другой – обретет опыт, необходимый для способности и готовности различать и соединять единую картину смыслов, рефлексии и образы. Под «минуемыми порогами» понимается пересечение человеком черты, знаменующей внутренний переход души от неведения к осведомленности о существовании понятий «грязь» и «порок», «чистота» и «святость», и затем – от осведомленности к переживанию и осознанию их ценностных смыслов.

Юный читатель (младший подросток) может получить соответствующие ценностные представления в общении со взрослыми, родителями и педагогами, из книг, фильмов и прочих источников информации. Корень коммуникативной проблемы адресованности в данном случае заключается в *несопоставимости* собственного мира пережитого в разные периоды жизни и развития личности, и, как следствие, труднодостижимости интендированного горизонта понимания и затруднительности вынесения субъективного оценочного суждения относительно детства как завершённой поры жизни. В тексте «Скобяных дел мастер» таким «пережитым» с точки зрения полноты опыта (взрослого) человека является усматриваемый смысл «ценность детства». При этом *смысл-восприятие* «детство» синонимичен представленному в тексте средствами прямой номинации содержанию (или сумме тестовых предикаций по Г.И. Богину [cf. 12]). Но составляющая «ценность» в *смысле-ценности* «Детство» вносит свои коррективы, коль скоро задача «оценить» по некоторой шкале предполагает сопоставление, сравнение. А сравнить прекрасную (или не очень) пору детства можно или с жизнью старшего подростка, или с жизнью взрослого человека, или с жизнью старика, осознающего, что времени осталось совсем немного, и впереди ждет близкая встреча с абсолютным или, возможно, только пустотой.

Представленный в тексте ключевой *мета-смысл* «детство» выступает в качестве одного из многоликих и пограничных в системе типологии адресации текста. Семантическая стихия «перевыражаемого» в пространстве прочтения текста сквозного концепта «детство» принадлежит как непосредственному содержанию текста (его возможных миров), так и пестрому «междумирию» понимания и интерпретации. В поле читательского понимания и интерпретации «Детство» выступает объединяющим различные частные смысловые грани *мета-смыслом* и *метасмыслом*, изменяющим траекторию круга понимания и обуславливающим разрыв, переоценку,

диверсификацию, замену, уплотнение, переосмысление ранее усмотренных смыслов [cf. 3]. В этой связи эстетическая идея любви и сострадания пере-выражается через риторическую и герменевтическую установку сущностного выявления детства как идеала чистоты и непосредственности движений души в детстве как периоде жизни.

Принципиальной неуловимостью концепта «детство» на уровне эзотеричной, игровой авторской программы текстообразования обусловлена лингвистическая / языковая неопределенность непосредственно образа ребенка как героя повествования. Повествователь-герой неслучайным образом не владеет полностью адекватным и точным обращением к Диме. В итоге он обращается к нему подчеркнуто манерным обращением «сударь».

В тексте происходит столкновение смыслов, *интервализация понимания* на базе жанровой полисемии [5], [6, С. 68] на основе его двойной адресованности. Здесь может быть усмотрена риторическая установка текста на интервализацию понятия «дитя», поскольку понятия ребенка и взрослого в тексте по сути определяются одно через другое на уровне «состояния души» и без какой-либо четкой и однозначной делимитации. Невидимая граница разделяет мировосприятие взрослого и ребенка, образуя два вида текстовой интервализации – *интер-онтологическую* (когда читатель сам должен понять / почувствовать, где в тексте мир пролегает граница между мирами взрослого и ребенка) и *интра-онтологическую* (ребенок, просыпающийся в душе взрослого; взрослое понимание детства в душе ребенка) [cf. 6, С. 70-71]. Этот смысловой интервал может быть прочтен как одно из наиболее компактных описаний эстетической идеи целого текста (в ключе определения художественности текста как производной от интервализации [6, С. 68]. В стихии глубокого прочтения и семантической «оптике» эзотеричного смыслового интервала происходит парадоксальное смыкание миров лучшего «я», которые можно попытаться метафорически определить как светлый луч детства во взрослом и как свет мудрости взрослого в ребенке.

С точки зрения организации и протекания процессов текстовой коммуникации, включающей в себя аспекты текстовосприятия и смыслообразования, в системе рецепции исследуемого текста можно выделить следующие уровни интендирования смыслов и этапы прочтения текста:

1. Сюжет для быстрого / ознакомительного чтения.
2. Словесную фактуру текста, включающую в себя особенности языка и стиля повествования.
3. Более глубокий уровень прочтения сюжета, стилей и смыслов текста.
4. Знаменующее собой завершение этапа перехода от опредмеченной субъективности человека в тексте к тексту

в человеке эстетическое послевкусие текста – образ текста в душе читателя после прочтения: «По-видимому, текст как совокупность средств дополнительной сигнализации, текст как концептуальное состояние может служить объектом реконструкции, в ходе которой представляется возможным выявить ментальный образ текста» [21].

5. Дальнейшее функционирование сведений и образов как составляющих плана содержания текста и *смыслов* как составляющих текстового послания в составе картины мира читателя.

На основе анализа словесной фактуры (см. приведенные ниже образцы выражений в тексте) мы должны заключить, что не только система образов персонажей, но и сама система «словообразов» текста принадлежит миру опыта взрослого человека. К явным маркерам значимого присутствия в тексте «мира взрослых» и адресованности рассматриваемого текста взрослому читателю мы в данном случае относим следующие лингвостилистические, композиционно-риторические и логические:

1) Несмотря на преобладание понятных ребенку конструкций текст также насыщается профессионализмами, которые едва ли будут понятны юным читателям без комментария («венксинг умолк», «высшее скобяное дело», «острое, как шабер, предвкушение чуда»). В тексте также используются термины социально-экономических отношений («Заказ», «Оплата», «Пенсия» и др.), соответствующие деловому регистру речи взрослых.

2) Фокус нарратива на персонажах взрослых в целом преобладает над фокусом на персонаже-ребенке, например, повествование ведется от лица взрослого персонажа.

3) Авторский нарратив и можно характеризовать как узнаваемо фантазийный и сказочный, но все же в определенном смысле это сказка для *взрослого читателя*, поскольку идея о возвращении в детство может быть оценена только тем, кто уже его пережил.

Диалектика образов вероятного и реального читателя текста и «читателя в тексте» («читателя, обрисованного в тексте») выступает основой авторской разработки педагогической риторики текста, которая выводит рефлексию читателя на уровень, возвышающийся над уровнем понимания детства как данности и обуславливает осмысление детства как временного дара, заключающего в себе камертон чистого мироощущения и этического сознания лучшего «я» в человеке.

Эстетическое и этическое послание текста достигает своей цели, когда проникает в душу адресата и производит в ней определенные изменения. *Достижимость* целей, смыслов, изменений в адресате как условие успешности коммуникации обуславливает разработку *адресато-центрического подхода* в науках о тексте и общении, а также в педагогике и методике педагогического общения [11].

В нашем рассмотрении проблемы определения/ выявления целевого адресата в беллетристическом тексте мы допускаем, что не существует «изначально» и «абсолютно» детских и/ или подростковых текстов. В тоже время в отношении исследуемого текста и его риторической программы мы приходим к следующим **выводам**:

1. *Маркерами интенции* на установление контакта с читателем-ребенком/ подростком выступает набор элементарных лексико-грамматических средств, которые, с одной стороны, обеспечивают эмоциональный отклик на прочитанное, а с другой – в определенной мере способствуют реализации установки на выведение рефлексии читателя-ребенка и «ребенка во взрослом читателе» на усмотрение ключевых смыслов текста. Количественно и качественно текстовые маркеры «мира взрослых» доминируют в тексте над маркерами «мира ребенка/ подростка». Следовательно, в риторико-герменевтической программе текста заложена интенция на взаимодействие с двумя различными категориями адресатов – читателей-подростков и читателей-взрослых.

2. Возможность усмотрения смысловых интервалов (речь идет о мета-смысле «детство») сводит на нет предположение о возможности трактовать текст как абсолютно детский/ подростковый. Усмотрение смысла-ценности

«детство» требует от юного читателя выхода за рамки наличного опыта и обладания определенным опытом бытия «не ребенком/ не подростком» и использования элементов «взрослого» мышления.

3. Исследуемый текст не может в полной мере претендовать на отнесение к категории «детской литературы» и детского/ подросткового чтения как индустрии потребления, поскольку диалектика смыслов одного никоим образом не исключает, а, напротив, предполагает адресованность взрослому читателю и допускает педагогические интервенции взрослого в освоение юным читателем содержательности текста.

4. Ранее в литературе [10] отмечалась эстетически обусловленная двойственная установка «детско-взрослого» текста на организацию партитуры голосов «взрослого» и «ребенка» в тексте, на передачу звучания голоса «ребенка во взрослом». В настоящем случае риторический, герменевтический и педагогический акцент падает на выявление текстовых условий, обеспечивающих звучание голоса взрослого в ребенке.

Заключение

На настоящий день адресатоцентрический подход является одним из перспективных и с точки зрения дальнейшей разработки поэтики текстовой коммуникации и углубленного изучения вопросов лингвистической поэтики, при этом он может использоваться в качестве основы организации педагогического дискурса и педагогического взаимодействия «текст – педагог – воспитуемый / младший подросток». Понимание реципиентом-ребенком *текста двойной адресации* оптимально осуществляется в сотрудничестве со взрослым, педагогом, родителями. Структурно-смысловая многогранность беллетристического текста осложняет, замедляет, ограничивает скорость и глубину автоматического постижения читателем зафиксированных в нем [тексте] реалий и смыслов, но в то же время способствует формированию рефлексивных готовности к «медленному чтению», связанных с занятием мета-позиции реципиента по отношению к миру сказанного и описанного.

С другой стороны, узкожанровые тексты «детской литературы», характеризуются облегченной достижимостью (не требующих от реципиента текста сложного труда по распределению) смыслов ценностного плана, которые выступают лишь подспорьем в решении узко-прикладных прагматических задач, таких, как, например, обучение принципам и схемам осуществления тех или иных действия для достижения конкретного результата (сварить кашу).

Коль скоро цель педагогического процесса – развитие таких личностных и коммуникативных качеств читателя, как *готовность к переживанию и сопереживанию, эмоциональная отзывчивость* [1], *этическая рефлексия* [4] и *метакоммуникативная рефлексия* [22, С. 53], то наряду с решением задачи оптимального выбора беллетристического текста того или иного типа и жанра педагогу необходимо продумать и осуществить программу *интерпретационных педагогических действий*, направленных на то, чтобы помочь юному читателю глубже погрузиться в мир смыслов текста и построить педагогически оптимальную программу его понимания.

Выявленные *лингвостилистические маркеры двойной адресации* риторические особенности интендирования в тексте «Скобяных дел мастер» мета-смысла «детство» рассматриваются нами в качестве целостного источника, препятствующего отнесению текста к категории текстов «детской литературы/ сепаратуры». Усмотренная выше противоречивость и амбивалентность риторической структуры текста в плане его «адресатности» и «адресованности» [15] позволяет заключить о его приоритетной предназначенности для семейного чтения или *чтения-сотрудничества* с участием взрослого, что соответствует одному из ряда возможных поджанров в составе более широкой категории текстов двойной адресованности.

Список литературы / References

1. Анисимов В.П. Эмоциональная отзывчивость как предмет компетенции арт-педагога // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – Выпуск № 8-3 [Электронный ресурс]; URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-otzyvchivost-kak-predmet-kompetentsii-art-pedagoga> (дата обращения: 21.11.2016).
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Л. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Безроднова И.А. Риторико-герменевтическая программа вовлечения читателя-подростка в мир нравственной рефлексии лирического героя текста (на материале текста Анны Гавальды «35 кило надежды») // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2 [Электронный ресурс]; URL: <http://www.science-education.ru/129-21824> (дата обращения: 28.09.2015).
4. Безроднова И.А., Петрушко И.А. Рефлексия как источник понимания в модусе переживаний и сопереживаний читателя (на материале филологического анализа «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери) // *Детская литература и воспитание: сб. науч. тр. – Вып. 10. – Тверь, 2013. – С. 221-234.*
5. Богатырёв А.А. Индивидуация интенционального начала беллетристического текста. Дис. докт. филол. наук. – Тверь, 2001. – 373 с.
6. Богатырёв А.А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста. – Тверь: ТвГУ, 2001. – 197с.
7. Богатырёв А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте: Учебное пособие. – Тверь: ТвГУ, 1998. – 101 с.
8. Богатырёв А.А., Богатырёва О.П. Распределение субъективно-ценностных реальностей как условие и компонента арт-педагогики // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2013. № 1. С. 123-132.
9. Богатырёв А.А., Тихомирова А.В., Богатырёва О.П. Три базовых стилеметрических вектора в оценке уровня сложности текста для подростков 11–13 лет // *Фундаментальные исследования*. 2014. – № 3-4. – С. 870-881.
10. Богатырёва О.П. «Справочная Пожалуйста»: литературный воспитательный текст для дошкольников // *Детская литература и воспитание: сб. научных трудов. – Тверь: ТвГУ, 2006. – С. 112-115.*
11. Богатырёва О.П., Тихомирова А.В. Адресатоцентризм современного лингводидактического текстообразования и коммунибельность учебного текста // *Непрерывное педагогическое образование.ru*. – 2013. – № 3. – С. 138 (13 с).

12. Богин Г.И. Методологическое пособие по интерпретации художественного текста (для занимающихся иностранной филологией) (рукопись). [Электронный ресурс] // URL: http://window.edu.ru/resource/096/42096/files/bogin_glava3.htm (дата обращения 11.09.2016)
13. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста. – Калинин, 1989. – 70 с.
14. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Учебное пособие. – Калинин, 1982. – 86 с.
15. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межкультурная коммуникация): Дис. докт. филол. наук. – М., 1993. – 382 с.
16. Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. – 2-е изд., доп. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 560 с.
17. Калинин Е.А. Скобяных дел мастер [Электронный ресурс] // URL: http://samlib.ru/k/kalinchuk_e_a/master.shtml (дата обращения 10.09.2016)
18. Никитина Е.С. Смысловой анализ текста: Психосемиотический подход. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 200с.
19. Носов Н.Н. Мишкина каша. – М.: ЭКСМО, 2015. – 160 с.
20. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. – М.: Книга, 1977. – 263 с.
21. Сорокин Ю.А. Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста [Электронный ресурс] // URL: <http://uvd45.ru/3-kurs/sorokin-iu-a-psikholingvisticheskie-problemy-vospriiatia-i-otcenki/> (дата обращения 25.09.2016)
22. Тихомирова А.В., Богатырёва А.А. Типология моделей коммуникации в контексте формирования инокультурной / интеркультурной коммуникативной компетенции учащихся неязыкового вуза // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 1-4 (43). – С. 50-57.
23. Тодоров Цветан. ПОЭТИКА// Структурализм: «за» и «против» (Сб. статей). – Москва: изд. «Прогресс», 1975. – с. 37-113.
24. Эльконин Д.Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д. Б. Эльконин; ред.-сост. Б.Д. Эльконин. — 4-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 384 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anisimov V.P. Jemocional'naja otzyvchivost' kak predmet kompetencii art-pedagoga [Emotional responsiveness as subject of competence of the art teacher] // Fundamental'nye issledovaniya [Basic researches]. – 2011. – Issue № 8-3 [Electronic resource]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-otzyvchivost-kak-predmet-kompetentsii-art-pedagoga> (accessed: 21.11.2016) [in Russian]
2. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Esthetics of verbal creativity] / comp.S.L. Bocharov; word processing G.S. Bernshejnl.V. Derjugina; notes.S.S. Averincevai S.G. Bocharova. – 2 ed. – М.: Iskusstvo, 1986. – 445 p. [in Russian]
3. Bezrodnova I.A. Ritoriko-germenevticheskaja programma vovlechenija chitatelja-podroshka v mir npravstvennoj refleksii liricheskogo geroja teksta (na materiale teksta Anny Gaval'dy «35 kilo nadezhdy») [Rhetorical and hermeneutic program of involvement of the teenage reader in the world of a moral reflection of the lyrical hero of the text (on material of the text of Anny Gavalda "35 kilograms of hope")] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. – 2015. – № 2 [Elektronnyj resurs]; URL: <http://www.science-education.ru/129-21824> (accessed: 21.11.2016) [in Russian]
4. Bezrodnova I.A., Petrushko I.A. Refleksija kak istochnik ponimaniya v moduse perezhivaniy i soperezhivaniy chitatelja (na materiale filologicheskogo analiza «Malen'kogoprince» A. De Sent-Jekzjuperi) [A reflection as an understanding source in a mode of experiences and empathy of the reader (on material of the philological analysis of "Little Prince" A. de Saint-Exupéry)] // Children's literature and education: collection of scientific papers– Issue. 10. – Tver', 2013. – P. 221-234. [in Russian]
5. Bogatyryov A.A. Individuacija intencional'nogo nachala belletristicheskogo teksta. Dis. dokt.filol. nauk [Individuation of the intencionalny beginning of the fictional text: dis. ... of PhD in Philology] – Tver', 2001. – 373 p.
6. Bogatyryov A.A. Shemy i formaty individuaci iintencional'nogo nachala belletristicheskogo teksta [Schemes and formats of an individuation of the intencionalny beginning of the fictional text]. – Tver': TvGU, 2001. – 197 p. [in Russian]
7. Bogatyryov A.A. Jelementy nejavnogo smysloobrazovaniya v hudozhestvennom tekste: Uchebnoe posobie [Elements of an implicit sense creation in the art text: Education guidance: manual] – Tver': TvGU, 1998. – 101 p. [in Russian]
8. Bogatyryov A.A., Bogatyryova O.P. Raspredmechivanie subjektivno-cennostnyh real'nostej kak uslovie i komponenta art-pedagogiki [Disobjectification of subjective and valuable realities as condition and art pedagogics component] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika I psihologija [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogics and psychology]. – 2013. – № 1. – P. 123-132. [in Russian]
9. Bogatyryov A.A., Tihomirova A.V., Bogatyryova O.P. Tri bazovyh stilemetricheskikh vektora v ocenke urovnja slozhnosti teksta dlja podroshkov 11–13 let [Three basic the style metric of a vector in assessment of level of complexity of the text for teenagers of 11-13 years] // Fundamental'nye issledovaniya [Basic researches]. 2014. – № 3-4. – P. 870-881. [in Russian]
10. Bogatyryova O.P. «Spravochnaja Pozhalujsta»: literaturnyj vospitatel'nyj tekst dlja doshkol'nikov ["Help Please": the literary educational text for preschool children] // Detskaja literatura I vospitanie sb. Nauchnyh trudov [Children's literature and education: collection of scientific papers] – Tver': TvGU, 2006. – P. 112-115. [in Russian]
11. Bogatyryova O.P., Tihomirova, A.V. Adresatotsentrizm sovremennogo lingvodidakticheskogo tekstoobrazovaniya I kommunikabel'nost' uchebnogo teksta [Adresatotsentrizm of a modern linguo-didactic of text formation and skill to communicate of the educational text] // Nepreryvnoe pedagogicheskoe obrazovanie.ru. [Continuous pedagogical education] – 2013. – № 3. – P. 138. [in Russian]
12. Bogin G.I. Metodologicheskoe posobie po interpretacii hudozhestvennogo teksta (dlja zanimajushhihsja inostranno filologiej) (rukopis') [Methodological guide for the interpretation of a literary text (for dealing with foreign philology) (manuscript).]. [Electronic resource]. – URL: http://window.edu.ru/resource/096/42096/files/bogin_glava3.htm (data obrashheniya 11.09.2016) [in Russian]

13. Bogin G.I. Shemy dejstvij chitatelja pri ponimanii teksta [Reader flow chart for understanding the text]. – Kalinin, 1989. – 70 p. [in Russian]
14. Bogin G.I. Filologicheskaja germenevtika. Uchebnoe posobie [Philological hermeneutics. Tutorial]. – Kalinin, 1982. – 86 p. [in Russian]
15. Vorob'eva O.P. Lingvisticheskie aspekty adresovannosti hudozhestvennogo teksta (odnojazychnaja i mezhjazykovaja kommunikacija): Dis. dokt. filol. Nauk [Linguistic aspects of addressing a literary text (monolingual and cross-language communication): dis. of PhD in. Philology] – M., 1993. – 382 p. [in Russian]
16. Girshman M. M. Literaturnoe proizvedenie: Teoriya hudozhestvennoj celostnosti [literary work: The theory of artistic integrity]. – 2 ed., added. – M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur [Slavic Cultures Languages]. – 2007. – 560 p. [in Russian]
17. Kalinchuk E.A. Skobjanyh del master [Hardware maker] [Electronic resource] // URL: http://samlib.ru/k/kalinchuk_e_a/master.shtml (accessed: 10.09.2016) [in Russian]
18. Nikitina E.S. Smyslovoj analiz teksta: Psihosemioticheskiy podhod [Semantic analysis of the text: Psihosemioticheskiy approach]. – M.: LENAND, 2016. – 200 p. [in Russian]
19. Nosov N.N. Mishkina kasha [Mishkin porridge]. – M.: JeKSMO, 2015. – 160 p. [in Russian]
20. Rubakin N.A. Psihologija chitatelja i knigi [The reader and the book Psychology]. – M.: Kniga, 1977. – 263 p. [in Russian]
21. Sorokin Ju.A. Psiholingvisticheskie problemy vospriyatija i ocenki teksta Psycholinguistic problems of perception and evaluation of the text [Electronic resource] // URL: <http://uvd45.ru/3-kurs/sorokin-iu-a-psiholingvisticheskie-problemy-vospriyatija-i-otcenki/> (accessed 25.09.2016) [in Russian]
22. Tihomirova A.V., Bogatyryov A.A. Tipologija modelej kommunikacii v kontekste formirovanija inokul'turnoj / interkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii uchashhihsja neязыkovogo vuza [Tipology of models of communication in the context of the formation of foreign cultural / intercultural communicative competence of students of not language high school] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]. 2016. № 1-4 (43). – P. 50-57. [in Russian]
23. Todorov Cvetan. POJeTIKA// Strukturalizm: «za» i «protiv» (Sb. statej) [Poetics // structuralism: "for" and "against" (Collection of articles.)]. – Moskva: izd. «Progress», 1975. – P. 37-113. [in Russian]
24. Jel'konin D.B. Detskaja psihologija: ucheb.posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Child Psychology: Textbooks for students. Executive. Proc. institutions]/ D. B. Jel'konin; ed.-comp. B.D. Jel'konin. – 4 ed. – M.: Izdatel'skiy centr «Akademija», 2007. – 384 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.044

Воронкина М.А.

Кандидат философских наук,

Донской государственный технический университет

ВЕДИЙСКИЙ РИТУАЛ КАК АКТ ПЕРЕВОДА

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи являются вопросы восприятия и перевода ведийских текстов. Проблемы в их интерпретации определяются существенными различиями между современным и ведийским взглядом на мир. Автор предлагает новый подход, учитывающий коммуникативную природу текстов. Автор доказывает, что ведийский ритуал рассматривался как акт перевода с «языка богов». Такой подход дает возможность уточнить наше понимание и перевод Веды.

Ключевые слова: перевод, коммуникация, Веда, интерпретация, ритуал, текст, речь, сознание, культура, мифопоэтическая эпоха.

Voronkina M.A.

PhD in Philosophy,

Don State Technical University

VEDIC RITUAL AS AN ACT OF COMMUNICATION

Abstract

The point of issue of the paper is some matters of our perception and translation of the Vedic texts. Problems of interpretation result from a significant divergence of our modern outlook from the Vedic one. The author offers a new approach that takes into consideration the communicative nature of the texts. The author proves that the Vedic ritual was regarded as an act of translation from “the gods' language”. Such an approach makes it possible to us to correct our understanding and translation of the Veda.

Keywords: translation, communication, the Veda, interpretation, ritual, text, speech, consciousness, culture, mythopoetic epoch.

Изучение языка Веды представляет очевидное значение не только для лингвистики, но и для уточнения наших представлений о феномене ритуала, восходящего к мифопоэтической эпохе. Ритуал по праву считают колыбелью культуры. Его исследование проливает свет на генезис и содержание самых разнообразных культурных явлений. Внимание к языку воплощающей ритуал Веды определяется и его особой ценностью в самой традиции, по представлениям которой, в его слове заключена структура универсума.

Понимание языка памятника невозможно без учета функций текстовой деятельности. Исследования показывают характерное для ведийского сознания представление о ритуале как об основном канале коммуникации с

божественным миром. Посредством этого канала осуществляется обмен дарами, могуществом, знанием. Вместе с тем, слово ритуала, в сознании адепта, обладает особой творческой, преобразующей силой. Речи отводится решающая роль не только в общении с богами, но и космогонии, в созидании и обновлении вселенной посредством оплотнения, овеществления свыше данного слова.

Коммуникативная природа ритуала позволяет исследовать его с позиций теории коммуникации. Иначе говоря, ритуал может рассматриваться как коммуникативный акт в единстве его наиболее типичных компонентов: адресанта – сообщества верующих, участников ритуала, адресата – божества, сообщений – ведийских гимнов и заклинательных формул (*яджусов*) и, наконец, некоего кода коммуникации и ее посредника.

Веда содержит представление о жрецах, с их полубожественным происхождением, как о медиаторах, говорящих с богами на их языке и передающими соплеменникам обретенное откровение:

...пошли они по следу Речи.

Они обнаружили, что она вошла в слагателей гимнов.

Принеся ее, они разделили (ее) между многими. (РВ X, 71, 3)

[здесь и далее перевод «Ригведы» цит. по 1]

Вместе с тем, как убедительно показывает Ю.М. Лотман, диалог, коммуникативный акт представляет элементарный механизм перевода. Важно отметить, что коммуникация в ритуале и самими участниками мыслилась как межъязыковой, двуязычный процесс, то есть, по сути своей, являла перевод.

Оппозиция «языка людей» и «языка богов», отмечается как характерная для многих индоевропейских поэтических традиций. По мнению исследователей, в древнеиндийской традиции в качестве «языка богов» рассматривается язык гимнов «Ригведы», который противопоставляется обыденному языку смертных.

Эта идея эксплицируется в поздних древнеиндийских философских трактатах, например, в буддийском тексте «Таркасанграха»: «Высказывание бывает двух родов: ведийское (*vaidika*) и разговорное (*laudika*). Ведийское полностью истинно в силу божественной природы выражения» [цит. по 2]. Оппозиция поэтического, метрического ведийского языка *chandas* разговорному *bhāṣā* (от *bhāṣ* ‘говорить’) встречается у Панини и у Катьяны: *laukikavaidikeṣu* ‘в разговорном и в ведийском языке’ [цит. по 2]. В джатаках упоминается различие в обоих языках имен богов: «Кого среди богов называют Суджампати, того в мире людей называют Магхаван» [цит. по 2]. В ведийской традиции упомянуты различия в названии лошади: «Как *haya* он возил богов, как *vājin* – гандхарвов, как *arvan* – асуров, как *aśva* – людей (ШБ X, 4, 6, 1) [цит. по 2].

В «Ригведе» содержится упоминание о некоей части речи, тайной, недоступной простым смертным и понятной только брахманам:

На четыре четверти размерена речь.

Их знают брахманы, которые мудры.

Три тайно сложенные (четверти) они не пускают в ход.

На четвертой (четверти) речи говорят люди. (РВ I, 164, 45)

Между двумя языками очевидны различия. «Язык богов», насколько можно судить об этом по гимнам, континуален, поэтичен, изобразителен. Язык людей – дискретен, отчетливо выражен с помощью знака. При этом знак имеет условный характер и осознан субъективно.

В связи с функциями посредника, транслирующего «речь богов», обращает на себя внимание фигура центрального участника ритуала – *брахмана* старшего жреца и племенного заклинателя. Мы высказывали предположение об особом состоянии сознания жреца-посредника ритуального взаимодействия. Это находит параллели во многих других древних традициях. Такое состояние полагалось священным. Соответствующий данному состоянию тип мышления близок к древнему, неопределенному и гештальтному [3, С. 90-91].

Однако в силу особенностей сознания, речь ритуального пророка в священном экстазе должна быть затруднена и не ясна для участников. Следовательно, пророку был необходим переводчик-толкователь, что подтверждают аналогии в древнегреческой традиции, например, пара пифия – дельфийский оракул. Вероятно, для осуществления деятельности по переводу продукта нерасчлененного, образного мышления на дискретный язык слова жрец-переводчик должен был пребывать в нормативном состоянии бодрствования с преобладанием более молодого, «вторичного» типа мышления [там же].

В этом смысле интерес представляют работы В.Н. Топорова, предполагавшего среди жрецов ритуала некоего «грамматика», членившего речь, как жрец жертву. Исследователь обращается к этимологии слова *samskrta-* (санскрит) ‘соединенное вместе’, ‘прилаженное друг к другу’, ‘собранное воедино’, ‘организованное’ и заключает, что само название *samskrta-* передает идею «языка как чего-то со-ставленного, со-единенного, со-организованного», которая предполагает «как предшествующее ему состояние (условно говоря, хаотическое, неорганизованное) разъятость частей и, следовательно, множественность...» [4, С. 12]. Интересно и наблюдение автора над выражением в индоевропейских языках процесса формирования слова из элементов. Характерно повторяющееся в «Ригведе» выражение *vacas taks* ‘складывать слова’ (в поэтическую речь) от *taks-* ‘плотничать’, ‘тесать’, «при авест. *vačas-tašti* (Y. 58, 8), др.-гр. *epéōn tektones* (Pindar Pyth. III, 113) – все в отношении к ‘выделке’, изготовлению поэтического слова [там же].

Идея возникновения речи в акте «разъятия» эксплицитно представлена в гимне «Ригведы» *Jñāna* «Познание»:

Когда мудрые мыслью создали Речь,

Очищая (ее), как муку через сито,

Тогда друзья познают содружества:

Их приносящий счастье знак нанесен на Речь. (РВ X, 71,1-2).

В гимне выражается идея о некоей творящей речь ментальной деятельности, уподобляемой просеиванию муки через сито. Можно предположить, что фрагмент в метафорической форме описывает членение и упорядочивание чувственно-образных, недифференцированных знаний [см. 5, С. 21]. Характерно, что упомянутые операции

предваряют перевод предметно-образной картины восприятия на язык вербального дискурса. Упоминается и желаемый результат *означивания* выделенных частей: *знак нанесен на Речь*.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что человек ведийской эпохи рассматривает ритуал как важнейший для себя канал двуязычной коммуникации с миром бессмертных. Данные представления позволяют уточнить понимание ведийской культуры и языка. Трактовка ритуала как акта перевода позволяет уточнить сам характер воплощенной в Веде речевой деятельности, выявить ее интенции и средства, понять, чем обусловлен выбор ее стратегий, в конечном итоге, скорректировать наше прочтение текста и, уподобившись ведийскому грамматiku, осуществить его точный перевод на современный язык.

Список литературы / References

1. Ригведа. [В 3 т.]. Мандалы IX-X / перевод. Т. Я. Елизаренковой. – М. : Наука – 1999. – 560 с.
2. Елизаренкова Т. Я. Язык и стиль ведийских риши / Т. Я. Елизаренкова. – М. : Наука – 1993. – 315 с.
3. Воронкина М. А. Речевые и коммуникативные аспекты ритуальной практики (на материале ведийских текстов) / М. А. Воронкина. – Ростов-на-Дону : Издательский центр ДГТУ, 2013. – 145с.
4. Топоров В. Н. Санскрит и его уроки / В. Н. Топоров // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. – М. : Наука – 1985. – С. 5-25.
5. Воронкина М. А. Проблема генезиса речевой коммуникации / М. А. Воронкина // Homo Loquens: Смыслы, сферы, средства. – Ростов-на-Дону : Издательский центр ДГТУ, 2015. – С. 6-30.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rigveda. [V 3 t.]. Mandaly IX-X [Rigveda [In 3 v.]. Mandalas IX-X] / translation by T. Ya. Elizarenkova. – М. : Nauka – 1999. – 560 p. [in Russian]
2. Elizarenkova T. Ya. Yazyk i stil vediyskih rishi [The Vedic Rishis' Language and Style] / T. Ya. Elizarenkova – М. : Nauka – 1993. – 315 p. [in Russian]
3. Voronkina M. A. Rechevyye i kommunikativnyye aspekty ritualnoy praktiki (na materiale vediyskih tekstov) [Speech and Communicative Aspects of Ritual Practice (on the Material of the Vedic Texts)] / M. A. Voronkina – Rostov-on-Don : Izdatelskiy Tsentr DSTU, 2013. – 145 p. [in Russian]
4. Toporov V. N. Sanskrit i ego uroki [Sanskrit and its Lessons] / V. N. Toporov // Drevnyaya Indiya: Yazyk. Kultura. Tekst. [Ancient India: Language. Culture. Text] – М. : Nauka – 1985. – P. 5-25. [in Russian]
5. Voronkina M. A. Problema genezisa rechevoy kommunikatsii [Problem of Speech Communication Genesis] / M. A. Voronkina // Homo Loquens: Smy Sly, sfery, sredstva [Homo Loquens: Meanings, Spheres, Means]. – Rostov-on-Don : Izdatelskiy Tsentr DSTU, 2015. – P. 6-30. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.043

Воронкина М.А.

Кандидат философских наук,

Донской государственный технический университет

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ДУШЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Аннотация

В статье рассматриваются лингвокультурологические проблемы перевода слов для передачи концепта души. Точная интерпретация таких слов не только вопрос перевода, но и научного исследования в таких сферах, как история, этнология, культурология и религиоведение. Автор исследует причины возможных ошибок в понимании концепта. Предмет рассмотрения составляют проблемы полисемии, синонимии и квазисинонимии, межкультурные различия в коннотациях и ошибки, вызванные эволюцией представлений о душе в пределах культуры. Обсуждается выбор переводческих стратегий.

Ключевые слова: концепт, перевод, лингвокультурологический аспект перевода, картина мира, код культуры, ценностные ориентации.

Voronkina M.A.

PhD in Philosophy,

Don State Technical University

CROSS-CULTURAL DIVERSITY IN CONCEPTIONS OF SOUL IN TERMS OF TRANSLATION

Abstract

The article looks into of the linguistic-cultural problems of translating words for the concept of soul. The precise interpretation of such words is not only the matter of translation, but also a scientific research in such fields as history, ethnology, cultural and religious studies. The author examines possible reasons for misconceptions. The point of issue is matters of polysemy, synonymy and quasi synonymy, cross-cultural divergences in connotations and mistakes resulted from the development of the conception within the culture. Light is thrown on the selection of strategies for translation.

Keywords: concept, translation, linguistic-cultural aspect of translation, worldview, culture code, value orientation.

Язык – своеобразный слепок культуры. Он конденсирует материальный и духовный опыт, отражает систему представлений о мире, воплощает традиции и ценности. Преломленное в тексте культурное своеобразие нередко являет большую сложность для переводчика, чем грамматические, стилистические и лексические особенности.

Квинтэссенцией неповторимого духовного опыта культуры, по-видимому, можно считать веру, религиозно-мифологические представления, то, что составляет в данной культуре сферу сакрального. Различия в понимании и

трактовах схожих, на первый взгляд, понятий сильно разнятся и восходят к уникальным мифологическим воззрениям. Одним из ярких примеров подобных нередко трудноуловимых различий может служить распространенный во многих культурах концепт души.

Одной из сложностей перевода является то, что лексема для обозначения *души*, нередко характеризуется полисемией. Так, в русском языке, согласно толковому словарю В.И. Даля [1, С. 504], *душа* – «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей», «человек без плоти, бестелесный по смерти своей», «жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от его духа, и в этом смысле говорится, что у животных есть душа». Вместе с тем, упоминается «душа ревизская» (только мужского пола), «душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство» и другие значения, а также даются многочисленные примеры узуса.

Кроме полисемии важной особенностью обозначения понятия является синонимия. Так, в русском очевидным синонимом является *дух*, согласно словарю Даля [1, С. 503], – «бестелесное существо; обитатель невещественного, а существенного мира, бесплотный житель недоступного нам духовного мира». При этом отмечается, что «относя это слово к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю и даже стремление к небесному». Даль обращает внимание на такие примеры употребления, «как Добрый дух, ангел, дух света, чистый», «злой дух, дух тьмы», «Святой Дух», «Дух Божий» и пр. До известной степени, к синонимам относится и слово *психика*.

Подобную синонимию можно проследить на примере английского

soul – ‘душа’, ‘дух’, ‘воплощение’, ‘человек’, *spirit* – ‘дух’, ‘духовное начало’, ‘душа’, ‘моральная сила’, ‘характер’ и *psyche* – ‘душа’, ‘дух’.

Нетрудно заметить, что в обоих языках синонимия связана с совпадением основного денотата (бестелесной сущностью, пребывающей в теле либо вне его) и различием в подзначениях слова.

Вместе с тем, в ряде культурных традиций носителю христианского мировоззрения можно столкнуться с явлением квазисинонимии, когда различные языковые знаки, выражающие то, что в нашей культуре обозначается словом *душа*, соотносятся с совершенно разными, даже противопоставляемыми концептами. Таковы, например, *атман* (*ātman*) и *брахман* (*brahman*) в санскрите. *Атман* относится к собственному «я», в то время как *брахман* – ‘мировая душа’, ‘божественная субстанция’. Приведенный пример демонстрирует характерные для разных языков и культур несовпадения в членении действительности, национальное многообразие картины мира, культурного кода.

Другим показательным примером более сложного обозначения души служит древнеегипетская традиция. В текстах встречаются такие отдельно существующие ипостаси или аспекты души, как *ба* – собственно душа, душа-проявление, отвечающая за грехи человека на суде Осириса; *ка* – внешняя безгрешная душа-двойник, имеющая обличие хозяина и оберегающая его (у человека может быть несколько *ка*); *эб* – душа-сердце, заключающее в себе сознание человека, взвешиваемое с помощью пера богини истины Маат и представляющего в образе скарабея благоприятные показания на посмертном суде; душа-тень; *рин* – сакральное имя; воля; «светлый дух» и пр. А. Оппенгейм в своей работе «Древняя месопотамия. Портрет погибшей цивилизации» [2, Р. 389] демонстрирует подобную сложную концепцию обозначения «множественных и внешних душ», характерную для месопотамской традиции.

Представляется, что упомянутые обозначения разновидностей душ следует трактовать как реалии-экзотизмы, то есть часть безэквивалентной лексики, обозначающей явления, которых нет в практике культуры языка перевода. По этой причине при переводе сакральных текстов древневосточных традиций, например, «Книги мертвых» [3, С. 82], на наш взгляд, совершенно обосновано используется транслитерация.

Важно отметить, что воплощенный в языке уникальный культурный код – это не только средство членения мира, его категоризации, структурирования, систематизации и упорядочения, но и оценивания. Межкультурные различия определяют существенные несовпадения коннотативных полей соотносимых концептов. Иначе говоря, аксиологическая нагрузка того или иного денотата культурно обусловлена и влияет на коннотации при обозначении соответствующего концепта. В статье «Перевод древнего культового текста (на материале ведийских памятников)» [4, С. 84] мы показывали неизбежность применения в таких случаях транслитерации. Кроме того, калька может ввести читателя в заблуждение относительно важных валентных, ассоциативных связей, принятых в культуре и языке оригинала.

Вместе с тем, в ряде случаев концепт души бывает выражен не эксплицитно, а контекстуально, как бы «размыт» в представляющем его тексте, рассчитанном на посвященную аудиторию, разделяющую его ценности и отношения. Такие прагматингвистические особенности текста представляют особо сложную переводческую задачу. Примером может служить упомянутый концепт *атмана*, в связи с концепцией освобождения (*мокши*), предполагающей выход индивидуальной души из непрерывной цепи перерождений (*сансары*), которая ассоциируется с негативно окрашенным *страданием*. Характерной метафорой спасения является образ переправы через океан сансары. Сравните отрывок из *Панчатантры* (перевод наш):

*asāras ayaṁ saṁsaraḥ| giri-nadivega upatāṁ yauvanam|
tṇa-agni-samāṁ jīvitavyam | abhṛac-chāyā-sadṛśa bhogāḥ|
svapna-sadṛśaḥ putra-mitra-bhṛtya-kalatra-varga-saṁbandhaḥ| etan mayā jñataṁ samyak| tat kiṁ kurvato me saṁsara
samudra uttaraṇaṁ bhaviṣyati||*

Ничтожен этот мир. С горным потоком сравнима юность.

Горению травы подобна жизнь. На тень облака похожи удовольствия.

Похожи на сон отношения с сыном, другом, слугой и женой. Все это мной правильно познано. Что же мне делать, чтобы переправиться через океан [бытия]-сансары?

Сравните распространенные в христианстве молитвы во спасение, сохранение души, ценность *страдания* как очищения и преображения.

Наиболее естественным выходом с точки зрения перевода представляется адаптация, освоение в перспективе культурой языка перевода реалий и всей связанной с ним совокупностью валентных связей, фрейм-структур. Действительно, уровень освоения в современном русском таких слов, как *сансара* и *атман* настолько высок, что они перестают восприниматься как иноязычные.

В связи с тем, что концепция души заметно эволюционирует, важно отметить непреложное требование компетенции переводчика относительно культуры и истории языка оригинала. Представления о душе уточнялись, совершенствовались, а подчас и менялись на диаметрально противоположные. Особую актуальность это приобретает при переводе текстов древних культур, где представления и ценностные ориентации не очевидны для современного мировоззрения. Имея дело с такими текстами, переводчик превращается в исследователя. Риск переводческой ошибки становится особенно велик. В статье «Коммуникативное взаимодействие в архаическом ритуале жертвоприношения (на языковом материале «Яджурведы»)» [5, С. 360] мы приводили пример подобной неверной интерпретации, когда слово *брахман* в тексте «Яджурведы» был ошибочно истолковано в значении ‘мировая душа’, ‘абсолюта’, концепция которого сложилась лишь в эпоху упанишад.

Итак, представленное исследование подчеркивает необходимость продуманного выбора переводческой стратегии в отношении обозначения концепта души. Это требование приобретает особую актуальность при переводе текстов, воплощающих религиозно-мифологический дискурс традиции, сильно отличающейся от культуры языка перевода. Представляется, что в большинстве случаев наиболее удачным приемом оказывается транслитерация, которая не только точнее кальки, но и способствует освоению инокультурных реалий. Вместе с тем, представляется, что обозначенный класс текстов предполагает не только перевод, но сопутствующее ему всестороннее исследование.

Список литературы / References

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Издательство «Русский язык», 1981. – Т. 1. – 699 с.
2. Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia: portrait of a dead civilization / A. L. Oppenheim. – Chicago-London : University of Chicago Press, 1964. [2nd ed., 1977]. – 445 p.
3. Древнеегипетская книга мертвых. Слово устремленного к Свету / перевод, предисловие и комментарии А. К. Шапошникова. – М. : Издательство «Эксмо», 2008. – 432 с.
4. Воронкина М. А. Перевод древнего культового текста (на материале ведийских памятников) / М. А. Воронкина // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015. – № 6. – С. 83-89.
5. Воронкина М. А. Коммуникативное взаимодействие в архаическом ритуале жертвоприношения (на языковом материале «Яджурведы») / М. А. Воронкина // Ритуал в языке и коммуникации. – 2013. – М. : Издательство РГГУ. – С. 361-376.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dal V. I. Tolkovyy slovar jivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language] / V. I. Dal. – М. : Izdatelstvo «Russkiy yazyk», 1981. – V. 1. – 699 p. [in Russian]
2. Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization / A. L. Oppenheim. – Chicago-London : University of Chicago Press, 1964. [2nd ed., 1977] – 445 p. [in English]
3. Drevneegipetskaya kniga myortvyh. Slovo ustremlyonnogo k Svetu [The Ancient Egyptian Book of the Dead. The Book of Going Forth by Day] / translation, introduction and commentaries by A. K. Shaposhnikov. – М. : Izdatelstvo «Exmo», 2008. – 432 p. [in Russian]
4. Voronkina M. A. Perevod drevnego kyltovogo teksta (na materiale vediyskih pamyatnikov) [Translation of an Ancient Religious Text (Based on the Material of Vedic Literature)] / M. A. Voronkina // Nauchnoye obozreniye: humanitarnyye issledovaniya [Science Review: Humanities Research]. – 2015. – № 6. – P. 83-89. [in Russian]
5. Voronkina M. A. Kommunikativnoye vzaimodeistviye v arhaicheskom rituale jertvoprinosheniya (na yazykovom materiale «Yajurvedy») [Communicative Interaction in Archaic Rite of Sacrificial Offering (on the Linguistic Material of the “Yajurveda”)] / M. A. Voronkina // Ritual v yazyke i kommunikatsii [Ritual in Language And Communication]. – 2013. – М. : Izdatelstvo RSHU. – P. 361-376. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.232

Гоннова Н.В.

Старший преподаватель,

Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦАРЬ-ПРОИЗВОДНЫХ РУССКОГО ДИСКУРСА**Аннотация**

В статье представлена стилистическая характеристика царь-производных, функционирующих в русском дискурсе. Актуальность исследования обусловлена активностью царь-производных в разных сферах, необходимостью их всестороннего изучения. Обосновано, что функциональная и эмоционально-экспрессивная окраска царь-производных зависят не только от оценочного компонента царь-, но и от второго компонента. Среди царь-производных выявлены номинации, вторым компонентом которых являются существительные со значением стилистической модификации. Доказано, что оттенок разговорности ослаблен в царь-производных – рекламных именах. Подчёркивается, что при анализе царь-производных следует учитывать принадлежность слова к одному из стилей (или отсутствие функционально-стилевой закреплённости) и эмоционально-экспрессивные особенности языковой единицы.

Ключевые слова: царь-производные, стилистическая характеристика, стилистическая, функциональная, эмоционально-экспрессивная окраска слова.

Gonnova N.V.

Senior Teacher,

Samara Regional Institute of Professional Development and Educators Retraining

STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE KING-DERIVATIVES IN THE RUSSIAN DISCOURSE**Abstract**

The article presents a stylistic feature of the king-derivatives, operating in the Russian discourse. The relevance of the study is due to the activity of the king-derivatives in different spheres, the necessity of a comprehensive study. It is proved that the functional, emotional and expressive coloring of the king-derivatives depends not only on the assessment component of the king-, but also on the second component. Among the king-derivatives the nominations with the second component which is a noun with the meaning of a stylistic modification have been identified.

It is proved that the speech undertone is weakened in king-derivatives within advertising names. It is emphasized that during the analysis of the king-derivatives, the word's belonging to one of the styles (or lack of functional-style tightness) and emotionally-expressive features of a linguistic unit should be considered.

Keywords: king-derivatives, stylistic characteristics, stylistic, functional, emotional and expressive coloring of the word.

Стилистическая характеристика производного слова (в нашем случае – царь-производных, например: *царь-пирог*, *царь-птица*, *царь-девица*, *царь-колокол*, *царь-книга*, *Царь-продукт*, *Царь-печь* и др.) имеет существенное значение для его функционирования в речи. Однако прежде чем представить стилистическую характеристику царь-производных русского дискурса, необходимо обратиться к трактовке понятий *стилистическая*, *эмоционально-экспрессивная*, *функциональная окраска слова*.

Перечисленные понятия тесно связаны между собой, описаны в отечественной лингвистике, прежде всего в стилистике, однако нельзя сказать, что они получили общепринятые определения.

Все языковые средства традиционно разделяют на нейтральные (или стилистически нейтральные, стилистически не окрашенные) и стилистически окрашенные. Как правило, говорят о двух видах стилистической окраски – эмоционально-экспрессивной и функциональной. Такой подход можно считать традиционным. М.Н. Кожина, ссылаясь на исследования Т.Г. Винокур [1], в «Стилистике русского языка» стилистическую окраску языковой единицы определяет как «дополнительные к выражению основного номинативного, предметно-логического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства, которые ограничивают возможности употребления этой единицы определёнными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию» [2, С. 27].

В «Стилистике русского языка» под редакцией Н.М. Шанского стилистическая окраска рассматривается как родовое понятие, «охватывающее разнообразные виды окрашенности языковых единиц – слов, фразеологизмов, словосочетаний, синтаксических конструкций, отдельных морфологических категорий и форм, а также речевых произведений от отдельных высказываний до значительных по объёму законченных текстов» [3, С. 18].

Указанному родовому понятию противопоставляют более частные категории и виды окрашенности – собственно стилистическую и экспрессивную. Под собственно стилистической окрашенностью предлагается понимать окрашенность отдельных единиц языка или его целых пластов, связанную с преимущественным использованием их в той или иной сфере, а также форме речевого общения; экспрессивная окрашенность трактуется как разновидность стилистической окраски, указывающая на характер и степень выраженности качественных или количественных признаков называемого явления [3, С. 18-19].

Таким образом, осуществляя стилистическую характеристику слова, необходимо учитывать как принадлежность слова к одному из функциональных стилей (или отсутствие функционально-стилевой закреплённости), так и эмоционально-экспрессивные особенности той или иной языковой единицы.

Оттенки эмоционально-экспрессивной окраски разнообразны. Сведения о стилистических свойствах анализируемых слов исследователь получает из словарных помет. Так, в лексикографической практике для обозначения оттенков эмоционально-экспрессивной окраски приняты пометы 'высокое', 'приподнятое', 'шутливое', 'ироническое', 'шутливо-ироническое', 'бранное', 'неодобрительное', 'почтительное', 'пренебрежительное', 'презрительное', 'уничижительное', 'уважительное', 'ласкательное', 'фамильярное'.

Нейтральность слова или, напротив, его стилистическая окрашенность, которые появляются в результате деривации, зависят от окраски производящих основ. С одной стороны, компонент *царь-* задаёт семы 'возвышенность', 'величие', 'сакральность', 'лучшее'; с другой стороны, вторая часть слова вносит свои коррективы, т. е. стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску *царь-* производным придаёт не только компонент *царь-*, но и второй компонент.

Поскольку *царь-* производные практически не представлены в словарях, за исключением лексем *Царь-колокол* и *Царь-пушка*, мы акцентировали внимание на характеристике второго компонента. При этом учитывали коннотативные оттенки значения компонента *царь-*, признавая, что стилистическую характеристику *царь-* производных нельзя рассматривать только как сумму составляющих её компонентов.

С учётом принадлежности слова к одному из функциональных стилей *царь-* производные можно разделить на три группы: нейтральные, книжные и разговорные (разговорно-просторечные, просторечные). Однако такое деление можно считать условным, поскольку компонент *царь-*, как было отмечено выше, вносит коннотативные оттенки значения. Анализ показывает, что если *царь-* производные функционируют в сфере рекламной номинации (в первую очередь это касается эргонимов – собственных имён делового объединения людей, в том числе организации, учреждения, корпорации, предприятия, заведения), то оттенок разговорности, сниженности ослаблен; см., например, наименования компаний *Царь-Картошка*, *Царь-Кузня*, банного комплекса *Царь-баня*, кафе *Царь-блин*, *Царь-печь*, *Царь-Пышка*, магазина *Царь-пиво*, *Царь-Кружка* и др. Согласно нашим данным, в составе *царь-* производных высокой частотностью употребления отличаются нейтральные слова, средней частотностью – разговорные, низкой – книжные.

Существенное значение имеет сама возможность стилистического сочетания в рамках номинации двух компонентов (ср.: *царь-валенки*, *царь-печь*, *царь-картошка*, *царь-сундук* и др.), выступающих репрезентантами, с одной стороны, сферы величественного, царского, с другой – народного, крестьянского. Важно отметить, что лексема *царь*, а значит, и большая часть *царь-* производных относятся к именам верхнего стилистического регистра. Т.П. Романова приводит в качестве примеров номинации ресторана «Царь Салтан», бутика «Императрица» [4].

В группе рекламных имён (эргонимов, прагматонимов, геортонимов) представлены *царь-* производные, в которых отмечается процесс семантического одушевления (один из его показателей – тот факт, что второй компонент пишется с прописной буквы). Например, эргонимы *Царь-Булка*, *Царь-Каравай*, *Царь-Пышка*, *Царь-Блин*, *Царь-Квас*, *Царь-Кухня*, *Царь-Кирпич* и др.; прагматонимы *Царь-Вареник*, *Царь-Пушка* (пряник), *Царь-Блин* и др., геортонимы *Царь-Джаз* и др. Данная группа отличается высокой частотностью.

При этом среднечастотными признаются случаи сочетания компонента *царь-* с одушевлёнными существительными, обозначающими человека (лексико-грамматический разряд личных существительных), – *Царь-Строитель*, *Царь-Повар*, *Царь-Девушка* (*Царь-девушка* – сказочный персонаж), *Царь-токарь*.

В контексте нашего исследования важно акцентировать внимание на следующем факте: в русском языке некоторые аффиксы выступают как стилистически маркированные, многие из них участвуют в образовании новых слов, а также передают экспрессивно-стилистические оттенки.

Значительными стилистическими возможностями обладают суффиксы стилистической модификации [5], [6] и суффиксы субъективной оценки.

В нашем языковом материале выявлены примеры *царь-* производных, второй компонент которых – существительные со значением стилистической модификации. Второй компонент *царь-* производных *Царь-печка*, *Царь-картошка* (*Царь-Картошка*), *Царь-книжка* – существительные с суффиксом *-к-*, образующим дериваты, являющиеся разговорными или просторечными синонимами мотивирующих слов [6]. Так, в синонимичных парах *картофель* – *картошка*, *печь* – *печка*, *книга* – *книжка* и др. второе слово каждой пары имеет разговорную окраску, её придаёт указанный суффикс. Следует особо подчеркнуть, что, наряду с названными *царь-* производными, в рекламном дискурсе функционируют и нейтральные: *Царь-печь*, *Царь-печи*, *Царь-Картофель*, *Царь-книга*.

Суффикс *-к-* способен менять и функционально-стилистическую, и эмоционально-экспрессивную окраску слова: например, *рыбка*; *Царь-рыбка* – название олета-суфле с лососем (суффикс *-к-* имеет оттенок ласкательности). Как видим, наличие диминутивов *рыбка*, *картошка*, *печка* в *царь-* производных (ср. также *царь-городок*), суффиксы уменьшительности *-к-*, *-ок-* гасят семы 'величественное, царское', 'большого размера', но при этом в них актуализируется сема 'лучшего качества'.

От подобных примеров следует отличать *царь-* производное *Царь-Ёлка*, поскольку значения слов *ель* и *ёлка* разошлись, и суффикс *-к-* в данном случае стилистически не маркирует существительное *ёлка*: *Ёлка* – 1. = Ель. 2. Ель, срубленная и украшенная к празднику Рождества или Нового года. *Нарядная ёлка* [7, С. 183].

К числу стилистически окрашенных *царь-* производных мы отнесли и *царь-* производное *царь-деваха*, второй компонент с суффиксом *-ах-* – просторечное существительное, имеющее оттенок сниженности: *Царь-девушка* — дачная местность с паромной пристанью в Иркутске, на левом берегу Ангары у деревни Титово. Согласно местному преданию, здесь в начале XIX века находилась заимка, на которой жила Мария Титова, прозванная за красоту, силу и бесстрашие «царь-девахой» [8].

При образовании новых производных с компонентом *царь-* нередко рушатся стилистические ограничения, что является отличительной особенностью не только современной неформальной интернет-коммуникации, но и способом выражения авторской позиции. В результате создаются единицы типа *царь-закуска*, *царь-толчок*, например:

(1) *Царь-закуска*, первый солёный арбуз, в котором всё в дело идёт: и терпко-сладкая мякоть, и острый бродящий сок, и даже твёрдая хрустящая корка (Б.П. Екимов. Родительский дом) [9].

(2) *Огни метро, гигантские отели,*

Прогресса быстро вертится волчок.

Быть может, всем известный Церетели

На Красной площади воздвигнет Царь-толчок... (В. Старостин. Царь-страна) [10].

Очевиден стилистический контраст, столкновение слов, относящихся к разным стилям и отличающихся эмоционально-экспрессивной окраской: *царь* – *закусь*; *царь* – *толчок* (название туалета). Номинации *закусь*, *толчок* зафиксированы в «Большом словаре русского жаргона», сфера их функционирования – жаргонизированная разговорная речь: *царь-закусь* – то же, что *закусон* [11, С. 201], эмоциональная окраска – шутовское; *толчок* – 1. Общественный туалет, в т.ч. школьный. 2. Унитаз [11, С. 590]. Приведённые примеры убеждают, что порождение экспрессивного деривата нередко изменяет функционально-стилистические свойства производного слова по сравнению с производящим.

Компонент *царь*- присоединяется и к словам книжных стилей, имеющим эмоционально-экспрессивную окраску ‘высокое’, таковы, например, *Царь-Град* (торгово-производственная компания в г. Нижнем Новгороде и продовольственная корпорация в г. Москве), см также наименование отеля в Подмоскovie *Царьград* – слитное написание. Второй компонент – старославянизм, о чем свидетельствует неполногласное сочетание *-ра-* вместо русского *-оро-*.

Наибольшая степень абстрактности достигается в сочетаниях *царь* + отвлеченное существительное, например *доставка*, *упаковка*, *скидка*: *Царь-Доставка*, *Царь-Упаковка*, *Царь-Скидка(и)* (опредмеченный процесс представлен как одушевленный, о чём свидетельствует прописная буква второго компонента).

К группе *царь*-производных с эмоционально-экспрессивной окраской ‘поэтическое’, с положительной эмоциональной оценкой следует отнести: *Царь-Любовь*, с некоторым допущением – аппозитивное сочетание *царь-мечта*.

Компонент *царь*- присоединяется и к исконно русским словам, и к заимствованным. Среди последних отметим слова, которые заимствованы и освоены русским языком достаточно давно, ореола новизны уже нет, эти слова не осознаются носителями языка как иностранные (см., например, *Царь-продукт*, *Царь-пицца*, *Царь-диван*, *Царь-Кредит*, *Царь-Керамика*, *Царь-кофе*, *Царь-кафе*, *Царь-Сейф*, *Царь-ванна* др.), и неологизмы. К неологизмам следует отнести производное *Царь-гаджет*, особая стилистическая выразительность которого усиливается за счёт сочетания слова *царь* – репрезентанта русской языковой картины мира, и слова английского происхождения *гаджет* (небольшое устройство, предназначенное для облегчения и усовершенствования жизни человека), создаётся языковая игра.

Черты нового мы также отмечаем в следующем: второй компонент – это не целое слово, а усечённая основа: *Царь-Транс*, ТТК в г. Челябинске (от существительного *транспорт*), что порождает языковую игру на омонимии, поскольку *транс* в переводе с французского – это психическое состояние отрешённости, отчуждённости от окружающего мира. *Находиться в транс*. Подобные усечения (ср.: *универ*, *комп*, *безнал*, *маг*, *спец* и др.) выступают в компрессивной функции, круг их расширяется. Это связано с рядом факторов: 1) стремлением к языковой экономии; 2) влиянием современных западноевропейских языков; 3) влиянием жаргонов на литературный язык вообще и разговорную речь в частности.

Заметим, что в ряде случаев компонент *царь*- теряет определительную семантику (*Царь-Царица*: *царь* и *царица* – сочинительные отношения), поэтому речь идёт уже о сложном слове, а не об аппозитивном сочетании.

Анализ лингвистического материала показывает, что к *царь*-производным в препозиции и постпозиции может присоединяться третий компонент: *Пермская Царь-пушка*, *Донецкая Царь-пушка*, *Челнинский Царь-колокол*, *Пермский Царь-Молот*, *Польский царь-дуб*, *Запорожский царь-дуб*, *Царь-Терем Алтай*, *царь-стол.рф* и др. В первых трёх случаях актуализируется прецедентная сема номинации, а в *царь*-производных типа *Пермский царь-молот*, *Польский*, *Запорожский царь-дуб* актуализируется региональный компонент, то же можно сказать и о *царь*-производном *Царь-Терем Алтай*. Но такие номинации редки, поскольку действует закон экономии языковых средств. В последнем примере очевидно, что сокращение *рф*. (Российская Федерация) усиливает компонент первой части – *царь*.

Обобщая вышеизложенное, отметим следующее.

Стилистическая характеристика *царь*-производных имеет существенное значение для их функционирования в разных дискурсах. Доказано, что функциональная и эмоционально-экспрессивная окраска *царь*-производных зависят не только от оценочного компонента *царь*-, но и от второго компонента. *Царь*-производные мотивированы лексемой *царь*, поэтому говорить о нейтральных *царь*-производных можно лишь условно (с учётом второго компонента). Выявлено, что среди *царь*-производных представлены номинации, второй компонент которых – существительные со значением стилистической модификации. В составе *царь*-производных могут быть стилистически сниженные слова (второй компонент), что, как правило, связано с выражением авторского отношения к описываемым событиям и явлениям.

Список литературы / References

1. Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий / Т. Г. Винокур // В кн.: Стилистические исследования. – М.: Наука, 1972. – С. 7-106.
2. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов / М. Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
3. Стилистика русского языка / В. Д. Бондалетов, С. С. Вартапетова, Э.Н. Кушлина, Н. А. Леонова; Под ред. Н. М. Шанского. – 2-е изд., дораб. – 223 с.
4. Романова Т. П. Особенности национального нейминга в России / Т. П. Романова // Язык – текст – дискурс: Проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: мат-лы междунар. науч. конф. / науч. ред. Н.А. Илюхина. Самара, 12 – 14 мая 2011 года. – Самара: Универс-групп, 2011. – С. 104-109.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
6. Русская грамматика: в 2-х т. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 792 с.
7. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
8. Царь-девица [Электронный ресурс]. – URL: http://irkipedia.ru/content/car_devic (дата обращения: 11.10.2016).

9. Прокопов А. Вдохновили! [Электронный ресурс] / А. Прокопов // Учительская газета. – 2007. – № 4. – URL: <http://www.ug.ru/archive/16789> (дата обращения: 13.10.2016).
10. Старостин В. Царь-страна [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chitalnya.ru/work/63787/> (дата обращения: 11.10.2016).
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2001. – 720 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vinokur T. G. O soderzhanii nekotorykh stilisticheskikh ponyatiy [The content of some stylistic concepts] // In The stylistic research / T. G. Vinokur. – М.: Nauka, 1972. – P. 7-106. [in Russian]
2. Kozhina M. N. Stilistika Rysskogo yazyka [Stylistics of the Russian language. Study guide for students of the Russian language and literature faculties of Teacher training Universities] / M. N. Kozhina. – М.: Education, 1977. – 223 p. [in Russian]
3. Stilistika Rysskogo yazyka [Stylistics of the Russian language] / V. D. Bondaletoy, S. S. Vartapetova, E. N. Kushlin, N. A. Leonov; Ed. N. M. Shanskiy. – 2nd ed, imprv. – 223 p. [in Russian]
4. Romanova T. P. Osobennosti natsionalnogo neiminga v Rossii [Features of the national naming in the Russian Language] / T. P. Romanova // Language-Text - Discourse: Problems of interpretation of statements in different communicative spheres: Materials of Intern. scientific. conf. / Scientific. Ed. O.N. Ilyukhina. Samara, 12 - 14 May 2011. – Samara: Univers Group, 2011. – P. 104-109. [in Russian]
5. Grammatika sovremennogo Rysskogo literatyrnogo yazyka [The grammar of the modern Russian literary language]. – М.: Nauka, 1970. – 767 p. [in Russian]
6. Rysskaya grammatika [Russian grammar: in 2 vols] / Vol. 1.: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. – М.: Nauka, 1980. – 792 p. [in Russian]
7. Sovremenniy tolkoviy slovar Rysskogo yazyka [Modern Dictionary of the Russian language] / Ch. Ed. S.A. Kuznetsov. – М.: Reader's Digest, 2004. – 960 p. [in Russian]
8. Tsar-devitsa [The Tsar-maiden] // Available at: http://irkipedia.ru/content/car_devic (Accessed 11.10.2016).
9. Prokopov A. Vдохновили! [Inspired!] / A. Prokopov // Teachers' Newspaper. – 2007. – № 4. – Available at: <http://www.ug.ru/archive/16789> (Accessed 13.10.2016). [in Russian]
10. Starostin V. Tsar-strana [Tsar-country] / V. Starostin // Available at: <http://www.chitalnya.ru/work/63787/> (Accessed 11.10.2016). [in Russian]
11. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bolshoi slovar russkogo zhargona [Big dictionary of the Russian jargon] / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. – SPb.: Norint, 2001. – 720 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.201

Данилевская Н.В.

ORCID: 0000-0001-9727-3782, Доктор филологических наук,

Санкт-Петербургская Военная Академия связи им. С.М.Буденного

ОЦЕНКА КАК ИСТОЧНИК ДИНАМИКИ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о роли оценки в научной коммуникации. Цель исследования состоит в уточнении и описании механизма формирования и развертывания нового знания в научном тексте. Утверждается, что одним из когнитивных механизмов процесса текстообразования является оценка. Обосновывается особая разновидность оценки для научной сферы – познавательная оценка. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в преподавании курсов стилистики и культуры речи, при подготовке учебных пособий, в практике редактирования и машинного реферирования научной литературы.

Ключевые слова: научный текст, динамика текстообразования, оценка, познавательная оценка, научное знание.

Danilevskaya N.V.

ORCID: 0000-0001-9727-3782, PhD in Philology,

St. Petersburg Military Academy of Telecommunications named S.M.Bedennogo

EVALUATION AS A STIMULUS DYNAMICS TEKSTFORMATION IN THE SCIENTIFIC COMMUNICATION

Abstract

The article discusses the role of evaluation in science communication. The purpose of the study is to clarify and describe the mechanism of formation and deployment of new knowledge in the scientific text. It is alleged that one of the cognitive mechanisms tekstobrazovaniya process is the evaluation. Substantiated special kind of evaluation for scientific spheres - cognitive assessment. The practical significance of the study is determined by the ability to use its results in teaching stylistics course and culture of speech, in the preparation of teaching aids, in practice editing and machine referencing the scientific literature.

Keywords: scientific text, dynamics of tekstformation, assessment, cognitive assessment, scientific knowledge.

Категория оценки относится к числу наиболее значимых категорий текста. Посредством оценки говорящий выражает свое отношение к фактам действительности, определяет степень важности материальных и нематериальных объектов, выделяет их из многочисленных других объектов окружающего мира и пр.

Как текстообразующая категория оценка изучается давно и в разных аспектах [см.: 1, 5, 12, 13 и др.], однако ее функциональные особенности применительно к научному тексту до сих пор остаются неопределенными. Между тем процесс «оценивания» играет в научной сфере существенную роль, поскольку ведущей задачей научного познания является выработка, формирование и обоснование нового знания о действительности. Зафиксировать противоречие в наличном знании, определить методологию и методы выхода из противоречия, оценить новое и отделить его от известного, описать новое в его системных отношениях с известным и т.д. – все это невозможно без оценки как логико-психологического компонента познавательной деятельности.

По мнению авторов Словаря русского языка, *оценка* – «это мнение о ценности, уровне или значении кого-чего-н.» [10, С. 486]. В философии, науковедении, психологии оценка рассматривается как аксиологический аспект познания, под которым понимается особый план интеллектуально-духовной деятельности человека, связанный с такими действиями субъекта, которые направлены на осознание *ценности* исследуемого объекта по отношению либо к самому субъекту, либо к другим объектам [см.: 3, 4, 6, 7, 8, 11]. Речь идет об осуществляемой в креативном мышлении ценностной ориентации субъекта в системе других ценностей.

В языковой деятельности аксиологический аспект реализуется в виде оценочных суждений личности, для выражения которых в языке имеется большой арсенал средств. Конкретизированный областью научного текстообразования, аксиологический аспект предстает как способность «оценивать информацию, т.е. выбирать из давящего на мозг разнообразия сведений те и только те, которые имеют отношение к анализируемой проблеме» [6, С. 8]. Иначе говоря, в научном тексте аксиологический аспект реализуется через *оценку знания* – как старого, так и нового.

Соотнесенность оценки с компонентами научного знания представляет собой, по нашим наблюдениям, *сложное явление, отражающее не только отношение автора к тому или иному фрагменту мысли (и тем более не только к старому знанию), но пронизывающее всю ткань текста.*

В связи с этим важно подчеркнуть, что как сама оценка, так и содержание ментальной операции оценивания не могут определяться в научном творчестве аксиологической шкалой «нейтрально – хорошо – плохо». Более того, такая шкала соответствует лишь одному из уровней – при этом *самому общему* – структурно-семантической организации поля «научной» оценки. В научном творчестве, направленном на выработку и «оязыковление» нового знания, оценка (операция оценивания) связана прежде всего с *когнитивным актом познания* (уяснения, для-себя-разъяснения, т.е. в целом – с пониманием), ибо оценить какой-либо предмет – *значит понять его, познать, как он сделан, каковы связи составляющих его компонентов и что лежит в основе этих связей.* Как видно, *по отношению к такой – познавательной – оценке* оценка-характеристика (т.е. шкала «+/-/нейтрально») оказывается весьма приблизительной и недостаточной. Не уяснив сути предмета, не поняв принципа его формирования, невозможно оценить его положительные и отрицательные стороны для практической жизни, как нельзя оценить и того, что он «безразличен» к обоим сторонам.

Об условности разделения логической и эмоциональной оценок пишет Е.М.Вольф, по мнению которой, «в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект... разделение чисто рационального и чисто эмоционального в языке является условным» [5, С. 40]. Рациональный и эмоциональный планы в структуре оценочной шкалы отражают две основные стороны оценки – объективную и субъективную. Объективная сторона оценки связана с выражением в языковой структуре отношения говорящего к предмету речи/мысли, субъективная сторона – с выражением его эмоционального состояния [Там же, С. 41]. Иначе говоря, оценка – это не только единство «эмоция субъекта ↔ предмет», но и единство «мысль субъекта ↔ предмет». Хотя и первое, и второе единства в познавательной деятельности составляют неразрывное целое, поскольку сам процесс познания всегда включает эмоциональный элемент. Не случайно Е.М.Вольф называет эмоциональную оценку *эмотивной*, подчеркивая ее связь с внутренней, смысловой стороной высказывания [Там же, С. 38–43].

К сожалению, в лингвистике за содержанием понятия *оценка* закрепилось представление, в соответствии с которым она почти всегда связывается с выражением той или иной эмоции. Мы же, анализируя научный текст в аспекте выражения в нем нового научного знания, переносим акцент на *познавательную функцию* оценки и считаем, что в этом случае оценка реализует себя как авторский выбор из множества возможных только одного познавательного действия, фиксирующего в конкретном фрагменте изложения определенное отношение исследователя к старому или новому знанию.

Процесс «перевода» (воплощения) речемыслительной эвристической деятельности в текст сопровождается выбором со стороны автора тех или иных познавательных действий, наиболее, по мнению автора, соответствующих формируемой концепции. По существу, создание текста – это всегда креативный процесс, представляющий собой продуманный автором отбор слов, словосочетаний, высказываний, особенностей их сочетания и композиции текста в целом. Только таким образом «построенный» текст способен, во-первых, наиболее адекватно структурировать и выразить авторскую идею, во-вторых, как можно более точно передать научную идею предполагаемому читателю. Несомненно, этот «продуманный отбор» сопровождает (точнее сказать – предопределяет) создание любого текста, не только научного. Но в научной коммуникации работа автора по отбору средств и формированию внешней формы текста особенно важна, поскольку научная коммуникация имеет дело со сложной, часто спорной, ломающей привычные каноны информацией. Такая информация всегда требует не просто изложения, но аргументированного (доказательного) изложения, поскольку в силу своей содержательной сложности вызывают в сознании воспринимающего наиболее (по сравнению с другими типами коммуникации) «прочные» психологические барьеры, затрудняющие понимание между автором и читателем.

Вот почему выбор, т.е. оценка познавательного действия как *необходимого* в данном конкретном фрагменте изложения оказывается в научном дискурсе не просто значимым, но *текстообразующим* фактором.

Итак, *познавательная оценка* – это выраженное в тексте отношение автора к предмету своей мысли или какому-либо собственному мыслительному действию. При этом важно, что даже если то или иное высказывание не

сопровождается оценочными средствами типа *принимая, отвергая, хорошо, плохо* и т.п., оно все равно является оцененным и оценочным, ибо выбранное из множества возможных и зафиксированное в тексте как наиболее точное для выражения мысли высказывание, безусловно, всегда есть результат предварительных оценочных действий автора.

Роль познавательной оценки как принципа рече- и смысловедения в научном дискурсе согласуется с концепцией речевого воздействия, в частности с идеями Р.М.Блакара.

Так, согласно мнению исследователя, процесс речевого общения – это всегда воздействие и поэтому данный процесс не может быть нейтральным [4]. Более того, любое, казалось бы, нейтральное, ни на что не претендующее по отношению к адресату использование языка (ср., например, акты фатической речи или непринужденной «домашней болтовни») предполагает воздействие на восприятие мира и его структурирование, изменение. Говорящий не только имеет возможность выбирать различные варианты выражения определенного содержания, но и **вынужден осуществлять этот выбор**, ибо любое высказывание вынуждает говорящего **«занять позицию»** [Там же, С. 134–136].

В научной коммуникации, связанной с выработкой *нового* знания об объективной реальности, вопрос о воздействии особенно актуален. Под воздействием здесь понимается процесс аргументации, направленный на убеждение адресата в истинности новой концепции. Отсюда ясно, что сам факт «занятия позиции» и выбор определенного речевого действия для ее вербализации являются в науке исходными точками речетворческой деятельности автора в его направленности на читателя. Ср. высказывание М.М.Бахтина о том, что «форма есть выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (со-творящего форму) к содержанию» [2, С. 307. Разрядка наша. – Н.Д.].

Таким образом, познавательная оценка – это действительно источник, «стимул-мотор» динамики развертывания научного сообщения, посвященного раскрытию нового, ранее неизвестного знания о предмете объективной реальности. С помощью познавательной оценки ученый квалифицирует тот или иной компонент знания (= любое высказывание текста) как определенную ценность, необходимую для формирования и выражения мысли. Познавательная оценка лежит в основе всякого интеллектуального движения, она предшествует рождению соответствующей языковой структуры, предопределяя ее форму и содержание. В речевой ткани научного произведения познавательная оценка реализуется специальными языковыми и речевыми средствами (анализу этих средств будут посвящены наши следующие работы).

Список литературы / References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова // 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Бахтин М. М. Проблема формы / М. М. Бахтин // Работы 1920-х годов. – Киев: Наукова думка, 1994. – С. 304–320.
3. Библер В. С. Сознание и мышление (Философские предпосылки) / В. С. Библер // Философско-психологические предположения школы диалога культур. – М.: Росспэн, 1998. – С. 13–87.
4. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 130–147.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: УРСС, 2002. – 260 с.
6. Заде Л. А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений / Л. А. Заде // Математика сегодня. – М.: Знание, 1974. – С. 5–49.
7. Ивин А. А. Теория и практика аргументации / А. А. Ивин. – М.: Юрайт, 2013. – 299 с.
8. Кинцель А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора / А. В. Кинцель. – Барнаул: Изд-во Барнаул. ун-та, 2000. – 126 с.
9. Котюрова М. П. О выражении рациональной оценки в современной научной речи / М. П. Котюрова // Проблемы функционирования языка в его разновидностях. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1981. – С. 10–17.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп., 2009. – 938 с.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Т. 2. – М.: Питер, 2013. – 323 с.
12. Сретенская Л. В. Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров / Л. В. Сретенская. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 26 с.
13. Троянская Е. С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) / Е. С. Троянская // Научная литература: язык, стиль, жанры. – М.: Наука, 1985. – С. 67–81.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the world of man] / N. D. Arutjunova // 2. izd., ispr. – М.: Jazyk russkoj kultury, 1999. – 895 p. [in Russian]
2. Bahtin M. M. Problema formy [Mold problem] / M. M. Bahtin // Raboty 1920-h godov [Works 1920]. Kiev: Naukova dumka, 1994. – P. 304–320. [in Russian]
3. Bibler V. S. Soznanie i myshlenie. (Filosofskie predposylki) [Consciousness and thinking (philosophical background) Consciousness and thinking (philosophical background)] / V. S. Bibler // Filosofsko-psihologicheskie predpolozhenija shkoly dialoga kultur [Philosophical and psychological assumptions of the school culture of dialogue]. – М.: Rosspen, 1998. – P. 13–87. [in Russian]
4. Blakar R. M. Jazyk kak instrument socialnoj vlasti [Language as an instrument of social power] / R. M. Blakar // Jazyk i modelirovanie socialnogo vzaimodejstviya [Language and modeling of social interaction Language and modeling of social interaction]. М.: Progress, 1987. – P. 130–147. [in Russian]
5. Volf E. M. Funkcionalnaja semantika ocenki [Functional semantics assessment Functional semantics assessment] / E. M. Volf. – М.: URSS, 2002. – 260 p. [in Russian]

6. Zade L. A. Osnovy novogo podhoda k analizu slozhnyh sistem i processov prinjatija reshenij [A new approach to the analysis of complex systems and decision-making processes A new approach to the analysis of complex systems and decision-making processes] / L. A. Zade // Matematika segodnja [Mathematics today]. – М.: Znanie, 1974. – P. 5–49. [in Russian]
7. Ivin A. A. Teorija i praktika argumentacii [Theory and practice of argumentation] / A. A. Ivin. – М.: Jurajt, 2013. – 299 p. [in Russian]
8. Kincel A. V. Psiholingvističeskoe issledovanie jemocional'no-smyslovoj dominanty kak tekstoobrazujuščego faktora [Psycholinguistic research of emotional and semantic text-forming as the dominant factor] / A. V. Kincel. Barnaul: Izd-vo Barnaul. un-ta, 2000. – 126 p. [in Russian]
9. Kotjurova M. P. O vyrazhenii racional'noj ocenki v sovremennoj nauchnoj reči [Expression of a rational assessment of current scientific speech] / M. P. Kotjurova // Problemy funkcionirovanija jazyka v ego raznovidnostjah [Problems of functioning of language in its forms]. – Perm: Izd-vo Perm. un-ta, 1981. – P. 10–17. [in Russian]
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian language] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – М.: In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova. 4th edition, augmented, 2009. – 938 p. [in Russian]
11. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii [Fundamentals of General Psychology] / S. L. Rubinshtejn. – Т. 2. – М.: Piter, 2013. – 323 p. [in Russian]
12. Sretenskaja L. V. Funkcional'naja semantiko-stilističeskaja kategorija ocenki v nauchnyh tekstah raznyh zhanrov [Functional semantic-stylistic category of evaluation of scientific texts of different genres] / L. V. Sretenskaja. – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Abstract of dissertation for candidate of philological sciences]. – SPb., 1994. – 26 p. [in Russian].
13. Trojanskaja E. S. Nauchnoe proizvedenie v ocenke avtora recenzii (k voprosu o specifike zhanrov nauchnoj literatury) [Scientific work in the evaluation of the review of the author (to the question about the specific genres of scientific literature)] / E. S. Trojanskaja // Nauchnaja literatura: jazyk, stil', zhanry [Scientific literature: language, style, genres Scientific literature: language, style, genres]. – М.: Nauka, 1985. – P. 67–81. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.162

Джамалова М.К.

ORCID: 0000-0002-4185-8455, Кандидат филологических наук,

Дагестанский государственный университет

ФУНКЦИИ АНТИТЕЗЫ В ПОЭЗИИ ЮРИЯ ВИЗБОРА**Аннотация**

В поэзии Визбора антитеза выступает как композиционно-стилистический принцип построения текста и его смысловая доминанта, выполняющая особые экспрессивно-стилистические функции. Антитеза сочетается с другими стилистическими приёмами: с лексическим повтором, анафорой, сравнением, синтаксическим параллелизмом, риторическим вопросом. Визбор противопоставляет пространственные и временные характеристики предметов речи, погодные явления, абстрактные явления категории коммуникативного ряда. Поэт создает как сквозную линейную (осень – весна), так и вертикальную антитезу (страсть – старость).

Ключевые слова: антитеза, противопоставление, контраст, стилистический прием.

Dzhamalova M.K.

ORCID: 0000-0002-4185-8455, PhD in Philology,

Dagestan State University

FUNCTION OF ANTITHESIS IN YURIY VIZBORE'S POETRY**Abstract**

In the poetry of Vizbor antithesis appears as a compositional stylistic principle of construction of the text and its semantic dominant, performs a special expressive stylistic features. The antithesis is combined with other stylistic techniques: from lexical repetition, anafora, comparison, syntactic parallelism, a rhetorical question. Vizbor contrasts the spatial and temporal characteristics of speech items, weather phenomena, abstract category of communicative phenomena series. The poet creates end-to-end linear (autumn-spring) and vertical antithesis (passion-old age).

Keywords: antithesis, juxtaposition, contrast, stylistic reception.

Лингвистическому анализу стихотворений Юрия Визбора, поэта и барда, в современной лингвистике уделено мало внимания. В творчестве поэтов - шестидесятников антитеза выступает как композиционно-стилистический принцип построения текста [1] и его смысловая доминанта, выполняющая особые экспрессивно-стилистические функции [2]. При исследовании антитезы анализу подвергаются как лексика художественного произведения в целом, так и синтаксис, т.е. особенности построения словосочетаний и предложений [3].

Основными типами речевых противопоставлений в текстах стихотворений Визбора выступают оппозиции грамматических, лексических и композиционных элементов, соответствующие основным уровням текстовой организации.

В художественном тексте антитеза редко употребляется изолированно. Характерной особенностью антитезы в языке поэзии Визбора является её способность сочетаться с другими стилистическими приёмами, например, с лексическим повтором, анафорой, сравнением, на фоне которых почти зримо проявляются контрастные понятия. При сочетании антитезы с синтаксическим параллелизмом возникает особый вид параллелизма, называемый антитезным параллелизмом. Антитеза часто использует форму хиазма для выражения противопоставленных мыслей. Антитеза сочетается также с риторическим вопросом, причём риторический вопрос в большинстве случаев строится на параллелизме. Повтор и параллелизм, использованные в антитезе, часто являются основой для выражения парадокса.

Антитезе принадлежит важная роль в изображении художественного конфликта, характеризующего всю историю развития мировой литературы [1, С. 42, 46]. Приём антитезы помогает со всей выразительностью показать противоречивую суть явлений, диалектику самой жизни [4].

При знакомстве с творчеством Визбора огромный интерес представляет лирический образ осени, часто возникающий в его стихах и отражающий некоторые особенности языка поэта. При создании композиции осени, иногда даже при отсутствии прямого наименования, автор использует множество слов, настраивающих читателя на определенный образ осени.

Анализ творчества Юрия Визбора позволил нам выделить сквозную композиционную антитезу осень – весна. Это противопоставление широкого философского плана присуще таким стихотворениям, как «Сон осенний», «Гроздь рябины», «Осенний листопад», «Сентябрь». Олицетворение названных времен года представлено прежде всего как некий понятийно-временной концепт. В раннем творчестве поэт пишет: «...старуха в желтый плед закутана, но вздрагивает зябко...» («Гроздь рябины»); «Приходи старуха, в желтой кофте!» («Осень на дворе»). В ряде стихотворений весна названа в противоположность осени юной девушкой. Визбор последовательно использует противопоставление на всех языковых уровнях, чтобы усилить исследуемый стилистический прием. Если осень – это дева старая, то весна – невеста, желанная всеми, юное создание: «Ведь осень, говорят, неряха из нерях... И ходят две сестры – она и инфлюэнца, Две девы старые, – и топчутся в дверях» («Осенняя пора»).

Однако уже в сборнике «Классике вопреки», описывая пору листопада, поэт пишет: «Зовущая грустью Как женщина пожившая, но все же Пленительная в устали своей, И алых листьев клена взбила ложе Та, кто зовется Грустью у людей...»; «Петь о весне смолкаем мы с годами: Чем ближе к старости, тем все ясней, Что сердцу ближе весен с их садами Несытая пустынноость осеней». Здесь для анализа противопоставления необходим весь контекст, так как только макроконтэкст дает нам необходимое понимание функциональной значимости анализа: *несытая пустынноость осеней* отражает реальные ощущения автора. В данном контексте антитеза употреблена Визбором для более «выпуклого» противопоставления каждого из описываемых явлений. Эта противопоставленность разворачивается на уровне предложений: бессоюзного и сложноподчиненного, призванных то ускорять, то замедлять ритм. Визбор создает параллельные антитетичные (старость – весна) и синонимичные пары (осень – старость). Если *осеннее плечо* есть у пожившего, стареющего человека, что явствует из контекста, то еще более резко очерчено ощущение молодости, свежести, новизны, присущее весне. Эта противопоставленность подтверждается многочисленными субстантивными словосочетаниями колористического характера («алая грусть», «красная грива»). Исследуемый прием лег в основу композиционно-смысловой организации произведения «Зовущая Грустью», где создаваемые поэтом антитетичные пары (старость – весна, сад – пустыня) объединяются в парадигматическую антитезу старость – молодость, имеющую темпорально-концептуальный вектор смысловой направленности.

Экспрессивный повтор слова *весна (весен)* реализует семантический потенциал того же свойства, что и при употреблении слова *осень*. Контекстуальное метафорическое значение слова *весна* «молодость, начало чего-либо» подчеркивается его употреблением в форме единственного числа, сочетаемостью с высоким *петь*, противопоставленностью синонимам *годы*, *старость*, а также антитезой сады – пустынноость. Слова сад, юность, радость как наиболее значимые компоненты концепта весна часто встречаются в поэзии Визбора. В результате этого оппозиция весна – осень завершает мотив осени философским обобщением: осень жизни, зрелость, приближение старости. Развитие мотива образует композиционно-стилистическое кольцо, которое истолковывает название текста: «Зовущая Грустью» – это пожившая женщина, то есть осень. Традиционная контрастность указанных времен года индивидуально обоснована: контрастность страсти и старости реализуется вертикальной антитезой страсть – старость.

Выявляемая постепенно антитетичность текста, то скрытая, то явная, разворачивается и в определенной динамике размещения стилистически окрашенной лексики. Так, в первой композиционной части стилистически сниженная лексика предшествует высокой, способствуя нарастанию эмоциональности: *пожившая, устал, ложе, прилегла, лукаво, страсть гаснущая*. Вторая, связующая, композиционная часть стилистически нейтральна и служит как бы осью противопоставления, так как третья часть построена в порядке, противоположном первой: за стилистически высоким *петь*, поставленным к тому же в сильную позицию строфы и строки, следует нейтральная лексика, и происходит закономерное к концу текста падение экспрессии. Возникает эмоционально-смысловой антиклимакс. В отношении межуровневой противопоставленности вступает и синтаксис, нарушающий размеренное течение речи и тем самым противостоящий ритму. Однако синтаксис текста экспрессивно неоднороден: по степени выразительности первые две композиционные части противостоят третьей, нейтральной, но отличаются друг от друга использованными для создания экспрессии средствами. Так, в качестве ремы в каждой части стихотворения выступает наиболее ярко стилистически маркированное слово: осень – весна – осень. Антитетичны и цветовые ассоциации «алый», «желтый» и их оттенки. Из всего сказанного можно сделать вывод, что в поэзии Визбора существует вполне мотивированная антитеза весны и осени. Осень у него – старуха в желтой кофте, неряха из нерях, дева старая. Весна – надежда, девушка юная, рождение чувств, любви. Слово осень употребляется как синоним старости, годам, излюбленный цвет – желтый. Образ весны – юность, радость, излюбленный цвет – алый.

Используя в своих произведениях антитезу, Визбор усиливает художественную выразительность речи. Он видит жизнь в контрастах, и это свидетельствует не о противоречивости, а о цельности восприятия действительности: «*Южным странам песни босановы, Северным — напевы о снегах. То ли мне слышна вот эта песня, То ли близко, то ли далеко?*» («Босанова») Визбор противопоставляет пространственные и временные характеристики предметов речи, погодные явления: «*То вечный день, то ночь без края Свидетель нашего труда*» («Окраина земная»). Для изображения всеохватности бытия Визбор использует антитезу философского характера, противопоставляя абстрактные явления, как в примере: «*Видел я суету и простор*». («Сретенский двор») Здесь возникает антитеза при помощи как языковых (вчера – сегодня), так и контекстуальных антонимов (парта – бой). Антитетичны могут быть и категории коммуникативного ряда: приветствие и прощание «*Незнакомец, незнакомка, здравствуй и прощай...*» («Ночная дорога»).

В результате анализа стихотворений Визбора нами были сделаны следующие выводы: основная стилистическая функция антитезы в поэзии Визбора - функция описания противоречивости явлений объективной действительности, основанная на противопоставлении несовместимых понятий [5]. Вторая стилистическая функция антитезы - функция субъективной авторской оценки действительности. Особый стилистический прием - употребление слова в антонимичном значении с целью достижения иронической оценки. Стилистический эффект антитезы заключается в показе явлений объективной действительности с неожиданной стороны, в выделении их противоречивости [4]. Как компоненты антитезы Визбор противопоставляет понятия с конкретной семантикой понятиям с абстрактной семантикой (*парта – бой, девушка - осень*). В структурном отношении можно выделить антитезы на уровне сложноподчиненного предложения, на уровне бессоюзного предложения и на уровне простого предложения. Антитезе принадлежит важная роль в изображении художественного конфликта [5], характеризующего все творчество Визбора. Прием антитезы помогает со всей выразительностью показать диалектику противоречивой жизни. Антитеза придает значительность изображаемым явлениям, выделяя слова, на которые падает логическое ударение. Антитеза придает стихотворному тексту Визбора афористичность.

Список литературы / References

1. Вертаева Л.В. Антитеза как принцип организации художественного текста (на материале современного английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Вертаева Л.В. – Минск, 1984. – 22 с.
2. Бабаханова Л.Т. Логическая противоположность и проблема антитезы в языке. – М., 1976. – 120 с.
3. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М., 2009. – 320 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2009. – 230 с.
5. Джамалова М. К. Антитеза в поэзии А. Галича // Культура русской речи в условиях многоязычия. / М. К. Джамалова // Материалы II международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2015. – С. 216-221.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vertaeva L.V. Antiteza kak princip organizacii hudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) [Antithesis as a principle of organization of the literary text (on the material of contemporary English): Katege. DICs]. - Minsk, 1984. - P. 22. [in Russian]
2. Babahanova L.T. Logicheskaja protivopozlozhnost' i problema antitezy v jazyke. [Logical opposite, and the problem of antithesis in the language]. -M., 1976. - P. 120. [in Russian]
3. Kolshanskij G.V. Kontekstnaja semantika. [Contextual semantics]. -M., 2009. - P. 320. [in Russian]
4. Halperin I.R. Tekst kak object lingvisticheskogo issledovaniya. [Text as object of linguistic research]. - M., 2009. - P. 230. [in Russian]
5. Djamalova M. K. Antiteza v poezii A. Galicha // Kul'tura russkoj rechi v uslovijah mnogojazychija. Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Antithesis in the poetry of Galic// Culture of Russian speech in terms of multilingualism. Materials of II International scientifically-practical Conference]. -Makhachkala, 2015. - P. 216-221. [in Russian]

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, **редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:**

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.182

Евстигнеева М.В.¹, Бутыркина И.С.²¹Кандидат филологических наук, ²студент,

Оренбургский государственный педагогический университет

ПРОСТРАНСТВО СНА В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Аннотация

В статье рассмотрены характерные для поэзии английского романтизма образ сна, особенности поэтического воплощения и символического содержания данного мотива, трансформация образа и функциональный аспект в зависимости от мировосприятия автора. Предпринята попытка проанализировать различные подходы автора к пониманию и оценке данного концепта, рассмотреть символическое значение мотива «сон», его связь со смежными ему мотивами, такими как ночь, тишина, тьма, смерть. Также была предпринята попытка доказать, что мотив «сон» является одним из важнейших смысловых элементов художественного текста, вскрывающий особенности не только одного художественного текста, но и всего творчества поэта или определенного периода в развитии литературы.

Ключевые слова: сон, образ, пространство, Романтизм.

Evstigneeva M.V.¹, Butyrkina I.S.²¹PhD in Philology, ²student, Orenburg State Pedagogical University

SLEEP (DREAM) SPACE IN THE ENGLISH ROMANTIC POETRY

Abstract

The article considers the specific images of sleep in English Romantic poetry, the peculiarities of the poetic embodiment and symbolic meaning of this motive, the transformation of the image depending on the author's world perception. An attempt was made to analyze the author's different approaches to the understanding and evaluation of this concept, the symbolic meaning of the motive «sleep/dream», its close connection between this motive and other similar motives such as «night», «silence», «darkness», «death». Another attempt was made to prove that the motive «sleep/dream» is one of the most important semantic elements of the literary text, which reveals the peculiarities of the poet's works or a certain period in the development of literature.

Keywords: sleep (dream), image, space, Romanticism.

Сон всегда являлся для человека чем-то непостижимым, тайной, которую человечество всячески пыталось раскрыть, объяснить, как с мистической, так и с научной точки зрения. Вследствие этого возникла так называемая онейрология – наука о сне и различных аспектах сновидений. Интерес к снам характерен для всех периодов человеческой культуры. Сон позволяет изобразить различные психические процессы, прошлые исторические эпохи, будущие события, внутреннее состояние, иную реальность, существующую в пределах подсознательного. Поэтому сны занимают особое место в литературе. У. Шекспир в своей знаменитой пьесе «Буря» писал: «We are such stuff, as dreams are made on, and our little life is founded with a sleep» («Мы сами созданы из сновидений, и эту нашу маленькую жизнь сон окружает», пер. Т. Щепкиной – Куперник).

В произведениях русской литературы, и в поэзии русских романтиков в частности (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов) формировались лирические ситуации, «символика снов, основу которых составила христианская антропология, получившая художественное выражение в «ночном цикле» [2, с.179]. Поэты создавали свои произведения под влиянием английских романтиков (Дж. Китс, С. Т. Кольридж, Э. Юнг, Т. Грей), которые сформировали устойчивую систему образов – символов жизни, смерти, бессмертия, ночи, могилы и другие, включая также онейрологический мотив сна в качестве необходимого компонента.

Для анализа поэтического образа Сна и его художественных функций нами были выбраны поэмы Томаса Уортона «Ода Сну» («Ode to Sleep»), Эдварда Юнга «Жалоба; или Ночные Думы о Жизни, Смерти и Бессмертии» («The Complaint; or Night Thoughts on Life, Death and Immortality»), Томаса Грея «Элегия, написанная на сельском кладбище» («Elegy written in a Country Churchyard»), Джона Китса «Ода соловью» («Ode to a Nightingale») и Сэмюэля Тейлора Кольриджа «Монодия на смерть Чаттертона» («Monody on the Death of Chatterton»).

Поэма Э. Юнга начинается с картины ночного мира и мотива Сна, для изображения которого автор использует прием олицетворения. Сон предстает читателю как живое существо, способное принести лирическому герою утешение и покой: Tired Nature's sweet restorer, balmy Sleep! [Young 1975, 5]. Природа устала, как и лирический герой, однако последний не может обрести долгожданный отдых, так как Сон отвергает его:

He, like the world, his ready visit pays

Where Fortune smiles; the wretched he forsakes [4, с. 5].

Лирический герой бродит по кладбищу, всматриваясь в надгробия. Он одинок в своей печали, нет ни единой души, с кем можно разделить тоску и грусть. Все объято мертвым сном:

Silence, how dead! and darkness, how profound!

Nor eye, nor listening ear, an object finds;

Creation sleeps [4, с. 6].

Герой устал от беспокойных, кратковременных снов, которые не приносят ему облегчения. Всем сердцем он жаждет одного: уснуть навсегда и тем самым освободить себя от бременной плоти и бесконечных страданий:

From short (as usual) and disturb'd repose,

I wake: how happy they, who wake no more! [4, с. 5]

Таким образом, здесь представлено характерное для поэзии английских романтиков и «кладбищенской» поэзии соединение онейрологии с танатологией – учением о смерти – в аспекте сон – смерть.

Связь сна и смерти показана и в поэме Т. Грея, однако, она не лежит на поверхности, но скрыта за другими образами и символами. Рассмотрим отрывок из поэмы:

Now fades the glimmering landscape on the sight,
And all the air a solemn stillness holds,
Save where the beetle wheels his droning flight,
And drowsy tinklings lull the distant folds; [3]

При повторном прочтении поэмы читателю становится очевиден тот факт, что во второй строфе оригинала словосочетание «solemn stillness» («мрачная тишина») приобретает несколько иное значение, а именно, «мертвый сон», на который и делает акцент В. А. Жуковский при переводе данного произведения. Творчество Т. Грея характеризуется постепенным переходом в изображении определенной действительности, что отмечают многие исследователи.

Поэт Т. Уортон посвятил целую оду образу Сна. Данное произведение обнаруживает общие черты с поэмой Э. Юнга. Автор изображает лирического героя, который удручен заботами и печалью дневной жизни:

Yet ah! in vain, familiar with the gloom,
And sadly toiling through the tedious night,
I seek sweet slumber, while that virgin bloom,
For ever hovering, haunts my wretched sight [3].

Герой уверен, что день не развеет его печаль и надеется, что ночь и тьма, окутавшие мир, приблизят встречу с «милым Сном» («gentle Sleep»). Только Сон в состоянии облегчить боль и муки лирического героя, «своим крылом смахнуть слезу» («Wipe with thy wing these eyes that wake to weep») и погрузить его в забвение:

On this my pensive pillow, gentle Sleep!
Descend, in all thy downy plumage drest:
Wipe with thy wing these eyes that wake to weep,
And place thy crown of poppies on my breast [3].

С. Т. Кольридж продолжает традицию в изображении единства образов Сна и Смерти. Его поэма «Монодия на смерть Чаттертона» представляет собой скорбную песнь по молодому поэту, Томасу Чаттертону, который, столкнувшись с бездушием общества, покончил жизнь самоубийством. Произведения и судьба этого поэта были популярны у английских и немецких романтиков (пьеса Альфреда де Виньи «Чаттертон», «Ода памяти Чаттертона» немецкого поэта и прозаика Иоганнеса Бобровского).

Существует несколько версий этого произведения, так как Кольридж неоднократно переделывал стихотворение. В варианте 1829 года автор пытается донести до читателя мысль о том, что смерти подвержены все, взрослые и дети, но она может быть прекрасной и разнообразной, как красочные сновидения:

O what a wonder seems the fear of death,
Seeing how gladly we all sink to sleep,
Babes, Children, Youths, and Men,
Night following night for threescore years and ten! [3]

Автор, связывая смерть со сном, представляет последний как «дверь в мир забытья», где душа поэта свободна от оков земных забот, жестокой действительности, безразличия и равнодушия общества, которое неспособно принять подлинного гения.

Если у Кольриджа сон – это скорее пребывание в некоем опиумном забытье, то у Джона Китса – это возможность освободить воображение, сознание и целиком, без остатка, погрузиться в поэзию. Критики и исследователи сходятся в едином мнении, что недолгая творческая деятельность Дж. Китса имела целью служение красоте и восхищение ею. Его стихотворения не содержали глубоких философских сентенций, но поэт был наделен даром ярко и образно писать о природе, о человеческих чувствах, о красоте жизни и смерти. Отдельные строки поэмы отражают меланхолические черты характера поэта и показывают всю горечь осознания им своей скорой смерти (поэт умер в 26 лет от туберкулеза). В качестве подтверждения тезиса приведем следующий отрывок:

Darkling I listen; and, for many a time
I have been half in love with easeful Death,
Call'd him soft names in many a mused rhyme,
To take into the air my quiet breath;
Now more than ever seems it rich to die,
To cease upon the midnight with no pain,
While thou art pouring forth thy soul abroad
In such an ecstasy! [3]

С одной стороны, песнь соловья, красивая и мелодичная, уносит Китса к миру идеальной красоты, но с другой стороны, она заставляет его остро ощутить усталость, скоротечность всего земного. Обращаясь к своим грустным эмоциям и мыслям о смерти, поэт утверждает, что «мучительно влюблен в Смерть», а трель соловья для него в данный момент – это скорее «реквием высокий» по ускользающей жизни. Дойдя до крайности в своих депрессивных переживаниях, с безысходным ужасом Китс констатирует:

Still wouldst thou sing, and I have ears in vain // To thy high requiem become a sod (Ты будешь петь, а я под слоем дерна // Внимать уже не буду ничему, пер. Е. Витковского).

Однако депрессивные и подавленные нотки данного произведения не составляют его основной центр, потому что в первую очередь «Ода соловью» является «гимном неумирающему голосу прекрасного, перед которым оказались бессильны века. Пройдут еще столетия, и этот голос по-прежнему будет трогать сердца людей, навевать раздумья о жизни и ее непрерывно возрождающейся и обреченной на умирание красоте, о ее длительности и краткости, ее упоительном блаженстве и часах тяжелой скорби, ее высоких просветлениях и горьких утратах, ее трепетных

порывах – обо всем, что волнует сердце человека, пока это сердце бьется» [1, с. 62]. Китс мастерски сочетал способность воплощать собственный художественный язык и звукопись мироощущений. В своих произведениях он создавал звуки и запахи природы и передавал эту красоту своим читателям. Он настолько поглощен своей поэзией, что трудно понять, возникает ли она в момент погружения в сон или же во время пробуждения, зародившись еще в сновидениях. Сам поэт не может ответить на вопрос, было ли это все наяву или во сне, об этом говорят последние строчки произведения:

Was it a vision, or a walking dream?

Fled is music: – Do I wake or sleep? [3]

Заключительными строками поэт признается, что находился где – то в другом мире и испытывал какие – то особенные переживания.

Таким образом, пространство сна занимает одно из важных мест в творчестве английских романтиков, так как сны имеют различные значения и выполняют определенные функции. Наличие специфических художественных особенностей онейрологического мотива в произведениях английских романтиков показано в следующей схеме:

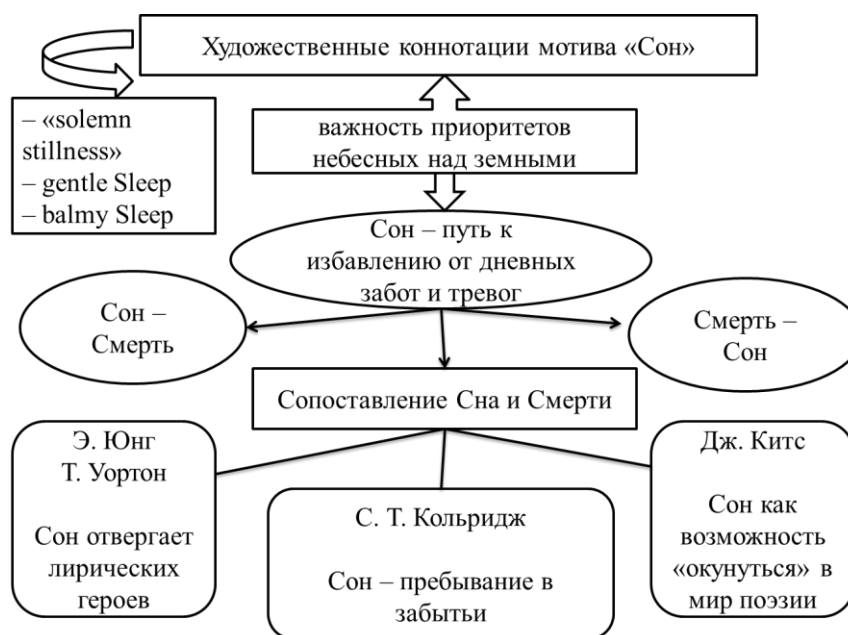

Рис. 1

Данный образ – символ приобретает большое количество ценностных смыслов, которые обогащают тексты романтических произведений новым содержанием и глубокой эмотивностью. Та часть, в которой есть описание сна или сопоставление сна и других образов или символов, органично связана с остальными элементами текста и служит читателю источником дополнительной информации, позволяющей глубже проникнуть в смысл произведения.

Список литературы / References

1. Покидов А. В. Джон Китс. Миниатюры. Оды / А. В. Покидов. – М.: Summer Garden, 2014. – 71 с.
2. Ходанен Л.А. Поэтическая мифология снов в творчестве М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен, Ямадзи Асута // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). – С. 179 – 183.
3. Poetry Foundation [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems#>
4. Young, E. Night Thoughts or, The Complaint and The Consolation / E. Young. – New York: Dover Publication, Inc., 1975. – 404 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Pokidov A. V. Dzhon Kits. Miniatury. Ody [John Keats. Miniatures. Odes] / A. V. Pokidov. – M.: Summer Garden, 2014. – 71 p. [in Russian]
2. Hodanen L.A. Pojeticheskaja mifologija snov v tvorchestve M. Ju. Lermontova [Poetic Dream Mythology in M. Yu. Lermontov's Works] / L. A. Hodanen, Jamadzi Asuta // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 2 (62). – P. 179 – 183. [in Russian]
3. Poetry Foundation [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poems#>
4. Young, E. Night Thoughts or, The Complaint and The Consolation / E. Young. – New York: Dover Publication, Inc., 1975. – 404 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.098

Зими́на Л.О.

Кандидат филологических наук,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС в г. Новосибирске,
Новосибирский университет экономики и управления,
Сибирский университет потребительской кооперации

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Аннотация

В данной статье анализируются активные языковые процессы в рекламном дискурсе, характеризуются его специфические черты, а также языковые средства продвижения текста, подробно рассматриваются проблемы интерпретации рекламного обращения, детально анализируются основные способы компрессии текста на разных уровнях языковой структуры. С опорой на учение о качествах образцовой речи рассматриваются типичные случаи коммуникативных неудач и способы устранения речевых ошибок на примере рекламного дискурса.

Ключевые слова: рекламный дискурс, стилевые черты рекламы, лингвистические приемы создания текста, компрессия текста.

Zimina L.O.

PhD in Philology,

Siberian Institute of Management – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in Novosibirsk,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Siberian University of Consumer Cooperation

STYLISTIC APPEARANCE OF MODERN ADVERTISING TEXT

Abstract

The given paper analyses active language processes in advertising discourse. Its specific features are characterized and characterize language devices of promotion. The problems of interpretation of advertising appeal are considered. The main ways of compression of text on different levels of language structure are analyzed. With the help of learning speech patterns quality standard typical cases of communicative failures and ways of speech mistakes deleting by the example of advertising discourse are analyzed.

Keywords: advertising discourse, stylistic features of advertising, linguistic methods of text generation, text compression.

Рекламный текст является основным носителем информации в рекламе, и при его создании необходимо учитывать экстралингвистические факторы (речевая ситуация, потребности адресата и адресанта, фоновые знания и др.) и собственно лингвистические факторы (знание языковых норм). Все эти факторы влияют на выбор языковых средств, на определение объема, характера и структуры текста, на стиль рекламного послания. Рекламный текст представляет собой особый вид текста, отличающийся от других спецификой композиционного построения и приемами использования языковых средств.

В функциональной стилистике рекламный дискурс рассматривается в сопоставлении с другими функциональными стилями. Так, для рекламы характерна диалогичность, которая является приметой разговорного стиля. Диалогичность рекламного текста заключается в обращенности к потенциальным покупателям. Наиболее приближен рекламный дискурс к публицистическому стилю, что обусловлено сходством выполняемых функций сообщения и воздействия. Воздействие в рекламе осуществляется при помощи манипулятивных техник, в частности, мифотворчества. Как отмечает Е.В. Вранчан, «рекламная субкультура формирует собственный метафизический мир, магически воздействующий на потребителя, способствующий возникновению иллюзии «небудничной» реальности» [1, С. 56]. Кроме общих функций, рекламу и публицистику объединяют такие черты, как экономия языковых средств, лаконичность изложения при информативной насыщенности, отбор языковых средств с установкой на их доходчивость и эффективную восприимчивость.

Рекламный дискурс как функциональный вариант речи обладает набором особенных черт, которые обусловлены приоритетной задачей рекламы – выделить рекламируемый объект из ряда конкурирующих с целью его реализации. К экстралингвистическим особенностям рекламного текста относятся: ясность, доходчивость, точность, конкретность, экономия языковых средств, краткость (сжатость), динамичность, эмоциональность и субъективность. Эти особенности рекламы особый характер изложения, то есть совокупность приёмов и способов организации языкового материала.

Основными внелингвистическими особенностями рекламного текста являются: употребление единиц разных уровней языка; активное использование изобразительно-выразительных средств (тропов и фигур); употребление фонетических искажений; использование приемов графической трансформации слов; применение приемов языковой игры; преобладание существительных и отглагольных существительных в тексте; простой синтаксис; свертывание композиционной структуры текста.

Для создания эффективного рекламного текста используются разнообразные приёмы, многие из которых основаны на языковой игре. Эти способы работы с текстом направлены на повышение физической читаемости рекламного обращения. Примером использования фонетических средств являются такие приемы, как звукоподражание, рифма, анафора и др. Специфичным для рекламы является неканоническое употребление графических средств при написании слов. К основным графическим приемам создания текста относятся: использование прописных букв вместо строчных; употребление латинских букв вместо русских; использование древнерусских букв; варьирование шрифта по плотности. Активное применение разнообразных способов графической трансформации обусловлено стремлением к повышению смысловой значимости информации. С этой целью может

выделяться графема, часть слова и целое слово. Наиболее продуктивен в современной рекламе способ графического выделения в слове другого слова или его части, в результате которого происходит полное или частичное наложение слов.

Сопоставляя приёмы языковой игры в публицистике и рекламе, С.В. Ильясова отмечает характерный для СМИ активный процесс словотворчества, который выражается, прежде всего, в создании слов-инноваций, часто с графически выделенным сегментом [4]. Как правило, в роли графически выделенного сегмента выступает название фирмы или торговой марки, что можно признать удачным, если выделенный сегмент и упаковочное слово не входят в семантическое противоречие. К основным словообразовательным приёмам относятся такие, как сложение, аббревиация, усечение, аффиксация, контаминация. Активный процесс словотворчества в рекламе отражает общую тенденцию, характерную для рекламы, – стремление к сжатой передаче информации путём замены составных наименований однословными и семантической конденсации. Частотны в рекламе дериваты с графически выделенным сегментом, которые подробно рассмотрены в следующей работе автора [2].

Структурный и семантический анализ производных и сложных существительных, прилагательных и глаголов показывает, что данные цельноформленные языковые единицы являются экономными эквивалентами словосочетаний. При этом каждая часть речи располагает наиболее продуктивными способами сжатой передачи информации. В классе существительных преобладают разные типы сложносокращённых номинаций: аббревиатуры разных типов; образования, совмещающие аббревиацию и сложение; контаминированные образования; сложносоставные существительные; новообразования с префиксами *супер-*, *гипер-*, *мега-* и сложные слова с частью *-бург*, *-град* или англ. *-сити*. Сложные и производные существительные нередко образуются путём сочетания нескольких словообразовательных приёмов: сложения и суффиксации или усечения, сложения и аффиксации и др. В классе прилагательных необходимо выделить стяжения словосочетаний, основанные на переходе прилагательных в существительные, путём субстантивации и универбации. В классе глаголов, кроме экономного образования новых словоформ путём суффиксации, следует отметить префиксально-суффиксальные окказиональные образования с графически выделенным сегментом, а также сращения на основе полного наложения слов.

К лексическим приемам создания рекламного текста относятся: импликация; расширение семантики ключевых слов; тропы; языковая игра на многозначности. Импликация предполагает введение в текст подтекстовой информации. Активно используются прецедентные тексты как семантически ёмкие компоненты, поскольку они сигнализируют об импликации в содержательной части текста. Необходимость отметить потребительские качества товара и выделить его из ряда подобных привела к формированию группы наиболее употребляемых в рекламе ключевых слов. Ценность ключевых слов заключается в том, что помимо отмеченных словарём значений в сознании реципиента на основе ассоциативных связей возникают дополнительные смыслы, которые содержат положительную оценку объекта.

Синтаксис рекламы отличается простотой и динамичностью. Для стиля рекламы характерны краткие предложения с четкой структурой, которые создают динамичный отрывистый стиль, обусловленный директивностью рекламы. Н.А. Лукьянова отмечает: «Доступность рекламной информации достигается её краткостью. Поэтому синтаксическое оформление ключевых слов не имеет существенного значения» [5, С. 140]. По наблюдениям лингвиста, для рекламы малохарактерна синтаксическая категория предикативности, что обусловлено кратковременностью действия рекламного предложения. Поэтому синтаксические структуры нередко оформляются без глагола-сказуемого. Из конструкций, представляющих собой сокращённые варианты, в рекламе часто применяются словосочетания с отглагольными существительными. Для создания небольших по объёму предложений используются средства динамического синтаксиса: парцелляция; сегментированные конструкции; вопросно-ответные единства; антитеза; градация.

Основными синтаксическими приёмами создания рекламного текста являются: эллипсис; номинативные образования и именные цепочки; использование односоставных предложений. В текстах часто наблюдается сочетание нескольких односоставных предложений. Для рекламы характерна синтаксическая простота, обусловленная необходимостью учёта оперативной памяти человека. Образование синтаксических структур небольшой протяжённости происходит за счёт опущения главных и второстепенных членов предложения. Частотны эллиптические высказывания с нулевым предикатом, восстановление которого предполагает опору на пресуппозицию и контекст. Подробно приемы создания рекламы рассмотрены в следующей работе автора [3].

Итак, рекламный дискурс является примером интенсивного функционального употребления языковых средств. Результатом такого использования становятся определённые модификации языковых структур, концентрация разнообразных приёмов оптимальной организации текста. Достижению коммуникативного эффекта в рекламе способствует грамотное использование разнообразных стилистических приёмов. Нерациональный подход к отбору языковых средств приводит к нарушению одних из основных принципов стилистики – краткости, уместности и доступности речи.

Список литературы / References

1. Вранчан Е. В. Мифологизация товара в современной рекламе как способ манипулятивного воздействия на сознание потребителей / Е.В. Вранчан // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 10 (88). – С. 56-58.
2. Зими́на Л. О. Компрессивное словообразование в рекламе / Л. О. Зими́на // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 22 (100). – Вып. 17. – С. 47-50.
3. Зими́на Л. О. Принцип экономии в современной рекламе: дис. канд. филол. наук / Л. О. Зими́на. – Новосибирск, 2007. – 200 с.
4. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
5. Лукьянова Н. А. Введение в русистику / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: НГУ, 2004. – 220 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vrančan E. V. Mifologizacija tovara v sovremennoj reklame kak sposob manipulativnogo vozdejstviya na soznanie potrebitel'ev [Mythologizing of goods in modern advertising as a way of manipulative effects on the minds of consumers] / E. V. Vrančan // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya [Almanac sovremennoy nauki i obrazovaniya]. – 2014. – № 10 (88). – P. 56-58. [in Russian]
2. Zimina L. O. Kompessivnoe slovoobrazovanie v reklame [Compressive word formation in advertising] / L. O. Zimina // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. – 2007. – № 22 (100). – Vyp. 17. – P. 47-50. [in Russian].
3. Zimina L. O. Princip ehkonomii v sovremennoj reklame: dis. kand. filol. nauk [Compressive word formation in advertising]: dis. of PhD in Philology / L. O. Zimina. – Novosibirsk, 2007. – 200 p. [in Russian]
4. Il'yasova, S. V. Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy [Jazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy] / S. V. Il'yasova, L. P. Amiri. – M.: Flinta, 2009. – 296 p. [in Russian]
5. Luk'yanova N. A. Vvedenie v rusistiku [Vvedenie v rusistiku] / N. A. Luk'yanova. – Novosibirsk: NGU, 2004. – 220 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.218

Кадырова Ш.Н.

Кандидат филологических наук,

Российский университет дружбы народов

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕГИОНА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Аннотация

Социальные сети стремительно становятся значительной и эффективной технологией в региональном имиджмейкинге. Важным инструментом формирования имиджа региона остаются личные блоги губернаторов. Однако в современном обществе, которое подвергает сомнению и критике высказывания традиционных спикеров, роль этого ресурса не однозначна.

Данное исследование – попытка проанализировать современную ситуацию вокруг соцсетей как платформы формирования регионального имиджа и изучить зависимость данного процесса от медиаактивности лидера региона.

Ключевые слова: медиа, СМИ, региональный имидж, социальные сети, глава региона, субъект РФ, Рамзан Кадыров.

Kadyrova Sh.N.

PhD in Philology,

Peoples' Friendship University of Russia

**MODERN PROBLEMS OF FORMATION OF IMAGE OF THE REGION IN SOCIAL NETWORKS
(ON AN EXAMPLE OF THE CHECHEN REPUBLIC)**

Abstract

Almost immediately, the social networks have become much more efficient technology in the regional image-making. An important instrument in shaping the image of the region continue to be personal blogs governors. In modern society that questioned and criticized the remarks of traditional speakers, the role of this resource is not clear.

This study - an attempt to analyze the current situation around the social networks as a platform forming a regional image and study the dependence of the process on mediaaktivnosti leader in the region.

Keywords: the media, the image of a regional, social networking, head of the region, the Russian Federation subject, Ramzan Kadyrov.

Появление таких информационных ресурсов как социальные сети вызвано ценностями постиндустриального общества, где люди получили возможность формировать собственный стиль жизни, а иногда и собственную реальность. По мере их возникновения и развития возможность получения информации о регионе внешними группами населения серьезно увеличились. Оперативность, внедрение новых дополнительных сервисов, обеспечение интерактивного общения с аудиторией, применение гиперссылок на разные информационные блоки — все это создало хорошие перспективы для формирования регионального имиджа субъектов Российской Федерации.

Важнейшим показателем «жизненной активности» социальной сети предстает количество «говорящих» пользователей, которые открыто выражают свои взгляды и мнения посредством публичных сообщений в социальных СМИ. В сентябре 2016 г. в России таких активных пользователей было примерно **25 млн.** человек, они создали свыше **435 млн.** сообщений в месяц [1]. (Цифры приведены по пользовательской активности «ВКонтакте», Twitter, Facebook, Instagram – прим. авт.) Важно заметить, что акторы, наполняющие публичный контент, превращают социальные сети в индикатор настроений в обществе, предоставляя возможность улавливать «живые» социальные проблемы еще только в начале формирования определенных трендов. При этом сегодня люди принимают решение, куда им поехать отдыхать на основе информации в интернете, которую размещают им лично незнакомые пользователи, совокупный опыт которых способен поспорить в значимости с позицией традиционных СМИ. Кроме того, создатели и разрушители региональных имиджей — это поисковые системы с представленными по запросам отзывами пользователей. В процессе принятия решения о поездке можно просто ввести в строку поиска вопросы: «зачем ехать в...?», «что посмотреть в...?». Понять, куда ехать не стоит позволяя запросы в «Google»: «плохие гостиницы в...» или «испорченный отдых».

Активные региональные структуры, в сущности, используют социальные сети как демонстрационную площадку и средство трансляции информации. В регионах социальные сети обеспечивают множество возможностей формирования благоприятного имиджа и продвижения территории:

- общение населения региона с жителями других субъектов и друг с другом (установление и поддержание контактов, обмен информацией, поиск работы, совместная реализация социально значимых проектов);
- взаимодействие участников социальной сети при достижении целей региона;
- разработка и утверждение посредством онлайн голосования рекомендаций по развитию региона;
- обеспечение общественной взаимопомощи участников социальной сети;
- создание и развитие благоприятного имиджа региона.

Таким образом, в современном обществе становление и развитие виртуального образа региона происходит параллельно по двум информационным потокам:

1) регион самостоятельно создает собственный образ посредством интернет-сайта, инициирования и моделирования дискуссий на общественно значимых форумах, размещения публикаций в интернет-СМИ, работы с сетевыми сообществами;

2) иные коммуникаторы – партнеры, конкуренты, обычные граждане – создают определенный образ территории. В связи с непредсказуемостью отображения в социальных сетях и блогосфере разных аспектов, оказывающих влияние на имидж региона, полный контроль данного процесса невозможен, однако его вполне возможно координировать в рамках коммуникации и контролировать создание определенного имиджа посредством «постфактумной коррекции» [2].

При общественной трансформации и информатизации общества грамотное формирование благоприятного имиджа региона является и показателем результативности проводимых в нем социальных преобразований. Определяющее значение при этом имеет позиция политических лидеров региона и их личностные качества. Серьезной проблемой выступает то, что большинство руководителей, не уделяют должного внимания созданию благоприятного имиджа и продвижению своих территорий. Подобное можно объяснить двумя факторами: неадекватность местных органов самоуправления и нежелание делать свои решения и их исполнение достоянием гласности. В результате имидж в регионах формируется стихийно, и в лучшем случае органы власти стараются нивелировать его отрицательные проявления в информационном пространстве и сделать его нейтральным.

Одним из самых медиаактивных региональных лидеров в России является глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров, который вот уже несколько лет подряд возглавляет рейтинги губернаторов. Например, два профильных исследования по теме: анализ агентства «Интериум» с 1 февраля по 1 мая 2015 года [3] и регулярно составляемые рейтинги информационно-аналитической системы «Медиалогия» [4]. В первом случае «Интериум» составляет итоговый список 35 губернаторов с собственными аккаунтами в «Facebook» и «ВКонтакте» (другие социальные сети не учитывались в прошлые годы). «Медиалогия» же просчитывает МедиаИндекс. Рейтинг в этом случае строится на основе собственной базы СМИ системы «Медиалогия» из 32 000 источников (ТВ, радио, газеты, журналы, информагентства, Интернет-СМИ, блоги). Таким образом, МедиаИндекс позволяет качественно проанализировать эффективность PR с применением технологий лингвистического анализа. Формула МедиаИндекса включает: индекс цитируемости, позитив/негатив, заметность сообщения. В результате, Кадыров занял второе место после мэра Москвы С. Собянина. [4]

Рейтинг влияния губернаторов России показал, что глава Чечни стабильно входит в пятерку самых влиятельных лидеров республик РФ и его имя отнесено к разделу «Очень сильное влияние» (ежемесячно публикуется на страницах «Независимой газеты» и Regnum) [6,7,8]. В августе 2016 года Р.А. Кадыров в очередной раз обеспечил себе лидерство и в рейтинге цитируемости губернаторов-блогеров по данным «Медиалогии» [5].

Кадыров зарекомендовал себя как очень активный пользователь соцсетей. Его страничку в «Twitter» читает 336 тыс. человек. На аккаунт в фото-сервисе «Instagram» подписалось уже более 2 млн. интернет-пользователей. На Facebook его читает 764 236 человека. «ВКонтакте» у Кадырова 464 тысячи читателей. Уже через две недели после возвращения Кадырова в «Живой Журнал» его блог получил более 3 тысяч подписчиков. Фотографии и заметки главы Чечни быстро собирают сотни комментариев. При этом страница Р.А. Кадырова в ЖЖ занимает 937 место по популярности, т.е. попала в первую тысячу самых популярных блогов Рунета с ежедневной аудиторией читателей до 30 тыс. человек. Суммарно этот показатель превышает тираж отдельных крупных федеральных газет.

Подобная активность лидера сама по себе является благоприятным фактором формирования имиджа региона, т.к. подразумевает большую в сравнении с остальными регионами «доступность» для населения. Для обычных граждан «Instagram» и прочие социальные сети являются возможностью обратиться к руководству региона с личной проблемой, а для самого лидера Чечни они стали дополнительной возможностью мониторить общественное мнение. Очевидно, в связи с этим в регионе было учреждено новое ведомство – министерство по организации взаимодействия Правительства Чеченской Республики с гражданским обществом, которое возглавил самый активный пользователь «Instagram».

Положительным для имиджа Чечни является и то, что в чеченском сегменте Рунета появляется все больше блогеров (или пиарщиков, выдающих себя за блогеров). При общем населении республики в 1 324 800 Brands Analytics фиксирует в сентябре 2016 г. следующее количество активных блогеров в чеченском сегменте рунета: Twitter: - 911 чел., LiveJournal – 65 [9].

Общезвестно, что в сознании основной части россиян устоялся ряд стереотипов о Чечне: война, терроризм, разруха, дотации, а также взаимное агрессивное отношение друг к другу молодежи из Чечни и других регионов России. Р.А. Кадыров много раз говорил о своем стремлении привлечь в регион дополнительные инвестиции, сделать его образцовым субъектом РФ. Реализовать эту идею можно только исключив негативные стереотипы и заменив новыми положительными образами. На своих страницах чеченские блогеры публикуют в основном снабженные

фотоконтентом посты о стройках в республике, материалы о новых заводах и производствах, православном храме в Грозном и т.д.

Между тем, как показывает исследование, столь яркая активность регионального лидера и желание его профессионального окружения публиковать комментарий от имени своего руководителя по самому казалось бы незначительному поводу в социальных сетях может иметь и обратный эффект. В октябре 2016 года на страницах социальных сетей (преимущественно Instagram) развернулся очередной скандал с участием главы Чечни Рамзана Кадырова и президента ММА России (Союз смешанных боевых единоборств ММА) Александром Емельяненко. Обмен комментариями к происходившим в Грозном юниорских боях ММА Grand Prix Akhmat-2016 вновь вызвал всплеск античеченских настроений в обществе. В соцсетях стали набирать популярность хештеги #ЗаЕмельяненко и #ФедорПрав. Риторика публикаций постепенно приобретала характер агрессии, достигая уровня межнационального противоборства. Объединение участников интернет-полемики в сообщества происходило по этническому признаку, т.к. поддержку Кадырову оказали представители Чечни и других Кавказских республик. А вокруг Емельяненко мобилизовались сторонники под призывами националистического характера, поскольку глава российского ММА является кумиром русской православной молодежи, среди которых немало адептов крайне правых идей. Основными темами публикаций незаинтересованных авторов были прогнозы по возможным комментариям руководства страны, а также параллели на другие инциденты с участием Кадырова.

Таким образом, активность главы республики влечет повышенный интерес широкой внешней общественности к его личности, который транслируется на интерес к региону. Преимущественно положительный контент информационных потоков не может не вызывать критический интерес к публикациям. А спектр информационных ресурсов и технологий сегодня дает массу возможностей для проверки и анализа опубликованного материала. Отсюда и наибольшее количество, в сравнении с другими регионами, альтернативных материалов о ситуации в Чечне с правами человека или коррупцией [10].

Список литературы / References

1. Brend Analytics. Статистика социальных сетей [Электронный ресурс] URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author> (дата обращения: 10.10.2016).
2. Филатова О. Г. Методологические подходы к оценке социально-экономического имиджа государства // Имидж государства / региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. трудов. Вып. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. СПб.: Роза мира, 2009. С. 167 – 182.
3. Р. Кадыров возглавил рейтинг активности губернаторов в соцсетях [Электронный ресурс] URL: http://www.ramzan-kadyrov.ru/press.php?releases&press_id=5912&month=06&year=2015 (Дата обращения: 10.10.2016)
4. Медialogия. Рейтинг губернаторов – сентябрь 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mlg.ru/ratings/governors/> (Дата обращения: 10.10.2016)
5. Медialogия. Рейтинг губернаторов-блогеров – август 2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.mlg.ru/company/pr/4381/> (Дата обращения: 10.10.2016)
6. Орлов Д. Рейтинг влияния глав субъектов РФ в июле 2016 [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/polit/2154048.html> (Дата обращения: 10.10.2016)
7. АПЭК подготовило рейтинг влияния глав субъектов Российской Федерации в сентябре 2016 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.apecom.ru/news/?ELEMENT_ID=3126 (Дата обращения: 10.10.2016)
8. Орлов Д. Рейтинг влияния глав субъектов РФ в апреле 2015 [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-06-04/6_rating.html (Дата обращения: 10.10.2016)
9. Brands Analytics. Статистика социальных сетей. [Электронный ресурс] URL: <https://br-analytics.ru/statistics/am>, https://br-analytics.ru/statistics/am?hub_id=2&date=201609&period_type=month (Дата обращения: 10.10.2016)
10. Лента.ru. Монологи чеченцев о свободе слова. «Любая критика тут не выходит за пределы кухни». [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/24/chechnya/>.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Brend Analytics. Statistika sotsial'nykh setej [Statistics of social networks] [Electronic resource]. URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author> (accessed: 10.10.2016). [in Russian]
2. Filatova O. G. Metodologicheskie podkhody k otsenke sotsial'no-ehkonomicheskogo imidzha gosudarstva [Methodological approaches to assessing the socio-economic image of the state] // Imidzh gosudarstva / regiona: sovremennye podkhody: novye idei v teorii i praktike kommunikatsii: sb. nauch. trudov. Vyp. 3 / отв. ред. Д. П. Гавра. SPb.: Roza mira, 2009. S. 167 – 182. [in Russian]
3. R. Kadyrov vozglavil rejting aktivnosti gubernatorov v sotssetyakh [Kadyrov headed the ranking of governors activity in social networks]. [Electronic resource]. URL: http://www.ramzan-kadyrov.ru/press.php?releases&press_id=5912&month=06&year=2015 (accessed: 10.10.2016). [in Russian]
4. Medialogiya. Rejting gubernatorov – sentyabr' 2016. (Medialogia. Rating Governors - September 2016). [Electronic resource]. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/governors/> (accessed: 10.10.2016) [in Russian]
5. Medialogiya. Rejting gubernatorov-blogerov (Medialogia. Rating bloggers governors - August 2016). [Electronic resource]. URL: <http://www.mlg.ru/company/pr/4381/> (accessed: 10.10.2016) [in Russian]
6. Orlov D. Rejting vliyaniya glav sub"ektov RF v iyule 2016 (Rating the influence of heads of subjects of the Russian Federation in July 2016). [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2154048.html> (accessed: 10.10.2016) [in Russian]
7. APEK podgotovilo rejting vliyaniya glav sub"ektov Rossijskoj Federatsii v sentyabre 2016 g.(APEC has prepared a rating of the impact of the heads of the Russian Federation in September 2016). [Electronic resource]. URL: http://www.apecom.ru/news/?ELEMENT_ID=3126 (accessed: 10.10.2016) [in Russian]

8. Orlov D. Rejting vliyaniya glav sub"ektiv RF v aprele 2015 (Rating the influence of heads of subjects of the Russian Federation in April 2015). [Electronic resource]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-06-04/6_rating.html (accessed: 10.10.2016). [in Russian]

9. Brands Analytics. Statistika sotsial'nykh setej. (Brands Analytics. Statistics of social networks). [Electronic resource]. URL: <https://br-analytics.ru/statistics/am>, URL: <https://goo.gl/TKewyQ> (accessed: 10.10.2016) [in Russian]

10. Lenta.ru. Monologi chechencev o svobode slova. «Lyubaya kritika tut ne vyhodit za predely kuhni» ([Monologues Chechens about freedom of speech. "Any criticism here is not beyond the kitchen."]). [Electronic resource] URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/24/chechnya/> [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.111

Карачина О.Е.

ORCID: 0000-0001-5340-9617, Кандидат филологических наук,

Международный гуманитарно-лингвистический институт

ПРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Аннотация

Данная статья ставит своей целью установить национально-культурные различия в понимании таких ключевых категорий экономического сознания, как отношение к богатству и бедности, жадности и щедрости, долгу и бережливости. Материалом для исследования послужили пословицы и поговорки русского и английского языков. Паремии, способные в концентрированном виде фиксировать наиболее ценный опыт, мудрость и предпочтительные модели поведения народа, стали ценным источником эмпирических данных. В целях верификации наблюдения и выводы лингвистического анализа были подкреплены актуальными статистическими данными социологических опросов, демонстрирующих экономические установки и предпочтения современных россиян и англичан.

Ключевые слова: экономическое сознание, паремии, бедность, богатство, жадность, щедрость, бережливость, расточительность, долг.

Karachina O.E.

ORCID: 0000-0001-5340-9617 PhD in Philology,

International Institute for Humanities and Linguistics

DOMINATING MORAL AND ETHICAL VALUES OF RUSSIAN AND ENGLISH ECONOMIC CONSCIOUSNESS

Abstract

The article seeks to establish cultural differences in the key economic categories of economic awareness: attitude to poverty and richness, greed and generosity, debt and thrift. For source of empirical data, we turn to proverbs and sayings, which distil the most valuable experience and store wisdoms and prescriptive behavioral patterns. For verification, observations and conclusions of the linguistic analysis are checked against the up-to-date statistical data showing the attitudes of modern English and Russians towards the studied categories.

Keywords: economic awareness, proverbs and sayings, poverty, richness, greed, generosity, debt, thrift.

Наблюдаемое в последние десятилетия преобладание антропоцентризма в научной парадигме современной лингвистики привело к расширению диапазона исследований, в значительной степени за счет обращения к психологической и социальной составляющей Homo Loquens - человека говорящего. Фокусом данного исследования является вербализация экономического сознания, характерного для представителя конкретного этно-социума. Исходя из того, что национальные особенности языкового поведения более отчетливо выявляются при соприкосновении с иноязычной культурой, для своего исследования национальных особенностей языкового проявления экономического сознания мы выбрали сопоставление русскоязычной и англоязычной культур. В качестве теоретических «единиц» анализа структуры экономического сознания выступают осознаваемые элементы психологического отношения личности к экономической среде: 1) экономическое мышление (способность осмысливать экономические явления, познавать их сущность, усваивать и соотносить экономические понятия, категории с реальностью и на основе этого строить свою экономическую деятельность), 2) экономические мотивы (стремление к накоплению богатства, конкуренции, эгоизму, альтруизму и т.п.), 3) экономические нормы (вид социальных норм, регулирующих экономическое поведение), 4) экономические представления (комплексно организованная социально детерминированная система представлений об экономических объектах, являющаяся субъективным отражением объективной экономической реальности) [1, с.50].

В данном случае объектом нашего изучения стали нравственные категории, такие как отношение к бедности и богатству, жадности, щедрости, бережливости и расточительности, а также их положение в системе нравственных приоритетов.

Одним из ключевых экономических представлений является отношение к богатству и бедности. В обеих культурах состояние богатства определяется наличием денег, обеспечивающим физический комфорт, достойный социальный статус, свободу выбора и уважение окружающих (*Есть чем звякнуть, так можно и крикнуть, А heavy purse makes a light heart*). Вместе с тем, и в англоязычном и русскоязычном сознании богатство не всегда ассоциируется со счастьем и довольством (*Кто до денег охоч, тот не спит и ночь, Who owns too much remains unhappy*). В сознании русского народа богатство не связывалось с упорным трудом и накоплением. Под влиянием православной веры выше богатства считалось богатство духовное, а богатство материальное рассматривалось как

состояние временное и непостоянное. Отсюда в русском языке происходят пословицы, которые передают такие черты русского национального характера, как фатализм, терпимость к недостаткам, в том числе и расточительству: *Как не беречься, а видно ожечься, Дано добро – и нажить и прожить, Отцам копить, а деткам сорить*. Поэтому даже очень богатые люди демонстрировали (и демонстрируют) презрение к деньгам, легко тратя их на какие-либо причуды. В известной степени этим же объясняется и отношение к долгу / займу. В обеих культурах долг рассматривается как отрицательная практика, приносящая неприятные эмоции, а состояние должника оценивается хуже, чем бедняка (*Заниматься, что побираться, Голод мутит, а долг крушит, Debt is the worst poverty*”, *He that goes a borrowing goes a sorrowing*). Однако только в русском языке присутствует попустительствующее великодушие по отношению к неплатежу долга (*Если взято давно, то и забыто оно, Дай займы, да назад не проси, Старый долг собрать, что клад найти*). Говоря о нравственных приоритетах на шкале ценностей в сопоставляемых культурах, нужно отметить, что в англоязычной культуре с ее рациональностью и прагматизмом, все же выше богатства ставится репутация/достоинство (*Good name is better than the riches*), здоровье (*Wealth is nothing without health*), дружба (*Money can't buy friendship*), ум (*Ass is but an ass though loaded with gold*). В русском языке наряду с похожими пословицами (*Добрая слава лучше богатства, Не хвались серебром, хвались добром, Дружба дороже денег*), также существуют пословицы, в которых одна ценность не заменяет другую. Скептическое отношение к прямой зависимости степени богатства от наличия ума, образования и труда, как свидетельствует языковой материал, появилось в психологии нашего народа не вчера – *Разума много, да денег нет, Дал Бог здоровья, да денег нет*. Сравним с английским *Money spent on the brain is never spent in vain*. Также отличаются наши культуры в отношении к бедности. Как и англичане, русские признают разрушительность бедности и в физическом смысле и в духовном смысле (сравним: *Хуже всех бед, когда денег нет, Бедность не грех, а до греха доводит и A hungry belly has no ears, Necessity knows no law*), однако, они более терпимо относятся к бедности, не считая, в отличие от англичан, что бедность – это вина самих бедняков. Последнее подтверждается данными ассоциативных экспериментов. Так, в результате опроса 60 представителей русскоязычного этноса и 60 представителей англоязычного этноса, было выявлено, что для понимания концептосферы английского народа очень важен когнитивный признак, представляющий *бедность как неудачу*, где бедняк означает *неудачник*, и периферия ассоциативного поля *poverty* как бы продолжает мысль, что бедняк – это тот, кто неудачен в деловой сфере. Данный признак не входит в содержание ассоциативного поля *бедность* в русском сознании. Для английских респондентов важным фактом существования в бедности является отсутствие стабильности и комфорта жизни, приемлемых социальных установок, в то время как русского менталитета основным признаком бедности является отсутствие и недостаток денежных средств. Интересно, что в ядро русского концепта входит «духовный» или нравственный признак: *бедность внутреннего мира человека*, т.к. русские информанты связывают бедность с образом личности, не нашедшего смысла жизни [5, с. 19-20].

В русском языке также больше пословиц, акцентирующих не столько трудность, сколько не обременённость материальными заботами жизни бедняка (*Без денег сон крепче, Нет денег – нет хлопот*). Также в русской культуре присутствует весьма сильный образ неунывающего бедняка (*Нужда горюет, нужда воюет, Нужда и плачет припеваючи, Нужда и горбится и прямится*). В английском языке таких пословиц не обнаружено, что весьма характерно (единственная пословица с немного похожим значением *Hope is the poor man's bread*).

Интересные результаты дает изучение паремий, отражающих такие важные экономические категории как щедрость и жадность. Жадность порицается в обеих культурах: *Много желать – добра не видать, Скупой богач беднее нищего, Grasp all, lose all, The more you have, the more you want*. Интересно, что в русском языке гораздо более лексикализированным оказывается смежный с жадностью/ богатством и бедностью признак – зависть (*Берут завидки на чужие пожитки, Сосед спать не дает: хорошо живет, Лучшие жить в жалости, чем в зависти*). Качество «щедрость» не получило широкого закрепления в паремиологическом фонде сопоставляемых языков, хотя в обеих культурах безусловно признается, что «не приходом люди богатеют, а расходом» (сравним с англ. «*It is better to give than to receive*»). Однако анализ существующих паремий на эту тему позволил сделать ряд интересных находок. Так, например, для русской души с ее широтой и готовностью влезть в долги или отдать последнее, чтобы порадовать дорогого, или очень нуждающегося человека, слишком прагматично, хотя и справедливо, звучит английское *Be just before you are generous*, призывающее сначала расплатиться со всеми долгами, а затем думать о подарках кому-либо.

Вышеприведенные лингвистические наблюдения в целом подтверждаются последними социологическими исследованиями отношения к бедности и богатству. Так, в России отрицательное отношение к богачам демонстрируют 26% населения бедность, но почти такой же процент людей (25%) относятся к ним с уважением или, по крайней мере, с интересом [3]. Сегодня богатство как зло, противоречащее идее православной аскезы, в настоящее время не воспринимается именно в такой степени крайности. Влияние западного прагматизма ощутимо сказывается на экономическом сознании россиян. Но отрицательное отношение к богатству поддерживается в силу специфических экономических изменений, произошедших в России в постсоветский период (грабительская приватизация, обогащение узкого круга «новых русских» и чиновничьей элиты и т.п.). Это наглядно демонстрирует перечень качеств, приписываемых богачам, где доминируют такие отрицательные характеристики, как жадность (32%), неуважение к законам (26%), непорядочность (21%), но, вместе с тем, отмечаются образованность (21%) и профессионализм (19%) [3]. Таким образом, собирательный портрет богатого человека в сознании современных россиян рисуется следующим образом: это стремящийся к власти энергичный и инициативный человек, довольно жадный к деньгам, безразличный к судьбе своей страны и не слишком порядочный, но при этом образованный, отличающийся профессионализмом и трудолюбием. Что касается бедности, то здесь по-прежнему, доминирует сочувственное (36%) и жалостливое (6%) отношение [2], поддерживаемое уверенностью, что «бедность – не порок, а несчастье». Но социологи обращают внимание на отрицательную динамику последних лет, в силу того, что «отношение к бедным начинает выстраиваться в современном российском обществе, исходя уже не из факта, а из особенностей причин их бедности» [2]. В сознании среднестатистического россиянина бедность все больше ассоциируется с инертностью, ленью, а также пьянством, наркоманией и прочими пороками. Но все-таки, в целом,

бедным людям приписываются положительные качества: доброта (31%), законопослушность (28%), совестливость (19%), хотя и отмечаются вышеуказанные недостатки – лень (22%), пассивность, инертность (21%), низкий уровень образования (16%) [3].

В английском обществе отчетливо прослеживается тенденция индивидуальной ответственности за собственную бедность: первой причиной бедности называется экономическая политика страны (35%) и второй – лень и безынициативность самих индивидов (23%). Примечательно, что после финансового кризиса 2008 последний показатель возрос: отношение к бедности и, в частности, безработным стало более жестким: в 2013г. 54% британцев обвиняли в нежелании искать работы и улучшать свое благосостояние самих безработных, и 29-35% населения негативно относятся к получателям пособий по бедности, мотивируя тем, что им должно быть «стыдно» [4].

Таким образом, подводя итог нашим лингвистическим изысканиям, мы можем заключить, что закрепленное на протяжении долгой истории нашего общества отношение к богатству и бедности, жадности и щедрости по морально-этическим и приоритетным параметрам не изменилось. Несмотря на экспансию западного прагматизма и ожесточение, вызванное затянувшейся экономической нестабильностью, россияне, по-прежнему, воспринимают богатство и бедность философски-фаталистически, понимая их временность и относительность в условиях России, где "от тюрьмы и от сумы не зарекайся". И, по-прежнему, большинство ее жителей убеждены в том, что "не в деньгах счастье", а бедность достойна сочувствия. Россияне и сейчас удивляют своей подчас иррациональной щедростью и стесняются попросить вернуть долг. Столь же незначительно изменились базовые морально-этические установки британцев – человек должен стремиться к богатству, для этого необходимо трудиться. Финансовые потрясения последнего десятилетия, хотя и внесли некоторый элемент непредсказуемости в экономические представления британцев, но, по сути, не только не изменили, но еще резче обозначили этическую доминанту, которая выражается в прагматическом отношении к бедности: сочувствия достойны только беспомощные (по физическим или возрастным параметрам), в остальных случаях быть бедным стыдно.

Список литературы / References

1. Дейнека О.С. Экономическая психология в российской политике переходного периода: Дис... д-ра психол. наук: 19.00.12. / Дейнека Ольга Сергеевна. – С.-Петербург, 1999. – 326с.
2. Горшков М.С., Тихонова Н.Е. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя [Электронный ресурс] / М.С. Горшков, Н.Е. Тихонова / Институт социологии РАН. – 2013. – URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html (дата обращения: 22.11.2016)
3. Львов С.В. Образы бедности и богатства в российском общественном сознании [Электронный ресурс] / С.В. Львов. – 2013. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-bednosti-i-bogatstva-v-rossiyskom-obschestvennom-soznanii> (дата обращения: 20.11.2016).
4. Public attitudes to poverty, inequality and welfare in Scotland and Britain [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: <http://gov.scot/Resource/0047/00473561.pdf> (дата обращения: 23.11.2016)
5. Стешина Е.Г. Концепты *богатство* и *бедность* в молодежном языковом сознании русских и англичан. Автореф. дис. на соиск. канд. наук 10.02.19, защ. 01.09.2008 / Стешина Елена Геннадьевна. – Саратов, 2008. – 25с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dejneka O.S. Jekonomicheskaja psihologija v rossijskoj politike perehnogo perioda [Russian economic psychology in transition period]: dis... PhD in Psychology: 19.00.12. / Dejneka Ol'ga Sergeevna. – S.-Peterburg, 1999. – 326 p. [in Russian].
2. Gorshkov M. S., Tihonova N.E. Bednost' i neravenstva v sovremennoj Rossii: 10 let spustja [Poverty and inequality in modern Russia: ten years later] [Electronic resource] / M.S. Gorshkov, N.E. Tihonova / Institut sociologii RAN [Institute of Sociology of RAS]. – 2013. – URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html (accessed: 22.11.2016) [in Russian].
3. L'vov S.V. Obrazy bednosti i bogatstva v rossijskom obshhestvennom soznanii [Images of poverty and wealth in public consciousness] [Electronic resource] / S.V. L'vov. – 2013. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-bednosti-i-bogatstva-v-rossiyskom-obschestvennom-soznanii> (accessed: 20.11.2016). [in Russian].
4. Public attitudes to poverty, inequality and welfare in Scotland and Britain [Electronic resource]. – 2015. – URL: <http://gov.scot/Resource/0047/00473561.pdf> (accessed 23.11.2016). [in English].
5. Steshina E.G. Koncepty bogatstvo i bednost' v molodezhnom jazykovom soznanii russkih i anglichan [Concepts "poverty" and "wealth" in Russian and English youth consciousness]. Abstract of dis... PhD in Philology 10.02.19, defense of the thesis 01.09.2008 / Steshina Elena Gennad'evna. – Saratov, 2008. – 25p. [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.015

Каримова Р.Х.

ORCID: 0000-0002-6968-0791, Кандидат филологических наук,

Стерлитамакский филиал Башкирский государственный университет

Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ, № проекта 16-06-20894

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕН ДЕЯТЕЛЕЙ В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация

В статье на материале немецкого и русского языков подвергаются исследованию имена деятелей, относящихся к содержанию концепта «труд».

Материалом для исследования послужили идеографические и диалектные словари указанных языков. Привлечение к анализу материала словарей молодежного языка позволило наиболее полно отразить актуальное содержание концепта. Для полноты описания признаков в ходе исследования применялись также одноязычные словари.

Наиболее богато структурированы признаки, отражающие отрицательное отношение к труду.

Ключевые слова: концепт, концептуальный признак, лексема, значение слова, понятийная составляющая.

Karimova R.Kh.

ORCID: 0000-0002-6968-0791, PhD in Philology,

Sterlitamak branch Bashkir State University

This work was supported by RFBR grant, project number 16-06-20894

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NAMES OF THE FIGURES IN UNRELATED LANGUAGES (ON MATERIAL OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

Abstract

In article on a material of German and Russian languages are studied the names of the figures pertaining to the content of the concept "labour".

The material for the study served as dialectal and ideographic dictionaries of these languages. Involvement in the analysis of the material of dictionaries of youth language has allowed to more fully reflect the actual content of the concept.

For a complete description of the elements in the study was also used monolingual dictionaries.

Most richly structured features reflect a negative attitude to labour.

Keywords: concept, conceptual sign, token, word meaning, conceptual component.

Исследования культурных концептов, отражающих наиболее типичные для народа-носителя языка представления о языковой концептуализации действительности, становятся все более интенсивными в начале нового тысячелетия. К таковым можно отнести концепты: «свобода», «счастье», «воля», «совесть» и др. Концепт «труд» представляется нам наиболее значимым для описания картины мира и определения особенностей менталитета народа. Семиотическая плотность исследуемого концепта позволяет привлечь к исследованию большое количество тематических полей, множество пословиц, поговорок, лексических и фразеологических единиц, что по мнению С.Г. Воркачёва « связано с релевантностью, важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании [Воркачев 2005 : 77] .

Когнитивный подход предоставляет возможность по-новому взглянуть на лексическую систему языка, принимая во внимание процесс восприятия и мышления человека.

Как утверждает В.Н.Телия, лексема способна «указывать на мир своим значением, которое встраивается в структуры знания о мире – прототипы, фреймы, являющиеся своего рода посредниками между собственно языковым значением и обозначаемой действительностью» [Телия 1996: 91]. В этом отношении наиболее ярким и красочным материалом являются фразеологизмы, афоризмы и паремии.

Когнитивная наука позволяет рассматривать лексическое значение как отражение определенных пластов знаний и опыта, зафиксированных в языке и связанных с деятельностью человека. Новый подход к исследованию языковых единиц направлен на выявление всех типов знаний, связанных с коммуникативной деятельностью и заложенных в структуре слов, а также позволяет обнаружить взаимосвязь разнообразных концептов в их смысловой структуре. Е.Г. Беляевская отмечает, что «лексическое значение включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом ... и представляет собой микрофрейм – особым образом организованный блок знаний об обозначаемом» [Беляевская 1992:5].

Принимая во внимание вышеупомянутые аргументы, определим в качестве цели нашей статьи описание концепта «труд» привлечением материалов диалектной лексики, фразеологии, в том числе данных из словарей жаргона и просторечий. Эмпирический материал для исследования был отобран методом сплошной выборки из диалектных, фразеологических одноязычных и двуязычных словарей немецкого и русского языков.

Понятийная и образная составляющие в содержании концепта «труд», объективируемые пластом диалектной лексики и фразеологии, считаем возможным представить в виде ряда концептуальных признаков. Отобранные для исследования лексические единицы сгруппированы по 12 концептуальным признакам, каждый из которых имеет разное наполнение. Выявленные в результате исследования признаки могут служить основой для составления культурного сценария, отражающего основные типичные для каждого народа установки и представления об отношении к труду как долгу и как необходимости. Представляется возможным выделить следующие концептуальные признаки: « работать усердно», « работать с напряжением сил , выполнять тяжелую работу», « работать небрежно, неумело», « работать плохо, халтурить» , « слоняться без дела» , « быть негодным для работы», « предаваться безделью », « заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью», « болтать, празднословить», « медлить, копошиться», « отлынивать от работы». Наиболее богато структурированные признаки рассмотрим подробнее.

Содержание понятийной составляющей объективируется в значениях базовых лексем, к которым справедливо отнести и имена деятелей, выражающих различное отношение человека к труду. Названные лексемы указывают на мир своим значением, а значит, отражают различные когнитивные признаки.

Под когнитивным признаком понимается отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре концепта как отдельный элемент его содержания [Попова, Стернин 2001, с. 128]. С целью выявления данных признаков считаем необходимым рассмотреть синонимы к базовой лексеме *Arbeit*, т.к., по нашим наблюдениям, во внутренней форме этого слова отражены особенности реализации анализируемого концепта в современном немецком языке.

Согласно словарю Дудена, субстантив *Arbeit* имеет следующие значения: *Maloch(e)* (ugs.), *Tätigkeit*, *Beschäftigung*, *Wirksamkeit*, *Fron*, *Fabrikarbeit*, *Leiharbeit*, *Akkordarbeit*, *Büroarbeit*, *Halbtagsarbeit*, *Jobsharing*, *Teilzeitarbeit*, *Heimarbeit*, *Hausarbeit*, *Schwarzarbeit*, *Untergrundwirtschaft*, *Schattenwirtschaft einer Gruppe*: *Zusammenarbeit*, *Gruppenarbeit*, *Gemeinschaftsarbeit*, *Koproduktion*, *Kooperation*, *Teamwork*, *Kollektivarbeit*, *Frondienst* (schweiz.), *Fronarbeit* (chweiz.), *Robot* (bes. österr.), *dringende Postarbeit* (österr.) [Duden 1997, S.59]. В значении данных синонимов отражается социальная ситуация современной Германии, ее специфика в сравнении с другими странами, ср.: неполный рабочий день- *Halbtagsarbeit*, *Teilzeitarbeit*, работа на дому- *Hausarbeit*, *Heimarbeit*, сельская работа- *Akkordarbeit*, нелегальная работа- *Schwarzarbeit*, наемный труд- *Leiharbeit*, работа в коллективе- *Teamarbeit*, *Teamwork*, *Gruppenarbeit*, *Gemeinschaftsarbeit*, *Kollektivarbeit*. Многие из этих слов послужили производящей основой для создания имен деятелей, ср.: *Schwarzarbeiter*, *Teilzeitarbeiter*, *Teamworker* и др.

Так, из содержания представленных слов видно, что в современной Германии существует возможность работать неполный рабочий день, уточняется место выполнения работы, условия ее выполнения, условия оплаты труда, возможности легальной и нелегальной работы.

Что касается лексического состава анализируемых слов, в содержании слов отражается тенденция немецкого языка к заимствованиям из английского языка, отсюда в составе сложных слов появляются английские производящие основы, частично сохранившие свое правописание. Отметим, что изменилось только строчное правописание существительных на прописное согласно правилам немецкой орфографии.

Лексемы, объективирующие установку в немецком языке установку, что недостойно человека работать 'плохо, кое-как, халтурно' представлены целым рядом лексем, ср. нем. *Hudeler*, *Hudelbube* (разг.), *Schlamper* (ю.-нем.), *Pfuscher* (разг.), *Huschelpeter* (разг.), *Nassauer* (разг.), *Krauterer* (швейц.), *Murkser* (разг.), *Stümper* (ср. русск. *халтурищик*, *калымищик*, *портач*, *пачкун*, *верхушник*, *неумеха*, *сапожник* (разг.)). Имена деятелей, характеризующих положительное отношение к труду, представлены меньшим количеством слов, ср. русск. *работяга*, *работуха* (о трудолюбивой женщине), *тудяга* (прост.), *умелец*, *труженик*, *ударник*, *трудолюб*, *дока*, *мастак*, *мастачка*, *крепальница*, *ишак*, *негр*, *гегемон*, *вокер*, *ваза* (о деловой женщине), *попылюшка* (о работающей женщине), нем. *Arbeitsmensch*, *Arbeitsmaschine*, *Arbeitsstier*, *Frühauflsteher*, *Tüfteler*, с отрицательной коннотацией: *Promoter*, *Streber*.

Многие из перечисленных лексем имеют в словарях помету: разг. Отрицательная коннотация последних слов *Promoter* и *Streber* свидетельствует об осуждении обществом стремления к карьеризму.

В этих номинациях отражена тенденция к тому, что любое отклонение от нормы всегда находит большую реализацию в языке. Частотными словообразовательными моделями в данной группе слов являются словосложение и суффиксация. Следует отметить, что производящими основами немецких слов со значением отрицательного отношения к труду выступают глаголы *hudeln*, *stümpfern*, *schlampern*, *murksen*. В сложных словах частотными являются антропонимы, ср.: *Fritze*, *Peter*, *Bube*. Существительное *вокер* является калькой с английского, ср. *worker*-рабочий

Многочисленными номинациями в русском языке представлен признак «бездельник, дармоед», ср. русск. *шланг* (неодобр. молод.), *сачок*, *баклан*, *филон*, *увалень*, *охламон*, *белохвостка*, *злыдень*, *кила*, *лыдачий*, *ленчик*, *найда* (так называют женщину, которая бесцельно проводит время). Все перечисленные лексемы имеют в словаре пометы: прост., неодобр., фам. и были обнаружены в различных словарях говоров областных центров России. Богато структурирован в обоих языках концептуальный признак «слоняться без дела», ср. русск. *полкан*, *копун*, *копуша*, *волокутчик*, *резинчик*, *брындала*, нем. *Zögerer*, *Zauderer*, *Bummelliese*, *Bummelheini*, *Bummelsteffen* (ср. также у Даля В.И. *шамша*, *шалыхвост*, *шамоня*, *лыкась*, *шагалдай*, *хомяк*, *ишишмор*, *рохля*, *клуша*; диал. *хартыга*, *мамыка*, *табалыга*). Многочисленность номинаций, объективирующих данный признак, свидетельствует об отрицательном отношении общества к людям, выполняющим работу медленно.

Интересным представляется анализ некоторых лексем в русском языке. Так, субстантив *калымищик* образован от существительного *калым* (в данном случае со значением «левая работа»). Отметим, что существительное образовано с помощью суффикса *-щик*, который является типичным для образования имен деятелей в русском языке, хотя и имеет негативную окраску.

Субстантив *сапожник* представляет собой переосмысление первичного значения данного слова, которое, на наш взгляд, вероятно, указывает на несложный характер работы в данной профессии.

Появление номинаций, обозначающих небрежное отношение к делу, относится к временам ремесленного производства в Германии, когда к мастерам предъявлялись высокие требования, и использование инструмента во внеурочное время и работа вне цеха осуждалась мастерами. в настоящее время названные лексемы не столь распространены в современном немецком языке.

В диалектах и региональных вариантах немецкого языка нами были обнаружены, кроме общеизвестных *Drückebergerr*, *Drohne*, *Faulpelz*, *Faulenzer*, *Nichtskönnner*, *Nichtsnutz*, следующие лексемы со значением: «бездельник. неумеха». ср. *Minderleister*, *Arbeiterdenkmal*, *Slacker*, *Wurstseppel*. Последнее слово требует разъяснения. Под словом *Wurstseppel* понимается человек, который ничем не занимается, бездельничает весь день. общеязыковым синонимом данного субстантива называют общеизвестное *Faulenzer*. В качестве возможной формы субстантива *Wurstseppel* в региональном словаре представлен фразеологизм английского происхождения *couch potato*. Английскую основу имеет и субстантив *Slacker*. от *slack*-1. *суц.* бездействие. 2. *прил.* вялый, инертный.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Понятийная составляющая в содержании концепта «труд» включает целый ряд имен деятелей с отрицательным и положительным отношением к труду.

2. Отрицательное отношение к труду объективируется в исследуемых языках более частотно, что подтверждает тезис: трудолюбие является нормой, а лень противоречит религиозным устоям.

3. Наиболее частотными следует признать признаки: « предаваться безделью», «работать с напряжением сил», «слоняться без дела», «работать кое-как, плохо», « заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью», «медлить, копошиться». Переосмыслению в значении лексем подвергаются зоонимы, фитонимы, имена орудий и предметов труда.

4. Исследования не являются конечными, так как изучению подвергаются лексические единицы разноструктурных языков в разных системах языка: лексике, фразеологии, паремиологии..

5. Наличие в группе обнаруженных нами существительных с английскими глагольными основами является показателем существующей в немецком языке тенденции к активному внедрению английского языка в лексикон современной молодежи Германии.

Таким образом, концепт «труд» представляется многослойным и многоуровневым. Привлечение для анализа структуры концепта материала фразеологизмов из словарей различного типа позволит наиболее полно описать структуру и содержание исследуемого концепта.

Список литературы / References

1. Алефиренко Н.Ф. Язык-сознание-культура: проблема взаимодействия // Язык и культура: Хрестоматия по спецкурсу для студентов-филологов / под ред. проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. – С. 47-54.
2. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова) // АДД. – М., 1992.
3. Большой немецко-русский словарь в 3 т. // Под ред. О.И. Москальской. – М., 1999.
4. Вальтер, Х. Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 832 с.
5. Воркачëв С.Г. Лингвоконцептология: состояние, перспективы, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011, том 70, № 5, с. 64-74.
6. С.Г. Воркачев. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: Истоки и цели // Филологические науки. – 2005. № 4. – С. 77-83.
7. Галимова О.В. Идеографический словарь русских и немецких зоонимов. Уфа: БГПУ, 2004. – 332 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. II, IV. – М., 1981.
9. Каримова Р.Х. Концепт «труд/лень» в паремиологии неродственных языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004.-199с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. -Воронеж.-2001.
11. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Сост. Н.Г. Бухарева, А.И. Федоров. Под ред. Чл. Кор. АН СССР Ф.П. Филина. – «Наука». – Новосибирск, 1972.- 207 с.
12. Словарь вологодских говоров. А. – Г. Уч. Пособие по диалектологии. Вологда. – Вол. ГПИ. – 1983. – 142 с.
13. Словарь вологодских говоров: Уч. пос. по русской диалектологии. – Вологда, 1989. ВГПИ. – 92 с.
14. Словарь смоленских говоров. Вып. 1. А. – Б. Смоленск.. СМПИ им К. Маркса. 1974. – 309 с.
15. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязан. р-на Рязан. Области). Под ред. И.А. Оссовицкого. М.: Наука, 1969. – 611 с.
16. Словарь башкирских говоров. Т. 2. Южн. Диалект. Ред. к. ф. н. Н.Х. Максютлова. Уфа. 1970. – 326 С.
17. Словарь русских говоров Башкирии: А. –Н. Уфа: Гилем, 1997.- 168 с.
18. Словарь русских говоров Башкирии: К–О. (Под ред. Здобновой З. П.) – Уфа: Гилем, 2000. – 136 с.
19. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 58-62.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. – М., 1996. – 284с.
21. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache bearbeitet von G. Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich. – Dudenverlag, 1997.
22. Wahrig. Synonymwörterbuch. Bertelsmann. Lexikon-Institut, 2008. Wissen Media Verlag GmbH.-982S.
23. Hermann Ehrmann. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. Verlag C.H. Beck. München, 2005. 180S.
24. PONS. Dr. Heinz Küpper. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Ernst Klett Verlag. 1. Auflage. 1997. Nachdruck für Wissen und Bildung. GmbH. Stuttgart, 1997.- 959S.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alefirenko N.F. Yazyk-soznanie -kultura: problema vzaimodeystviya // Yazyk i kultura: Khrestomatiya po speczkursu dlya studentov-filologov / pod red. prof. L.G. Sayakhovoy [Language-consciousness-culture: problem of interaction / Language and culture: a reader for the course for students of Philology / edited by Professor L. G. Sadovoy. – Ufa : publishing house of Bashkir state University – Ufa : Izd-vo BashGU, 2000. – S. 47-54. [in Russian]
2. Belyaevskaya E.G. Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kognitivnom aspektakh (Kognitivnye osnovaniya formirovaniya i funkcionirovaniya semanticheskoy struktury slova) // ADD [Semantic structure of the word in nominative and cognitive aspects (Cognitive bases of formation and functioning of semantic structure of a word)] // – М., 1992. [in Russian]
3. Bolshoy nemeczko-russkiy slovar v 3 t. // Pod. red. O.I. Moskalskoy [Large German-Russian dictionary in 3 volumes // edited by O. I. Moskalskaya.] – М., 1999.

4. Valter, Kh. Bolshoy russko-nemetskiy slovar zhargona i prostorechiy / Kh.Valter, V.M.Mokienko[a Large Russian-German dictionary of slang and common parlance]. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 832 S.-[In Russian]
- 5.Vorkachyov S.G. Lingvokonceptologiya: sostoyanie, perspektivy, problemy, vektor razvitiya[Linguoconceptology: status, prospects, problems and vector of development//Izvestiya ran. Series of literature and language.2011, volume 70, No. 5, pp..64-74] //Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.2011, tom 70, № 5, s.64-74.-[[in Russian]
6. S.G. Vorkachev. Lingvokonceptologiya i mezhkulturnaya kommunikaciya: Istoki i celi [Linguoconceptology and cross-cultural communication: background and objectives // Philological Sciences. – 2005. No. 4]// Filologicheskie nauki. – 2005. № 4. – S. 77-83.[in Russian]
7. Galimova O.V. Ideograficheskiy slovar russkikh i nemetskiykh zoonimov. . [Ideographic dictionary of Russian and German zoonyms].- Ufa: BGPU, 2004. – 332 s.
8. Dal V.I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. – T. II, IV. –[Explanatory dictionary of living great Russian language].- M., 1981.[in Russian]
9. Karimova R.Kh. Koncept «trud/len» v paremiologii nerodstvennykh yazykov. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [The Concept "work/lazy" in paremiology unrelated languages. Abstract. dis. kand. filol. Sciences].- – Ufa, 2004.[in Russian]
10. Popova Z.D., Sternin I.A.Ocherki po kognitivnoy lingvistike[Essays in cognitive linguistics].-Voronezh.-2001.[in Russian]
11. Slovar frazeologizmov i inyykh ustoychivyykh slovosochetaniy russkikh govorov Sibiri. Sost. N.G.Bukhareva, A.I. Fedorov. Pod red. Chl. Kor AN SSSR F.P.Filina.[Dictionary of phraseological units and other stable expressions of the Russian dialects of Siberia. Comp. N. G.Bukhareva, A. I. Fedorov. Under the editorship of corresponding Member. Cor. USSR Academy of Sciences F. P. Filin. – "Science"] .- «Nauka». – Novosibirsk. 1972, 207 s.[in Russian]
12. Slovar vologodskikh govorov. A. – G. Uch. Posobie po dialektologii. Vologda[Dictionary of Vologda dialects: Uch settlement on Russian dialectology]. – Vol. GPI.. – 1983. – 142 s.[in Russian]
13. Slovar vologodskikh govorov: Uch pos. po russkoy dialektologii. –[Dictionary of Smolensk dialects].-Vologda, 1989. VGPI. – 92 s.[in Russian]
14. Slovar smolenskikh govorov. Vyp. 1.A. – B. -[Dictionary of Smolensk dialects. Vol. 1].-Smolensk. SMPI im K. Marksa. 1974. – 309 s. [in Russian]
15. Slovar sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazan r-na Ryazan. Oblasti). Pod red. I.A.Ossoviczkogo.[Dictionary of contemporary Russian folk dialects (D. Deulino the Ryazan district of Ryazan. Region). Ed. by I. A. Savitskogo].- M.: Nauka, 1969. – 611 S.[in Russian]
16. Slovar bashkirskikh govorov. T. 2. . Yuzhn. Dialekt. Red k . f. n. N.Kh.Maksyutova.[Dictionary Bashkir dialects. Vol. 2. . South. Dialect. Ed. to . f. N.X.Maksutova]- Ufa. 1970. – 326 S.[in Russian]
17. Slovar russkikh govorov Bashkirii: A. –N. -[Dictionary of Russian dialects of Bashkiria].-Ufa: Gilem, 1997. 168 s. [in Russian]
18. Slovar russkikh govorov Bashkirii: K–O. –[Dictionary of Russian dialects of Bashkiria].-Edited by YdovnovaZ.P.]-Ufa: Gilem, 2000. – 136 s. (pod red . Zdobnovoy Z. P.) [in Russian]
19. Sternin I.A. Metodika issledovaniya struktury koncepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki nach. izd. / Pod red. I.A. Sternina[Methodology of the study structure of the concept // Methodological problems of cognitive linguistics]. ed. / Ed. by Sternin I.A.]- Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2001. – S. 58-62.[in Russian]
20. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i kulturologicheskiy aspekty.[Russian phraseology. Semantic, pragmatic and cultural aspects]- M., 1996. – 284s.[in Russian]
21. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache bearbeitet von G.Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich. – Dudenverlag, 1997.
22. Wahrig. Synonymwörterbuch. Bertelsmann. Lexikon-Institut 2008. Wissen Media Verlag GmbH.-982S.
23. Hermann Ehrmann. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. Verlag C.H. Beck. München, 2005. 180S.
24. PONS. Dr. Heinz Küpper. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. ernst Klett Verlag. 1. Auflage.1997.Nachdruck für Wissen und Bildung. GmbH. Stuttgart. 1997. 959S.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.220

Кечина Э.А.¹, Гришенина Ю.А.²¹Кандидат филологических наук, ²кандидат психологических наук,

Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова

СЧАСТЬЕ КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И АРАБСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, проведённого с участием русских и арабских студентов. Целью эксперимента является выявление национально-культурной специфики языкового сознания носителей русской и арабской культур на основе сопоставительного анализа структуры и содержания ассоциативных полей слова-стимула «счастье». С помощью метода семантического гештальта нами были выделены и классифицированы семантические зоны, аккумулирующие как интегральные, так и дифференциальные характеристики ассоциативно-вербальной сети стимула «счастье» как фрагмента языкового сознания русских и арабов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, семантический гештальт

Kechina E.A.¹, Grischenina Y.A.²¹PhD in Philology, ²PhD in Psychology,

I.P. Pavlov Ryazan State Medical University

HAPPINESS AS BASIC VALUE IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN AND ARAB STUDENTS

Abstract

This article provides a summary of results obtained through the associative experiment accomplished with participation of Russian and Arab students. The revealing of national and cultural specificity of Russian and Arab language consciousness was the purpose of real experiment. The experiment was done on the basis of the comparative analysis of the structure and the continence of associative fields of the key concept "happiness" by means of a semantic Gestalt method. We have classified semantic zones, representing a fragment of language consciousness of Russian and Arab people, providing as integral as well as differential characteristics of language associative network get through a "happiness" playing the role of a stimulating word.

Keywords: language consciousness, cross-cultural communication, free associative experiment, an associative field, the semantic gestalt.

Предоставление широкого спектра образовательных услуг не только студентам из различных регионов России, но и студентам из ближнего и дальнего зарубежья является одним из приоритетных направлений деятельности нашего ВУЗа. Студенческая аудитория университета представляет собой поликультурное сообщество, поэтому в данных условиях особенно актуализируется изучение проблемы межкультурного и межнационального общения носителей разных национальных культур, которое понимается как «общение носителей разных национальных сознаний коммуникантов» [4, С.7]. В настоящий момент осуществляются многочисленные сопоставительные исследования языкового сознания, в которых успешно используются результаты массовых ассоциативных экспериментов, направленных на выявление национально-культурной специфики образов сознания представителей разных культур. В данной статье рассматриваются результаты сравнительного анализа ассоциативных полей слова-стимула «счастье», сформированных из ответов русских и арабских студентов и классифицированных с помощью метода семантического дифференциала.

Выбор этого стимула продиктован психологической и мировоззренческой значимостью счастья. Являясь категорией этики, счастье представляет собой безусловную жизненную ценность. Стремление к счастью лежит в основе мотивации поведения человека, являясь «побудительным мотивом любых поступков любого человека» (Блез Паскаль). Отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, а понятие «счастье», наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания [1, С.10]. Цель нашего исследования – выявление универсальной и национально-культурной специфики восприятия терминальной ценности «счастье», отражённой в языковом сознании носителей русской и арабской культур. Ядро АВС (ассоциативно-вербальной сети) стимула «счастье» в ответах обеих групп респондентов представлено ассоциатом *радость*. Радость является базовой универсальной эмоцией, а также составляющей эмоциональной основы счастья. Вместе с группой реакций, объединённых общим семантическим содержанием, данный ассоциат образует смысловое поле, которое мы условно назвали «эмоциональное состояние». Счастье – это *радость, веселье*, когда человеку *хорошо, весело, приятно*, когда он ощущает себя *довольным, радостным и счастливым, развлекается и смеётся*. Следующий семантический блок ассоциатов связан с представлениями о счастье как об отсутствии физических и моральных страданий, при этом необходимыми условиями для счастья у русских респондентов являются состояние *покоя, безмятежности*, у арабских – *отдых, сон и отсутствие проблем*. На наш взгляд, в стратегии реагирования обеих групп респондентов на слово-стимул «счастье», прослеживается тенденция к гедонистической интерпретации данного понятия, согласно которой счастье предстаёт в виде совокупности телесных либо интеллектуальных наслаждений, приносящих радость и прочие положительные эмоции. В качестве внешнего выражения субъективно переживаемой эмоции счастья как арабские, так и русские респонденты рассматривают *улыбку*, как общекультурную универсальность выражения эмоций, являющихся, по мнению Касьяновой, безошибочным показателем ценностного отношения личности [3, С.354]. Отметим, что показателем состояния счастья для русских респондентов являются *глаза, радостные и*

сияющие. В качестве источника высшего фелицитарного блага обе группы респондентов рассматривают *жизнь*, а также базовые ценности, которые связаны со сферой личной жизни: *любовь, дружбу и семью*.

В любой культуре наиболее важными и основополагающими являются понятия, связанные с семьёй. Русская семья издавна была одной из важнейших терминальных ценностей. В семье развивается личность, которой передаются духовно-религиозные, национальные и отечественные традиции. Семьёй определяется и предусматривается человеческая и народная судьба [2, С.142]. Для арабов семья относится к основным ценностным ориентациям. Верность семье и её традициям всегда считаются приоритетом, лишь затем принимаются во внимание личные интересы. Следующий источник счастья, по мнению обеих групп респондентов, – *любовь*. Для русских счастье – это *любовь, любимый человек, когда она рядом, счастье любить*. Отметим, что для арабов немаловажным фактором является *свадьба*, так как, согласно исламу, брак считается священной обязанностью каждого араба, и арабское общество придает семейно-брачным отношениям чрезвычайную важность, в отличие от нашей цивилизации, где на данный момент они занимают довольно скромное место [5, С.145]. Группа атрибутивных характеристик, качественно описывающих стимул «счастье», представлена ассоциатами *огромное, большое, великое, долгожданное, прекрасно, трудное*. В данной группе ассоциатов прослеживается тенденция к гиперболизации понятия счастья, что, возможно, объясняется возрастными особенностями обеих групп респондентов.

Следующая группа ассоциатов демонстрирует взгляды на природу счастья, объединяемые признаком фелицитарного нигилизма от полного отрицания его существования до представления о его иллюзорности, эфемерности и мимолётности. Нигилистические интерпретации, выражающиеся в полном отрицании существования счастья, более характерны для арабских респондентов. Счастья *нет, я его не нашёл, оно редко, его мало, оно ограничено, относительно и временно*. В отличие от арабских студентов мнение русских респондентов более оптимистично. По их мнению, счастье *должно быть, будет, близко, оно есть, оно пришло*. Восприятие счастья во временном континууме «преходящее – вечное» нашло отражение в реакциях: *мимолётно, момент, отрезок, временно, ограничено; близко, близость, долгожданное; всегда, навсегда, вечное, непрерывность*.

К специфическим, национально обусловленным особенностям мировосприятия, следует, на наш взгляд, отнести реакции арабских респондентов – лексемы с религиозной семантикой. Для арабских студентов счастье в *забвении*, связано с *религией, другим, вторым миром, раем, Исламом*. Оно обусловлено *любовью Бога и любовью к Богу*, что то же самое, что любовь Аллаха и любовь к Аллаху, ведь, как известно, «Аллах» – слово, столь часто употребляемое мусульманами, по-арабски обозначает «Бог».

Кроме того, к специфическим реакциям арабских респондентов наряду с религиозной компонентой восприятия понятия счастья относятся представления о счастье как об *успешности* жизненного пути, профессиональной самореализации в *работе*, необходимости *добиваться* счастья как *цели*, проявляя при этом *активность и стойкость*. Среди факторов, образующих причину счастья, арабские студенты отмечают необходимость ощущения *стабильности, уверенности и безопасности*.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в стратегии реагирования как русских, так и арабских студентов прослеживается сходство. Взгляды обеих групп респондентов на природу счастья в целом идентичны и характеризуются гедонистической интерпретацией, в которой счастье предстаёт в виде множества разнообразных наслаждений, приносящих радость и прочие положительные эмоции. В качестве источников счастья рассматриваются универсальные ценности *любовь, семья, дружба* и собственно *жизнь*. Вместе с тем в образах сознания представителей арабской культуры проявилась национально-культурные специфика языкового сознания, которая заключается в присутствии религиозной компоненты в восприятии природы счастья; в фелицитарно значимых факторах, образующих причину счастья, таких как *целеполагание и целедостижение*, а также в представлении о счастье как об успешности жизненного пути.

Список литературы / References

1. Воркачëв С. Г. Концепт счастья: значимостная составляющая / С. Г. Воркачëв // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – С. 4-18.
2. Воробьëв В.В. Лингвокультурология. – М., 2008. – С.142.
3. Касьянова К. О русском национальном характере. – М., 1994. – С.354.
4. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. Отв. Н.В.Уфимцева. – М., 2003. – С.7.
5. Шагаль В.Э. Арабские страны: язык и общество. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С.145.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vorkachev S. G. Koncept schast'ja: znachimostnaja sostavljajushhaja [Happiness concept: meaning component] / S. G. Vorkachev // Language communication and language environment. – V. 2. – Voronezh, 2002. – P. 4-18. [in Russian]
2. Vorob'jov V.V. Lingvokul'turologija [Cultural linguistics]. – М., 2008. – P.142. [in Russian]
3. Kas'janova K. O russkom nacional'nom haraktere [About the Russian national character]. – М., 1994. – P.354.[in Russian]
4. Tarasov E.F. Mezhekul'turnoe obshhenie – novaja ontologija analiza jazykovogo soznaniya [Cross-cultural communication – a new ontology of the analysis of language consciousness] / E.F. Tarasov // Ethnocultural specifics of language consciousness. Sbornik statej. Otв. N.V.Ufimceva. – М., 2003. – P.7.[in Russian]
5. Shagal' V.Je. Arabskie strany: jazyk i obshhestvo [Arab countries: language and society]. – М.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1998. – P.145.[in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.039

Майнагашева Н.С.

Кандидат филологических наук,

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-04-00332

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ МИТХАСА ТУРАНА**Аннотация**

В данной статье анализируются рассказы хакасского писателя Митхаса Турана с целью выявления и описания специфики национального образа мира писателя. Задачи – рассмотрение роли фольклорных и мировоззренчески значимых для хакасов мотивов и образов в художественном мире писателя. Исследование позволит выявить и описать основания национального образа мира хакасов, явленной в произведениях литературы. Актуальность обусловлена слабой изученностью данной проблемы в хакасской литературе.

Выявлен состав художественных компонентов в рассказе «Тополя», формирующих национальный образ мира самобытного писателя Митхаса Турана: родная земля и дом – чурт; тополь как родовое древо. В ходе исследования можно заключить, что основные элементы национального образа мира лежат в мифопоэтике и неосознанно воспроизводятся в художественных образах и мотивах, используемых писателем.

Ключевые слова: Митхас Туран, национальный образ мира, хакасы, хакасская литература.

Maynagasheva N.S.

PhD in Philology,

Khakass Research Institute of Language, Literature and History

The publication was prepared within the framework of a research project supported by the RHF №16-04-00332

NATIONAL IMAGE OF THE WORLD IN MITKHAS TURAN'S CREATIVE WORK**Abstract:**

In the article stories of Khakass writer Mitkhas Turan are analysed to identify and describe the specificity of the writer's national image of the world. Tasks are the consideration of the role of folkloristic and ideologically significant for the Khakass people motifs and images in the artistic world of the writer. The research will allow identification and description of foundation of the Khakass' image of the world appearing in works of literature. The relevance is caused by poor study of this issue in Khakass literature.

The composition of artistic components in stories «The daughter of mountain spirits», «Poplars», «Goat legs», which form national image of the world of indigenous writer Mitkhas Turan, is identified: native land and home – churt; poplar as a kin tree; a shaman and mountain people. In the course of the research it is possible to make the conclusion that the main elements of national image of the world lay in mythopoetics and are unconsciously reproduced in artistic images and motifs used by the writer.

Keywords: Mitkhas Turan, national image of the world, the Khakass, Khakass literature.

Национальное своеобразие культуры каждого народа представляет огромный интерес для науки. В исследовании национальных литератур важно выявление специфики воссоздания объективно существующего национального мира, т.е. среды, быта, религии, психологии народа, в художественных произведениях. Г. Д. Гачев отмечал, что для понимания национального своеобразия произведения важно понять «национальную художественную логику», т.е. «какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: строй мира, миропорядок) изображает он в своем художественном творчестве» [1]. По мнению Г. Д. Гачева, единый мир все народы воспринимают по-разному. «Каждый народ видит Единое устройство Бытия (интернациональное) в особой проекции, которую я называю “национальным образом мира”. Это вариант инварианта (единой мировой цивилизации, единого исторического процесса)». Ученый каждый этнос рассматривает как особый «Космо-Психо-Логос», который включает в себя «единство национальной природы, склада психики и мышления» [2]. Хотя термин *национальный образ мира* неустойчив в современной науке, в методическом аспекте идеи Г. Д. Гачева нашли отражение и поддержку в трудах современных ученых: А. Ф. Кофмана [3], Т. И. Ходукиной [4], С. В. Шешуновой [5], Т. Е. Смыковской [6] и др. Исследователи в большинстве своем с целью выявления специфики образа мира рассматривают разнообразные этнокультурные образы и мотивы. Так, С. В. Шешунова в своей работе приходит к заключению о «единстве традиций народного творчества и христианской культуры в русской литературе», об их «целостности и взаимопроницаемости» [7].

Вслед за вышеназванными исследователями, под национальным образом мира мы понимаем «комплекс взаимодействующих компонентов литературного текста, обладающих этнокультурной спецификой. Эти компоненты, по мнению исследователя, «выявляются в образном строе, сюжетно-композиционной и пространственно-временной организации текста» [7, с. 322].

Данная статья посвящена исследованию национального образа мира в творчестве Митхаса Турана (1929–1993), самобытного хакасского писателя. Актуальность обусловлена не изученностью данной проблемы не только в творчестве данного писателя, но и в хакасской литературе в целом. Есть ряд работ, в которых исследуется этнопоэтическое своеобразие и фольклоризм творчества отдельных хакасских писателей. Это работы Л. В. Челтыгмашевой [8], Н. С. Майнагашевой [9], [10], [11] и др. Выявление связей между фольклорными традициями и творчеством хакасских писателей в этих и других работах подтверждает свою плодотворность.

Целью данной статьи является выявление специфики национального образа мира в произведениях Митхаса Турана – Александра Яковлевича Черпакова – прозаика и драматурга, яркого представителя национальной литературы эпохи соцреализма. Для анализа нами выбраны рассказы, вошедшие в сборник «Чуртас чолларынча» («Дороги жизни») [12], и которые объединены сюжетно-композиционной организацией и особым охватом жизненного материала, типа конфликта, бытия героев в рассказах.

Бытие героев определяется рамками пространственных координат, сообщающих о важнейших содержательно-смысловых и эстетических аспектах произведения. Ю. М. Лотман отмечает: «Художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [13].

Жизнь героев Митхаса Турана неотделима от небольшого *аала* (деревни), того уголка земли, где жили их предки, живут сами и должны жить дети, от той речки, из которой пили воду их родители, и пьют они сами.

Все события в рассказах Митхаса Турана происходят в родной деревне героя или в окрестностях ее, тайге или соседней деревне. Таков дед Сарап в рассказе «Тиректер». Вне родной деревни для деда Сарапа все кажется бессмысленным. Здесь он прожил всю жизнь, и здесь произошли все ключевые моменты его жизни: здесь с братьями пережили голод в отцовском доме, похоронены родители, сам построил дом, родил и вырастил пятерых сыновей, самоотверженно трудился до старости. Здесь же растут тополя, посаженные его сыновьями. Отсюда он проводил пятерых сыновей на фронт, ни один из которых не вернулся. И только здесь обретает смысл тридцатилетнего ожидания возвращения младшего сына. Здесь все связано с *его жизнью*.

При виде знакомых гор вблизи родной деревни у старика появляется волнение. А увидев на краю деревни знакомые тополя, он быстрее и бодрее идет. Это и есть его земля. *«Ниме-де тыңнап алып, пазох чөр сыххан. Хачанох сүріс чөрген нимезін пу аал пазындагы пөзік, пүкүл көрінген тиректерде көр тапхан чили пілдірген. Олар апсахха хайдаг таныстар, хайди чоон өс парғаннар! Пүрлер күнге чалтырасчатхан осхас, сарнасчалар, көглесчелер, постарынзар хыгырчалар. Тиректер алнындагы тураның хыры, көзенектері илер пастабысты. Ол тиректер, чабызах, чарчых хырлыг турачах Сарап апсахти. Тураны чиит тузында поэның холынаң тургысхан. Ол турада ипчизи Хызина пис оол паза пір хыс төріт пирген»* [14]. (К чему-то прислушался, снова зашагал. Будто в этих крупно виднеющихся на краю деревни высоких тополях он нашел то, что давно искал. С ними старик давно знаком. Какие они большие стали! Их листья словно сверкают на солнце, поют, веселятся, к себе манят. Замелькали крыша и окна дома, что стоит возле тополей. Эти тополя и низенький с дощатой крышей дом – это его, Сарапа. Дом еще в молодости своими руками поставил. В этом доме жена его, Хызина, родила пятерых сыновей и дочку).

Подойдя к дому, к своему *чурту* (жилище), с которым связана жизнь старика, становится бодрым, ловким, и он, смело войдя в свой, теперь уже пустующий, дом своей палкой касается стола, печки, лавочки и других попадавшихся предметов, словно своим прикосновением он хотел «оживить» это все, чтобы в этом доме снова закипела жизнь: *«Ибіне чит килгеніне алай тиректер піди сууласпинаң удурлаанына апсах көкібіскен, өткін хайын сыххан. Тайагынаң тура алнындагы тал сырыбынаң чіс салган тыынны сапхан. Анаң чуртынзар көні кире пастырған. Тура алнында хойыбысхан пора киренні тепкеледе пастырлап, көні сенек ізігінзер парған <...>*

– *Кізі пар ба? – өтіг тапсаан апсах турада. Тайагынаң столны, песті, узун сіреені, ідіс-хамыс тасхагын теерткелп чөрген»* [14, с. 43]. (То ли что к своему дому подходил, то ли что тополя так шумно его встречали, старик осмелел, его движения стали ловкими. Своей палкой он стукнул по изгороди из ивовых прутьев. Затем прямо зашагал к дому. На ходу затаптывая густо растущую полынь перед домом, напрямик подошел к дверям сеней <...>

– Есть кто? – громко заговорил старик уже в доме. Своей палкой коснулся стола, печки, длинной скамьи, посудного шкафа).

Дом выступает здесь одним из важнейших элементов национального образа мира. Дом, хотя несколько лет там никто не жил, еще крепко стоял. Сарап ждет передать его сыну Торайу. Это важно для старика, ведь у хакасов младшему сыну передается родительский дом, и именно он продолжает жить в родительском доме. А вместе с ним будет жить и старик Сарап, будет продолжаться его род в этом доме. На четверых сыновей пришла похоронка, Сарап и это понимает: война никого не щадит. Старик Сарап ждет сына изо дня в день, из года в год уже тридцать лет. И это известно всем односельчанам. «Мало ли где может задержаться человек по дороге», – часто размышлял он про себя. Сарап состарился, но его сердце бьется только потому, что он твердо знал, что он должен увидеть младшего сына и передать в его руки дом. Сарап боялся упрека родственников, которые говорили, что он «с ума сошел», «ждет погибших сыновей» и сам того не замечает, как «сдурел». Особенно упрекал его в этом племянник Агур. Дед Сарап схож с невесткой Паюсой, женой другого племянника – Сыбоса – которая также ждет мужа с войны. Односельчане понимают старика и не говорят ему, что на деревенском памятнике в списке погибших есть все его пятеро сыновей. А сам он читать не умеет. Вернувшись от дочери в свою деревню, он как-то даже не узнает ее улиц. Только тополя в его огороде также шумят, на солнце переливаются их листья, и они словно переговариваются, увидев старика. Сарап радуется им, словно это сыновья встречают его. Он и в этот раз ловко открывает калитку, бодро заходит в дом, заглядывает во все комнаты, подпол, кладовку, разглядывает на стене портреты сыновей, проходит в заброшенный огород, и как всегда говорит: «Не застал я Торайа». Все это время следившая за ним Паюса боится потревожить его. Нет, Сарап не сумасшедший старик, он все помнит, всех узнает, просто для него время остановилось где-то там, в годы войны, когда сыновья уходили на войну, еще не женившись и не оставив детей. Старик даже мысли не допускал, что младший сын – хозяин дома и продолжатель рода – тоже погиб на войне.

Родная деревня и дом для Сарапа – уголок, дающий силы. Здесь – вся его жизнь. Смысл приезда старика Сарапа и на этот раз заключается в том, чтобы встретить сына в родном доме и передать ему дом. Сарап не может смириться с тем, что у него не осталось наследников, внуков и правнуков, продолжающих его род – *төл*. У всех родственников есть потомки, хотя бы по одному сыну, как, например, у его племянника Сыбоса, также не вернувшегося с войны. Братья его ушли вместе с сыновьями – тоже не вернулись, но у них остались дети. «Вот вернется Торай, и продолжится линия рода от Сарапа. «Или он женатый вернется? Все может быть! До сих пор, конечно, и он женился. Пусть русскую, пусть хоть кого привезет. Здесь они и по-хакасски говорить научатся», – про себя размышляет старик Сарап, сидя за столом в доме Паюсы. Он вспоминает, как его и братьев отец привез сюда после того, как в старом месте умерли от тифа трое детей в их семье. Здесь они стали жить, тайга приняла их, кормила и поила. Остальные дети остались живы. Здесь они собирали разные растения, богатые витаминами, копали кандык и другие корни. А река Тогыр чул кормила своим жирным и сытным хариусом. Только здесь Сарап чувствует себя счастливым, здесь, где он с детства жил с родителями и братьями, где сам построил дом, и где жена родила ему пятерых сыновей и

единственную дочь. Теперь он живет в доме зятя, а там – другая жизнь, не его, Сарапа. Там хотя и дочь смотрит за ними, но это жизнь другого рода. Поэтому, как только наступает лето, из соседнего села, от дочери и зятя, возвращается он в родную деревню ждать сына. Дед Сарап на своих плечах несет гостинец для сына – *тулуп* (хак. – мешок с гостинцами для сына). Когда его старуха была в силе, клали в этот мешок масло и сыр домашний (*пызылах*), но она сильно сдала, и теперь в мешке лежали хлеб да конфеты с медовой начинкой.

Единственная дочь увезла стариков к себе в соседнее село, Сарап не мог смириться с тем, что живет в доме зятя и думал: «*Кізöлері Алчыбай родынаң, Крис оолгы, амыр хылыхтың, чабан полып ұр тоғын парир. Че Сарап апсахтың поэның төлі пар: Торай оолгы!*» [14, с. 40]. (Зять из рода Алчыбай, сын Криса, спокойный, давно чабаном работает. Но у Сарапа свой потомок есть: сын Торай!).

Дочь у хакасов считается *кiзi палазы* – «чужим ребенком», она уходит в дом мужа, продолжает род мужа. Эти крепкие устои хакасской семьи понимает и принимает Сарап. Автор в рассказе даже не упоминает, сколько детей у дочери, а лишь говорит, какого рода/происхождения зять – Алчыбай.

Образ старика Сарапа соотносится с образом богатыря. Это теперь он стал таким немощным, а был ловким, сильным. «*Оолгына ла сабыл чöрген тiрiг чöрегi тыс чатырбинча парасханни. Хайдаг күлүк полчаң полды, киреенче колхоз чылгызын хадарған. Сас аттарга изер дее чох мүнiбiсчең*» [14, с. 45]. (Сердце, бывшее только ради сына, не давало покоя бедняге. Какой он был ловкий, проворный, до старости один пас колхозных лошадей. Запросто садился на диких, необученных лошадей).

Мотив возвращения домой в рассказе «Тополя» является одним из важнейших в сюжете рассказа, так как именно с ним связана идея произведения: старик Сарап снова и снова возвращается в свой дом, ожидая домой сына. А на этот раз возвращение старика в родной дом оказалось последним. Сарап перед смертью услышал слова, которые так он ждал все эти тридцать лет: «Сын Торайа». В его дом забрались мальчишки, зажгли свечку. Взрослые сбежались посмотреть. Один из них сказал, что он сын Торайа, и тогда старик, поверив в возвращение сына с внуком, тут же умирает. А когда он лежал в гробу, родственники заметили его «довольное лицо», как будто он говорил: «*Прай ниме минің сағызымнаң халды, Торай, чаалазып, отыс таа чыл пазынаң полза, ибiнзер читкенöк, пасха даа оолларым тiрiглер, ор хазыхтар, хыра саап, мал хадарып, хайнаслапчалар. Прайзынаң хада чуртап, тосханча күлееттеп алдым, тöлiм үзiлбеген паза хачан даа үзiлбес*» [14, с. 45]. (Все сложилось по-моему. Торай, отвоевав, хоть и через тридцать лет, вернулся домой. И другие сыновья мои живы-здоровы, жизнь кипит, они сеют и жнут, пасут скот. Досыта нажился, нагулялся со своими сыновьями, **мой род не прервался и будет продолжать жить**).

В этих словах автора прочитываются слова-желания старика, его мысли, передавшиеся и родственникам и односельчанам, которые вдруг как бы продолжают его мысли, его слова, и им передается вера в продолжение рода Сарапа. Продолжается во внучатых племянниках, в сыне Сыбоса и других родственников.

По мифологическим представлениям многих тюркских народов, тополь – мировое древо. У Митхаса Турана образ тополя встречается неоднократно, с их помощью он создает образ особой пространственно-временной среды, характерной для культуры хакасов. Тополя, растущие в огороде деда Сарапа, символизируют связь времен и поколений. Тополя связаны с домом как важнейшим элементом национального образа мира. Здесь жили его отец и мать, родился и вырос Сарап с братьями, выросли его сыновья, посадившие тополя, здесь живут представители рода сегодня, и все они осознанно или неосознанно связаны с этими тополями. Для Сарапа – это память о сыновьях, связь с тем временем, когда они были живы. Тополя, ставшие высокими и широкими, словно хранят их души. Тодыл, племянник Сарапа, тоже уже ставший стариком, идя в дом Сарапа, думает о тополях. «*Тиректер харалып турганнар. Кем оларны одыртхан? Чаадаң на айланза, Сарап улабазының огородында чийт тирегестер халбайыбыстыр. Амды хайдаглар – чалбахтар, пöзiктер! Аалның ноо даа саринаң көрiнедiрлер. Чорых чöрiп, ибзер айлан килизең, олар ырахтынох сагып турган паарсах туған осхастар*» [14, с. 51]. (Тополя чернели. Кто их посадил? Когда он только вернулся с войны, смотрит, а в огороде дяди Сарапа молодые топольки разрослись. А теперь какие – широкие, высокие! С любого конца деревни их хорошо видно. А когда возвращаешься с дороги домой, они, как приветливые родственники, встречают тебя).

У Митхаса Турана дом с тополями выступает своеобразной сакральной точкой, «максимально космологизированной» [15] не только для Сарапа, но и для всех представителей его рода – своеобразным центром мира.

В повести «Ветвистый тополь» [16] Абдаке крепких парней Куну сравнивает с крепким ветвистым тополем. Как отмечает исследователь Л. В. Челтыгмашева, образ тополя «символизирует крепость родовых устоев, идущих с древнейших времен, утверждает единство, мощь человеческого рода» [17].

У хакасов каждый род имеет свое родовое дерево, что связано с мифопоэтической моделью мира, предполагающей тесную связь человека и природы. Говоря о специфике мифопоэтической модели мира, В. Н. Топоров отмечает, что здесь «все причастно космосу. Связано с ним, выводимо из него и проверяется и подтверждается через соотнесение с космосом» [15, с. 162]. Для Митхаса Турана тополь как мировое древо является важнейшим образом в передаче основных представлений народа о вселенной.

Таким образом, рассмотренный рассказ Митхаса Турана позволяет выделить наиболее характерные образы и мотивы, воплотившие в себе национальный образ мира. Таковыми являются: *чир-суғ* 'родная земля' (букв.: земля-вода), *чурт* 'дом', 'жилище'; *тöл* 'род', 'потомство'; *пай тирек* 'ветвистый тополь' как родовое (мировое) древо. Эти образы и мотивы в творчестве Митхаса Турана поставлены в сюжетно-композиционный центр рассказа и имеют глубокую генетическую связь с общекультурной традицией. И можно заключить, что вышеназванные образы и мотивы национального образа мира генетически связаны с мифологическими представлениями народа о мире и в литературных произведениях являются своеобразным проявлением культурного бессознательного.

Список литературы / References

1. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира / Г. Д. Гачев // Народы Азии и Африки. – 1967. – №1. – С. 77.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М., 1995. – С.11.
3. Кофман А.Ф. Latinoамериканский художественный образ мира. М., 1997. – 320 с.
4. Ходукина Т.И. Национальный образ мира в поэзии Пушкина. М., 1999. – 49 с.
5. Шешунова С.В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын: дисс... д. филол.н.: 10.01.01: защищена ...: утв. 27.03.2007 / Светлана Всеволодовна Шешунова. – Дубна, 2006. – Дубна, 2006. – 368 с.
6. Смыковская Т.Е. Национальный образ мира в прозе В.И. Белова. М.: Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2010. – 89 с.
7. Шешунова С.В. Национальный образ мира в русской литературе: П.И. Мельников-Печерский, И.С. Шмелев, А.И. Солженицын: дисс... д. филол.н.: 10.01.01: защищена ...: утв. 27.03.2007 / Светлана Всеволодовна Шешунова. – Дубна, 2006. – С.323.
8. Челтыгмашева Л. В. Фольклоризм хакасской прозы. Абакан, 2010; Она же. Хакасская проза и проза Саяно-Алтая в культурно-этническом аспекте. Абакан: Бригантина, 2014. – 103 с.
9. Майнагашева Н.С. Специфика создания национальной картины мира в драматургии В. Шулбаевой / Н. С. Майнагашева // Материалы Международной научно-практической конференции «Открытие и изучение орхон-енисейской письменности» (К 115-летию дешифровки орхон-енисейской письменности 23-24 октября 2008 г.). – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2008. – С. 111-117.
10. Майнагашева Н.С. Национальный характер и национальная картина мира в драматургии В. Шулбаевой / Н. С. Майнагашева // Сборник мат-лов Международного конгресса «Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии» 17-20 июня 2009 г. – Кокшетау: Кокшетауский государственный университет им. Ч. Уалиханова, 2009. – С.141-147.
11. Майнагашева Н.С. Этнопоэтическое своеобразие драматургии А. Чапрая / Н. С. Майнагашева // Фольклор и литература народов Сибири и Дальнего Востока: традиции и новации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной столетию поэта, переводчика Г.У. Эргиса. – Якутск: Издательство ИГиИПМНС СО РАН. – С. 125–128.
12. Митхас Туран. Чуртас чолларынча. Сборник рассказов на хакасском языке / М. Туран. – Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства, 1984. –151 с.
13. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX века // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 252–253.
14. Митхас Туран. Тиректер / М. Туран // Чуртас чолларынча. Сборник рассказов на хакасском языке. – Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства, 1984. – С. 40.
15. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира. В 2 т. Т.2. / В. Н. Топоров. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 162.
16. Митхас Туран. Пай тирек. Повесть на хакасском языке / М. Туран. – Абакан: Хак. издат., 1981. – 112 с.
17. Челтыгмашева Л.В. Хакасская проза и проза народов Саяно-Алтая в культурно-этническом аспекте / Л. В. Челтыгмашева. – Абакан: Бригантина, 2014. – С. 35.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gachev G. D. O natsionalnykh kartinakh mira [About national world views] / G. D. Gachev // NarodyAzii i Afriki [Peoples of Asia and Afrika]. – 1967. – №1. – P. 77. [in Russian]
2. Gachev G. D. Natsionalnye obrazy mira: Kosmo-Psikho-Logos [National images of the world: Cosmo-Psycho-Logos] / G. D. Gachev. – M., 1995. – P. 11. [in Russian]
3. Kofman A. F. Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira [Latin American artistic image of the world] / A. F. Kofman. – Moscow, 1997. – 320 p. [in Russian]
4. I. Natsionalnyi obraz mira v poezii Pushkina [National image of the world in Pushkin's poetry] / T. I. Khodukina. – Moscow, 1999. – 49 p. [in Russian]
5. Sheshunova S. V. Natsionalnyi obraz mira v russkoi literature: P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelyov, A. I. Solzhenitsyn: diss... d. filol.n.: 10.01.01: zashchishchena ...: utv. 27.03.2007 [National image of the world in Russian literature: P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelyov, A. I. Solzhenitsyn: diss...Doctor of Philology: 10.01.01: defended ...: approved on 27.03.2007] / S. V. Sheshunova. –Dubna, 2006. – 368 p. [in Russian]
6. Smykovskaya T. Ye. Natsionalnyi obraz mira v proze V. I. Belova [National image of the world in V. I. Belov's prose] / T. Ye. Smykovskaya. – Moscow : Publishing house «Flinta», publishing house «Nauka», 2010. – 89 p. [in Russian]
7. Cheltygmasheva L. V. Folklorizm khakasskoi prozy [Folklorism of Khakass prose] / L. V. Cheltygmasheva. – Abakan, 2010;
8. Cheltygmasheva L. V. Khakasskaya proza i proza Sayano-Altaya v kulturno-etnicheskom aspekte [Idem. Khakass prose and prose of the Sayan-Altai in a cultural and ethnic aspect] / L. V. Cheltygmasheva. – Abakan : Brigantina, 2014. – 103 p. [in Russian]
9. Mainagasheva N. S. Spetsifika sozdaniya natsionalnoi kartiny mira v dramaturgii V. Shulbaevoy [Creation specificity of the national world view in V. Shulbaeva's dramaturgy] / N. S. Mainagasheva // Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Otkrytie i izuchenie orkhono-yeniseiskoi pismennosti» (K 115-letiyu deshifrovki orkhono-yeniseiskoi pismennosti 23-24 oktyabrya 2008 g.) [Materials of the International Research and Practice Conference «Discovery and Study of Orkhon-Yenisei Script» (to the 115th anniversary of deciphering of Orkhon-Yenisei Script on 23-24 October 2008)]. – Abakan : Khakass Book Publishing, 2008. – P. 111-117. [in Russian]
10. Mainagasheva N. S. Natsionalnyi kharakter i natsionalnaya kartina mira v dramaturgii V. Shulbaevoy [National nature and national world view in V. Shulbaeva's dramaturgy] / N. S. Mainagasheva // Sbornik mat-lov Mezhdunarodnogo kongressa

«Aktualnye problemy kompleksnogo issledovaniya altaistiki i tyurkologii» 17-20 iyunya 2009 g. [Collection of materials of the Interantional Congress «Relevant problems of a complex research of Altai studies and turkology» 17-20 June 2009]. – Kokshetau: Ch. Ualikhanov Kokshetau State University, 2009. – P. 141-147. [in Russian]

11. Mainagasheva N. S. Etnopoeticheskoe svoeobrazie dramaturgii A. Chapraya [Ethnic and poetic distinctness of A. Chaprai's dramaturgy] / N. S. Mainagasheva // Folklor i literatura narodov Sibiri i Dalnego Vostoka: traditsii i novatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchyonnoi stoletiyu poeta, perevodchika G. U. Ergisa [Folklore and literature of peoples of Siberia and the Far East: traditions and novations. Materials of Russian Research and Practice Conference Devoted to the centenary of poet, translator G. U. Ergis]. – Yakutsk : Publishing House IHSPSNPN of the RAS SB. – P. 125-128. [in Russian]

12. Turan M. Churtaschollaryncha. Sbornik rasskazov na khakasskom yazyke [Ways of life. Collection of stories in the Khakass language] / M. Turan. – Abakan: Khakass Branch of Krasnoyarsk Book House, 1984. – 151 p. [in Khakass]

13. M. Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX veka [Plot space of a Russian novel of the XIXth century] // Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol [At school of a poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol]. – Moscow : Prosveshchenie, 1988. – P. 252-253. [in Russian]

14. Turan M. Tirekter [Poplars] / M. Turan // Churtaschollaryncha. Sbornik rasskazov na khakasskom yazyke [Ways of life. Collection of stories in the Khakass language]. – Abakan : Khakass Branch of Krasnoyarsk Book House, 1984. – P. 40. [in Khakass]

15. Toporov V. N. Model mira (mifopoeticheskaya) [The world's model (mythopoetic)] // Mify narodov mira. V 2 t. T. 2. [Myths of the world's peoples. In 2 v. V. 2.] / V. N. Toporov. – Moscow : Soviet encyclopedia, 1988. – P. 162. [in Russian]

16. Turan M. Pai tirek. Povest na khakasskom yazyke [The branchy poplar. A tale in the Khakass language] / M. Turan. – Abakan : Khakass Publishing, 1981. – 112 p. [in Khakass]

17. Cheltygmasheva L. V. Khakasskaya proza i proza narodov Sayano-Altaya v kulturno-etnicheskom aspekte [Khakass prose and prose of peoples of the Sayan-Altai in a cultural and ethnic aspect] / L. V. Cheltygmasheva. – Abakan : Brigantina, 2014. – P. 35. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.132

Мекратанакулпат Натчиван

ORCID: 0000-0001-8984-221X, аспирант, филологический факультет,

Санкт-Петербургский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ РИТМИКИ РУССКОГО И ТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация

При изучении иностранного языка особая роль принадлежит усвоению иноязычного произношения. Для того чтобы общение было успешным и плодотворным, человек, изучающий иностранный язык, должен уметь не только правильно произносить изолированные слова, но и использовать интонационные средства в соответствии с коммуникативным намерением. Актуальность выявления различий и сходств между тайским и русским языками видится в том, что в настоящее время популярность изучения русского языка в Таиланде постоянно растет. Данные контрастивного анализа просодических систем взаимодействующих языков будут полезны не только тайским учащимся, но и преподавателям русского языка. Обучение русской фонетике на основе принципа учета родного языка учащихся должно привести к более успешному формированию фонетических навыков, что положительно повлияет на результат овладения русским языком в целом.

Ключевые слова: ритмика, интонация, фонетика, контрастивный анализ, русский язык, тайский язык

Mekratanakulpat Natcheevan

ORCID: 0000-0001-8984-221X, Postgraduate student,

Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University

COMPARATIVE DESCRIPTION OF RHYTHM BETWEEN THAI AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract

When learning a foreign language special role belongs to the assimilation of foreign language pronunciation. In order for communication to be successful and fruitful, people, who learn a foreign language, should be able not only to correctly pronounce isolated words, but use the intonation means according to the communicative intent. The urgency to identify similarities and differences between the Thai and Russian languages is seen in the fact that the current popularity of the study of the Russian language is growing in Thailand. This contrastive analysis of prosodic systems of interacting languages will be useful not only for Thai students, but also for teachers of the Russian language. Teaching Russian phonetics based on the principle of the native language of pupils should leads to a more successful development of phonetic skills, which positively affect the result of mastering the Russian language as a whole.

Keywords: rhythm, intonation, phonetics, contrastive analysis, Russian language, Thai language

Достижение необходимого и достаточного уровня сформированности фонетических навыков на иностранном языке невозможно без овладения ритмическими и интонационными особенностями иноязычной речи. Для того чтобы обеспечить такой уровень, преподаватель русского языка должен учитывать сходства и различия между родным языком учащихся и изучаемым языком. Согласно мнению авторов «Практикума по методике преподавания иностранных языков», «формирование слухо-произносительных и ритмико-интонационных навыков на иностранном языке осуществляется в условиях, когда учащийся уже владеет устойчивыми автоматизированными слухо-произносительными навыками на родном языке, поэтому необходимо осуществить сравнительно-сопоставительный

анализ фонетических явлений изучаемого и родного языков. Это позволит студентам определить источники трудностей и ошибок, возникающих при овладении иноязычным произношением»[8, с.72]. Этим обусловлена актуальность нашей статьи.

В «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» приведено следующее определение понятия «ритмика»: «ритмика речи – воспринимаемое человеком чередование ударных и безударных слогов в речевом потоке. Специальным образом упорядоченное чередование ударных и безударных слогов является основой стихотворного ритма» [5, с. 262]. Принимая такую трактовку данного термина, попытаемся рассмотреть особенности тайского слога и его произносительные характеристики.

Тайский лингвист Прая Упакитсилапасан отмечает, что «слова, которые мы используем в речи, иногда произносятся с помощью одного дыхательного импульса, а иногда – в несколько приемов. То, что мы произносим, выдыхая воздух один раз, и называется слогом»[10, с.18]. Есть и иная точка зрения: «слог – это выделенные на фоне остальных гласные звуки в слове, при этом другие звуки, находящиеся рядом, объединяются и становятся частью слога.<...> Обычно гласный звук имеет особые характеристики, он громче других звуков, поэтому с его помощью создается слог»[9, с.104]. На основе приведенных определений можно утверждать, что слог – это произнесенное за один выдох сочетание звуков, в котором гласный звук является слогаобразующим элементом. В некоторых случаях этот звук может стать значимым словом, если заключает в себе определенное значение.

В тайском языке слог состоит, как минимум, из 3 частей: инициаль, гласный звук и тон.

Инициаль – это согласный звук, который находится в начале слога. В тайском языке 21 согласный, и все они могут быть инициалью. Как отмечается в учебном пособии «Тайский язык», инициаль, кроме одного согласного звука, может быть представлена стечением согласных с такими согласными как /r/, /l/ и /v/: /kr/, /k^hr/, /tr/, /pr/, /p^hr/, /kl/, /k^hl/, /pl/, /p^hl/, /kv/ и /k^hv/ [7, с.22]

В тайском языке 18 гласных звуков, которые делятся на долгие (9) и краткие (9). Помимо этого, по составу звуки могут быть разделены на чистые (монофтонги – 9 пар), смешанные (дифтонги, трифтонги) и лишние. Лишние гласные являются гласными звуками в сочетании с согласным звуком, например, ເຖ – звук /a/ с согласным /m/ =[am]; ເຖ ເຖ – звук /a/ с согласным /j/ =[aj] и т.д. Качество гласного звука определяет типы слога, которые будут описаны ниже.

Как известно, в русской фонологической системе отсутствует явление тона, типичное для тональных и слоговых языков. Т. Luangthongkum приводит точку зрения английского лингвиста D. Abercrombie по поводу различия понятий «тон» и «интонация»: «The linguistic functions of speech melody are very varied, but of two fundamental different kinds. In one case, the function of the speech melody patterns is to be part of the structure of sentences; in the other case, their function is to one part of the structure of words. In former case, the patterns are called intonation, and in the latter case they are called tone»[2, с.4]. Суть отличия сводится к тому, что интонация – это музыкальное ударение предложения, а тон – музыкальное ударение слова.

В тайской просодической системе существуют различных 5 тонов[7, с. 23]:

1. *Средний тон* (Mid) представляет собой ровный мелодический рисунок, средний уровень голоса.
2. *Низкий тон* (Low) – ровная мелодия, реализуемая на низком уровне. Уровень произнесения низкого тона значительно ниже уровня, на котором воспроизводится обычный тон. «Если обычный тон произносится как нота «ре», то низкий тон звучит как «до» той же октавы».
3. *Падающий тон* (Falling) – мелодия голоса, начинающаяся на уровне выше уровня обычного тона и резко падающая до уровня низкого тона.
4. *Высокий тон* (High) – мелодия, которая произносится на уровне выше среднего уровня обычного тона, затем идет вверх и резко завершается.
5. *Восходящий тон* (Rising) – мелодия, которая начинается на уровне низкого тона и постепенно повышается, заканчиваясь на уровне высокого тона.

На рис. 1 представлено графическое изображение тонов тайского языка.

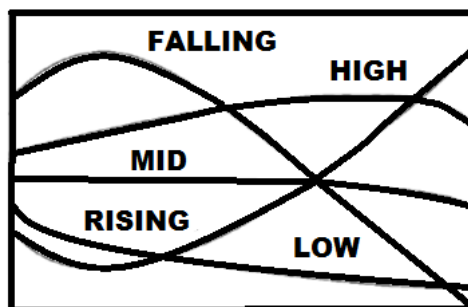

Рис. 1 – Тоны тайского языка [6, с.58]

Для тайского языка тон является важным компонентом слога, поскольку играет смысловозначительную роль. Приведем примеры:

- слово ກ້າວ [khao5] произносится с восходящим тоном ('белый');
- слово ກ້າວ [khao2] с низким тоном ('новости');
- слово ກ້າວ [khao3] с падающим тоном ('рис').

Как отмечалось выше, структура тайского слога состоит из 3 элементов. В слоге возможен еще один компонент – согласный-финаль. Проанализировав научные источники, мы обнаружили, что исследователи называют разное количество согласных звуков тайского языка, которые могут быть финалями слога, и используют для них разные

обозначения. Авторы пособия «Тайский язык» отмечают, что в тайском языке 6 конечнослоговых согласных фонем: /m/, /n/, /ŋ/ и /k/, /p/, /t/[7, с.19]. Однако, по мнению тайского лингвиста К. Наксакула, в качестве финали слога могут выступать 8 звуков: /p/, /t/, /k/, /m/, /n/, /ŋ/, /v/ и /j/[9]. Разные трактовки можно объяснить тем, что российские лингвисты не считают звуки /v/ и /j/ слогообразующими звуками, так как они используются для обозначения составных гласных звуков, например, กาว=[kaw] 'клей', กาญ=[kaŋ] 'тело'.

Рассматривая структуру тайского слога, тайский лингвист Прая Упакитсилапасан выявил 4 типа слогов:

1. Слог, образующийся в результате объединения 3 компонентов (инициаль + гласный звук + тон): นาน [na¹] 'рисовое поле', ห้า [ha³] 'пять';
2. Слог, образующийся в результате объединения 4 компонентов (инициаль + гласный звук + финаль + тон): บ้าน [ban³] 'дом', ส้ม [som⁵] 'женьшень';
3. Слог, образующийся в результате объединения 4 особенных компонентов (инициаль + гласный звук + тон + каран ฝ – значок, используемый для обозначения непронизносимого согласного): บิ๊ว [bia¹] 'пиво', สิงห์ [sin⁵] 'лев';
4. Слог, образующийся в результате объединения 5 компонентов (инициаль + гласный звук + финаль + тон + каран): จันทร์ [tʃan¹] 'луна', ทัพ [kʰan⁵] 'часть, группа'.

На основе изученной нами литературы, посвященной ритмике слова и интонации тайского языка, можно утверждать, что, кроме музыкального ударения (тон), в тайском языке имеется еще ритмическое ударение. Как известно, тайский язык является моносиллабическим языком, то есть «обычно тайские слова содержат только один слог»[6, с.56]. Это означает, что гласный звук в односложном слове всегда ударный. Как было сказано ранее, большинство тайских слов односложные, но это не значит, что в тайском языке нет многосложных слов. На самом деле их достаточно много. Они могут быть либо заимствованиями, например, คอมพิวเตอร์ [kom¹-p^u-te³] 'компьютер', либо составными словами, например, รถ [rot⁴] 'машина' + ไฟ [faj¹] 'огонь' = รถไฟ [rot⁴-faj¹] 'поезд'.

В учебных пособиях по тайскому языку отмечается, что чаще всего неодносложные слова в тайском языке бывают двусложными, трехсложными и четырехсложными. Слова, которые состоят из 5 слогов и более также существуют, однако они редко встречаются, поскольку являются интернациональными терминами и номинациями, которые употребляются в определенных сферах деятельности [3, с.96].

Ритмические структуры тайских многосложных слов представлены следующими типами:

- Двусложные слова. Согласно работам Р. Peysantiwong, они бывают разными по типу образования слова. Первый тип – составные слова из двух односложных слов, например,

น้ำ [nam⁴] 'вода' + ตา [ta¹] 'глаз' = น้ำตา [na:m⁴ta¹] 'слеза';
แม่ [me³] 'мать' + ยาย [jai¹] 'бабушка' = แม่ยาย [me:³jai¹] 'теща';
โรงเรียน [roŋ¹] 'здание' + เรียน [rian¹] 'учиться' = โรงเรียน [ro:ŋ¹rian¹] 'школа'.

Здесь ударение и тон сохраняются и на первом, и на втором слоге, однако гласный звук в первом слоге более короткий, чем если бы был отдельным словом.

Второй тип – заимствованные слова с гортанной смычкой в конце слога – /ʔ/. Здесь наблюдается нейтрализация тона, обнаруживается различие между произношением каждого слога по отдельности (а.) и произношением обоих слогов как фонетического слова (б.). Например,

- а. ทะ [tʰa⁴ʔ] – ทะ [tʰa⁴le¹] б. ทะเล [tʰa⁴le¹] 'море'
- а. ปะ [pra²ʔ] – ทะ [tet³] б. ปะทะ [pra¹tet³] 'страна'
- а. กุ [ku²ʔ] – ลา [lab²] б. กลา [ku¹lab²] 'роза'
- а. ปะ [ra²ʔ] – ทะ [tʰa⁴ʔ] б. ปะทะ [ra¹tʰa⁴ʔ] 'сталкиваться' [4, с. 219–220].

- Трехсложные слова и слова с большим количеством слогов: здесь возможно появление «соединяющего слога», который произносится с долгим гласным /a:/ и с гортанной смычкой в конце. Однако, когда слоги произносятся как слово, эта гортанная смычка в конце соединяющего слога не слышна. Рассмотрим следующие примеры:

а. วาต [vat³-sa³ʔ] – นาน [na:⁵] б. วาตนา [vat³sa¹na:⁵] 'судьба'
а. พระ [pʰra⁴ʔ] – รูป [pʰut⁴-tʰa⁴ʔ] – รูป [rup³]
б. พระพุทธรูป [pʰra¹pʰut⁴tʰa¹rup³] 'статуя Будды' [Там же. С.223–227].

На основе данных, полученных разными исследователями, и учебных пособий по тайскому языку, можно сделать вывод, что слог тайского языка значительно отличается от слога русского языка. В связи с этим мы можем спрогнозировать ритмические нарушения при произношении русских слов тайцами по следующим отличительным характеристикам:

1. Структура слога (количество звуков в позиции инициали). В тайском языке возможно сочетание не более 2 звуков, однако не все звуки могут сочетаться друг с другом, а только определенные звуки со звуками /r/, /l/ и /v/: [kr], [kʰr], [tr], [pr], [pʰr], [kl], [kʰl], [pl], [pʰl], [kv] и [kʰv]. В русском же языке встречается стечение 2-х и более согласных: *Здравствуйте!*, *спрятать*, *встреча* и др. Произнесение группы русских согласных, как правило, вызывает трудности у тайцев, изучающих русский язык. Это обуславливает необходимость специальных упражнений для формирования правильных и устойчивых навыков произнесения сочетаний согласных в слове или на стыке слов (предлог + существительное: *в стране*).

2. Звуки – финали слога. Как отмечалось выше, звуков, допустимых в финали тайского слога, всего 8: /p/, /t/, /k/, /m/, /n/, /ŋ/, /v/ и /j/. Данное ограничение может провоцировать нарушения норм произношения русских слов, в абсолютном конце которых могут быть и другие звуки. Так, в финали тайского слова อากาศ 'воздух' есть буква ก. Эта буква обычно обозначает звук /s/, однако, когда она оказывается в позиции финали, то обозначает звук /t/: слово อากาศ

‘воздух’ произносится как [a¹kat²]. Слово อาหาร ‘еда’ оканчивается буквой ๓, обычно обозначающей звук /t/, но в позиции финали соответствует звуку /n/, и слово อาหาร ‘еда’ читается как [a¹han⁵]. Такие особенности тайского языка могут приводить к ошибкам интерферирующего типа при изучении фонетики русского языка.

3. *Ударение и редукция.* В тайском языке музыкальное и ритмическое ударения неподвижные, в отличие от подвижного ударения в русском языке. Соответственно, характеристики редукции также отличаются. В тайском языке обнаруживается изменение в произношении гласного звука в многосложных словах (см. примеры двусложных слов выше), что звук может сокращаться при быстром темпе произнесения, однако звук сохраняется как таковой: например, ๓ [t^ha⁴๒]–๓ [le¹] меняется на ๓ [t^ha¹le¹] ‘море’, гласный [a] все равно звучит как [a]. По сравнению с редукцией гласных в тайских словах, характеристика русского гласного звука изменяется более существенно, например, в слове *молоко́*, где ударение падает на последний слог, поэтому слово произносится как [мъл^кó]. Для тайцев такое явление может быть сложным для понимания и усвоения, в связи с чем формированию навыков редуцирования гласных в безударных слогах следует уделить особое внимание.

Таким образом, на основе полученных результатов мы предполагаем продолжить контрастивный анализ просодических систем тайского и русского языков для разработки эффективной методики обучения тайцев русскому произношению.

Список литературы / References

1. Glenn Slayden. Central Thai phonology [Electronic resource] / Slayden Glenn. - 2009. - 30 p. - URL: <http://www.thai-language.com/resources/slayden-thai-phonology.pdf>
2. Luangthongkum Theraphan. Rhythm in standard Thai / Theraphan Luangthongkum. - Unpublished Ph.D. Dissertation, University of Edinburgh, 1977. - 282 p.
3. Luksaneeyawin Sudaporn. Intonation in Thai / Sudaporn Luksaneeyawin. - Unpublished Ph.D. Dissertation, University of Edinburgh, 1983. - 556 p.
4. Peyasantiwong Patcharin. Stress in Thai [Electronic resource] / Patcharin Peyasantiwong. - 1986. P. 211–230. - URL: <http://sealang.net/sala/archives/pdf8/patcharin1986stress.pdf>
5. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. - М.: Изд-во ИКАР, 2009. - 448 с.
6. Айммонгкхон Бонгкот. Тайско-русская фонетическая интерференция : сегментный уровень : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Айммонгкхон Бонгкот; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т] Санкт-Петербург, 2008. - 160 с.
7. Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф. Тайский язык. / Л.Н. Морев, Ю.Я. Плам. - М.: ИВЛ, 1961. - 150 с.
8. Практикум по методике преподавания иностранных языков / [Под ред. К.И. Саломатова, С.Ф. Шатилова]. М.: Просвещение, 1985. - 234 с.
9. กาญจนา นาคสกุล. ระบบเสียงภาษาไทย. กรุงเทพมหานคร: โรงพิมพ์จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2520. 168 หน้า
10. พระชาอุปกิตศิลปสาร. หลักภาษาไทย. กรุงเทพมหานคร: ไทยวัฒนาพานิช, 2533. 498 หน้า

Список литературы на английском языке / References in English

1. Glenn Slayden. Central Thai phonology [Electronic resource] / Slayden Glenn. - 2009. - 30 p. - URL: <http://www.thai-language.com/resources/slayden-thai-phonology.pdf>
2. Luangthongkum Theraphan. Rhythm in standard Thai / Theraphan Luangthongkum. - Unpublished Ph.D. Dissertation, University of Edinburgh, 1977. - 282 p.
3. Luksaneeyawin Sudaporn. Intonation in Thai / Sudaporn Luksaneeyawin. - Unpublished Ph.D. Dissertation, University of Edinburgh, 1983. - 556 p.
4. Peyasantiwong Patcharin. Stress in Thai [Electronic resource] / Patcharin Peyasantiwong. - 1986. P. 211–230. - URL: <http://sealang.net/sala/archives/pdf8/patcharin1986stress.pdf>
5. Azimov E. G., Shhukin A. N. Novyjslovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazy kam). [New Dictionary of terms and concepts (the theory and practice of language teaching)] / E. G. Azimov, A. N. Shhukin. - M.: Izd-vo IKAR, 2009. - 448 p. [in Russian]
6. Ajmmongkhon Bongkot, Tajsiko-russkaja foneticheskaja interferencija :segmentnyj uroven'. [Thai-Russian phonetic interference: segment level] :dis. ... of PhD in Philology: 10.02.01 / Ajmmongkhon Bongkot; [place of defense: SPbU] Saint-Petersburg, 2008. - 160 c. [in Russian]
7. Morev L.N., Plam Ju.Ja., Fomicheva M.F. «Tajskij jazyk» ["Thai language"] / L.N. Morev, Ju.Ja. Plam. - M., IVL, 1961. -150 p. [in Russian]
8. Praktikum po metodike prepodavanija inostrannyh jazykov [Workshop on methodology of teaching foreign languages] / edited by K.I. Salomatovab S.F. Shatilova. M.: Prosveshchenije, 1985. - 234 p. [in Russian]
9. Kanchana Naksakul. Thai Phonology / Naksakul Kanchana. - Bangkok. Chulalongkorn University Printing House, 1977. - 168 p.[in Thai]
10. Phaya Upakitsilapasan. Principles of Thai Language / Upakitsilapasan Phaya. - Bangkok: Thai Wattana Panich, 1990. - 498 p.[in Thai]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.171

Моногарова А.Г.¹, Кобышева Е.И.²

¹ORCID: 0000-0003-4098-0341, Аспирант,

Пятигорский государственный университет,

²ORCID: 0000-0003-3830-9081, Кандидат юридических наук,

Пятигорский государственный университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Проект «Систематизация и стандартизация терминологии медиации в России» № 15-04-00392

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ АББРЕВИАТУР В ТЕРМИНОЛОГИИ МЕДИАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются основные критерии систематизации аббревиатур в терминологии медиации. Целью работы является определение структурных и функциональных характеристик сокращений, используемых в медиации, и разграничение конвенциональных и окказиональных аббревиатур в исследуемой терминосистеме. В исследовании использован комплексный метод, включивший структурный и компонентный анализ терминов, дистрибутивный анализ, а также анализ частотности употребления сокращенных и полных форм соответствующих терминов как в устной, так и в письменной медиации. Основным результатом работы является выявление типов сокращений, используемых в процессе медиации и при оформлении документации, связанной с процедурой, а также выделение группы устойчивых аббревиатур, функционирующих в медиации в качестве самостоятельных слов.

Ключевые слова: терминология медиации, термин, систематизация терминологии, аббревиатура, аббревиация, акронимы, конвенциональные аббревиатуры.

Monogarova A.G.¹, Kobysheva E.I.²

¹ORCID: 0000-0003-4098-0341, Post-graduate Student,

Pyatigorsk State University,

²ORCID: 0000-0003-3830-9081, PhD in Jurisprudence,

Pyatigorsk State University

The authors express their gratitude to the Russian Foundation for Humanities (project No. 15-04-00392 Systematization and standardization of mediation terminology in Russia)

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ASPECTS OF THE SYSTEMATIZATION OF ABBREVIATIONS IN MEDIATION TERMINOLOGY

Abstract

The article discusses the main aspects of the systematization of abbreviations in mediation terminology. The aim of the work is to define the structural and functional characteristics of the abbreviations used in mediation, and to draw the demarcation line between conventional and occasional abbreviations in the terminology discussed. The study used a complex method, including structural and component analysis of the terms, distributional analysis, and analysis of the frequency of the use of abbreviations and full forms of the terms in both oral and written mediation. The main results of the research include the study of the types of abbreviations used in mediation processes and documentation associated with the procedure, and the identification of the group of conventional abbreviations used in mediation as independent words.

Keywords: mediation terminology, term, systematization of terminology, acronym, abbreviation, conventional abbreviations.

1. Введение

Медиация как досудебная технология разрешения споров с помощью привлечения квалифицированного посредника возникла в ответ на необходимость разгрузить суды от различного рода гражданских дел. Сегодня медиация успешно используется во многих странах для урегулирования различного рода конфликтов, и все больше людей предпочитают медиативные переговоры долгим судебным разбирательствам [6]. Динамика развития данной профессиональной сферы обуславливает не только постоянное пополнение терминологии медиации (ТМ) новыми единицами, но и преобразования внутри системы, среди которых уточнение дефиниций, расширение или специализация значений некоторых терминов, а также развитие аббревиации и изменение статуса аббревиатур [1, С. 42].

Проблема аббревиации в ТМ является одним из препятствий систематизации данной развивающейся терминологии, так как на сегодняшний день отсутствует не только утвержденная классификация сокращений, используемых в медиации, но и не обоснован принцип разграничения окказиональных сокращений и конвенциональных аббревиатур, используемых в медиации как самостоятельные ЛЕ. Основной экстралингвистический фактор, обуславливающий появление большого количества аббревиатур в медиации, - глобальная популяризация медиативных практик и внедрение процедуры в различные сферы жизни. Стремительное развитие ТМ обуславливает ее открытый характер, выражающийся в том, что по мере расширения сфер применения медиации в процесс вовлекаются новые термины, как собственно медиативные, так и заимствованные из смежных сфер. Так, согласно результатам проведенного структурно-компонентного анализа ТМ [3, С. 201], 38,42% терминов (прим. общая выборка терминов составляет 859 терминов) образованы на основе терминологических единиц из других терминосистем, используемых в ТМ в качестве строительного материала для двух- и трехкомпонентных терминов. Преимущественно это термины, репрезентующие концепты из психологии (*communication channel, analytical problem solving*), и однокомпонентные юридические термины, функционирующие к структуре медиативных терминов в качестве атрибутов (*custody, tort, respondent*). В 11,87% случаев термины медиации представляют собой словосочетания, состоящие из двух компонентов: при этом терминологические элементы, заимствованные из смежных

терминологий, обозначают объект или процесс, на который распространяется действие процедуры медиации. Большая часть базовых многокомпонентных терминологических конструкций в медиации не используется в развернутой (полной) форме, а сокращается до аббревиатур по различным структурным моделям. Это определяет необходимость поиска эффективных средств, способных обеспечить эффективное декодирование аббревиатур в ТМ, сохраняя при этом лексико-семантическую связь между развернутой и сокращенной формой. *Цель данной работы* - установить статус аббревиатур различных структурных типов в ТМ, выделить устойчивые сокращения, которые функционируют как самостоятельные терминологические единицы, и определить группу окказиональных аббревиатур.

Предпринимаемый анализ англоязычных моделей аббревиации в медиации также необходим для эффективной гармонизации русскоязычной ТМ, так как на этапе перевода аббревиатур сферы медиации на русский язык специалисты сталкиваются с целым комплексом вопросов, касающихся англоязычных сокращений ТМ. Разработка ответов на данные вопросы позволит обеспечить системное представление русскоязычных аббревиатур и определить наиболее удачные способы передачи англоязычных акронимов на русский язык. Таким образом, среди основных направлений работы с аббревиатурами ТМ выделим следующие: 1) изучение структурных и фонетических типов аббревиатур в ТМ; 2) определение окказиональных и конвенциональных сокращений на основе анализа частотности употребления аббревиатур различных типов в дискурсе медиации.

2. Метод исследования

Для определения статуса аббревиатур в современном дискурсе медиации был использован комплексный метод, включивший дистрибутивный анализ, а также анализ частотности употребления сокращенных и полных форм соответствующих терминов как в устной, так и в письменной медиации. Для этого был составлен электронный текстовый корпус языка медиации [4], в который вошли 469 статей, 552 документов по медиации, 216 официальных докладов и нормативных актов, опубликованных медиативными ассоциациями, консультационными советами, которые раскрывают правовые основы и стандарты медиации. Частотность использования сокращений в устной медиации определялась на основе включенных в корпус 116 скриптов записей медиативных сессий. С помощью автоматической (инструмент term extraction) и контрольной ручной выборки терминов из корпуса было выделено 339 сокращений терминов, на основе которых была создана электронная база данных (Таблица 1) для исчисления семантических и структурных моделей аббревиатур в ТМ.

Таблица 1 – База данных "Abbreviation in MT" (фрагмент)

Abbreviation eng	Full-form term eng	Abbreviation Status	Field of Mediation	Number of components	Derivation pattern	Abbreviation rus	Full-form term rus
LSM	lawyer-supported mediation	occasional	mediation types	3	initial abbreviation	сокращение не используется	медиация с привлечением адвоката
MIAM	mediation information and assessment meetings	independent word	mediation stages	4	acronym	сокращение не используется	встречи с квалифицированным специалистом для обсуждения и оценки информации
PDR	primary dispute resolution	independent word	general mediation	3	initial abbreviation	ДРС	досудебное разрешение споров
P.	party	occasional (only in papers)	mediation participants	1	initial abbreviation	С.	сторона спора
BATNA	best alternative to a negotiated agreement	independent word	general mediation	5/6	acronym	НАОС	наилучшая альтернатива обсуждаемому соглашению

Частотность использования аббревиации в составленном корпусе определялась с помощью следующего алгоритма. Из блока заскриптованных медиативных сессий и блоков, содержащих официальные документы, доклады и методическую литературу в медиации, в равных пропорциях были отобраны текстовые фрагменты согласно тематическим областям, к которым принадлежат анализируемые акронимы (для каждой устойчивой аббревиатуры и соответствующего многокомпонентного термина фрагменты отбирались отдельно). Далее с помощью автоматического поиска терминов была определена частотность использования каждой устойчивой аббревиатуры и соответствующей развернутой формы термина в отобранных фрагментах.

3. Результаты и обсуждение

Как было отмечено выше, в ТМ наблюдается связь между интенсивностью развития сокращенных форм и динамикой развития профессиональной сферы. Так, широкое использование аббревиатур в ТМ обусловлено доминантной ролью многокомпонентных терминов в системе. Количественное преимущество (44.12%) в рамках ТМ имеет группа двухкомпонентных терминов (*conflict transformation, concerted activity, creating doubt, confidential listener*), а доля трехкомпонентных терминов (*elder care mediation, early neutral evaluation, fact finding expert, joint legal custody, dueling experts syndrome*) [7] составляет 25.38%. Количество терминов со сложной структурой, включающих четыре и пять терминологических элементов, составляет 10.48% выборки, в то время как пролонгированные определительные конструкции, в структуре которых более чем из 5 терминологических элементов, нетипичны для ТМ (3.26%) [5, С. 73].

Определение количества устойчивых аббревиатур представляет собой довольно сложную задачу, для решения которой необходим дополнительный анализ частотности употребления выявленных в текстовом корпусе аббревиатур. Так, при первом рассмотрении составленного нами корпуса медиативных документов было выделено 339 сокращенных терминов, однако не все обнаруженные буквенные и слоговые сокращения могут рассматриваться как самостоятельные термины. Такое положение объясняется тем, что в письменной медиации (процедурные документы, официальные положения, публицистические статьи и т.д.) практически любой многокомпонентный термин может быть сокращен в целях экономии средств графического выражения. При этом в текстах содержится пометка с расшифровкой аббревиатуры при первом упоминании. Такие аббревиатуры фактически можно отнести к графическим сокращениям, так как их использование носит окказиональный характер, и даже со временем такие сокращения не становятся узнаваемыми в пределах дискурса, а в устной речи употребляется исключительно несокращенный вариант термина.

Таким образом, к окказиональным аббревиатурам мы относим буквенные и слоговые сокращения двух - и более - компонентных терминов, встречающиеся строго в письменных произведениях дискурса медиации, и характеризующиеся низким уровнем устойчивости и частоты воспроизведения. В рамках выборки, охватывающей аббревиацию в ТМ, обозначенные выше графические сокращения составляют 75.22%. Так, например, сокращения *MD / Mediation Device, MS / Mediation Services, MF / Mediation Function, ME / Mediation Equipment, MC / Mediation Committee, CA. Compromise Agreement, AM. Administrative Matter DRB / Dispute Resolution Branch, MCD / minor civil dispute, EDR / Effective Dispute Resolution* [7] не употребляются в устной речи, но встречаются в процессуальных документах. Такие аббревиатуры в рамках вопроса о систематизации терминологии не рассматриваются, так как данные сокращенные формы в силу окказиональности их употребления нерелевантны для определения критериев упорядочения терминологии [см. 2, 8].

Отметим, однако, что, несмотря на значительное количество окказиональной аббревиации в исследуемой системе, сам процесс образования сокращений в ТМ носит *системный характер*. Так, даже если решение о сокращении терминов не является следствием использования установленной в ТМ нормы, создание аббревиатуры во всех случаях происходит в рамках утвержденной в языке системы моделей. Данные паттерны используются как при окказиональном стяжении многокомпонентных конструкций, так и при образовании конвенциональных терминологических единиц, обретающих с развитием профессиональной сферы высокую степень узнаваемости и используемых в качестве самостоятельных терминов.

Из выборки в 339 терминов только 84 сокращения представляют собой устойчивые формы, функционирующие как самостоятельные слова, характеризующиеся высокой частотностью воспроизведения (например, *BATNA/Best Alternative to a Negotiated Agreement; EATNA/Estimated Alternative to a Negotiated Agreement; WATNA/The Worst Alternative To A Negotiated Agreement, ATNA/ alternative to a negotiated agreement, MATA/Mediation and Training Alternatives, MARS/Mediation Arbitration Resolution Services, GRIT/Gradual Reduction in Tension, ZOPA/Zone of Possible Agreement, MIAM/Mediation Information and Assessment Meetings, MEDALOA/Mediation And Last Offer Arbitration, PRD/Primary Dispute Resolution*) [7].

Среди структурных моделей устойчивых аббревиатур количественно наиболее представлены инициальные аббревиатуры (84.05%), 35.71% которых составляют акронимы. Доля гибридов и усечений в ТМ незначительна (5.95%), а бэкронимы и рекурсивные аббревиатуры в рамках выборки обнаружены не были.

Фонетические особенности аббревиатур в ТМ отражены в классификации, в рамках которой выделяются 3 группы терминов:

1) Буквенные аббревиатуры, составленные из начальных букв соответствующих многокомпонентных терминов, читаются как совокупность алфавитных названий букв, входящих в состав данных терминов: *DRB* ['di:'a:r' bi:] - *Dispute Resolution Branch*; *MCD* ['em'si:'di:] - *Minor Civil Dispute*; *EDR* [i:'di:'a:r] - *Effective Dispute Resolution*.

2) Буквенно-звуковые аббревиатуры, представленные в ТМ аббревиатурами-гибридами, произносятся как комплекс, в который частично входят и названия начальных букв, и названия начальных звуков слов исходного словосочетания: *MEDALOA* ['med 'eɪ'lə'u'eɪ] - *Mediation and Last Offer Arbitration*.

2) Акрофонетические аббревиатуры, образованные из начальных букв исходных терминов, читаются как слово: *GRIT* [grɪt] - *Gradual Reduction in Tension*; *MIAM* ['maɪəm] - *Mediation Information and Assessment Meetings*; *BATNA* ['bætənə] - *Best Alternative to a Negotiated Agreement*; *med-arb* ['med 'a:rb] - *Mediation and arbitration*. [7].

Следующая задача заключается в определении статуса 84 выделенных аббревиатур, характеризующихся высоким уровнем устойчивости.

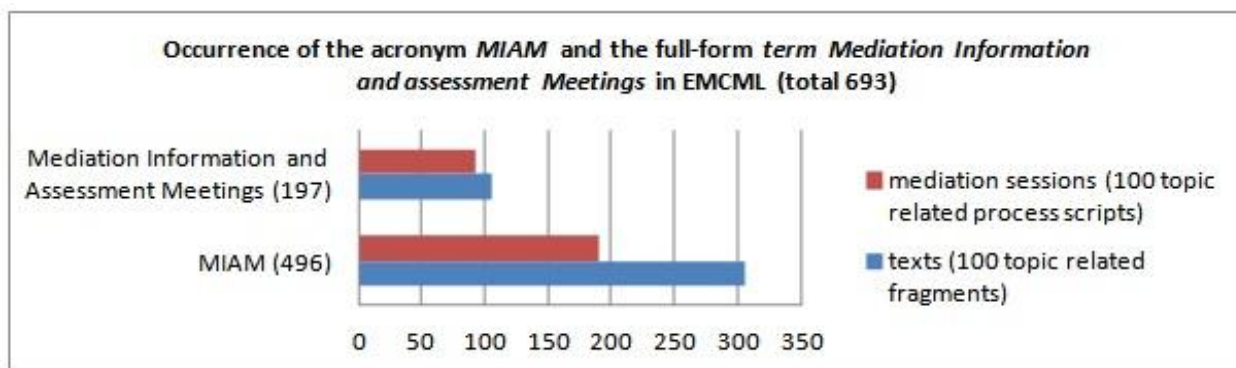

Рис. 1А – Частотность использования пары "acronym/full-form term" в электронном мониторинговом текстовом корпусе языка медиации (MIAM/ Mediation Information and Assessment Meetings)

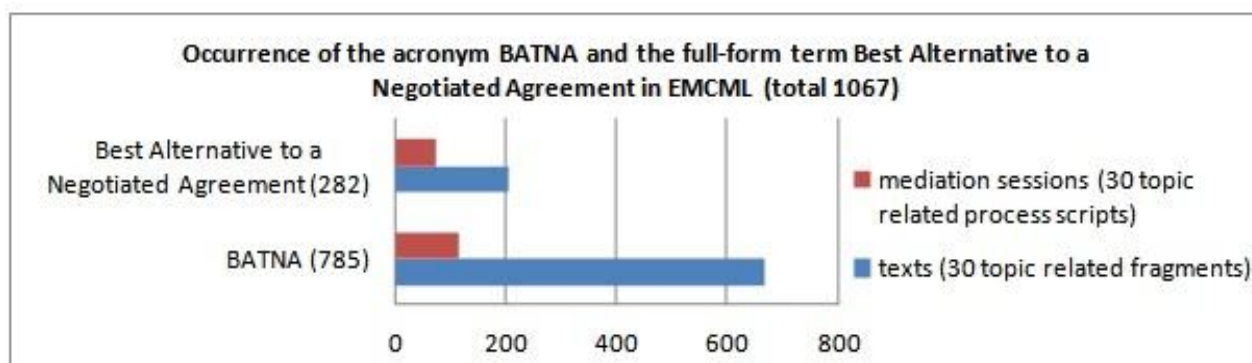

Рис. 1Б – Частотность использования пары "acronym/full-form term" в электронном мониторинговом текстовом корпусе языка медиации (BATNA/ Best Alternative to a Negotiated Agreement)

Анализ частотности (см. метод исследования) использования полных форм терминов и устойчивых аббревиатур (пример, Рис. 1 А, 1 Б) позволил сделать вывод о том, что в рамках составленных и проанализированных фрагментов устного и письменного дискурса медиации для 78-ти из 84-х терминологических пар "аббревиатура - развернутая форма" справедлива ситуация, когда сокращения, образованные путем аббревиации многокомпонентных терминов медиации, используются чаще, чем не усеченные формы этих терминов как в письменной, так и в устной медиации. Таким образом, в 92,86% случаев аббревиатуры используется чаще, чем полная форма этого же термина.

4. Выводы

Динамика роста многокомпонентных терминов позволяет прогнозировать дальнейшее развитие аббревиации в ТМ. Относительно высокая степень устойчивости употребления исследуемых 84 терминов-аббревиаций в устных и письменных произведениях медиации позволяет нам сделать вывод о том, что данные сокращения имеют самостоятельный статус в исследуемой профессиональной сфере. Однако в силу того, что сегодня процедура ещё не получила глобального распространения, изучаемые аббревиатуры отличаются относительно высокой (но не абсолютной) степенью узнаваемости вне профессиональной сфер и поэтому нуждаются в расшифровке при первом упоминании в тексте или во время процедуры.

Процесс появления новых сокращений в медиации обусловлен экстралингвистическими факторами, исследовав которые, мы пришли к выводу о том, что именно *базовые* многокомпонентные термины имеют тенденцию к использованию в сокращенном виде. Наиболее часто буквенные сокращения многокомпонентных конструкций используются в письменных произведениях медиации, а в устной речи частотно использование акронимов, что обусловлено их фонетической формой, позволяющей употреблять данные терминологические единицы в качестве самостоятельных слов.

Перспективы исследования заключаются в возможности использования полученных данных для систематизации и гармонизации русскоязычной терминологии медиации, которая находится на этапе активного формирования и использует исходную англоязычную терминологию как основу для репрезентации понятийного аппарата медиации на русском языке. Гармонизация русскоязычной терминологии имеет большое значение, так как предполагает выработку однозначного подхода к переводу и использованию эквивалентных национальных терминов. Так, например, при переводе терминологии на русский язык необходимо придерживаться правил использования терминов, установленных в исходном языке. Согласно данным анализа, устойчивые аббревиатуры в медиации со временем переходят в статус самостоятельных слов, а развернутая форма соответствующего многокомпонентного термина используется только в дефинитивной роли. Перенесение данной тенденции в русскоязычную ТМ позволит обеспечить эффективное общение специалистов на международном уровне.

Список литературы / References

1. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М.: Воениздат, 1972. – 319 с.
2. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д.С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.
3. Чернышенко А. Г. Границы терминосистемы медиации. Содержательные пересечения / А. Г. Чернышенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-3 (53). – С. 200 – 204.
4. Чернышенко А. Г., Кобышева Е. И., Лату М. Н., Головченко И. Ф. Электронный мониторинг текстовый корпус языка медиации / А. Г. Чернышенко, Е. И. Кобышева, М. Н. Лату, И. Ф. Головченко. – Пятигорск: Изд-во Е-lit, 2015 (диск).
5. Чернышенко А. Г. Систематизация терминологии медиации. Структурные и словообразовательные модели терминов / А. Г. Чернышенко // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3 (19). – С. 72–78.
6. Moore C.W. The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict / C. W. Moore. – San Francisco: Jossey-Bass, 2003. – 607 P.
7. Peterson N. The Mediation Dictionary / N. Peterson. – Raleigh: Lulu, 2008. – 59 p.
8. Rey A. Essays on Terminology / A. Rey. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 1995. – 223 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Borisov V. V. Abbreviatsiya i akronimija. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashhenija v inostrannyh jazykah [Abbreviation and acronyms. Military, scientific and technical shortenings in foreign languages] / V. V. Borisov. – М.: Voениzdat, 1972. – 319 P. [in Russian]
2. Lotte D. S. Osnovy postroenija nauchno-tehnicheskoy terminologii [The Framework of building the scientific terminologies] / D.S. Lotte. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 160 P. [in Russian]
3. Chernyshenko A. G. Granicy terminosistemy mediatsii. Soderzhatel'nye peresechenija [The boundaries of the mediation terminology. Key intersections] / A. G. Chernyshenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice]. – 2015. – № 11-3 (53). – P. 200 – 204. [in Russian]
4. Chernyshenko A. G., Kobysheva E. I., Latu M. N., Golovchenko I. F. Jelektronnyj monitornyj tekstovyy korpus jazyka mediatsii [Electronic monitor text corpus of the language of mediation] / A. G. Chernyshenko, E. I. Kobysheva, M. N. Latu, I. F. Golovchenko. – Pjatigorsk: Izd-vo E-lit, 2015 (disk). [in Russian, in English]
5. Chernyshenko A. G. Sistematsizatsija terminologii mediatsii. Strukturnye i slovoobrazovatel'nye modeli terminov [Systematization of the mediation terminology. Structural models of mediation terms] / A. G. Chernyshenko // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikatsija [Theory of the language and intercultural communication]. – 2015. – № 3 (19). – P. 72–78. [in Russian]
6. Moore C.W. The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict / C. W. Moore. – San Francisco: Jossey-Bass, 2003. – 607 P.
7. Peterson N. The Mediation Dictionary / N. Peterson. – Raleigh: Lulu, 2008. – 59 p.
8. Rey A. Essays on Terminology / A. Rey. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 1995. – 223 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.215

Норина Н.В.

Кандидат филологических наук, Соликамский государственный педагогический институт

ПОЭТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА Б.Ю. ПОПЛАВСКОГО «НАД СОЛНЕЧНОЙ МУЗЫКОЙ ВОДЫ»

Аннотация

Статья посвящена изучению поэтики лирического цикла Б.Ю.Поплавского «Над солнечной музыкой воды» и выявлению в нём циклообразующих связей. Изучена семантика заглавия цикла: ключевые образы солнца, музыки, воды, раскрывающие концепцию всего цикла. Изучено своеобразие поэтической картины мира у Б.Ю. Поплавского на уровне мотивно-образной структуры цикла, включающей мотив «сна», звуковые и цветовые образы. Материалы исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения творчества Б.Ю. Поплавского.

Ключевые слова: лирический цикл, лейтмотив, заглавие, композиция.

Norina N.V.

PhD in Philology, Solikamsk state pedagogical institute

THE POETICS OF THE LYRICAL CYCLE BY B. POPLAVSKY "ABOVE THE SOLAR MUSIC OF THE WATER"

Abstract

The article is devoted to the study of poetics of the lyrical cycle by B. Poplavsky "Above the solar music of the water" and the detection of the genre connections in a cycle. The semantics of the title of a cycle was studied: the key images of the sun, music, water, which reveal the concept of the whole cycle. The originality of the poetic picture of the world by B. Poplavsky at the level of the system of the motifs and images in a cycle, including the motive of "sleep" and the sound and color images, was studied. Materials of research may be used for further study of creativity B. Poplavsky.

Keywords: lyrical cycle, leitmotiv, title, composition.

Борис Юлианович Поплавский (1903 – 1935) – поэт с трагическим и сложным мироощущением, остро чувствующий трагизм судьбы человека – в "разобщённости душ", в "разлучении души и мира", в неизбежности "исчезновения человека" [5, С. 301]. Постоянно живущее в Поплавском чувство онтологического

трагизма проникало на все уровни создаваемого поэтом мира. Поэтические сборники Поплавского «Флаги» (1931), «Снежный час» (1936), «В венке из воска» (1938), «Дирижабль неизвестного направления» (1935) отражают глубокую противоречивость его натуры, постоянно мечущейся между земным и небесным.

Лирический цикл «Над солнечною музыкой воды» занимает особое место в сборнике «Снежный час», поскольку он затрагивает важный момент в жизни Б.Ю. Поплавского: любовь к Наталии Столяровой (1911 – 1984), невесте поэта. Многие критики отмечали особое настроение, отличающее этот цикл от других стихотворений книги. За основной – трагической и «холодной» – частью «Снежного часа», в которой доминирует атмосфера отчаянного одиночества, следует «лучезарный», с «сияющими образами» (Н.Берберова) цикл «Над солнечною музыкой воды». Последний, по мнению пермской исследовательницы творчества поэта Н.Б. Лапаевой, проявил способность Б.Поплавского «выйти из молчания к моцартианским интонациям» [2, С. 85]. Действительно, «Снежный час» своим завершением выходит на самые светлые и счастливые ноты. Это доказывает, что Поплавский, как пишет А. Чагин, при очевидном преобладании трагического в своей поэзии всё же «умел восхищаться красотой и силой жизни» [5, С. 310].

Несмотря на отдельные высказывания, монографических или хотя бы статейных работ, посвящённых исследованию поэтики данного цикла, нет, поэтому недостаточный уровень его изученности в отечественном литературоведении обусловил актуальность нашей работы.

В существующей критике не встречается точной информации о том, является ли данный цикл (в плане композиционного построения) авторским. Поплавский рано умер, поэтому архив его стихов разбирали знавшие его люди: хранитель его архива Николай Татищев и художник Михаил Ларионов выпустили две поэтические книги, составленные Борисом Юлиановичем незадолго до смерти: «Снежный час» (Париж, 1936) и «В венке из воска» (Париж, 1938). В 1965 году Татищев выпустил в Париже поэтический сборник Поплавского «Дирижабль неизвестного направления». Таким образом, очевидно, что сегодняшняя структура лирического цикла «Над солнечною музыкой воды» может не соответствовать авторскому замыслу. Составители данного цикла могли руководствоваться датами, основными темами, мотивами.

Чтобы доказать, что «Над солнечною музыкой воды» Б.Поплавского – лирический цикл, а не простая тематическая подборка стихотворений, в процессе анализа мы стремились выявить и исследовать так называемые универсальные циклообразующие связи: заглавие, композиционное строение, лексику и др.

Заглавие – обязательный элемент каждого циклического образования. Заголовок «Над солнечною музыкой воды» – тип заголовка, который опирается на ключевые образы и слова составляющих цикл отдельных стихов. Такими концептуально важными для Б.Поплавского образами являются образы *солнца, воды, музыки*. В совокупности они создают эстетически прекрасную картину: образ «солнечной музыки воды».

Вода и солнце (центральные образы в цикле) – образы межпространственные, позволяющие Душе лирического героя путешествовать из земного мира в небесный. Один из важных сюжетобразующих лирических мотивов в этом цикле – *мотив встречи солнца и воды*. «Яркое» солнце противопоставляется у Поплавского «туманной» грозе, которая «скрывает небо за собой» [3, С.151]. Открытость неба в цикле Поплавского – это необходимое условие стремления к нему, как видимому воплощению свободы, а, значит, и неперенного ощущения счастья. Характерно и то, что момент встречи солнца и воды (ключевых заглавных образов в цикле, выражающих стремление автора к гармонии) рождает целый спектр положительных эмоций: «удовольствия» («Она довольна голубой обновой»), «ликования» (такая, к примеру, метафора: «до края неба гребнями шумя»), «радости» («И радость Твоей блещит прибой»), «счастья» («Мгновенно отозвавшись счастьем новым»). Носительницей всех этих эмоций выступает в цикле Поплавского, прежде всего, Вода, как образное воплощение самой «жизни». Помимо этого вода становится отражением эмоций лирической героини (лирическая номинация Ты) и самого лирического субъекта данного цикла.

Через образ воды в цикле реализуется также мотив одиночества («Пароход, дымовой полосой / Горизонт опечалив, исчез»; «... сумрачный родник») и мотив прощания («Пароход попрощался с Тобой»). «Пароход», уплывая, исчезает за «скалистым мыском». Образ парохода может трактоваться и как символ перемен, возможности изменения своей жизни, стремления к неизведанному, к чему тщетно стремится лирический герой, остающийся на берегу.

Примеры обращения автора к мотиву встречи солнца и воды в цикле разнообразны. Вот некоторые из них: «Уж ярко солнце встретилось с водой»; «Так, впадая, на солнце горит / И, теряясь, сияет река»; «Вот и солнце, <...> водяными мирами / Дружно вспыхнули листья посад» (речь идёт о том, что с восходом Солнца засверкали только что омытые влагой дождя листья садовых посадок); «Вода горит огнём»; «Мир прозрачен, как жидкий хрусталь» (здесь море, сверкающее на солнце, сравнивается с «жидким хрусталём»); «А под кручей на тысячу блесок / Распадается солнце в воде». В блеске солнечного света стирается граница между небесным и водным пространством. Поэт наделяет Солнце магическими функциями, *преображающей* мир силой.

В процессе анализа стихов цикла можно заключить, что мотив встречи солнца и воды позволяет лирическому герою Поплавского проникнуть в «бездну летних истин»: с одной стороны, ощутить «счастье новое», забыть то, «чем мучила зима», а с другой, понять, что «летняя боль» слишком глубока; ощутить острую жалость к «прошедшему», «яснее» осознать, «что счастьем не жить» (в земном мире).

«Глаза», в которых отражается «вся жизнь души» лирического субъекта, поэт уподобляет «морю», в котором отражается «вся жизнь природы». Поэтому мотив слияния или «встречи» солнца и воды («моря», «реки» в том числе) реализуется в стихах цикла не только на природном, но и на телесном, физиологическом уровне, как «встреча» Солнца и Души в её телесной оболочке: «Хорошо сквозь прикрытые веки / Видеть солнце палящим пятном. / Кровяные, горячие реки / Окружают его в золотом».

Лирический герой понимает, что «навек душе тепла / Верна судьба земли», а поскольку «жизнь души» уподобляется поэтом «жизни природы» с её неизменными природными циклами (чему, кстати, «не в силах помешать» лирический герой), то и Душа, в свою очередь, «с смиреньем дивным поручась судьбе», «навек верна» любви: «Глаза, на солнце греясь, закрываю / И снова навсегда люблю Тебя».

Как в мире природы при «встрече» с солнцем происходит преобразование «горящей» реки в «сияющую», испускающую «сияние» - яркий свет, так и в мире Души лирического героя происходит преобразование «кровяных горячих рек» в вечную любовь. Иными словами, Земное у поэта преобразуется в Небесное (духовное пространство, важнейшей составляющей которого является «музыка»).

Что касается общих принципов композиционного построения цикла, то здесь важно исходить от того, что именно становится доминантой его композиции: это прежде всего временные закономерности («молчанье снега» → весна → летнее «полногласие жизни» (июнь, июль) → «осеннее молчанье» («октябрьский стрелец», ноябрь) → «зимняя неволя», «сумрак ночи снежной»), а также логика духовного развития личности (весеннее «воскресенье» души → ощущение «счастья нового» и глубины «летней боли» → понимание того, «что счастьем не жить» → «вера» в то, что «земля и радость глубже боли» → прощение Бога, смирение перед судьбой). При этом важно отметить, что даже в кульминационный момент летнего «полногласия жизни» лирического героя не покидает противоречивое ощущение «счастья нового» и глубины «летней боли». Душа человеческая во власти природных стихий: период влюбленности – один из этапов природного цикла, напоминающий период буйного летнего цветения, за которым последует неизбежное увядание. Вот почему солнце в цикле не только излучает тепло, но и обжигает своими лучами, причиняя «летнюю боль».

Мотив сна открывает данный лирический цикл («Я долго спал и не был молодым») и завершает («Сон о счастье...»), что свидетельствует о замкнутости композиции цикла. Такая замкнутая композиция – круг – позволила поэту закрыть пространство цикла на внутреннем (духовном) мире лирического героя.

Время здесь нестатично. Способы выражения времени различны: утро, день, ночь; час, век; заря, закат; весна, лето, осень, зима. Время обозначают также характерные для поэзии Б.Поплавского образы-символы: «золотые весы», «солнце», «луна», «вода», «песок», «поезд», «бьющееся сердце у часов неверных».

Ещё одним важным циклообразующим началом является лексика: тематические и лексико-семантические группы как носители наиболее важных мотивов. Так, например, мотивы «пробуждения» и «засыпания» реализуются в тексте посредством глагольной лексики: «очнулась» («Но очнулась и внемлет душа»); «просыпается» («Просыпается утро от сна»), «встал» («Я снова встал душой из зимней тьмы»); «спит» («Спит возвышенность каменным сном»); «заснуть» («заснуть на песке»); «уснувшая» («Призрак лодки с уснувшей душой»); «ложиться» («Ложусь на тёплый вереск»).

Лексика со значением «ощущения страдания» или «состояния душевной горечи» («Слишком летняя боль глубока»; «Ветер боли и вольности рад»; «Мучительной и солнечной забавой»; «долго мучился, любя»; «Горизонт опечалив, исчез» и т.д.) становится носителем мотива «сосредоточенности в боли», суть которого, по словам Б.Поплавского, «выразить хотя бы муку того, что невозможно выразить» (т.е. всю скорбь, весь ужас, живущий в душе) [4, С. 310].

Один из лейтмотивов в цикле – «цвет». Ключевые образы воды, неба, света, солнца обусловили палитру данного цикла, включающую в себя тёплые и светлые краски. Доминируют цвета: белый, синий, голубой, жёлтый, золотой, зелёный. Среди обозначенных цветов преобладают белый, голубой, жёлтый. Белый цвет символизирует недостижимую высоту, очищение, хрупкость и первозданность. В данном цикле белый цвет свойственен небу, а также воде. Белый цвет ассоциируется с дневным светом. Голубой – цвет воды, небес, вечности. Встречается упоминание голубой «рубашки» лирической героини. Жёлтый, золотой цвета согревают, так как свойственны солнцу, но одновременно с этим, у Поплавского эти цвета символизируют скорую гибель: это палящее солнце, это осень с надвигающейся мертвящей зимой.

Другим важным лейтмотивом в цикле является «звук», «звучание». Как и для А.Блока, тишина для Б.Поплавского (отсутствие звучания, музыки) – это трагедия. В цикле «Над солнечной музыкой воды» живущая в музыке сила вечной жизни торжествует над тишиной, временностью исчезновения. В стихах цикла всё поёт, всё наполнено звуками («всё полно голосов», «шум воды голоса заглушает», «шарманщик поёт», «свищет Эол», «шумит прибой», «курлычет вода», «слышно», как дышит «паровоз», трещат «кузнечики», «поют стрижи»). Музыка позволяет преодолеть страх времени, благодаря музыке рождается понимание того, что трагическая неизбежность «исчезновения человека», в концепции Б.Поплавского, «согласуется с духом музыки, которая хочет, чтобы симфония мира двигалась вперёд» [5, С. 300].

В процессе анализа ключевых образов и мотивов, а также в процессе литературоведческого анализа стихов цикла мы выходим на его концепцию, т.е. на систему представлений и идей автора.

Содержательная структура данного цикла обнаруживает переплетение различных взаимоисключающих и взаимопроникающих начал: «смерть» – «воскресенье»; «спать» – «очнуться»; «боль» – «счастье»; «зима» – «лето»; «снег» – «горячие травы»; «свет» – «тьма»; «земное» – «небесное»; «Бог» – «человек»; «молчанье» – «говор»; «узы грусти» – «смех»; «печаль» – «радость»; «недвижен» – «мчится»; «падает» – «подымается»; «глубина» – «вышина»; «родился» – «погиб»; «слишком рано» – «слишком поздно»; «пустой» – «наполненный»; «жара» – «холод свежий» и т.д. Понятие «жизнь», например, включает в себя и «зимний труд» и «летнее сияние». Мир представляется лирическому герою цикла «мучительной и солнечной забавой».

В пространстве цикла «горизонтальное» противопоставляется «вертикальному» как профанное и повседневное – духовному и трансцендентному. Несмотря на то, что лирическому герою приходится пребывать в «земном» мире («улицы», «аллея», «ресторан», «газета», «экипаж», «платформа», «паровоз», «дача», «пляж», «телеграфная сеть», «пароход», «цоканье подков», «яхта», «скамья», пыль «бульвара»), подлинный вектор его устремлённости носит очевидный «небесно-астральный» характер. Лирический герой видит, как «гроза скрывает небо за собой» и как «парусник за низким маяком / Уходит, уменьшаясь в небе талом», как «вдалеке, среди молочных паров / Солнце скрыло хрустальной дугой / Грань воздушных и водных миров». В надреальности поэт находится в состоянии предельной раскрепощённости, открытости. Создание иного мира необходимо ему для выражения внутренних переживаний, познания своего «я», мира, человечества, Бога, гармонии, законов Вселенной, жизни и смерти, любви и жалости. Видя «мир в гармоничном соединении разноликих и разнородных его начал» [1, С. 87], лирический герой в

процессе своего духовного развития приходит к стоическому приятию мира, он принимает мир таким, каким он является. Последнее находит своё воплощение в пронзительно звучащих в цикле стихов мотивах жалости, прощения Бога, надежды.

Литература, полагал Б.Поплавский, есть аспект жалости [5, С. 308]. В своей поэзии Поплавский, преображая создаваемый им мир, открывал в нём четвёртое (метафизическое, духовное) измерение, а над всем этим – стремился сосредоточиться в боли [4, С. 193]. С этой целью он, подобно символистам, обращался к музыке как важнейшей духовной основе жизни (и творчества), воплощающей в себе онтологический трагизм. По словам самого Б.Поплавского в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции», человек – это «звучащий безумным светом» такт в симфонии мира, «волящий звучать вечно», поэтому «ему так больно, что всё проходит, больно от всего, от зари, от весны...» [5, С. 300]. Другими словами, поэт говорит о внутреннем неприятии каждым человеком неизбежности своего ухода, о неминуемо связанной с этим боли. Связь музыкального и трагического начал была очевидна для Поплавского, но так же очевидна была для него живущая в этой неразрывности сила вечной жизни, торжествующей над временностью исчезновения.

С приходом любви лирический герой этого цикла по-новому видит мир, начинает ощущать жизнь как чудо – «Чудо жизни в радостном движении...». Всё в мире даёт ему свежее ощущение жизни. Благодаря любви лирический герой цикла выходит из состояния безысходного тяжёлого сна («Не говори мне о молчаньи снега. / Я долго спал и не был молодым, / И вдруг очнулся...»), просыпается для новой жизни («Смерть глубока, но глубже воскресенье...»). Рассыпается сон, являющийся в данном случае мифологическим аналогом смерти, и лирический герой воскресает обновлённый. Любовь в жизнь поэта привнесла радость, воскресила в нём надежду, поэтому сама Душа его наполнена «музыкой», счастьем. Б.Поплавский удивительнейшим образом передал особый настрой Души лирического героя, «внемлющей всем звукам мира, всё видящей и пронзительно чувствующей» [1, С. 8]. Любовь – это «работа» («боль души», «мучение»), только так можно ощутить «счастье». Деятельная жалость искусства, деятельная любовь, дающая возможность освобождения через трагедию – вот что важно для Поплавского [5, С. 303]. В противном случае, говорит поэт, любовь – «пустая нежность». В любви человеку нельзя уподобиться «беспечной волне» с её стремлением к «простору», ибо человеку свойственно внутренне «скупать» и «сомневаться».

Список литературы / References

1. Лапаева Н.Б. «Рождественская нота» в поэзии Бориса Поплавского (истолкование и интерпретация стихотворения «Рождество расцветает. Река наводняет предместья...») / Н.Б. Лапаева // Духовная литература и святочные рассказы: Книга для учителя. Сборник статей. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2005. – С. 82 – 88.
2. Лапаева Н.Б. Сон в художественной структуре романа Б.Поплавского «Аполлон Безобразов» / Н.Б. Лапаева // Русская литература 1920-х годов. Художественный текст и историко-культурный контекст: Материалы межвузовской научной конференции памяти Израйля Абрамовича Смирин. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2002. – 241 с.
3. Поплавский Б.Ю. Сочинения / Б.Ю. Поплавский. – СПб.: «Летний Сад», Журнал «Нева», 1999. – 448 с.
4. Чагин А.И. Орфей русского Монпарнаса (о поэзии Бориса Поплавского) / А.И. Чагин // Российский литературоведческий журнал. – 1996. – № 8. – С. 169 – 194.
5. Чагин А.И. Орфей русского Монпарнаса (о поэзии Бориса Поплавского) (Окончание) / А.И. Чагин // Российский литературоведческий журнал. – 1997. – № 9. – С. 286 – 312.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lapayeva N.B. «Rozhdestvenskaya nota» v poezii Borisa Poplavskogo (istolkovaniye i interpretatsiya stikhotvoreniya «Rozhdestvo rastsvetayet. Reka navodnyayet predmest'ya...») ["Christmas note" in the poetry of Boris Poplavsky (Interpretation of the poem "Christmas blooms...") / N.B. Lapayeva // Dukhovnaya literatura i svyatochnyye rasskazy: Kniga dlya uchitelya. Sbornik statey [Spiritual literature and the Christmas stories: Book for the Teacher. Collection of articles]. – Perm': Izd-vo PGPU, 2005. – P. 82 – 88. [in Russian]
2. Lapayeva N.B. Son v khudozhestvennoy strukture romana B.Poplavskogo «Apollon Bezobrazov» [Sleep in the artistic structure of the novel by B.Poplavskiy «Apollon Bezobrazov»] / N.B. Lapayeva // Russkaya literatura 1920-kh godov. Khudozhestvennyy tekst i istoriko-kul'turnyy kontekst: Materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii pamyati Izrailiya Abramovicha Smirina [Russian literature of the 1920s. Literary text and historical and cultural context: Materials of Interuniversity scientific conference in memory of Israel Abramovich Smirin]. – Perm': Izd-vo PGPU, 2002. – 241 P. [in Russian]
3. Poplavskiy B.YU. Sochineniya [Writings] / B.YU. Poplavskiy. – SPb.: Izd-vo «Letniy Sad», zhurnal «Neva», 1999. – 448 P. [in Russian]
4. Chagin A.I. Orfey russkogo Monparnasa (o poezii Borisa Poplavskogo) [Orpheus of the Russian Montparnasse (about the poetry of Boris Poplavsky)] / A.I. Chagin // Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal [Russian magazine of history and criticism of literature]. – 1996. – № 8. – P. 169 – 194. [in Russian]
5. Chagin A.I. Orfey russkogo Monparnasa (o poezii Borisa Poplavskogo) (Okonchaniye) [Orpheus of the Russian Montparnasse (about the poetry of Boris Poplavsky) (finalization)] / A.I. Chagin // Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal [Russian magazine of history and criticism of literature]. – 1997. – № 9. – P. 286 – 312. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.102

Поталуй В.В.¹, Ширшикова Е.А.²¹Кандидат филологических наук; ²Кандидат филологических наук,

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил

«Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОЯВЛЕНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ В ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)****Аннотация**

В статье приведены различные подходы к термину «неологизм», стадии появления и закрепления неологизмов в языке. Приведены различные определения неологизмов, способы их образования. Также рассмотрены факторы, которые оказывают наибольшее влияние на возникновение новых терминов и обновление лексикона в военной сфере. Внимание уделяется взаимному проникновению специализированной лексики в гражданскую сферу и наоборот. Анализ позволяет установить тенденции номинативных процессов, выявить наиболее продуктивные способы создания неологизмов.

Ключевые слова: неологизм, военная сфера, терминология, продуктивность языка.

Potaluy V.V.¹, Shirshikova E.A.²¹PhD in Philology; ²PhD in Philology, Air Force Academy (Voronezh)**FACTORS INFLUENCING NEOLOGISMS CREATION IN THE MILITARY ENGLISH LANGUAGE****Abstract**

The article considers the different approaches to the term «neologism» and stages of the appearance and consolidation of neologisms in the language. Various definitions of neologisms and types of their formation are outlined. The factors that have the greatest impact on the emergence of new terms and updated lexicon in the military sphere are examined. Attention is paid to the interpenetration of the specialized vocabulary in the civilian sector and vice versa. The analysis allows to set the trends of nominative processes, identify the most productive ways of creating neologisms.

Keywords: neologism, military sphere, terminology, language productivity.

В последние десятилетия неологизмы стали все чаще появляться в военном лексиконе. Это явилось результатом появления и внедрения новых технологий, техники, что повлекло за собой необходимость их определения и описания, а также перевода на другие языки мира.

В данной статье мы рассмотрим различные определения термина «неологизм», а также факторы, влияющие на появление новой лексики.

Еще в 1975 году французский лингвист Ален Рей предположил, что «... неологизмы будут восприниматься как слова, вошедшие в язык или в определенную профессиональную сферу» [12].

В настоящее время принято считать, что неологизм – это слово, которое выражает новое понятие либо посредством создания новой единицы словаря, либо придавая новое значение уже существующим лексемам [5, 9].

Появление неологизмов проходит три стадии: создание, апробация и закрепление [11]. Сначала неустойчивый неологизм является новообразованным и употребляется только ограниченной аудиторией, М.Н. Эпштейн называет такой неологизм «протологизмом» (protologism, от греч. protos, первый, начальный + logos, слово). Протологизм – «новое слово, предложенное его автором для введения в язык, но еще не нашедшее применения у других авторов, не закрепившееся в качестве неологизма» [6]. Затем употребление слова распространяется, но не находит еще широкого применения. В конечном итоге, неологизм становится «стабильным», опознаваемым, получает общее признание. Свидетельством стабильности неологизма является его появление в глоссариях и словарях. Однако и эта стадия может быть не последней, в связи с чем предлагается шкала «неологичности» в зависимости от принятия неологизма в обществе и его долговременности [13].

Ниска вводит понятие «переводческой креативности» и заявляет, что «неологизмы являются признаком креативности, новым продуктом, появляющимся от уникальности отдельной личности, с одной стороны, и материального окружения, событий, людей или обстоятельств, с другой» [10].

Такая **креативность** особенно заметна в сфере вычислительной техники, где создатели неологизмов «не слишком озабочены соблюдением правил словообразования» [7]. Однако некоторые авторы предпочитают корректность креативности [15]. Хотя Бауэр (Bauer) признает, что «и **производительность**, и **креативность** способствуют появлению большого количества неологизмов» [4], он предпочитает первый способ, поскольку непредсказуемая природа второго не может привести к устойчивости в употреблении. Другими словами, создание неологизмов – процесс, подчиняющийся строгим правилам.

Корпус технической лексики содержит большое количество продуктивных, или «мотивированных», терминов, содержащих морфемы, указывающие на детонат (означающее). Это указание осуществляется посредством этимологии или значения морфем. Например, слово leukemia [греч. leukos белый + -aimia кровь] демонстрирует подобную мотивацию при создании неологизмов.

Неологизмы часто возникают в средствах массовой информации, рекламной и технической сферах [3, 9, 11], являясь «ответом на возникающую необходимость» [9, 11]; например, необходимость создать уже лексикализированный неологизм РС (Personal Computer) появился только после того, как компьютер как товар стал доступен рядовому потребителю.

Сильвия [15] выделяет «морфологические неологизмы», образованные путем деривации, образования сложных слов, смешивания (blending), акронимии (аббревиации), заимствования; и «семантические неологизмы», образованные при помощи расширения значения термина (expansion), путем добавления нового значения (например,

переход от конкретного значения к абстрактному или наоборот), метафоры, грамматической конверсии, заимствования из другой сферы.

Рассмотрим факторы, влияющие на возникновение и закрепление новых слов в военном лексиконе.

Исследователи выделяют следующие факторы: соперничество и социальная сплоченность, новейшие технологии и лингвистическая экономия, включение идеологической составляющей [16]. Рассмотрим каждый из них немного подробнее.

1. Соперничество и социальная сплоченность.

При рассмотрении этих факторов исследователь Томас Мюррей (Thomas E. Murray) приводит примеры летчиков ВМС и пехоты [8].

Мюррей изучал непосредственное влияние основных тенденций развития словообразования в английском языке на специализированную терминологию летчиков ВМС США. Очевидно, что военные летчики имеют свой собственный специализированный словарь. Однако Мюррей замечает, что этот лексикон «имеет лишь небольшое сходство с профессиональной фразеологией, существовавшей ранее, а также с современным лексиконом летчиков ВВС США» [8]. Исследователь также отмечает, что принимая во внимание традиционное соперничество между ВМС и ВВС, кажется немного странным, что их представители не имеют общего лексикона. Учитывая то, что они могут выполнять одинаковые типы летных маневров, использовать одинаковый тип техники и иметь общую цель, в действительности их намеренный отказ от тесных связей с представителями других видов вооруженных сил значительно усилил расхождение используемого лексикона [8].

Соперничество между родами войск не является новым. Исследователь Вейн Силкет поясняет, что «хотя точные причины первого употребления слова *infant* (младенец) для описания пеших солдат не ясны, термин, вероятно, впервые был употреблен представителями кавалерийских войск, которые употребляли его в качестве оскорбления» [14]. Это восходит к ассоциации, что пешие войска передвигались медленно и не могли брать с собой припасы, а кавалерия (которую составляли знать, рыцари и аристократия) могла быстро передвигаться и перевозить грузы. Как следствие, кавалерия «приравнивалась к взрослому человеку, а пеший солдат – к младенцу» [14].

Таким образом, разделение вооруженных сил на разные виды, а также долгосрочное намеренное соперничество между ними, в действительности способствуют продуктивности военного языка. Более того, создание специализированного военного словаря, включая сленг, определяет его пользователей как членов обособленной группы, таким образом создавая или усиливая психологическое и социальное единство среди членов группы. Общий язык создает социальное единство.

2. Новейшие технологии и лингвистическая экономия.

Другие факторы также влияют на развитие специальной военной терминологии. Из-за появления новых технологий новые термины быстро создаются, вместо того, чтобы заимствовать старую терминологию [8]. Неологизмы появляются «чтобы достичь лингвистической экономии, т.е. сократить сложные наименования предметов или действий до одного слова или фразы» [8]. Например, мы можем наблюдать преимущества употребления термина *backseater* вместо «офицер, занимающийся радиолокационным перехватом», или *huffer cart* вместо «небольшая машина, задувающая воздух в двигатель истребителя для того, чтобы он завелся».

3. Включение идеологической составляющей.

Исследования показали, что использование военной терминологии с целью завуалировать насилие или опасность действительно существенно меняет восприятие информации. Например, «опрос, проведенный газетой “Times Mirror”, показал, что использование эвфемизма ‘collateral damage’ (‘сопутствующий ущерб’) вместо выражения ‘civilian casualties’ (‘жертвы среди мирного населения’) неожиданно смягчило отношение общественности к жертвам среди мирного населения Ирака: только 21% опрошенных выразили ‘глубокую озабоченность’ в связи с количеством ‘сопутствующего ущерба’ в ходе военных действий, тогда как 49% респондентов были ‘глубоко озабочены’ при упоминании ‘количества жертв среди мирного населения и другого непреднамеренного ущерба’ в Ираке» [8]. Результатом подобных исследований стали заявления о том, что «цель и функция военной цензуры и контролирования информации о войне в Персидском Заливе ... заключалась в восстановлении допустимости обществом самого факта ведения боевых действий, которая была поколеблена из-за существования ядерной угрозы во времена холодной войны, а также из-за неспособности военными и политиками контролировать ситуацию во времена войны во Вьетнаме» [8].

Существует много примеров использования эвфемизмов времен войны в Персидском Заливе для маскировки насилия:

assertive disarmament (“настойчивое разоружение”) – war (война (ироничное));

assets (активы, средства) – weapons (вооружение);

clean bombing (“чистое бомбометание”) – bombing with pinpoint accuracy (бомбометание с высокой точностью);

coercive potential (“потенциал принуждения”) – military power (военная мощь);

soften up, soften (“смягчать”) – bomb in preparation for a ground engagement (применять артиллерийский огонь в качестве подготовки к наземной операции);

techno-war (“техновойна”) – war fought with advanced technology (военные действия с применением современных технологий);

technomilitary (“техновоевропей”) – pertaining to the military use of advanced technology (с использованием современных технологий в военных целях);

runaway denial device (средство воспрепятствования использования (противником) аэродромов) – bomb that scatters clusters of cratering bombs over a wide area to destroy air base runaways (бомбардировка с разбрасыванием кассетных бетонобойных бомб с целью уничтожения взлетно-посадочных полос аэродромов) [2];

boys of Baghdad; Baghdad Boys (“ребята из Багдада”) – CNN reporters in Iraq (репортеры CNN в Ираке);

brilliant weapon (“идеальное оружие”) – advanced form of a smart weapon (современные виды интеллектуального оружия);

discriminate deterrence (“выборочное сдерживание, избирательное устрашение”) – pinpoint bombing (высокоточное бомбометание);

fire and forget (“выстрелил и забыл”) – automatically guided missile (самонаводящаяся ракета);

cleansed (“зачищенный”) – cleared (of enemy troops) (очищенный от сил противника);

collateral damage (“сопутствующий ущерб”) – civilian casualties and damage incidental to the bombing of military targets; any incidental, undesirable consequence (жертвы среди мирного населения и другой непреднамеренный ущерб в результате бомбардировки военных целей) [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что военная терминология в английском языке очень “гибкая”, то есть подвержена постоянным изменениям под влиянием различных факторов. Не только различные специализированные сферы имеют свой обособленный лексикон, но и военная терминология внедряется в гражданскую сферу, и сама подвержена влиянию гражданской сферы.

Список литературы / References

1. Algeo, J. Where Do All the New Words Come From? / J. Algeo // American Speech. – 1980. – Vol. 55. – No. 4. – pp. 264-277.
2. Algeo, J. Among the New Words / J. Algeo, A. Algeo // American Speech. – 1991. – Vol. 66. – No. 4. – pp. 444-448.
3. Allen, J. Book review of ‘Picone, Michael D. 1996. Anglicisms, Neologisms and Dynamic French. (Linguisticae Investigationes: Supplementa Vol. 18.) Amsterdam: John Benjamins.’ / J. Allen // Journal of French Language Studies 11. – Cambridge University Press, 2001. – pp.259-300.
4. Bauer, L. English Word-formation. – Cambridge University Press, 1983 – 311 p.
5. Collins Cobuild English Dictionary (new edition). – The University of Birmingham, Harper Collins Publishers, 1995. – 1692 p.
6. Epstein, M. Protologism (in wiki-based Open Content Dictionary). – Available from: <http://en.wiktionary.org/wiki/protologism>
7. Jacqueline, L. Kam-Mei. A study of semi-technical vocabulary in computer science texts, with special reference to ESP teaching and lexicography. – Available from: <http://hdl.handle.net/1783.1/1056>
8. Murray, T. The Language of Naval Fighter Pilots / T. Murray // American Speech. – 1986. – Vol. 61. – No. 2. – pp. 121-129.
9. Newmark, P. A Text book of translation / P.A. Newmark. – Prentice Hall International Ltd, 1988 – 311 p.
10. Niska, H. Explorations in translational creativity: Strategies for interpreting neologisms / H. Niska // Workshop paper, 8th Aug, Stockholm University. – Available from: <http://lisa.tolk.su.se/kreeng2.htm>
11. Parianou, A. Special terms: conditions and requirements for their creation and development / A. Parianou, P. Kelandrias // International Conference Translating in the 21st century: Trends and Prospects. – Aristoteleio University of Thessaloniki, Faculty of Arts, 27-29 September 2002. – pp. 214-228.
12. Ray, A. Essays on Terminology / A. Ray. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. – 223 p.
13. Sablayrolles, J.F. Fondements théoriques des difficultés pratiques du traitement des néologismes / J.F. Sablayrolles. – Available from: http://perso.wanadoo.fr/rfla/Site%20Web%20RFLA_A/Abs_02_1_Sablayrolles.htm
14. Silkett, W. Words of War / W. Silkett // Military Affairs. – 1985. – Vol. 49. – No.1. – pp. 13-16.
15. Silvia, P. Handbook of Terminology / P. Silvia. – Terminology and standardization Directorate. Translation Bureau. Public Works and Government Services Canada, 2001. – 172 p.
16. Wilson A. Military Terminology and the English Language / A. Wilson. – Available from: <http://www.chass.utoronto.ca/~cpercycourses/6362-WilsonAdele.html>

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.146

Путова И.Н.

Кандидат филологических наук, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)**ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО***Аннотация*

Статья посвящена исследованию гастрономической картины мира американского военнослужащего. Гастрономическая картина мира рассматривается как фрагмент языковой картины мира и вербализуется в гастрономических номинациях и метафорах. Способы вербализации гастрономических реалий соотносятся с определенным типом категоризации действительности. В данном исследовании выделены и проанализированы основные тематические группы военных жаргонизмов. Подтверждено, что гастрономические жаргонизмы характеризуются оценочностью. Исследование показало, что гастрономическим жаргонизмам свойственна отрицательная оценка.

Ключевые слова: гастрономическая картина мира, жаргонизмы, пища, процесс принятия пищи, гастрономическая метафора, оценочный компонент.

Putova I.N.

PhD in Philology, Military Educational and Scientific Center of the Air Force
«N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)**THE GASTRONOMICAL WORLDVIEW OF AMERICAN SOLDIER***Abstract*

The paper deals with gastronomical worldview of American soldier. The gastronomical worldview is considered as a fragment of linguistic worldview and is verbalized in gastronomical nominations and metaphors. The ways of verbalization of gastronomical culture-specific concepts are related to the specific type of categorization of reality. The main thematic groups of military slang words are identified and analyzed. It confirmed that gastronomical slang words are characterized by evaluativity. The research showed that slang words have negative evaluation.

Keywords: gastronomical worldview, slang words, food, eating, gastronomical metaphor, estimated component.

Еда является первоосновой физического существования человека. Мыслители и философы прошлого осознали значимость этой человеческой потребности и отмечали: «Мы не для того живем, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить» (Сократ), «Наши пищевые вещества должны быть лечебным средством, а наши лечебные средства должны быть пищевыми веществами» (Гиппократ). Британский писатель и драматург Б. Шоу считал, что «нет любви более искренней, чем любовь к еде», а немецкий поэт Ф. Шиллер уверял, что «любовь и голод правят миром» [9].

В современном обществе как никогда наблюдается небывалый интерес к сфере повседневного питания. Количество гастрономических телешоу и кулинарных книг увеличивается с каждым годом. Практически каждый известный человек старается поделиться своими секретами приготовления еды или напитков на экране телевизора или на страницах журналов. Приобретает популярность новый вид туризма – гастрономический туризм, целью которого является знакомство с национальной кухней. Все вышеперечисленное, безусловно, не могло не найти отражения в языке. Как справедливо отмечает А. Вежбицкая, «имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Это в равной мере относится к внутренней и к внешней стороне жизни. Очевидным примером из видимой, материальной, сферы может служить пища» [3]. Следовательно, именно благодаря языку из поколения в поколение осуществляется передача информации о кулинарных традициях потребления пищи конкретного языкового коллектива. Поскольку каждый язык отражает определенный способ восприятия мира, то выраженные в нем значения представляют определенную коллективную философию, которая имплицитно присуща всему лингвокультурному сообществу [1, С. 39]. Язык является зеркалом окружающего мира, так как он отражает действительность и создает специфическую и уникальную картину мира для каждого этноса, который пользуется языком как средством общения [5, С. 38].

Гастрономическая картина мира представляет собой фрагмент языковой картины мира и выражает «специфику человеческого бытия и его отношения к пище. Данная картина мира формируется под воздействием таких факторов, как религия, мифология, географическое расположение и климатические особенности, а также находит свое воплощение в гастрономической номинации, в метафорах, во фразеологических единицах» [6]. Таким образом, гастрономическая картина мира представляет собой национальную картину гастрономических пристрастий и приоритетов, которая формируется под влиянием культурной картины мира и находит яркое воплощение в языке.

Целью данной статьи является анализ номинаций продуктов питания в американском военном жаргоне и выявление их особенностей и взаимосвязи с образом жизни и бытом американских военнослужащих.

Разделяя точку зрения Г.А. Судзиловского, под жаргонизмами мы понимаем «слова и словосочетания, создаваемые и употребляемые в узкой обособленной среде с целью секретности, скрытности разговора, непонятности его для посторонних». К военным жаргонизмам следует отнести слова и выражения «кодового» жаргона, «закодированные» сокращения и некоторые имена собственные [4, С. 60]. «Кодовой» жаргон включает определенные условные слова и выражения, возникновение которых связано с определенными обстоятельствами. Однако не следует рассматривать жаргонизмы как набор условных слов и выражений, понятных только для «посвященных». Разделяя точку зрения Т.М. Беляевой и В.А. Хомякова, мы считаем, что если жаргонизмы настолько частотны, что затрудняют восприятие речи, то это чистый жаргон; если же непосвященные понимают эту речь и воспринимают жаргонизмы как нечто эмоционально-экспрессивное, предметно-логическое значение которого легко угадывается, то здесь мы имеем дело с отдельными вкраплениями-жаргонизмами [2, С. 60]. Военный жаргон является профессиональным жаргоном и

служит элементом сближения военнослужащих, которые ранее принадлежали к различным социальным группам. Использование жаргонной лексики является одним из средств адаптации новых членов воинского коллектива. Однако со временем некоторые профессиональные жаргонизмы теряют свой узкий профессиональный характер и переходят в общий сленг. Эта речевая микросистема весьма неоднородна по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами [7, С. 39].

Используя метод классификации и описания в рамках исследуемого материала, нам удалось выделить следующие тематические группы жаргонизмов, характеризующих гастрономическую картину мира американского военнослужащего:

1. Вторые блюда.

2. Напитки.

3. Десерт.

4. Мучные изделия.

Каждая из этих групп содержит подгруппы. В рамках группы «вторые блюда» удалось выделить следующие подгруппы:

а) блюда из мяса – *leather* - мясо, говядина; *old horse* - солонина; *dog-food* - блюдо из солонины, мясные консервы; *sea gull* - курица, индейка; *tube steak* - сосиска; *potted death* - мясные консервы; *monkey meat* - говядина низкого качества;

б) блюда из рыбы – *sewer trout* - рыба, поставляемая в армию, сиз; *admiralty ham* - рыбные консервы; *deep-sea turkey* - лосось;

в) овощные блюда – *bullets* - горох; *Irish grapes* - картофель; *rabbit food* - зелень, салат; *marsh grass* - шпинат.

В рамках второй группы «напитки» можно выделить две подгруппы:

а) алкогольные напитки – *torpedo juice* - спиртной напиток низкого качества; *zibib* - самогон; *juice* - спиртной напиток (чаще виски);

б) безалкогольные напитки – *mud*; *ink* - кофе; *battery acid* - кофе; *fly-shit water* – бутылочная вода в Сомали; *Saudi champagne* – смешанный напиток на основе газировки и яблочного сока; *machine oil* - сироп; *gi lemonade* - простая вода; *cat beer* – молоко; *chalk* - порошковое молоко.

Группа «десерт» состоит из двух подгрупп:

а) фрукты – *cannon ball* - зрейнфрут; *army strawberries* - чернослив;

б) кондитерские изделия – *fish eyes* - пудинг из маниоки; *gedunk* – сладости; *pogey bait* - сладости; *Gorilla cookie* – пирожное, входящее в индивидуальный рацион питания.

К группе «мучные изделия» относятся хлеб и другие изделия из муки, которые входят в рацион питания военнослужащих: *slide slip* - хлеб с маслом; *dog bisquit* - сухарь; *tire patches* - оладьи; *Georgia ice cream* - овсяная крупа.

Специфической чертой гастрономической картины мира является также наличие номинаций «пища и процесс принятия пищи»: *chow-chow*; *chow* - еда, жратва; время приема пищи; *to chow down* - принимать пищу; *bilge* - любая еда плохого качества; *chow fight* - прием пищи; завтрак; обед; ужин; *chuck* - еда; *rooty* - еда.

К фрагменту гастрономической картины мира американских военных можно также отнести специалистов, которые непосредственно принимают участие в процессе приготовления пищи и места приготовления пищи: *bisquit shooter* - повар; *beans* - поварушка, кок; *hash burner*; *gut burglar*; *belly-buzz robber*; *calory mechanic*; *slum-burner* - повар; *chow hall* - столовая; *pig palace* - забегаловка.

В американском военном жаргоне весьма активным является процесс метафорического переноса значения. Гастрономические метафоры являются наиболее частотными, поскольку еда военнослужащих не отличается ни разнообразием, ни вкусовыми качествами. Отличительной особенностью гастрономической метафоры является наличие в ней оценочного компонента. Оценочность определяет заложенные в слове положительные или отрицательные характеристики предмета или явления. Оценка может иметь как субъективный характер, так и выражать коллективное мнение. Для гастрономической лексики американского военного жаргона характерна отрицательная аксиологическая компонента с оттенком презрения и пренебрежения. В качестве примера можно привести жаргонизм *MRE* (*meal ready to eat* - еда, готовая к употреблению). В 90-х годах данный жаргонизм расшифровывался как *meals rejected by everyone* - еда, от которой отказываются все. С тех пор произошло много изменений, был расширен выбор продуктов питания и улучшены их вкусовые качества, но значение данного жаргонизма не изменилось.

Анализ фактического материала показал, что американские военные негативно относятся к мясу и мясным продуктам, входящим в их рацион питания в связи с плохими вкусовыми качествами или внешним видом продукта: *dog-food* (букв. собачья еда) - блюдо из солонины; *old horse* (букв. старая лошадь) - солонина; *mystery meat* (букв. загадочное мясо) - мясо; *monkey meat* (букв. мясо обезьяны) - говядина; *leather* (букв. кожа) – мясо, говядина; *potted death* (букв. консервированная смерть) - мясные консервы.

Оставляют желать лучшего и напитки, потребляемые военнослужащими: *paint remover* (букв. растворитель краски) - кофе; *mud* (букв. грязь) - кофе; *ink* (букв. чернила) - кофе; *machine oil* (букв. машинное масло) - сироп; *chalk* (букв. мел) - порошковое молоко; *cat beer* (букв. кошачье пиво) - молоко.

Кроме того, жаргонизмы с общим значением «еда, пища» несут негативную информацию о восприятии говорящими продуктов питания и отношения к ним: *chow* - жратва; *bilge* (букв. вода в трюме, помой) - любая еда плохого качества; *gut-packings* (букв. набивка желудка); *garbage* (букв. отбросы); *dog vomit* (букв. собачья рвота).

Таким образом, проведенный анализ показал, что гастрономическая картина мира представляет собой совокупность определенных компонентов. Она формируется в результате оценочной деятельности военнослужащих в

процессе когнитивного освоения гастрономической действительности и выражает отношение к ней. Гастрономическая картина мира отражает вкусовые пристрастия американских военных, вербализованные в номинациях продуктов питания и процесса принятия пищи. Гастрономические жаргонизмы характеризуются оценочностью. Преобладающим видом оценки является отрицательная. Если рассматривать «пищу» как основной источник жизненных сил военнослужащих, то отрицательная оценка базируется, прежде всего, на комбинации сенсорно-вкусовой и утилитарной оценки, что и влечет за собой резко отрицательную эмоциональную окраску. Пища американских военных зачастую ассоциируется с мусором, отбросами, непригодными для потребления и вызывает пренебрежительное, а порой даже презрительное отношение.

Список литературы / References

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // ВЯ. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
2. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. – Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 136 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Электронный ресурс] / А. Вежбицкая – М.: Языки славянской культуры. – 2001. – 288 с. – URL: <http://philologos.narod.ru/ling/wierz2.htm#1> (дата обращения: 21.09.2016.)
4. Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г.А. Судзиловский. – М., Воениздат, 1973. – 182 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
6. Ундрицова М.В. Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. защищена 15.06.2015: / Ундрицова Мария Владимировна. – М., 2015. 21 с. – URL: http://www.esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/diss/avtoreferat_undritsova.pdf (дата обращения 20.10.2016)
7. Хомяков В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия / В.А. Хомяков. – Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 104 с.
8. Шляхов В.И. Российская и американская военная среда в словах и выражениях. Words and Word Combinations of Russian and American Military Conversational Interaction / В.И. Шляхов. – Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. – 328 с.
9. Цитаты, фразы, афоризмы и высказывания о еде и питании [Электронный ресурс]: – URL: http://www.mircitaty.com/o_ede_pitanii.html

Список литературы на английском языке / References in English

1. Apresjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija [Image of the person according to language: attempt of the system description] / Ju.D. Apresjan // VJa– 1995. – № 1. – P. 37-67. [in Russian]
2. Beljaeva T.M., Homjakov V.A. Nestandartnaja leksika anglijskogo jazyka [Non-standard lexicon of English] / T.M. Beljaeva, V.A. Homjakov. – 2nd edition. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. – 136 p. [in Russian]
3. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov [Understanding of cultures through keywords] [Electronic resource] / A. Vezhbickaja – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. – 2001. – 288 p. – URL: <http://philologos.narod.ru/ling/wierz2.htm#1> (accessed: 21.09.2016.) [in Russian]
4. Sudzilovskij G.A. Sleng – chto jeto takoe? Anglijskaja prostorechnaja voennaja leksika [Slang – what is it? the English colloquial military lexicon] / G.A. Sudzilovskij. – M., Voenizdat, 1973. – 182 p. [in Russian]
5. Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija [Language and cross-cultural communication] / S.G. Ter-Minasova. – M.: Slovo/Slovo, 2000. – 624 p. [in Russian]
6. Undricova M.V. Gljuttonicheskiy diskurs: lingvokul'turologicheskie, kognitivno-pragmaticheskie i perevodcheskie aspekty (na materiale russkogo, anglijskogo, francuzskogo i grecheskogo jazykov) [Glyuttonichesky discourse: linguoculturological, cognitive and pragmatical and translation aspects (on material of the Russian, English, French and Greek languages)] [Electronic resource]: abstract of the thesis ... of PhD in Philology: 10.02.20. defense of the thesis 15.06.2015: / Undricova Marija Vladimirovna. – M., 2015. 21 p. – URL: http://www.esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/diss/avtoreferat_undritsova.pdf (accessed: 20.10.2016) [in Russian]
7. Homjakov V.A. Vvedenie v izučenie sljenga – osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechija [Introduction to studying of a slang – the main component of the English popular speech] / V.A. Homjakov. – 2nd edition. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 104 p. [in Russian]
8. Shljahov V.I. Rossijskaja i amerikanskaja voennaja sreda v slovah i vyrazhenijah. [Words and Word Combinations of Russian and American Military Conversational Interaction] / V.I. Shljahov. – 2nd edition. M.: LENAND, 2016. – 328 p. [in Russian]
9. Citaty, frazy, aforizmy i vyskazyvanija o ede i pitanii [Quotes, phrases, aphorisms and statements about food and food] [Electronic resource]: – URL: http://www.mircitaty.com/o_ede_pitanii.html [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.174

Савина В.В.

ORCID: 0000-0002-5259-8863, кандидат филологических наук, доцент,

Нижегородский государственный лингвистический университет

ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА НОВАЛИСА**Аннотация**

Статья посвящена анализу философских истоков творчества немецкого поэта-романтика Новалиса. В его творчестве трудно отделить философскую направленность от поэтической. И в прозаических произведениях, и в зрелой лирике, и в философских заметках он стремится осмыслить жизнь мироздания. Как и другие романтики, он занят решением так называемых «вечных» вопросов. При всей универсальности взглядов в философском мировоззрении поэта доминируют художественные принципы мироощущения. Среди философов ему близки те, в рассуждениях которых сочетаются рациональное и иррациональное начало. Ранний романтик - создатель философско-поэтического синтеза, в котором главным средством познания мира становится символ. С помощью символической поэзии, в представлении Новалиса, можно проникнуть в сущность «иной», лишь интуитивно постижимой реальности. Цель анализа эстетических и философских взглядов поэта - убедиться в том, что он наряду с другими романтиками (Гёльдерлином и Брентано) закладывает основы современной поэзии, развиваемые символистами, в том числе поэтами Серебряного века. Колоссальное влияние философско-поэтического синтеза Новалиса на художников и мыслителей рубежа XIX-XX веков заставляет исследователей каждый раз по-новому взглянуть на остающееся актуальным наследие создателя мифа о Голубом цветке. Задача исследования - уточнить влияние философской мысли предшественников и современников на творчество поэта-философа, проанализировать истоки его творений, сочетающих в себе философию и поэзию. Новизна данного исследования в том, что в нем рассматривается рецепция в произведениях Новалиса идей философов, мало изученных в России в данном контексте, - Хюльзена и Гемстергейса. Практическое значение исследования заключается в возможности использования его результатов в разработке лекционных курсов по истории немецкой литературы и философии, а также по истории русской литературы рубежа XIX-XX веков для высших учебных заведений.

Ключевые слова: ранний немецкий романтизм, Новалис, философия, символическая поэзия.

Savina V.V.

ORCID: 0000-0002-5259-8863, PhD in Philology, associate professor,

Nizhny Novgorod State Linguistic University

PHILOSOPHIC SOURCES OF NOVALIS' HERITAGE**Abstract**

The article analyzes the philosophical origins of oeuvre by Novalis, a German romantic poet. In his works, it is difficult to separate philosophy from poetry. In his prose as well as in his mature poetry and philosophical writings he seeks to understand the life of the universe. Like other romantics, he is preoccupied with solving the so-called "eternal" questions. Though his views are versatile and even universal, the philosophical outlook of the poet is dominated by artistic principles. Speaking about philosophers, he tended to appreciate those who managed to combine the rational and the irrational in their reasoning. Early romantic is a Creator of the poetic-philosophical synthesis, where understanding of the world is possible through a symbol. Novalis was convinced that by means of symbolic poetry it is possible to penetrate the essence of the "other", only intuitively comprehensible reality. The analysis of aesthetic and philosophical views of the poet-philosopher convinces us that he, along with Hölderlin and Brentano, lays the foundations of modern poetry developed by the symbolists, including the poets of the Silver age. The enormous influence of the poetic and philosophical synthesis of Novalis on the poets and thinkers of the 19-20 centuries is forcing researchers to look for new perspectives of studying the legacy of the Creator of the myth about the Blue flower, which relevance even now is difficult to overestimate. The novelty of this study is that it examines the reception in the works by Novalis of ideas belonging to philosophers, little known in Russia. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in development of lecture courses on the history of German literature and philosophy, as well as the history of Russian literature of 19-20 centuries. The research is a cross-disciplinary one and is based on the history of German literature, literary criticism, comparative studies, history of philosophy.

Keywords: early German romanticism, Novalis, philosophy, symbolic poetry.

У Новалиса трудно отделить философию от поэзии, художественное осмысление мира от теоретического. Он поэт-философ. И в прозаических произведениях, и в зрелой лирике, и в философских заметках Новалис стремится осмыслить законы универсума, приобщиться к тайнам космической жизни и человеческого бытия. В понимании поэта универсум и человек соотносятся как два бесконечных мира, тесно взаимодействующих между собой. Но мысль эта принадлежит не ему одному, а эстетике всего романтизма. Поэтому для исследователей всегда существовала двойная сложность – отыскать в не всегда последовательном философствовании поэта главное направление его вовсе не банальной мысли и отделить собственно новалисовское от наследия его гениальных современников.

Профессионалом в философии Новалис не был. У него нет научной базы, которая отличала немецких мыслителей. Судьба отпустила ему слишком мало лет жизни, он не мог достичь уравновешенной олимпийской мудрости Гете. Слишком поэт он не создал законченной философской системы, в которой логика является цементирующим, обязательным элементом. Новалис в философии прежде всего прилежный ученик, которому жизнь подарила учителей выдающихся. Уже перечень современников свидетельствует о том, в какой интеллектуальный круг ему посчастливилось войти: Кант, Фихте, Хюльзен, Гете, братья Шлегели, Шеллинг, Шлейермахер. Не со всеми из них Новалис связан непосредственно, но он постоянно ощущает их присутствие. Ученик стремится подняться до

учителей, а порой их превзойти. В иные моменты - и справедливо - он ощущает себя вровень с философами великого века, они еще не стоят на пьедестале.

Новалис оценивает и переоценивает их учение, выбирая главное для себя и отвергая то, что не ложится на его жизненный и художественный опыт, соединенные близкой, а порой и слишком близкой связью. Главный для Новалиса в философском ряду, по-видимому, - Кант. Утопичное мышление романтика, его творчество являет собой своеобразную иллюстрацию к теоретическим рассуждениям Канта. Его можно было бы назвать термином Канта - «трансцендентальная иллюзия». Последняя в отличие от иллюзии логической, легко устранимой, не прекращается даже в том случае, если она вскрыта и вопреки всем предостережениям критики существует сама для себя. Источник трансцендентальной иллюзии - разум, возвышающийся над рассудком. Рассудок, по Канту, не обращает достаточного внимания на границы области, внутри которой только и допустима его деятельность. В отличие от рассудка разум устраняет все границы и даже повелевает разрушить их и вступить на новую почву. Запредельная сфера Новалиса – это миф о Золотом веке, его непосредственное сотворение средствами «магического идеализма».

Кант подвергает критике «дерзость» разума. Полет мысли Новалиса есть некое проявление «непослушания», желание вступить в спор с рациональными рассуждениями Канта. Вместе с тем он оправдывает «парадоксальность» Кантовской теории: философ критикует «чистый разум» и одновременно признает глубоко укорененную в нем необходимость проникать в глубины непознаваемого. В свою очередь взгляды Канта обосновывают алогизм мышления Новалиса, склонного к рациональному и иррациональному одновременно.

Романтик сравнивает кенигсбергского философа с Коперником. Вклад Канта в философию равноценен, по его мнению, вкладу основоположника современной космологической системы в астрономию. Пристальное внимание к внутреннему миру Новалис заимствует именно у него: «к себе ведет таинственный путь...»[1, С. 232]. Но, перенимая кантовский метод, романтик пытается устранить разрыв между внутренним миром человека и природой, присутствующий в системе Канта. И делает он это с помощью учения Фихте, превратившего весь мир в «я».

Познание мира, в представлении великого философа, есть познание собственного «я». В «Учении о науке» он призывает современников освободить свой взгляд от всего окружающего и направить его во внутренний мир. Восприимчивого ученика завораживает радикальный субъективизм Фихте.

Смелый поступок – превращение мира в «я» - как ничто иное соответствует образу мыслей и складу характеру молодого человека. Он зачитывается Фихте. Почти на всех страницах его писем и дневников упоминается имя философского отца немецкого романтизма. Фихте для Новалиса – Ньютон в философии, он - гений, проникший в самого себя.

Но открытие Фихте настолько головокружительно, что Новалис ощущает «опасность» философа и пытается вырваться из «заколдованного круга» его учения. Новалис задается вопросом, почему Фихте все сосредоточил в «я» и не догматично ли его учение. Устремления романтика направлены на достижение согласия между миром и человеком, между «я» и «не-я». Достичь цели он пытается с помощью совершенной, поэтической формы философской науки. В одном из фрагментов Новалис подчеркивает способность философии создавать внешнее единство. Наполнить ее смыслом и прелестью жизни может поэзия, ведь она создает «гармоничное сообщество - вселенскую семью, прекрасное строение универсума»[1, С. 215].

Новалис интересуется проблема свободного творчества. «Я» как разум, довольствующееся лишь мыслительным действием не удовлетворяет его. Он стремится к «артистической» системе, которая создала бы пространство для всех душевных сил. Фихте для Новалиса – чрезмерный «логик», ибо самое важное для него интеллект. Романтик отдает предпочтение безграничной фантазии художника. Подтверждение своим мыслям он находит у ученика Фихте Августа Людвиг Хюльзена (1765-1809). Новалис читает его сочинения, впитывает их мысли, дополняет идеями Хюльзена свои представления об «артистической» системе.

В первую очередь поэт, он буквально подражает тому идеалу творца, который рисует Хюльзен. Художник, в представлении философа, любит истину в созерцании легких и изящных образов, любая тяжеловесная, схоластическая форма противоречит его чувству прекрасного, он требует от истины, чтобы она жила в человеке, была человеческой и человечной, была бы действительной жизнью[2, С.18-19]. С помощью поэтического творчества Новалис надеется преодолеть раскол между «я» и «не-я», найти пути выражения своего «мирового чувства» («Weltgefühl»).

В этом ему помогает учение нидерландского философа Франца Гемстергейса (1721-1790). Выбор Новалиса не случаен. Гемстергейс - поклонник Платона, он - один из тех философов XVIII века, которые составляют оппозицию просветительскому, рационалистическому взгляду на мир. Философ исходит из иррационального в человеке, из мироощущения, чуждого рационализму.

У Гемстергейса Новалис перенимает понятие «нравственного органа». Душа человека, по утверждению философа, имеет много «нравственных органов», но среди них развитие получили далеко не все. Целью человека должно стать совершенствование души. Оно не знает границ и заключается в развитии утонченных чувств, которые человек утратил. Таков, к примеру, «орган деятельного энтузиазма». Познание из энтузиазма философ ставит выше познания посредством разума. «Нравственный орган», развиваясь, повлечет за собой рождение нравственного мира, даст возможность человеку понять свое отношение к Богу, любить его. Любовь соединяет человека и человека, Бога и человека в «истинной» жизни. Впитав идею Гемстергейса, Новалис приложил ее к собственной жизни. Отголоски этой мысли слышатся в земном чувстве Новалиса - любви к Софии фон Кюн и особенно в его отношении к умершей возлюбленной, нашедшем художественную форму в произведениях поэта. Любовь к женщине становится для романтика ступенью на пути к глубокому единению с Богом, к высшей жизни, к бессмертию, к абсолютному.

Концепция эта не была вполне самостоятельной. Мысли о жизни, смерти и бессмертии «носятся» в воздухе философского XVIII века. Они - предвестники новалисовских «Гимнов к ночи», лирики интимной и философской одновременно. Они навеяны идеалистической философией и запечатлевают стремление Новалиса вырваться из сферы конечного, его поиски Бога.

Как и Хюльзен, Гемстергейс интересен Новалису художественным толкованием бытия. Поэт чувствует его притяжение. В ноябре 1797 года он пишет А.В. Шлегелю о том, что «едва смог оторваться от Гемстергейса»[3, С. 648]. Он находит у философа доказательства возможности возвращения Золотого века, в которое сам неустанно верит на протяжении всей жизни. Наибольшего приближения к веку всеобщей гармонии, по Гемстергейсу и Новалису, можно достичь в поэзии. Именно она может соединить все различное и разнородное в некое «чудесное целое». Оно рождается не в результате логического сочленения по законам и правилам, а в определенное мгновение, вне времени, интуитивно, в эстетическом созерцании.

«Чудесное целое» или «гармоничное сообщество», ради себя самого существующее, зиждется не на постулатах, навязанных извне, а на внутренней закономерности, придающей ему легкость и непринужденность, становится игровым началом. Новалису понятна и близка разработанная Кантом и Шиллером теория искусства как игры познавательных способностей. Для романтиков и Новалиса игра есть способ создания мира и одновременно его состояние. С понятием «игры» они связывают понятие «высокой незаинтересованности» и «детскости» творца искусства.

Сам Новалис играет категориями и понятиями. Человек, с его точки зрения, должен так развить силу чувств, чтобы абстрактные мысли стали образными. Мысли должны стать предметами, а предметы - мыслями. Это под силу лишь магическому идеалисту.

В область «магического» у Новалиса попадают и точные науки, в частности, математика. Вдохновленный Гемстергейсом., художник приступает к их изучению, стремясь перенести математические законы в метафизику и в поэзию. «Высшая жизнь есть математика», «все посланники Бога есть математики», «чистая математика есть религия» - написано в «Математических фрагментах»[1, С. 790-791].

Высокую оценку «математизму» Новалиса дает английский философ и историк Томас Карлейль. По его убеждению, талант Новалиса являет собой нечто более прекрасное и высокое, нежели того требуют точные науки. Главный элемент этой способности - «mathesis» - сумма всего философского таланта Новалиса, возведенного в самую высшую степень.

Одновременно это талант «магического идеалиста», то есть истинного художника, для которого нет границ между абстрактным и образным, чувственным и сверхчувственным, рациональным и иррациональным. Они не исключают друг друга, а органично взаимосвязаны. Такое мышление открывает множественность миров и подходов к ним.

Вера в безграничную фантазию художника, идея о «нравственном органе», «магическое» я составляют основу философских взглядов Новалиса. Они вливаются в теософию Якоба Бёме (1575-1624), которого Новалис в 1800 году читает по совету Тика, и наполняется религиозностью поэтической, художественно окрашенной. После многолетних занятий наступает пресыщение спекулятивной философией. Он радуется, что преодолел острые вершины «чистого разума». Теперь его интересует «истинная» философия, мистицизм автора сочинения «Аврора, или Утренняя заря в восхождении»(1612).

Новалису понятен простой и поэтичный язык мыслителя из Гёрлица. Он потрясен, как с помощью языка философии Бёме говорит о божественной силе, о Боге, каковы природа, звезды и стихии. Романтик восторгается тем, как с помощью астрологии Бёме объясняет силы природы, звезд и стихий, как из них возникло все живое, и как они всё побуждают, и как злое и доброе ими производится в людях и зверях. Бёме -теолог близок Новалису повествованием о царстве Христа, каково оно и как противоположно царству ада. Название «Утренняя заря в восхождении» комментируется автором сочинения как тайна, сокрытая от умных и мудрых, но доступная тем, кто читает книгу в простоте и с вожделением Святого Духа.

Новалис узнает в Бёме родственную душу. В его жизнь философия Бёме «входит как весна»[3, С. 732]. Под впечатлением «Авроры» поэт создает стихотворение «Луг зазеленел» («*Es färbte sich die Wiese grün*», 1800).

Es färbte sich die Wiese grün
Und um die Hecken sah ich blühn,
Tagtäglich sah ich neue Kräter,
Mild war die Luft, der Himmel heiter,
Ich wusste nicht, wie mir geschah,
Und wie das wurde, was ich sah [3, С. 139].

С книгой Бёме его объединяет символика весны, пробуждающегося духа любви и единения, надежды на «новое царство» гармонии («*das neue Reich*»). Идеал Новалиса - в откровении вечной силы «изнутри». Это внутренний дух, стремящийся выразить себя во внешних формах природы. Он мистичен в своей основе. Мистично значение пробуждения, внутреннего света, стремление к взаимопроникновению души и мира, центральное положение любви как предпосылки для осуществления *unio mystica*.

Высшее соединение с творящим духом достигается в любви к женщине:

Ein freundlich Mädchen kam gegangen
Und nahm mir jeden Sinn gefangen[3, С. 140].

Любовь освящает поэтический синтез мира. Он возникает благодаря метаморфозе в природе - от неорганического к органическому, от растений к животным и, наконец, к человеку, призванному стать Богом:

Kurz um, ich sah, dass jetzt auf Erden
Die Menschen sollten Götter werden[3, С. 140].

С основной идеей стихотворения связана известная запись Новалиса: «Если Бог мог стать человеком, он может стать камнем, растением, животным, стихией, а может быть, в природе существует и обратное движение?»[1, С. 826]. Здесь прослеживаются натурфилософские взгляды Новалиса и их отличие от воззрений Шеллинга. По его убеждению, Бог - это цель природы. Все должно стремиться к ней ради высшей гармонии. Достичь ее можно только благодаря любви, которую Бёме определяет как один из «источных» духов в Божественной силе.

В письме к Тику Новалис благодарит его за совет прочитать сочинение Бёме и пишет стихотворение «К Тику», в котором развертывает философские образы в поэтической форме [3, С. 137-138]. Здесь, а также в романе «Генрих фон Офтердинген» и в «Учениках в Саисе» возникает продуманная картина этапов развития человечества от детства к современности и затем к грядущему Золотому веку. У философа-мистика Новалиса находит подсказку при создании образов-символов (ребенка, старца, вещего сна, заповедной книги), ставших ключевыми в творчестве романтика. Так, из штудий научных трудов, а также из глубоких личных переживаний вырастает поэтическая концепция Новалиса, органически связанная с идеалистической философией, однако, имеющая характер собственного художественного озарения.

Вопрос о взаимоотношении человека и природы становится одним из волнующих. В постижении натурфилософии ему помогают идеи Шеллинга о философии природы и о «мировой душе». 3 мая 1797 года Новалис пишет Фридриху Шлегелю о том, что с любопытством читает философию природы Шеллинга [3, С. 636]. В письме от 14 июня Новалис сообщает, что ему быстрее хочется познакомиться с Шеллингом. Некоторые его воззрения импонируют Новалису больше, чем мысли Фихте [3, С. 641]. В декабре 1797 года он знакомится с Шеллингом лично. Братьям Шлегелям он сообщает, что Шеллинг ему понравился настоящей душевой силой, устремленностью в бесконечность, поэтическим чувством. Однако восхищение скоро сменяется сдержанностью. В отличие от Шеллинга, Новалис наделяет природу магическими чертами. Для него главное-реальность идеального, в то время как Шеллинг подчеркивает идеальность реально существующего. Главный вывод Новалиса в том, что Бог и природа не тождественны. Их надо разделить. Природа должна стать нравственнее. Цель ее развития - Бог. Когда-нибудь природы не станет, все превратится в мир духа.

Философские занятия Новалиса во многом предопределили характер его символистской поэзии. Ее суть - тайна образов, их загадка. Это роднит ее с поэзией рубежа XIX-XX веков, в которой общепонятность недостижима и необязательна. Воссоздать лишь намеченную мысль автора должно воображение, интуиция помогает разгадать тайну поэта. Символическая многозначность заложена в лирическом цикле Новалиса «Гимны к Ночи». Они созданы под впечатлением смерти Софии фон Кюн, подтолкнувшей художника к созданию собственной «фило-Софии». Трагическая потеря пробуждает в нем волю к преодолению раскола между «я» и «не-я», Богом и миром, природой и духом. Троица любящего «я», любимого «ты» и Бога, обязательно присутствующего в любви, образует гармоничную, дающую экзистенциальную уверенность систему. Это единство зиждется на вере и не требует подтверждения логикой. Основа веры - постоянно осязаемая реальность любви, находящая свое предметное выражение в «ты» Софии.

Выраженное в символах мировоззрение Новалиса не дает сколько-нибудь достаточного ответа на общие вопросы современной ему философии, которые он находит у Канта, Фихте и Шеллинга. В философии он скорее ищет подтверждение своей вере. Он - больше «практик», нежели «теоретик». Однако Новалис-философ активно занят рассмотрением вечных вопросов, рассматривающих отношение субъекта и объекта, конечного и бесконечного, духа и природы. Несмотря на всю универсальность взглядов, в философском мировоззрении Новалиса доминируют художественные принципы мироощущения. С другой стороны, в эстетике Новалиса намечается синтез поэзии и точных наук, в котором два плана объединяет признак «божественности», идущий от теологии.

Во многом новаторское творчество Новалиса, созданный им «философско-поэтический синкретизм» (В.Жирмунский) не остается не замеченным в России. Огромная заслуга в популяризации романтика принадлежит поэтам-символистам. Один из них - Вячеслав Иванов (1866-1949). Новалисовское послание «К Тику», поэтические опыты, входящие в роман «Генрих фон Офтердинген» получают известность благодаря переводам поэта-символиста, связанным внутренним родством с подлинниками религиозной идеей высшего единства всего сущего в Боге. Именно Вячеславу Иванову удается воплотить мечту Новалиса о «мифотворческом» переводе, то есть выполненном «поэтом поэта» [4, С. 217]. Художник должен у него говорить и по-своему, и так, как того хочет переводчик. «Мифотворческий» перевод, в представлении Новалиса, может создать лишь человек, в сознании которого полностью соединились поэзия и философия. Таким переводчиком становится В. Иванов, известный также переводом «Авроры» Якоба Бёме, который он предваряет своеобразным эпиграфом - глубоко философским стихотворением Новалиса «К Тику».

Список литературы/ References

1. Novalis. Werke, Tagebücher und Briefe Friedrich von Hardenbergs: in 3 Bdn. / Novalis.- München und Wien: Carl Hanser. - 1978.- V.2. -785 S.
2. Pirberg H. Novalis als Naturphilosoph / H.Pirberg. - Gütersloh: C.Bertelsmann. - 1928.- 76 S.
3. Novalis. Werke, Tagebücher und Briefe Friedrich von Hardenbergs: in 3 Bdn. / Novalis.- München und Wien: Carl Hanser. - 1978. - V.1.-786 S.
4. Savina V. Die Novalis - Rezeption in Russland / V.Savina// Inklings - Jahrbuch für Literatur und Ästhetik. - 2001.- Bd. 19.- S.215-221.

Список литературы на английском языке/References in English

1. Novalis. Werke, Tagebuecher und Briefe Friedrich von Hardenbergs [Friedrich von Hardenberg`s Works, Journals, Letters: in 3 V.] / Novalis. - Munich and Vienna: Carl Hanser. - 1978. - V.2. - 785 P.[in German]
2. Pirberg H. Novalis als Naturphilosoph [Novalis as a natural philosopher] / H.Pirberg. - Gutersloh: C.Bertelsmann. - 1928. - 76 P.[in German]
3. Novalis. Werke, Tagebuecher und Briefe Friedrich von Hardenbergs [Friedrich von Hardenberg`s Works, Journals, Letters: in 3 V.] / Novalis. - Munich and Vienna: Carl Hanser. - 1978. V.1. - 786 P.[in German]
4. Savina V. Die Novalis - Rezeption in Russland [Reception of Novalis in Russia]/ V.Savina// Inklings - yearbook for literature und esthetic. - 2001. V. 19. - P.215-221.[in German]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.016

Сайтбатталов И.Р.¹, Гречачин В.А.²¹ORCID: 0000-0002-5948-4666, Кандидат филологических наук, Башкирский государственный университет²ORCID: 0000-0002-1595-0995, Аспирант, Башкирский государственный университет

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук (проект МК-6537.2015.6 «Язык Мухаммада-Али Чукури и башкирская культура в XIX веке»).

ЛЕКСИКА М.-А. ЧУКУРИ В СТАТИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**Аннотация**

Статья посвящена статистическому исследованию лексики старотюркского языка Башкортостана на предмет её этимологии, распределения по частям речи и частоты встречаемости в текстах. В качестве материала для исследования использован корпус поэтических и прозаических текстов башкирского поэта-суфия Мухаммада-Али Чукури (1826-1889). Статистические результаты интерпретированы в связи с языковой ситуацией, характерной для времени создания текстов, и особенностями индивидуального стиля и поэтической техники автора.

Ключевые слова: башкирский язык, старотюркский язык, башкирская литература, суфийская литература, лексика, заимствования, лингвистическая статистика.

Saitbattalov I. R.¹, Grechachin V.A.²¹ORCID: 0000-0002-5948-4666, PhD in Philology, Bashkir State University,²ORCID: 0000-0002-1595-0995, Postgraduate student, Bashkir State University**THE VOCABULARY OF M.-A. CHUQURI IN STATISTICAL COVERAGE****Abstract**

This article is dedicated to the statistical research on the vocabulary of the Old Turkic language of Bashkortostan region on the subject of its etymology, part of speech distribution and the frequency of being presented in texts. The empiric material for the research was the corpus of poetic and prosaic texts written by Mukhammad-Ali Chuquri, Bashkir Sufi poet (1826-1889). The statistic results are interpreted in connection with the extra linguistic factors influenced the poet's vocabulary and with the features of the individual style and poetic technic of the poet.

Keywords: Bashkir language, Old Turkic language, Bashkir poetry, Sufi poetry, vocabulary, loanwords, linguistic statistics.

Вплоть до двадцатых годов XX века башкиры, как и многие другие тюркские народы, жили в условиях диглоссии: в сфере «обыденного» повседневного общения и фольклора употреблялся живой народно-разговорный язык, представленный тремя диалектами и пятнадцатью говорами, а в сфере «высокого» употреблялся традиционный письменный язык тюрки (тюрки Урало-Поволжья, старотюркский язык). Этот идиом сформировался ещё в средние века на территории Центральной Азии на основе карлукско-уйгурских диалектов и, подвергаясь некоторыми изменениями и влиянию со стороны живых местных языков, сохранял свои основные черты: наддиалектный характер, одновременное наличие карлукских, огузских и кыпчакских черт в фонетике и морфологии, плотную насыщенность арабскими и персидскими заимствованиями [2, с. 27-27].

Предметом настоящей статьи является статистический анализ употребления лексики разного происхождения в старотюркских текстах второй половины XIX века, созданных в Башкортостане. В качестве материала использован корпус стихотворных и прозаических текстов башкирского [4, с. 495] поэта, просветителя, религиозного деятеля М.-А. Чукури (1826-1889). Задачей настоящего исследования явилось конкретное статистическое рассмотрение языковой ткани произведений поэта.

Объём рассмотренного текстового корпуса невелик – 2445 словоформ, соответствующих 1650 корневым морфемам, однако жанровое и стилевое разнообразие составляющих его текстов, среди которых есть одна поэма, один панегирик и пять заметок в прозе, позволяют сделать достаточно определённые выводы относительно всего его письменного наследия на старотюркском языке.

Все словоформы, представленные в проанализированных текстах М.-А. Чукури, могут быть разделены на пять категорий с точки зрения их происхождения: 1) исконные – к этой группе отнесены как общетюркские, так и собственно башкирские лексемы; 2) османские – лексемы, проникшие в анализируемые тексты через османский литературный язык; 3) персидские – заимствования из языка фарси, 4) арабские – заимствования из классического арабского языка; 5) русские – заимствования, проникшие в язык М.-А. Чукури через русский язык. К второй и пятой категориям нами отнесены слова разного (греческого, латинского, собственно славянского и османского) происхождения, а названия для категорий выбраны по языку, выступившему посредником для заимствования.

С точки зрения частеречной принадлежности, в рассмотренных текстах присутствуют имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, глаголы, модальные слова, частицы, союзы, послелог и междометия, выделяемые в современном башкирском языке [3, с. 96-100], а также предлоги, для тюркских языков не характерные. Распределение словоформ по происхождению и частеречное принадлежности представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Происхождение и частеречная принадлежность словоформ в текстах М.-А. Чукури

	Араб.	Искон.	Осман.	Перс.	Рус.	Общий итог
ADJ	3	31		2	1	37
ADV	11	18	2	11		42
CONJ	3	2		17		22
INTJ	1	3		1		5
MODAL		11				11
NUM		37		2		39
PART	5	2		2		9
POST	4	9		3		16
PREP				2		2
S	1222	313	6	121	12	1674
SPRON	3	97		13		113
V	1	471		2		474
Общий итог	1253	995	8	176	13	2445
Общий итог (%)	51,25	40,7	0,32	7,2	0,53	100

В распределении словоформ по частям речи и происхождению наблюдается целый ряд заметных диспропорций. Это касается, прежде всего, служебных частей речи. Так оба обнаруженных в текстах предлога: *ба* ‘с, вместе с’, *та* ‘до, по’ – являются персидскими заимствованиями, из двадцати двух союзов 17 также представлены фарсизмами. Данные факты объясняются отсутствием предлогов и малочисленностью союзов в тюркских языках, в частности, в башкирском [3, с. 97].

Среди частиц, «придающих отдельным словам, словоформам, словосочетаниям и предложениям дополнительные оттенки» [3, с. 328], преобладают арабизмы, что обусловлено широким развитием и употребительностью этой части речи в арабском языке и немногочисленностью частиц в башкирском.

Все модальные слова, выражающие «отношение говорящего лица к той связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и действительностью» [3, с. 330], представлены исконной лексикой. Тюркская лексика преобладает и среди послелогов и междометий. Среди местоимений заимствования представлены вопросительными и определительными словоформами.

Из знаменательных частей речи наименее затронуты заимствованиями числительные, среди которых присутствуют лишь два фарсизма: *һафт* ‘семь’, *сегиз* ‘сорок’. Их употребление обусловлено исключительно стилистическими задачами, стоявшими перед автором. Среди глаголов выявлены две персидские словоформы: *базуб* ‘открыв’, *сырхады* ‘заболела’, и одна арабская: *шөгүлләндүк* ‘мы занимались’. Относительно однородны в этимологическом плане прилагательные (3 арабизма, 2 фарсизма, 1 русизм против 31 исконного слова) и наречия (по 11 арабизмов и фарсизмов, 2 османизма и 18 исконных слов).

Наиболее разнообразны по происхождению имена существительные, встречающиеся в текстах М.-А. Чукури. Только в этой части речи встречаются словоформы из всех пяти этимологических групп. При этом среди имён существительных резко преобладают арабизмы, составляющие 72,99 % всей лексики данной группы (1222 словоформы). По этому параметру они оставляют далеко позади исконную (18,69 %, 313 словоформ) и персидскую (7,22 %, 121 словоформа) лексику.

Такая активность лексики арабского происхождения в текстах М.-А. Чукури обусловлена рядом причин объективного и субъективного характера. К первым относится высокий статус арабского языка в Pax Islamica как языка священного писания и последнего из мусульманских пророков, а также особенности языковой компетенции, формировавшейся при обучении чтению и письму в традиционных (старометодных) медресе, в которых образовательный процесс был нацелен на усвоение арабского языка при полном пренебрежении родным [6]. Кроме того, заимствованию подвергались прежде всего имена (существительные) и отглагольные имена (масдары) арабского языка, глагольная лексика оставалась для них непроницаемой [1, с. 53-54].

К причинам субъективного характера, вызвавшим плотное насыщение текстов М.-А. Чукури арабскими заимствованиями, в первую очередь, может быть отнесена тематика его произведений, посвящённых разным сторонам мусульманского вероучения и религиозной практики, суфийским способам нравственного самосовершенствования, благочестивым размышлениям. Подобное содержание требовало широкого использования терминов арабского происхождения [5]. Перед автором стояла также стилистическая задача – выразить высокое содержание адекватными языковыми средствами, настроить аудиторию на восприятие божественных истин, что также требовало употребления иной, необыденной лексики. Поэтическая техника М.-А. Чукури, творившего в традиционных жанрах (маснави, кыт’а, газель) также требовала употребления арабских слов для создания точных рифм [5].

Следует отметить, что большое количество словоформ арабского происхождения не означает их высокой частотности: значительное число арабизмов представлены в рассмотренных текстах единичными употреблениями. Десять наиболее частотных словоформ представлены в таблице 2. При её составлении нами были отсеяны словоформы, многократно повторяющиеся в традиционных для восточной поэзии рефренах – бейтах тарджи’ и редифах.

Таблица 2 – Десять наиболее частотных словоформ в произведениях М.-А. Чукури

№	Словоформа	Количество употреблений	Происхождение	Часть речи	Перевод
1	вэ	107	арабское	CONJ	и
2	һәм	87	персидское	CONJ	и
3	бу	73	исконное	SPRON	этот
4	куб	65	исконное	ADV	много
5	илә	55	исконное	POST	с
6	ул	54	исконное	SPRON	он, тот
7	бер	43	исконное	SPRON / NUM	один
8	дәхи	42	исконное	ADV	ещё
9	улды	37	исконное	V	стал, был
10	укулды	36	исконное	V	был прочитан

Таким образом, статистическое рассмотрение языка М.-А. Чукури, с одной стороны, подтверждает тезис о высоком проценте арабских заимствований в его лексике, с другой – демонстрирует неравномерность распределения заимствований по частям речи и отсутствие прямой корреляции между их общим числом и частотностью. Высокая активность заимствований среди служебных частей речи обусловлена особенностями грамматического строя тюркских языков, а многочисленность лексем арабского происхождения – объективными экстралингвистическими факторами и особенностями индивидуального стиля поэта.

Список литературы / References

1. Бахтиярова А.Н., Сaitбатталов И.Р., Фаткуллина Ф.Г. Функционирование арабских заимствований в русском и башкирском языках / А.Н. Бахтиярова, И.Р. Сaitбатталов, Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 92 с.
2. Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка / И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Гилем, 2000. – 448 с.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка. / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: «Наука», 1981. – 496 с.
4. Кемпер, М. Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с немецкого И. Гилязов. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 675 с.
5. Сaitбатталов, И.Р. Особенности языка и стиля стихотворения «Манзумат ‘Али ибн Салих аль-Чукурй аль-Хаджж фй мадх китāб «Нāзурат аль-Хакк» ва мусанифā ‘алā-а-атлāк» М.-‘А. Чūкурй [Электронный ресурс] // Международный научно-практический журнал «Теория и практика современной науки». № 5(5) (Ноябрь, 2015). – URL: http://modern-j.ru/osnovnoy_razdel_sovremennaya_nauka_teoriya_i_praktika_5_5_2015/ (Дата обращения: 30.11.2015).
6. Сaitбатталов, И.Р., Фаткуллина, Ф.Г. К вопросу об эстетической роли арабских заимствований в произведениях М.-‘А. Чūкурй [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/121-19104> (дата обращения: 18.10.2015).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtiyarova A.N., Fatkullina F.G., Saitbattalov I.R. Funktsionirovaniye arabskikh zaimstvovaniy v russkom i bashkirskom yazykakh [The functioning of Arabic loanwords in Russian and Bashkir languages] / A.N. Bakhtiyarova, F.G. Fatkullina, I.R. Saitbattalov. – Ufa: RIC BashGU, 2014. – 92 p. [In Russian]
2. Galyautdinov I.G. Dva veka bashkirskogo literaturnogo yazyka [Two centuries of Bashkir literary language] / I.G. Galyautdinov. – Ufa: Gilem, 2000. – 448 p. [In Russian]
3. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka [The grammar of contemporary Bashkir literary language] / ed. A.A. Yuldashev. – Moscow, 1981. – 496 p. [In Russian]
4. Kemper M. Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskiy diskurs pod russkim gospodstvom / M. Kemper [The sufies and alims in Tatarstan and Bashkortostan. Islamic discourse under the Russian rule] / per. s nem. I. Gilyazov [translated from German by Iskander A. Gilyazov]. – Kazan: Rossiyskiy islamskiy universitet, 2008. – 675 p. [In Russian]
5. Saitbattalov I.R. Osobennosti yazyka i stilya stikhotvoriniya “Mandhumat ‘Ali ibn Salikh al-Chuquri al-Khajj fi madkh kitab “Nadhurat al-Khaqq” wa musanifa ‘ala-l-atlaq” M.-A. Chuquri / I.R. Saitbattalov [The features of the language and style of the poem “Mandhumat ‘Ali ibn Salikh al-Chuquri al-Khajj fi madkh kitab “Nadhurat al-Khaqq” wa musanifa ‘ala-l-atlaq” by M.-A. Chuquri] [Electronic resource] // Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal “Teoriya i praktika sovremennoy nauki” [International scientific-practical journal “The theory and practice of modern science”]. – 2015. N 5 (5). – URL: http://modern-j.ru/osnovnoy_razdel_sovremennaya_nauka_teoriya_i_praktika_5_5_2015/ (accessed: 20.10.2016) [In Russian]
6. Saitbattalov I.R., Fatkullina F.G. K voprosu ob esteticheskoy roli arabskikh zaimstvovaniy v proizvedeniyakh M. A. Chuquri [Electronic resource] / F.G. Fatkullina, I.R. Saitbattalov [The aesthetic role of arabic borrowings in the works of M. A. Chuquri] // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Up to date problems of science and education]. – 2015. – N 1(1). – URL: <http://www.science-education.ru/121-19104>. (accessed: 19.10.2016). [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.173

Салихова Э.А.¹, Искужина Н.Г.², Киселева Л.А.³¹Доктор филологических наук, Уфимский государственный авиационный технический университет²Доктор филологических наук, Институт развития образования Республики Башкортостан³Доктор филологических наук, Башкирский государственный университет**БРЕГОВСКИЙ ВЛАШСКИЙ ДИАЛЕКТ КАК ЯВЛЕНИЕ САМОБЫТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
В СЕВЕРОЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ****Аннотация**

Статья-отзыв о монографии Владислава Маринова «О фонологическом статусе мягких согласных во влашском диалекте северозападной Болгарии» [3] посвящена рассмотрению самобытности языковой ситуации в северозападной части Болгарии. Двужычие во влашских сёлах образуется за счет сочетания особенностей восточноболгарских диалектов с болгарским литературным языком. Это своеобразие говоров Бреговского района является результатом сочетания как тенденций в румынском и болгарском языках, унаследованных из прошлого, так и распространенной в наши дни билингвальной интерференции.

Многогранность рассматриваемой темы обусловила разработку комплексного социолингвистического и диалектологического подходов [1, С. 16-20], включающих сочетание дескриптивного, сравнительно-исторического, сопоставительного (контрастивного) методов в изучении языковой ситуации северо-западной части Болгарии.

Эмпирический материал показал, что в бреговском влашском диалекте корреляция по палатализации проявляется чаще, чем в болгарском языке. Вероятно, сохранение оппозиции «твёрдость – мягкость» в конце слова способствует отчасти и сохранению звучности согласных в конце слова, и это означает, что во влашском диалекте позиций звучных мягких согласных больше, чем в болгарском языке [2].

Ключевые слова: билингвальная интерференция, влашская речь, говоры, диалекты, диглоссия, лингвистический атлас, фонология.

Salikhova E.A.¹, Iskuzina N.G.², Kiseliova L.A.³¹PhD Philology, Ufa State Aviation Technical University,²PhD Philology, Institute of Education Development Republic of Bashkortostan³PhD Philology, Bashkir State University**BREGOV VLASH DIALECT AS A PHENOMENON OF ORIGINAL LINGUISTIC SITUATION
IN NORTH-WEST BULGARIA****Abstract**

In the article-review about monographic research of Vladislav Marinov "About phonological status of soft consonants in Vlach dialect of the north-west Bulgaria" [3] devoted an phenomenon of original linguistic situation in the north-west part of Bulgaria.

Bilingualism in Vlach villages forming as a remarkable manner coincides with the east-Bulgarian dialects and Bulgarian literary language by its features. This individuality of parlances of Bregov district, is the result of combination both tendencies in Rumanian and Bulgarian languages, derived from the past, and bilingual interference widespread nowadays.

Many-sidedness of the considered subject stipulates developing of the complex social-linguistic and dialectological approaches [1, С. 16-20], including combination of descriptive, comparative historical, contrastive-comparative (constratal) methods in studying of linguistic situation of the north-west part of Bulgaria.

Empirical material, handled in accordance with aims, showed that correlation in palatalization appears in Bregov Vlach dialect more often than in Bulgarian. Obviously, saving opposition "hardness-softness" in the end of the word saves sonority of consonants in the word-final position, in some degree, that means that there are more positions of sonorous soft consonants in Vlach dialect than in Bulgarian [2].

Keywords: bilingual interference, Vlach speech, parlances, dialects, diglossia, linguistic geography, phonemics.

Исследований о влашских диалектах крайнего северо-запада Болгарии не так много: учёные начала и середины XX в. (К. Константе и А. Голопенция, Ф. Каниц и Г. Вайганд, Г. Вълсан и Е. Букуца, Ф. Флореску, В. Нягое, Е. Църкомнику, В. Нестореску, М. Петришор, Д. Маринов и др.), посетившие этот регион, интересовались историей и этнографией, а диалект рассматривался как маркер для различения речи двуязычных жителей сел около г. Видин от речи остального одноязычного населения без уточнения их этнической принадлежности.

Один из дискуссионных вопросов в румынской лингвистике связан с наличием или отсутствием тембровой фонологически значимой корреляции «твёрдость – мягкость» согласных. При рассмотрении этого вопроса, употребляют такие понятия, как «палатализация» и «палатальность». При *смягчении* и *палатализации* отмечаются процессы, при которых артикуляционное место звука изменяется (тяготеет к нёбу) и появляется дополнительная артикуляция. *Палатальность* согласных может быть фонологически релевантна перед гласными переднего ряда, но может быть и релевантной перед гласными заднего ряда. В болгарской языковедческой литературе термином «палатализация» обозначают также изменения, которые претерпевают велярные согласные под влиянием гласных переднего ряда (I, II, III палатализации в праславянском и старославянском языках). В анализируемом труде используется обобщенный термин «мягкие согласные».

Актуальность избранной проблематики определила методы, композицию и структуру работы, которая состоит из введения, трех разделов и заключения.

В теоретической части монографии со ссылками на англоязычные работы П. Ладефогед и К. Джонсона, труды румынских исследователей Й. Китора и Дж. Хьюлда, а также российских классиков Н.С. Трубецкого и Р. Якобсона автор разграничивает понятия «полная палатализация» и «вторичная (дополнительная) палатализация», неуместное употребление которых часто приводит к терминологической путанице.

Объект внимания научного изыскания – влашский диалект, представляющий периферийный говор на территории Болгарии и имеющий в своей основе румынский по происхождению диалект, на все уровни которого сильное влияние оказал болгарский язык. Один из вариантов данного диалекта используется большей частью жителей общины Брегово – крайней северо-западной части страны. Языковая ситуация в селах данной общины отличается сочетанием билингвизма и диглоссии, поскольку наряду с формами болгарского языка активно используется и указанный диалект (языковая ситуация схожа с описываемыми в [4] характеристиками некоторых районов полиязычного Башкортостана). Как указывает В. Маринов, по причине интерферентных влияний со стороны болгарского языка этот дако-румынский диалект в настоящее время уже не совпадает ни с одним из румынских диалектов, распространенных к северу от реки Дунай. Во избежание терминологического смешения румынских диалектов в самой Румынии и румынских диалектов, используемых в Болгарии (арумынский диалект, а также румынские диалекты в Никопольской, Плевенской областях) в работе для обозначения не-болгарской речи билингвов в Видинской области используется термин «влашский диалект» и его синонимы «бреговский влашский диалект» и «влашская языковая форма». Объемный фактологический материал был собран автором в селах общины Брегово в полевых условиях в 2005-2014 гг. с применением метода стохастического подбора и включенного наблюдения. Импонирует аналитическая скрупулезность автора при описании материала, обеспечивающая валидность выводов.

Анализ звучания идиолектов показал, что в болгарской и влашской речи билингвов крайнего северо-запада Болгарии существуют мягкие согласные, которые отличаются от консонантов, входящих в характерный для западных болгарских диалектов автономный палатальный ряд. Смежным диалектам видинско-ломкой группы характерен автономный палатальный ряд, который встречается и в других славянских, а также в романских языках. Выявленные и описанные В. Мариновым языковые факты свидетельствуют о том, что исследование имеет общетеоретическую значимость в связи с наличием мягких консонантов в одном из романских языков [2].

В разработке вопросов теоретической фонологии и экспериментальной фонетики автор продолжает идейные замыслы Э. Петровича – специалиста в области румынского языка. Критическое освещение отдельных теоретических позиций школы Ал. Росетти (А. Аврам, Д. Копчаг, Ал. Граур и др.) основывается на полученных исследователем экспериментальных данных и опровергает существования некоего «псевдо», «полувокального» [i] в конце румынских слов. Приведенные В. Мариновым многочисленные доказательства существования мягких консонантов в «средисловии» перед графической фиксацией «дифтонга» [ea] также убедительны [2].

Последовательный анализ эмпирического материала в совокупности с его теоретическим обобщением позволил В. Маринову прийти к выводу о том, что современная языковая ситуация в селах общины Брегово является билингвальной и состоит из двух компонентов: болгарского языка, очень близкого к литературной разговорной норме, и влашского диалекта, в основе которого лежат румынские диалекты переходной зоны между олтенскими и банатскими говорами к северу от р. Дунай. Болгарские говоры на запад от ятовой границы (имеются в виду рефлексy [Ѣ] – звука ять) характеризуются наличием палатального ряда, состоящего из нескольких согласных ([л’], [н’], [к’], [г’], [й]) с сильно выраженной мягкостью, которые отсутствуют в говоре жителей г. Брегово и ближних сел, в котором мягкость согласных – литературного (восточноболгарского) типа.

Существенно замечание автора о признании роли болгарского литературного языка в процессе возникновения «литературной мягкости» в западноболгарском диалекте с учетом параллельного влияния влашского диалекта на этот процесс. Анализ записанных идиолектов показал, что проявления мягкости согласных одинаковы в речи всех информантов и не обусловлены такими социально-демографическими факторами, как возраст, образование, пол. Если в отношении консонантной системы, свойственной речи молодого поколения, можно утверждать, что наличие в ней мягких согласных связано с влиянием болгарского литературного языка, то причина их появления в речи части среднего и пожилого поколения – это влияние влашского диалекта [2]. Результаты проведенного ученым спектрального анализа показывают, что акустические характеристики влашских и румынских согласных перед [ea-], [ia-] и перед конечным [i] идентичны характеристикам болгарских мягких согласных.

Так, мягкость в конце слова имеет фонологически релевантный характер и выполняет форморазличительные функции. Во влашском диалекте мягкость в конце слова характерна только для лабиальных и сонорных согласных; у остальных согласных изменение формы маркировано альтернативой согласных.

В. Мариновым впервые осуществлена общая классификация мягких согласных в бреговском влашском диалекте. Наблюдения исследователя над лингвистическим поведением мягких согласных объективно способствуют разрешению проблемы существования корреляции «твердость – мягкость» в румынском языке.

Список литературы / References

1. Аюпова Л.Л., Салихова Э.А. Основы социолингвистики: учебное пособие / Л.Л. Аюпова, Э.А. Салихова. – Уфа: РИЦ БашГУ. – 2015. – 100 с.
2. Aupova L.L., Salikhova E.A. About dialectal distinctive character of Vlash villages (review about monograph of V.I. Marinov “About phonological status of soft consonants in Vlash dialect of North west Bulgaria”) / L.L. Aupova, E.A. Salikhova // Russian Linguistic Bulletin – Екатеринбург. – 2016. – № 4(8). – <http://rulb.org/ru/archive/>
3. Маринов В. За фонологичния статус на меките съгласни във влашкия диалект в северо-западна България / В. Маринов. – Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий». – 2015. – 243 с.
4. Салихова Э.А. Двухязычие и триязычие как социолингвистические факторы лингвокультурной интеграции этносов Башкортостана / Э.А. Салихова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – №1 (62). – С. 52-56.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ayupova L.L., Salihova E.A. Osnovy sociolingvistiki: uchebnoe posobie [Foundations of sociolinguistics: textbook] / L.L. Ayupova, E.A. Salihova. – Ufa: RIC BashGU. – 2015. – 100 s. [in Russian].
2. Aupova L.L., Salikhova E.A. About dialectal distinctive character of Vlash villages (review about monograph of V.I. Marinov “About phonological status of soft consonants in Vlash dialect of North west Bulgaria”) / L.L. Aupova, E.A.

Salikhova // Russian Linguistic Bulletin – Екатеринбург. – 2016. – № 4(8). – <http://rulb.org/ru/archive/> [in English].

3. Marinov V. O fonologicheskom statuse myagkih soglasnyh vo vlashskom dialekte severozapadnoj Bolgarii [About phonological status of soft consonants in Vlach dialect of the north-west Bulgaria] / V. Marinov. – Veliko T'rnovo: Universitetsko izdatelstvo «Sv. sv. Kiril i Metodij». – 2015. – 243 s. [in Bulgarian].

4. Salihova E.A. Dvuyazychie i triyazychie kak sociopsiholingvистicheskie faktory lingvokul'turnoj integracii ehntosov Bashkortostana [Bilingualism and trilingualism as sociopsycholinguistical factors of the linguocultural integration of Bashkortostan's ethnoses] / E.A. Salihova // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets state University]. – 2015. – №1 (62). – S. 52-56. [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.233

Скаковский В.Ю.¹, Бородин Е.Ю.²

¹Кандидат филологических наук, Тверской государственный медицинский университет

²Тверской государственный медицинский университет

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗГОВОРНИКА В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс формирования языковой компетенции иностранных студентов с использованием разговорников в иноязычном информационном пространстве. Информационные возможности разговорника помогают иностранным студентам максимально адаптироваться к окружающей обстановке, войти в языковой контакт с собеседниками, выразить собственное отношение к определённым ситуациям и укрепить свой менталитет в иноязычной среде. Использование разговорников помогает формированию у иностранных студентов языковой компетенции, ориентированной на доступные формы и способы её достижения.

Ключевые слова: разговорник, коммуникативная деятельность, формирование языковой компетенции, иноязычное информационное пространство

Skakovsky V.Y.¹, Borodina E.Y.²

¹PhD in Philology, FSBEI HE Tver SMU MOH Russia

²FSBEI HE Tver SMU MOH Russia

INFORMATION POSSIBILITY OF PHRASEBOOKS TO ENSURE ACCESSIBILITY LEARNING FOR FOREIGN STUDENTS

Abstract

This article discusses the formation of the language competence of foreign students in foreign language information space using phrasebooks. Information possibilities of phrasebook help foreign students to adapt as much as possible to the environment, to enter the language contact with the interlocutors, to express their own attitude to certain situations and strengthen their mentality in a foreign language environment. Using phrasebooks helps the formation of foreign language competence of the students focused on the available forms and methods of achieving it.

Keywords: phrasebook, communication activity, formation of linguistic competence, foreign language information space

Обучение иностранных студентов русскому языку является сложным многогранным процессом постижения нового, иноязычного речевого пространства и сопряжено с преодолением множества трудностей. Накопленный в процессе жизни общественный, социальный, культурный, лингвистический опыт индивида становится важным звеном временного вхождения в окружающую действительность и непосредственно зависит от глубины и разносторонности закрепления этого опыта в человеческом сознании, что является предопределяющим фактором уровня развития интеллекта. Возможность трансформации картин окружающего мира в речемыслительную деятельность достигается на уровне человеческого знания. Однако глубина, широта и скорость этого отражения – сугубо индивидуальные явления.

Трудность вхождения в иноязычное информационное пространство сопряжена с творческой переработкой стереотипов лингвистического мышления на уровне запоминания, осознания и применения языковых единиц в письменной форме и разговорной практике. Процесс отражения данных единиц происходит за счёт сравнения изучаемой информации с уже имеющимся в сознании предшествующим опытом, который является способом ранее представленного отображения окружающей действительности и зафиксированным в системе «образов доступности».

Доступность представляется нами как использование в процессе обучения возможных и рациональных учебно-методических приёмов, позволяющих с долей наибольшей эффективности и достаточности осуществлять образовательный процесс. Можно выделить две взаимодополняющие категории доступности: визуальную и доступность внутренних образов. В первом случае перед обучаемыми демонстрируются какие-либо охваченные зрением объекты и речевые единицы, передающие необходимую смысловую информацию об объекте познания или о какой-либо его стороне. Они в первую очередь вступают в контакт с процессом отражения, и их первостепенная задача состоит в восприятии и осмыслении на уровне первоначального визуального контакта с воспроизводимыми в сознании объектами реальной действительности.

Зафиксированные в рамках человеческого сознания представления об окружающем мире, в своей совокупности вобравшие весь предшествующий опыт индивида, являются инертными в собственной ипостаси и непосредственно соединяются со зрительным, визуальным их отображением.

Доступность внутренних образов составляет содержание нашего сознания. В процессе отражения окружающей действительности первостепенное значение имеет приобретённый обучаемыми жизненный опыт, а также некоторые

составляющие этого опыта, определённые мировосприятием и зафиксированные в нём системой доступных на уровне восприятия наглядных образов, что имеет адекватное соответствие и в системе вербальных знаков. Это соответствие итогов двух видов отражения окружающей действительности человеческим сознанием лежит в основе действия грамматически представленных стереотипов, а именно речевых тем, доступных для изучения иностранным студентам особенно на начальном этапе обучения русскому языку.

Процесс формирования мыслительной деятельности студентов в иноязычном информационном пространстве происходит поступательно за счёт постепенной выработки навыков выражения коммуникативно-речевого опыта в рамках изучаемой темы. Именно разговорник нацелен на конструктивное наложение двуязычной полярности, что обеспечивает коммуникативный процесс. В отличие от учебного словаря переход в альтернативное языковое пространство происходит за счёт перевода наиболее целесообразных в рамках тематического поля лексических единиц более широкого грамматического диапазона: от слов и словосочетаний к предложениям. В пределах изучаемой темы создаётся довольно широкое диалогическое пространство с наиболее оптимальным набором конструкций, необходимых и достаточных для выражения коммуникативной картины. (Запишитесь на приём к врачу./ Когда принимает врач?/Врач принимает с трёх до семи./ Хирург принимает в кабинете 5 и др.). Расширение смыслового диапазона достигается в результате включения в разговорник синонимических конструкций (Что с вами случилось?/ Как вы себя чувствуете? / Что у вас болит? И т.д.), и в рамках диалога допускается наиболее полное количество вариантов ответа (Я плохо себя чувствую. /Я заболел./ Меня тошнит./ У меня высокая температура./ Болит горло и голова./ У меня насморк./ У меня кашель./ У меня болит живот и т.д.).

Информационные возможности разговорника для иностранных студентов-медиков не ограничиваются нахождением в пределах изучаемой темы достаточных для общения лексических единиц и ограниченного собственным семантическим пространством диалогических реплик. Происходит расширение коммуникативного контакта с целью оптимального завершения возникающих ситуаций (Что у вас болит?/ У меня болит зуб./ Нужно сделать снимок./ Нужно запломбировать зуб и т.д.), что крайне важно, так как «форма профессиональной речи диалог с пациентом отличается исключительной сложностью» [1, с. 129].

Тематически-речевое, диалоговое общение в разговорнике представляет собой коммуникативную деятельность, в процессе которой говорящий и собеседник обмениваются тематически значимой для них информацией. При этом в процессе обучения тематически-речевому общению у иностранных студентов-медиков формируются коммуникативные навыки и умения начать, поддержать и продолжить диалог в различных сферах профессиональной, социокультурной жизни, а также навыки и умения отбора и употребления языковых средств в соответствии с ситуацией тематического общения.

Информационные возможности разговорника помогают иностранным студентам максимально адаптироваться к окружающей обстановке, войти в языковой контакт с собеседниками, выразить собственное отношение к определённым ситуациям и укрепить свой менталитет в иноязычной среде. Диапазон информационно-тематического пространства разговорника (Здоровье./ Знакомство./ Обращение, приветствие, прощание./ Наша аудитория. На занятиях./ Медицинский университет./ В библиотеке./ В магазине./Транспорт./Город Тверь и др.) расширяет познавательные возможности и интеллектуальный потенциал обучаемых, помогая в кратчайшие сроки погрузиться в иноязычное информационное пространство, сосредоточив речемыслительную деятельность на передаче информации с помощью языка-посредника. В процессе учебного общения студенты могут меняться коммуникативными ролями слушающего и говорящего, что обеспечивает приближение обучения к естественному, профессиональному общению. Именно разговорник в его информационном обрамлении становится средством визуальной и образной доступности. Именно поэтому «познание отдельных лексических единиц расширяет возможности иностранных студентов для вхождения в информационное пространство, помогает направить мыслительную деятельность в логико- индуктивную плоскость» [2, с. 84].

Находящиеся в визуальном и образном языковом представлении двуязычные конструкции нацелены, прежде всего, на механическое запоминание и воспроизведение в соответствии с логикой мышления и тематикой поддержания диалога. Таким образом, происходит постепенное формирование у иностранных студентов языковой компетенции, ориентированной на доступные формы и способы её достижения.

Список литературы / References

1. Бородин Е.Ю. К вопросу комплексного обучения русскому языку иностранных студентов медицинских вузов / Бородин Е.Ю., Толкачев Н.Н., Затыка Ирина // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. – Тверь. – 2015. - № 5(11). – с. 126-130.
2. Скаковский В.Ю. Логико-мыслительные операции в процессе становления языковой личности / Скаковский В.Ю., Бородин Е.Ю. // Современное научное знание: теория, методология, практика. – Смоленск. – 2016. – с. 81-84
3. Русско-английский разговорник: повседневное общение / Мирзоева В.М., Аксенова Е.Д., Кузнецова А.А. и др. – Тверь, 2010. – 23 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Borodina E.Ju. K voprosu kompleksnogo obuchenija russkomu jazyku inostrannyh studentov medicinskih vuzov [Revisiting to the question of integrated russian language learning for foreign medical students] / Borodina E.Ju., Tolkacheva N.N., Zatyka Irina // Rodnaja slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve [Native Literature in the modern cultural and educational space]. – Tver'. – 2015. - № 5(11). – P. 126-130 [in Russian]
2. Skakovskij V.Ju. Logiko-myslitel'nye operacii v processe stanovlenija jazykovoj lichnosti [Logical and mental operations in the process of formation of the language person] / Skakovskij V.Ju., Borodina E.Ju. // Sovremennoe nauchnoe znanie: teorija, metodologija, praktika [Modern scientific knowledge: the theory, methodology, practice]. – Smolensk. – 2016. – P. 81-84 [in Russian]
3. Russko-anglijskij razgovornik: povsednevnoe obshhenie [Russian-English phrase: everyday communication] / Mirzoeva V.M., Aksenova E.D., Kuznecova A.A. and others. – Tver', 2010. – P. 23 [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.007

Смирнова Е.А.

ORCID: 0000-0002-7088-2905; кандидат филологических наук, доцент,

Волгоградский государственный университет

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и**Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 16-14-34006**«Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова»***ЭССЕИЗМ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.Д. КРЮКОВА****Аннотация**

В статье рассматривается проявление эссеизма в творчестве донского писателя Федора Крюкова. Охарактеризовано явление эссеизма и факторы его появления в публицистике Крюкова, осознающего современность как катастрофу и остро переживающего за страну и свой народ. Этим обусловлен выбор патриотической идеи – рефрена в публицистике Крюкова. Определены уровни, на которых проявляется эссеизм, в частности, уровни заголовка, композиционный, интертекстуальный. Объединяющей инстанцией в эссеистической публицистике является образ мыслящего автора, выступающего как от собственного Я, так и от общего МЫ. Сделан вывод о том, что эссеизм составляет специфику творческого метода писателя, выполняющего функции редактора и журналиста.

Ключевые слова: эссеизм, публицистика, жанры, Крюков, казачество.

Smirnova E.A.

ORCID: 0000-0002-7088-2905; PhD in Philology, associate professor, Volgograd State University

The study was supported by the Russian Humanitarian Science Foundation and the Administration of the Volgograd area within the framework of a research project number 16-14-34006

*"The literary and journalistic heritage FD Kryukov***ESSEIZM IN F. D. KRYUKOV'S JOURNALISM****Abstract**

The article considers the expression of esseizm in the works of Don writer Fyodor Kryukov. The article characterizes the phenomenon of esseizm and factors of its occurrence in Kryukov's journalism, who perceived his modernity as a disaster and worried a lot about the country and its people. This explains the choice of patriotic idea, which is refrain in Kryukov's journalism. The article determines the levels at which esseizm is showed, in particular, headings, composition, intertextuality. The unifying component in the essayistic journalism is the way of thinking of the author, who is acting both from his own I, and from the general WE. The article concludes that the esseizm is the specificity of creative method of the writer, who is performing the functions of editor and journalist.

Kew words: esseizm, journalism, genres, Kryukov, Cossacks.

М. Эпштейн писал об эссеизации литературных жанров – процессе, который начиная с XVIII века шел параллельно с их романизацией, и эта эссеизация, по мнению исследователя, позволяет актуализировать контакт автора с окружающим миром, позволяет комментировать художественное повествование, вести диалог с аудиторией [1]. На наш взгляд, явление эссеизации особенно характерно для литературной журналистики (под литературной журналистикой мы понимаем художественные, художественно-публицистические, а также литературно-критические произведения, ориентированные на освещение насущных для конкретной эпохи проблем и опубликованные в различных СМИ), поскольку художественное произведение в журнальном контексте обретает связи не только с другими художественными и критическими текстами, но и с публицистическим контекстом. Кроме того, оно имеет четкий адресат – нацелено прежде всего на аудиторию конкретного СМИ, а затем и на более широкую. С другой стороны, редакция в соответствии с редакционной политикой, с одной стороны, отбирая материал для включения в номер, ориентируется, с другой стороны, на запросы этой аудитории, пытающейся определить специфику момента, прогнозируя востребованность опубликованных текстов.

Под эссеизацией М. Эпштейн понимает «распространение эссеистического принципа мышления на другие жанры и типы творчества» [1, С. 347]. То есть эссеизм – это попытка осознать происходящее самому и открыть для читателя вселенную смыслов, связанных с тем или иным явлением. Эссеизм особенно характерен для переломных моментов эпохи, когда рушатся основы бытия, а ориентиры, куда двигаться дальше, пока неочевидны, как непонятны связующие прошлое, настоящее и будущее скрепы, а идеалы кажутся недостижимыми.

В нашей статье мы рассматриваем явление эссеизации на примере публицистического творчества Ф.Д. Крюкова (1870–1920), донского писателя, казака, учителя, литератора, одного из авторов народнического журнала «Русское богатство» (он сотрудничал в нем с 1896 по 1917 год, был соредактором беллетристического отдела). Крюков известен в том числе в рамках «шолоховского вопроса» – именно его называют возможным автором «Тихого Дона».

Эссеизм, свойственный крюковским произведениям периода сотрудничества в «Русском богатстве», как художественным, так и публицистическим, особенно проявляется в публицистике 1918–1920 годов, когда писатель, покинув Петербург, возвращается на малую родину и активно участвует в общественно-политической деятельности, избирается секретарем Войскового Круга, служит директором Усть-Медведицкой мужской гимназии, публикуется в донских газетах и журналах, придерживаясь монархических позиций, редактирует газету «Донские ведомости» – официальный орган Донского правительства. Именно участие Крюкова в белогвардейском движении и его крайне «правые» взгляды стали причиной долгого забвения писателя в советской России. События, к которым обращается Крюков, требовали немедленного анализа и вместе с тем авторской рефлексии – и Крюков-писатель уступает место Крюкову-журналисту.

Будучи редактором «Донских ведомостей» и автором других изданий («Север Дона», «Донская речь», «Донская волна» и др.), Крюков публикует очерки и редакционные статьи, причем с точки зрения жанра эти редакционные статьи приближены к современной авторской колонке. В этих материалах, помимо освещения инфоповода, он дает свое видение происходящего, пытается найти идеологические и нравственные ориентиры, которые помогут его современнику обрести смысл жизни и найти верный путь. Поэтому в публицистике 1918–1920 годов усиливается эссеистское начало. Автор чувствует себя единственной фигурой, которая способна осознать трагедию момента, ее масштаб, и пытается, опираясь на многовековой опыт самобытного казачества, «рыцарства старины», выработать идеалы, способные если не возродить этот народ, вывести его на рубежи побед, то по крайней мере указать те основы, которые будут этому способствовать. Отсюда столкновение реального и идеального планов, романтическое мироощущение, проявляющееся в необходимости поиска идеала в надежде на торжество светлого начала в мире. План реальный – это ситуации, которые отображает Крюков в текстах, план идеальный строится вокруг патриотической идеи (которая является рефреном в художественно-публицистическом творчестве писателя), которая, будучи осмысленной сквозь призму исторического опыта, должна объединить донское казачество и русский народ в целом.

Уже февральскую революцию и все, что за этим последовало, Крюков осмысливает как «обвал», который рыхлой лавиной загорюлил расстроенную жизнь», как социальную катастрофу (он пишет об этом, например, в очерке «Обвал» – одном из последних, которые были опубликованы в «Русском богатстве»). Революция дала свободы – единственное, в чем Крюков усматривал позитив, но лишила главного – веры и чувства стабильности. Гражданская война и большевизм разделили страну на непримиримые лагеря, «тихий Дон» перестал быть тихим.

К поискам выхода из исторического тупика размышляющий автор подключает читателя. Выбирая факт для осмысления, жанровую форму, систему мыслеобразов (эссе – по Эпштейну), «автор инициирует коммуникативный контакт с читателем, поддерживает диалог с ним» [2, С. 11]. Именно поэтому в крюковских публицистических текстах превалирует не «я» а «мы», а коммуникативная стратегия нацелена на вовлечение аудитории в процесс осмысления, призвать читателя понять самого себя и присоединиться к авторскому поиску решения проблем. Стремясь говорить с аудиторией на понятном ей языке, Крюков нацелен на актуализацию личностного начала в читателе, обращаясь к архетипическому, пытается найти идеал – идею, опираясь на которую можно избежать апокалипсиса, на пороге которого находится страна и родимый край.

Эссеизм в редакционных статьях (авторских колонках) Крюкова донского периода проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, на уровне заголовков. Они преимущественно номинативные и являются вершиной той системы координат, в которую автор погружает документальное событие, например: «Долг перед Родиной» (Донские ведомости. 1919. № 285. 15 (28) декабря. С. 1); «Ответственность момента» («Донские ведомости». 1919. № 270. 27 нояб. (10 дек.). С. 1–2); «Сила духа» («Донские ведомости». 1919. № 286. 17 (30) декабря. С. 2) и др.

Во-вторых, на уровне архитектоники текста. Композиционно статьи обычно включают три части: документальную (наблюдение дня – документальный факт, с которого начинается повествование); критическую (критика времени и идей, анализ ситуации); вывод (философское осмысление ситуации, саморефлексия автора, выход на идею, способствующую, по мнению автора, решению проблемы). Это обуславливает стилистическую и жанровую многоплановость текстов: они включают портретные и пейзажные зарисовки (которые у Крюкова, ввиду специфики авторских переживаний, традиционно очень лиричны), и репортажные элементы (сцены из жизни, диалоги), и аргументацию, связанную с анализом проблемы.

В-третьих, эссеизм проявляется на уровне интертекстуальности. Специфический прием, характеризующий творческую индивидуальность Крюкова и часто им используемый, – введение в тексты реминисценций и своеобразное самоцитирование. Оно заключается в том, что очень многие детали – сравнения, метафоры, короткие эпизоды, явившиеся, по сути, подлинными находками большого мастера слова, используются им неоднократно. Чаще всего находка появлялась в очерке (почерпнутая из личного наблюдения), затем обнаруживалась в рассказе, перекочевывала в повесть. Например, в нескольких произведениях периода сотрудничества Крюкова в «русском богатстве» встречается образ ночного сторожа, бьющего в колотушку («О. Нелид», «Из дневника учителя Васюхина», «Казачка»); постоянна метафора «зыбь», означающая «сомнение», «волнение». В рецензиях – неоднократно повторяющийся образ «маленькой собачки, имеющей дозволение лаять», ставший ироничным воплощением писательской несостоятельности [3, С. 95]. В донской публицистике, например, появляется образ цветка-татарника как символ стойкости и силы противодействия разрушительным обстоятельствам. М.Т. Мезенцев, вслед за Д.С. Лихачевым, называет этот прием «текстологическим конвоем» [4, С. 20], или «индивидуальным событийным, лексико-фразеологическим авторским конвоем».

Таким образом, эссеизм отражает специфику творческого метода Ф.Д. Крюкова, писателя-журналиста, работавшего на стыке факта и образа – художественности и документальности. Образ автора – это связующая инстанция, позволяющая объединить разноплановые и разностилевые части художественно-публицистических произведений. Документализм, публицистичность, аналитичность, присущие публицистическим текстам, и стилиевая неоднородность, свойственная текстам художественным, ведущая роль размышляющего автора, стремящегося осмыслить происходящее с позиции высокого идеала, свидетельствуют о жанровом синкретизме произведений Крюкова и эссеизме его творчества.

Список литературы / References

1. Эпштейн, М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков / М. Эпштейн. – М. : Совет. писатель, 1988. – 416 с.
2. Боровкова А.А. Стиль художественного повествования в аспекте интерперсонального контакта автора и читателя / А.А. Боровкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10 (52). – Ч. 3. – С. 11–14.

3. Смирнова Е.А. Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф.Д. Крюкова / Е.А. Смирнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2005. – № 4. – С. 89–95.

4. Мезенцев М.Т. Судьба романов / М.Т. Мезенцев. – Самара : Р.С.пресс, 1998. – 128 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Jepshtejn, M. Paradoxy novizny. O literaturnom razvitii XIX–XX vekov / M. Jepshtejn [Novelty Paradoxes. About Literary Development of the 19–20th centuries]. – М. : Sovet. pisatel', 1988. – 416 p. [in Russian]

2. Borovkova A.A. Stil' hudozhestvennogo povestvovaniya v aspekte interpersonal'nogo kontakta avtora i chitatel'ja [Literary Narrative Style in the Aspect of Interpersonal Contact Between the Author and the Reader] / A.A. Borovkova // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. – 2016. – № 10 (52). – Part 3. – P. 11–14. [in Russian]

3. Smirnova E.A. Zhanrovo-stilevye osobennosti publicistiki F.D. Krjukova [Genre and style features of journalism of F. D. Kryukov] / E.A. Smirnova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Science Journal of VolSU. Series 8: Literary criticism. Journalism]. – 2005. – № 4. – P. 89–95. [in Russian]

4. Mezencev M.T. Sud'ba romanov [The destiny of Novels] / M.T. Mezencev. – Samara : P.S.press, 1998. – 128 p. [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.267

Терских М.В.

ORCID: 0000-0003-0127-6917, Кандидат филологических наук,
доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-14-55001

«Региональный дискурс социальных ценностей: комплексный лингвокогнитивный анализ»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ВРЕД В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация

В статье исследуется концепт «вред» как один из ключевых концептов русского национального сознания. В фокусе внимания автора – содержание и функционирование данного концепта в текстах социальной рекламы. Реконструкция концепта «вред» осуществляется посредством анализа словарных дефиниций, паремий и афоризмов, а также посредством ассоциативного эксперимента, направленного на выявление и описание стереотипных представлений носителей русского языка о понятии вреда. Материалом анализа послужили тексты социальной рекламы, транслируемые посредством печатных и электронных СМИ.

Ключевые слова: социальная реклама, языковое сознание, концепт вреда, инструменты воздействия.

Terskikh M.V.

ORCID: 0000-0003-0127-6917, PhD in Philology, Associate Professor,
F.M. Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

The paper is prepared under the grant No 16-14-55001

“Regional Discourse of Social Values: a multidimensional linguo-cognitive analysis”, supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation (RGNF)

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF ‘HARM’ IN THE PSA DISCOURSE

Abstract

The concept of “harm” as one of the key concepts of the Russian national consciousness is studied in the article. The focus of the author attention is the content and function of the concept in social advertising texts. Reconstruction of the concept of “harm” is carried out by analyzing dictionary definitions, proverbs and aphorisms, as well as by the associative experiment aimed at the identification and description of the stereotypes of Russian native speakers on the concept of harm. In addition, the texts of social advertising, broadcasted via print and electronic media, served as material for the analysis.

Keywords: social advertising (PSA), language consciousness, concept ‘harm’, methods of influence.

В настоящее время социальная реклама все активнее внедряется в коммуникационное пространство современного человека, привлекая внимание к актуальным проблемам общества, формируя общественное мнение, становясь источником социальных норм и ценностей, предлагая модели поведения и т.п.

Основная задача, стоящая перед разработчиками текстов социальной направленности, – гуманизация общества посредством формирования в сознании массовой аудитории предпочтительных поведенческих установок в отношении тех или иных явлений действительности. Социальная реклама предлагает нам определенные модели поведения, следование которым позволит решить частично или полностью наиболее актуальные социальные проблемы.

Тексты социальной рекламы в большинстве случаев «загоняют» человека в тупик, не реализуя зачастую схему «проблема – решение», что делает социальную рекламу не привлекательной для общественности.

Негативное отношение к определенным явлениям действительности создается с помощью апелляции в социальной рекламе к концепту *вреда*, специфике репрезентации которого и будет посвящена настоящая статья.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, слабой разработкой изучаемой темы. Исследовательский интерес к социальной рекламе растет с каждым годом и в России, и за рубежом: в последние несколько лет был защищен ряд диссертаций, в которых анализируются проблемы эффективности социальных рекламных кампаний, рассматривается взаимодействие социальной рекламы с политическими и бизнес-технологиями. Использованию лингвистических методов в процессе анализа дискурса социальной рекламы посвящены работы Хай Бин Ву

«Перспективы оценочного анализа дискурса социальной рекламы» [1]; Уиньгуинь Цю «Взаимодействие мультимодальной метафоры и метонимии в социальной рекламе: анализ конкретных примеров» [2]; К. Ченг, В. Лэунг «Усиление гендерных стереотипов: критический дискурс-анализ социальной рекламы в сфере здравоохранения в Гонконге» [3] и др. Вместе с тем представляет интерес изучение специфики концептуализации базовых для социальной рекламы категорий.

Во-вторых, актуальность исследования определяется возможностью использования выявленных механизмов формирования концепта *вреда* при создании сообщений социальной рекламы.

Объект нашего исследования – современная российская социальная реклама, объединяющая тексты печатной, наружной и телевизионной рекламы; предметом же избран *концепт вреда* как средство воздействия в рекламном тексте.

Остановимся подробнее на структурно-содержательных особенностях концепта вреда в русском языковом сознании, а затем на специфике репрезентации данного концепта в дискурсе социальной рекламы.

Концепт вреда в русском языковом сознании

Вред является одним из ключевых концептов русского национального сознания, в языке данный концепт представлен ключевой лексемой «вред» и производными словообразовательными единицами «вредно», «вредный».

На основании анализа словарных дефиниций, представленных в толковых («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Толковый словарь» Д.Н. Ушакова, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля), этимологических («Этимологический словарь русского языка» Г.А. Крылова, «Этимологический словарь» М. Фасмера) словарях, мы можем сделать вывод, что **вред – это то, что вызывает негативные эмоции, влечет за собой разрушение**. Данное определение позволяет нам далее выделить основные компоненты ядра концепта *вреда*: *ущерб* и *негатив*.

Пословицы и поговорки, отражающие философию каждого народа, могут существенно помочь в описании интерпретационного поля (периферии) концепта *вреда*. Кроме того, для более детального рассмотрения концепта «вред», мы также провели анализ афоризмов о вреде, что позволило нам сделать вывод о том, что концепт *вред* находится в тесной взаимосвязи с концептами *злость*, *слабость*, *гнев*, *ущерб*, *глупость*, *зависть*, *потеря*.

В «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова представлено 225 реакций на слово *вред*. Среди них большую часть занимают реакции, находящиеся в синонимических и гиперо-гипонимических отношениях с ассоциативным полем концепта вред: бред, курение, зло, алкоголь, болезнь, война, демократия, убыток, ущерб, вредитель и др. Затем следует группа слов, связанная с качественным определением *вреда*: *большой*, *серьезный*, *невосполнимый*, *причиненный*, *сильный*, *сокрушительный*.

Для выявления конституирующих признаков концепта *вред*, значимых для современных носителей русского языка, мы провели свободный ассоциативный эксперимент. Метод ассоциативного опроса выбран по причине его простоты, возможности большого охвата аудитории и информативности.

Респондентам предлагалось назвать ассоциации, которые вызывает у них слово «вред». В онлайн-опросе приняло участие 50 человек: мужчин и женщин в возрасте 18–35 лет, для которых русский язык является родным (опрос проводился в 2015 году). Выборка основана на стремлении исследовать сознание тех носителей языка, которые в ближайшее время будут определять языковую и культурную среду нашего общества. Результаты исследования представлены (наиболее частотные реакции) в таблице 1:

Таблица 1

<i>Реакции на слово-стимул ВРЕД</i>	<i>Кол-во ответов</i>	<i>Реакции на слово-стимул ВРЕД</i>	<i>Кол-во ответов</i>
Курение (сигареты)	22	Загрязнение окружающей среды (технологические, ядерные отходы)	16
Алкоголь (пиво, крепкие спиртные напитки)	12	Негатив	11
Болезнь	10	Опасность	8
Террор	6	Фастфуд	4
Разрушение организма	4	Моральный вред	4
Наркотики	4	Ущерб	3
Несоблюдение мер безопасности (нарушение общественного порядка, правил)	3	Угроза	2
Катастрофы	2	Физический вред	2
Черный цвет	2	Некачественный товар, услуга	2
Злоупотребление	2	Жестокость	1
Вина	1	Равнодушие	1
Боль	1	Хирургическое вмешательство	1
Печаль	1	Красный цвет	1

Таким образом, анализ реакций на слово-стимул ВРЕД показал, что для современных носителей русского языка наиболее значимыми являются следующие семантические компоненты исследуемого концепта: *курение*, *загрязнение окружающей среды*, *алкоголь*, *негатив*, *болезнь*, *разрушение организма*, *наркотики*, *несоблюдение мер безопасности*, что коррелирует с основной проблематикой текстов социальной рекламы.

Концепт *курение* является наиболее частотным при формировании концепта *вреда*, следовательно, данный концепт войдет в ядро структуры концепта. Кроме того, анализ ассоциативного тезауруса показал, что концепт *вреда* предстает в национальном сознании в неразрывном единстве с другими концептами. Таким образом, становится возможным представить содержание концепта «вред» в виде графической модели, отображающей ядро и периферию (ближнюю и дальнюю) данного концепта: ядерными компонентами концепта *вред* становятся субконцепты *ущерб* и *курение*; в ближней периферии располагаются субконцепты *опасность*, *загрязнение*, *алкоголь*, *катастрофа*, *разрушение*, *террор*; и в дальней периферии оказываются субконцепты *злость*, *зависть*, *наркотик*, *злоупотребление*, *угроза*, *жестокость*, *порча*, *равнодушие* и др.

Репрезентация концепта *вред* в текстах социальной рекламы.

В результате анализа текстов социальной рекламы (всего 100 текстов) можно сделать вывод о том, что концепт *вреда* часто реализуется посредством концепта *курение*:

*Вдыхая – убиваешь себя, выдыхая – других

*Сигарета душит тебя.

Таким образом, концепт *курение* является наиболее частотным компонентом, участвующим в формировании концепта *вред* не только в массовом сознании, но и в социальной рекламе. Кроме того, на основе соотнесения данных ассоциативного эксперимента и исследования текстового материала можно выделить следующие компоненты концепта *вред*.

Смерть (выражается посредством таких лексических единиц, как *путь к смерти*, *смертельная травма*, *убивает*, *умерший*, *несчастный случай*, *разобьешься*, *потерять жизнь*, *морг*, *уничтожат* и др.):

*Пьянство за рулем. Убивает. Рано или поздно. Всегда. Не пей за рулем.

*96% умерших от рака легких могли бы жить, если бы не курили.

Болезнь (репрезентируется лексемами *больной желудок*, *рак легких*, *белая горячка* – «белка» и др.):

*Если бы вы могли заглянуть в себя, то жирному и тяжелому предпочли бы легкое и полезное (визуальный компонент – мусорный бак с надписью «желудок»).

Загрязнение (репрезентанты – *мусор*, *вырубка леса*, *слова-паразиты* и др.):

*Mysoburg. А в каком городе живешь ты?

*Мусор в голове – мусор в городе!

Опасность (репрезентанты – *берегись*, *опасный контент*, *защитить*, *курение* и др.):

*Клубничка...Показать результаты? Помогите защитить детей от опасного контента.

Жестокость (репрезентанты – *насилие*, *преступление*, *жертва*, *злость* и др.):

*Не относиться к другим, так как не хочешь, чтоб относились к тебе (визуальный компонент – убитый гарпуном тюлень и лежащий на снегу мертвый ребенок).

Негатив (репрезентанты – *слабость*, *раб*, *чрезмерность*, *безразличие* и др.):

*Слабый раб алкоголя.

*Безразличие крадет будущее. В России 11 000 000 детей от 11 до 18 лет. Более 50% регулярно употребляют спиртные напитки.

Таким образом, структура концепта *вред* в социальной рекламе с учетом всех вышеперечисленных семантических компонентов включает в себя следующие субконцепты: *курение*, *болезнь*, *смерть*, *загрязнение*, *жестокость*, *негатив*, *опасность*.

Результаты, полученные в ходе исследования, подтвердили нашу гипотезу о том, что обращение к концепту *вреда* является весьма частотным инструментом воздействия в текстах социальной рекламы.

Концептуальный анализ текстов социальной рекламы позволил нам прийти к следующим выводам:

1. Концепт *вред* в текстах социальной рекламы имеет схожую организацию со структурой данного концепта в обыденном массовом сознании россиян. Так, ядерными компонентами концепта *вред*, смоделированными в текстах социальной рекламы, являются вполне конкретные представления о вреде: *смерть*, *болезнь*, *курение*, *жестокость* и т.п., аналогично номинативное поле общеязыкового концепта *вред* составляют в том числе и более абстрактные компоненты – *негатив*, *ущерб*, *курение*, также представленные в текстах социальной рекламы.

Опираясь на результаты дефиниционного, этимологического и паремиологического анализа концепта *вред*, ассоциативного эксперимента и контент-анализа текстов социальной рекламы, мы построили семантическую модель для общеязыкового концепта *вред* и сопоставили его с репрезентацией в текстах социальной рекламы.

2. Концепт *вред* в текстах социальной рекламы является гиперконцептом по отношению к концептам *ущерб*, *негатив*, *курение* и часто репрезентируется через лексемы, объективирующие данные концепты. Так, типичными репрезентантами «негативного» дискурса являются слова *жестокость*, *злость*, *террор*, *угроза*, *опасность* и др. Концепт *курение* представлен в текстах социальной рекламы лексемами *смерть*, *болезнь*, *злоупотребление* и др. Концепт *ущерб* актуализируется реже и состоит из таких компонентов, как *порча*, *убыток*, *невыгода* и др.

Таким образом, можно говорить о сложной структуре концепта *вред* и многоаспектной системе его репрезентации в текстах социальной рекламы.

Список литературы / References

1. Wu Hai-bin. Appraisal Perspective on Attitudinal Analysis of Public Service Advertising Discourse / Hai-bin Wu // English Language and Literature Studies. – 2013. – Vol. 3. – №. 1. – P. 55–66.
2. Yingying Qiu. Interaction of Multimodal Metaphor and Metonymy in Public Service Advertising: A Case Study / Qiu Yingying // Theory and Practice in Language Studies. – 2013. – Vol. 3. – № 9. – P. 1584–1589.
3. Cheng K., Leung V. Reinforcing Gender Stereotypes: A Critical Discourse Analysis of Health-Related PSAs in Hong Kong / K. Cheng, V. Leung // American International Journal of Social Science. – 2014. – Vol. 3. – №. 3. P. 36–48.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.144

Терских М.В.

ORCID: 0000-0003-0127-6917, Кандидат филологических наук,

доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА СЕМЬЯ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00487

«Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов»

Аннотация

Статья посвящена проблеме влияния социальной рекламы на формирование ценностных установок современного общества. Средства массовой информации, в том числе рекламные сообщения, в настоящее время можно рассматривать как мощнейший инструмент создания моральных ориентиров общества в целом и подрастающего поколения в частности. В качестве примера автор моделирует образ одного из значимых элементов национальной концептосферы – концепт семьи, формируемый и транслируемый посредством текстов социальной рекламы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, семья, социальная реклама, социальные ценности.

Terskikh M.V.

ORCID: 0000-0003-0127-6917, PhD in Philology, Associate Professor,

F.M. Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

The paper is prepared under the grant No 14-04-00487

“New media in Russia: study of the language and communication processes”, supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation (RGNF)

SPECIFIC FEATURES OF THE CONCEPT «FAMILY» IN THE PUBLIC SERVICE ANNOUNCEMENTS DISCOURSE

Abstract

The paper focuses upon problem of public service announcements' (PSA) influence upon formation of system of values in the modern society. Today we can view the mass media as well as advertising messages as a powerful tool of the society's system of values formation, including children's system of values. The author builds a model of the concept of family as a crucial part of Russian conceptosphere, which is translated by the PSA texts.

Keywords: concept, conceptosphere, family, social advertising (PSA), social values.

Концепт *семья* относится к ключевым концептам русской культуры, его изучению посвящены труды многих ученых: исследование концепта *семья* осуществлялось на материале произведений художественной литературы, текстов семейных родословных [1, 2, 3 и др.], однако функционирование данного концепта в текстах рекламной сферы до сих пор оставалось за пределами внимания исследователей. Между тем исследование данного концепта именно в рекламных текстах представляется нам особенно важным в связи с той возросшей ролью, которую играет реклама – как коммерческая, так и социальная – в современном обществе. Эта роль заключается не только в стимулировании сбыта товаров и услуг, информировании общественности о ключевых социальных проблемах, но и в трансляции и формировании социальных норм, ценностей, стереотипов.

Цель данного исследования заключается в сопоставлении общезыкового концепта *семья* с его реализацией в текстах социальной рекламы (исследование было проведено на материале российской социальной рекламы преимущественно наружной и печатной в количестве 105 текстов). При проведении сопоставительного анализа материалом для исследования послужили лексикографические источники (около 10 словарей различного типа), тексты русских пословиц и поговорок, результаты ассоциативного и рецептивного экспериментов, тексты коммерческой рекламы.

При проведении исследования мы отталкивались от следующей гипотезы: концепт *семья*, моделируемый на основании текстов социальной рекламы, отличается от концепта *семья*, существующего в сознании носителей русского языка. При этом трансформация данного концепта в социальной рекламе осуществляется осознанно.

Представим фреймовую модель концепта *семья*, реконструированного на основе сообщений социальной рекламы.

Терминал 1. Нуклеарная семья

Слот 1. Молодая семья

Новая ячейка общества – позитивный образ, состоящий из двух человек (мужчины и женщины), еще не имеющих детей. Ключевые компоненты данного слота – *успех, будущее, любовь, счастье, выбор, уважение*. Образ – *гармоничная пара*.

На плакате изображены руки мужчины и женщины, на безымянных пальцах надеты кольца. Слоган «Главное – *гармония*»: гармоничная, любящая пара, зарождение семьи.

Слот 2. Материнство

Подслот 1. Планирование и ожидание детей

Ключевые компоненты – *ожидание, счастье, радость, любовь*. Образ – *ответственные и любящие родители*.

*Мы ТЕБЯ любим и ждем. Центральным символом – сердце из рук родителей, соединенных на животе беременной женщины.

Подслот 2. Мать

Ключевой образ – *дающая жизнь, любящая мать*. В этом случае ключевыми являются следующие компоненты: *счастье, забота, энергия, радость, будущее*. *Пожалуй, для женщины нет ничего прекраснее на свете, чем быть мамой. Так что, никакие растяжки с лишними килограммами не заменят этого *счастья*.

Подслот 3. Мать-убийца

Представлен и отрицательный образ будущей матери, когда женщина идет на *аборт*, который в текстах социальной рекламы обычно характеризуется словами *смерть, жестокость, детоубийство*. **Аборт не аннулирует беременность. Он делает тебя матерью мертвого ребенка и оставляет отпечаток на всю жизнь!; *Аборт – незаконное детоубийство!*

Слот 3. Отцовство

Подслот 1. Мужчина-защитник.

Образ отца символизирует, прежде всего, *главу семьи, ее защиту, гордость*. *Мужчина – опора, пример для подражания. *У меня есть папа! Все равно, какой он! Лучший в мире папа, потому что мой он!*

Помимо этого, в плакатах отражена тема важности отцовского воспитания: ключевые идеи – *воспитание настоящего мужчины, счастье быть отцом, потребность в папе*. **Настоящими мужчинами не рождаются – их воспитывают.*

Подслот 2. Мужчина-должник.

В качестве негативного выступает образ отца, *бросившего семью, не платящего алименты или вынудившего женщину отказаться от ребенка*. Реклама призывает отцов помнить, что у них есть семья и не нужно забывать о своих родительских обязанностях. Ключевые понятия – *должник, мать-одиночка*.

Слот 4. Полноценная семья

Тексты социальной рекламы формируют мнение, что *полноценна семья*, в которой два или три ребенка. *Истинное счастье в детях, дети – будущее*. Ключевые компоненты этого слота – *счастье, радость, ответственность, поддержка*. Образ – *большая семья*. **Семья бесценна, когда полноценна. Когда в ней двое и более детей. Надели себя полноценным семейным счастьем!*

Терминал 2. Взаимоотношения в семье

Терминал посвящен проблеме воспитания, вопросу семейных ценностей и отношениям поколений.

Слот 1. Отношение к представителям старшего поколения

Не менее важна в настоящее время тема любви к родителям, уважения к старшему поколению, в том числе к бабушкам/дедушкам. Ключевые компоненты – *любовь, тепло, уважение, благодарность*, с другой стороны – *одиночество, обида*. В большинстве текстов делается акцент на том, что дети должны любить своих родителей, заботиться о них. **Вспомни, кто подарил тебе жизнь. Навести своих родителей.*

Слот 2. Воспитание

Тексты социальной рекламы часто ориентированы на защиту детей: детей нужно любить и оберегать, неся за них ответственность. Ключевые компоненты слота – *внимание, забота, любовь*.

Подслот 1. Недостаток внимания по отношению к детям.

Стереотипная ситуация для сообщений социальной рекламы: от недостатка внимания со стороны родителей дети могут погибнуть, стать жертвой дурного влияния. Взрослые – это *пример для подражания*. Ключевые компоненты подслота – *ответственность, внимание, забота*.

Подслот 2. Формирование семейных ценностей

В вопросе о воспитании детей присутствует и тема правильных жизненных ориентиров, ценностей, которые каждый родитель должен привить своему ребенку. **Самые важные жизненные ценности – бесплатные. Семья является одной из них.*

Терминал 3. Проблемы в семье

Тематика данного терминала касается ряда базовых социальных проблем: насилия в семье, развода, различного рода зависимостей (курения, алкоголизма, наркомании) и заболеваний.

Слот 1. Развод

Развод – одна из наиболее распространенных тем современной социальной рекламы. **Начнись моя жизнь заново, я бы снова выбрала тебя. В России каждый 2-ой брак распадается. Выбирая, не спешите!*

Слот 2. Пагубные привычки родителей

Еще одна серьезная проблема, на которой базируются тексты социальной рекламы, – *вредные привычки и зависимости* родителей и – как следствие – *пагубное влияние* на детей. Ключевые компоненты данного слота – *стресс, проблема, зависимость*.

Подслот 1. Курящая/пьющая мать

Все рекламные сообщения данной тематики гиперболизированно негативны, чтобы произвести впечатление на массового реципиента, показав реальную угрозу здоровью детей. Образ курящей/пьющей матери отличается от образа курящего/пьющего отца: в большинстве случаев мать, страдающая пагубными привычками, изображается беременной (объяснимо тем, что она может нанести вред себе и своему будущему ребенку) либо в окружении детей – дурной пример для подражания.

Подслот 2. Курящий/ пьющий отец

При анализе образа пьющего/курящего отца обратим внимание на частотную аналогию «Трезвый отец – счастливая семья». Делается упор на то, что отец *несет ответственность* за своих близких, как и мать, являясь примером.

Слот 3. Насилие в семье

Следующая анализируемая тема частично вытекает из предыдущей – это тема домашнего насилия, а именно насилие в отношении женщин и детей. Ключевые смысловые компоненты – *жестокость, насилие, несправедливость*.

Подслот 1. Насилие над женщинами

**Сообщи об угрозе насилия, до того как станешь частью чей-то смерти. Свидетель домашнего насилия становится его соучастником.*

Подслот 2. Насилие над детьми

Наряду с домашним насилием в отношении женщины, стоит вопрос жестокого обращения с детьми. Этот вопрос не менее актуален, так как дети более уязвимы перед взрослыми и *не могут постоять за себя*. **Не бей! (визуальный компонент – плачущий ребенок)*.

Слот 4. Здоровье детей

Кроме того, в текстах социальной рекламы большое внимание уделяется проблеме детей-инвалидов или детей, нуждающихся в дорогостоящем лечении. Зачастую детям с тяжелыми заболеваниями требуются операции и лечение, и у родителей не всегда есть возможность самостоятельно решить эту проблему. Ключевые компоненты слота – *выздоровление, надежда, помощь, шанс*.

Слот 5. Дети-сироты

Проблеме сиротства посвящено множество текстов социальной рекламы, нацеленных на побуждение взять приемных детей в семью. Этот слот ориентирован на пробуждение в обществе чувств сострадания и милосердия, формирование представления о том, что *приемный ребенок может стать таким же любимым и родным*.

Результаты, полученные в ходе исследования, подтвердили нашу гипотезу о том, что концепт *семья*, моделируемый на основании анализа текстов социальной рекламы, отличается от концепта *семья*, существующего в сознании носителей русского языка, и эта трансформация осуществляется осознанно.

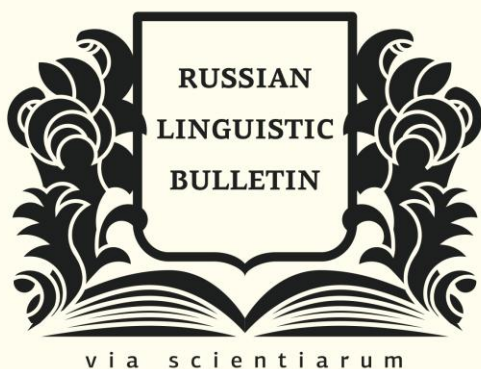
Концептуальный анализ позволил нам прийти к следующим выводам. Если сравнить основные компоненты концепта *семья*, существующего в сознании носителей языка и реконструированного на основе рекламных сообщений, можно обнаружить, что в составе концепта *семья*, представленного в социальной рекламе, преобладают негативные концептуальные признаки, такие как одиночество, страх, болезнь и т.п. Такое избирательное обращение рекламистов к компонентам концепта *семья* можно объяснить особенностями рекламного текста: его прагматической направленностью, манипулятивным характером, задачей максимального воздействия на адресата.

Список литературы / References

1. Киреева Е. З. Концепт «Семья» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: дис. ... канд. филол. наук / Киреева Елена Закировна. – Тула, 2008. – 198 с.
2. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных: автореф. дис. канд. филол. наук / Рухленко Нина Николаевна. – Белгород, 2005. – 22 с.
3. Терпак М. А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке: на материале семантического поля «Родственные отношения»: автореф. дис. канд. филол. наук / Терпак Марина Анатольевна. – Самара, 2006. – 21 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kireeva E. Z. Koncept «Sem'ja» v romane L.N. Tolstogo «Anna Karenina» [Concept «Family» in L. N. Tolstoy's novel «Anna Karenina»]: dis. ... of PhD in Philology / Kireeva Elena Zakirovna. – Tula, 2008. – 198 P. [in Russian].
2. Rukhlenko N.N. Koncept «sem'ja» v zhanre semejnyh rodoslovyh [Concept «family» in a genre of family trees]: abstract of the dis. ... of PhD in Philology / Rukhlenko Nina Nikolaevna. – Belgorod, 2005. – 22 P. [in Russian].
3. Terpak M.A. Anglijskij lingvokul'turnyj koncept «sem'ja» i sposoby otrazhenija ego konnotativnogo sodержanija v jazyke: na materiale semanticheskogo polja «Rodstvennye otnoshenija» [The English linguocultural concept «family» and ways of reflection of its connotative contents in language: on material of the semantic field «Related Relations»]: abstract of the dis. ... of PhD in Philology / Terpak Marina Anatolievna. – Samara, 2006. – 21 P. [in Russian].

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте: <http://rulb.org/>

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.155

Шамина Л.А.

Доктор филологических наук,
Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ «СМЕНЫ СОБСТВЕННИКА» В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

В статье описываются грамматикализованные смыслы, которые получаются в итоге грамматикализации бенефактивных глаголов. В результате исследования установлено, что бипредикативные конструкции (БПК) с этими глаголами, как и с глаголами движения и позиции, содержат в себе большой смысловой потенциал, позволяющий использовать языковые выражения с данными лексемами для описания широкого круга понятий. Исходная единица (глагол) может использоваться не только в буквальном контексте, но и для переносного описания других ситуаций. БПК, возникшие в результате определенных сдвигов в семантике глагольных форм в их составе, представляют новую характеристику старых паттернов, обеспечивая выполнение вновь возникающих функций.

Ключевые слова: аппликатив, бенефактивный, бипредикативная конструкция, грамматикализация, тувинский язык, вспомогательный глагол.

Shamina L.A.

PhD in Philology,

Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

GRAMMATICALIZATION OF VERBS WITH THE MEANING OF 'OWNER CHANGE' IN TUVAN LANGUAGE

Abstract

The article studies several types of indirect usage of Tuvan benefactive verbs, and analyzes the grammaticalized constructions formed with such verbs. We show that bipredicative constructions (BPC) with such verbs, as well as with verbs of motion and position, possess significant semantic potential, enabling the usage of such lexemes in multiple contexts. The original lexeme (the verb) may be used not only literally, but also figuratively to describe different situations. BPC formed as a result of shifts in verb semantic demonstrate new characteristics of old patterns, ensuring the realization of new functions.

Keywords: applicative, benefactive, bipredicative construction, grammaticalization, the Tuvan language, auxiliary verb.

В языках мира глаголы со значением «смены собственника» широко используются в составе полностью или частично грамматикализованных конструкций [1, 2005: 89].

В тувинском языке семантическую группу глаголов со значением «смены собственника» представляют *бер=* 'давать' и *ал=* 'брать'. Они также используются в составе грамматикализованных БПК.

Ранее мы говорили о связи между лексическим значением глагола и его грамматической функцией. Так глаголы позиции и направленного движения, выражающие длительные действия, грамматикализируются в имперфектив и хабиуталис. Бенефактивные глаголы выражают аспектуальные значения лимитатива, инхоатива и результатива [2, 2016:102].

Лимитатив:

(1) *Ийи аът аалга маңнап кээрге, узин истей бердим* (К-Л, с. 220) 'Когда в аал прискакали две лошади, я пошел по их следу'.

(2) *Доңа бергенде, ажылдаары дам баар* (СС, А, с. 227) 'Когда замерзнешь, еще активнее работаешь'.

Инхоатив:

(3) *Ынчан Кара-Сугнуң араттары тараазын кидин-не кезе берген- нер* (КК,Т, с. 127) 'Тогда араты Кара-Суга в полную силу начали убирать хлеб'.

(4) *Оът-сиген холбеңейнип, айлаң-куштар ырлажы берген* (КК,У., с. 3) 'Трава колышется, соловьи начали петь.(запели)'.

Результатив:

(5) *Оът-сиген четчип, шагда-ла сооктели берген* (КК,Т, с. 125) 'Трава созрев, давно засохла (букв.: окостенела)'.

Наиболее распространенный путь грамматикализации глагола *бер=* 'давать' в тувинском языке – формирование аппликативных конструкций.

1.1. При переосмыслении ситуации 'давать' в тувинском языке сохранился самый важный компонент толкования – 'сделать так, чтобы имел другой'. Большинство АК с первым компонентом в форме деепричастия на *=n* и бенефактивным глаголом *бер=* имеют аппликативное значение – совершение действия в пользу лица, не являющегося субъектом действия.

(6) *Ававыс чемин биске үлегилен берген* (СТ, с. 621) 'Наша мать еду нам поделила'.

(7) *Кан-кадык-ла чорзумза, улустуң чүү-хөөзүн кылып берип, кырган-иемни азырай мен* (К-Л,Х, с. 8) 'Если здоровым буду, людям разные вещи сделав, маму кормить буду я'.

Здесь субъект действия в примере № 6 – *ававыс* 'наша мать', а в примере № 7 – *мен* 'я'. Потребитель результата, в первом случае – *биске* 'нам'; во втором – *улустуң* 'людям'. Знаменательный глагол в составе АК характеризует действие, в результате которого производится предоставление некоторого физического объекта в собственность другого лица. Это глаголы в форме деепричастия на *=n*: *үлегилен* 'делить' и *кылып* 'делать'. В рассмотренных конструкциях производство действия и передача результата этого действия осуществляется одним лицом.

1.2. Формирование конструкций с каузативно-пермиссивной функцией.

В результате грамматикализации глагола *бер=* в АК произошел семантический сдвиг – метафоризация – от прототипического значения «смены собственника» к каузативно-пермиссивному, императивному.

В тувинском языке каузативные значения приказаний, повеления, просьбы или пожелания имеют лишь формы 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа [3, 1961, с. 393].

(9) *Оларга Серезжа акый бүдүн арбуз тутсун бээр* (К-Э. К, с. 176) 'Им дядя Сережа пусть даст целый арбуз'.

(10) *Меңээ боданыр аргадан бериңер* (РТС, с. 126) 'Дайте мне подумать'.

В пермиссивных конструкциях при глаголе *бер=* в значении 'позволить' может появиться отрицание.

(11) *Кадым меңээ келир арга бербээн* (РТС, с. 408) 'Здоровье не позволило мне приехать'.

В отличие от бенефактивных АК, пермиссивные конструкции реализуют ситуацию, когда передача результата действия осуществляется другим лицом.

1.3. Формирование конструкций императивно-гортативной семантики

Член глагольной парадигмы императива гортатив используется говорящим для выражения желания реализации некоторой ситуации, при этом подразумевается непосредственное участие говорящего и адресата в процессе осуществления ситуации (давай споем!). Термин «гортатив» не имеет однозначного определения. Одни исследователи называют гортативом 1-е и 3-е лицо императива. Другие считают императив и гортатив разными категориями. С понятием «императив» связываю единственное и множественное число 2 лица. А единственное и множественное число 1-го и 3-го лица связывают с «гортативом».

В некоторых работах используется особый термин «императив-гортатив» для обозначения как очевидно императивных конструкций 2-го лица, так и для вызывающих споры конструкций 1-го и 3-го лица [4, 2004, с. 36-60].

В. А. Плунгян использует 3 различных термина для обозначения императивных конструкций: «гортатив» для 1-го лица, собственно «императив» для 2-го лица и «юссив» для 3-го [5, с. 319].

Как императивы, так и гортативы выражают пожелания говорящего о будущем состоянии ситуации. Императив используется в тех случаях, если ответственным за осуществление действия становится адресат. Гортатив включает в себя намерение говорящего также поучаствовать в реализации желаемой ситуации.

(12) *Ырлап берейн!* 'Спою-ка (тебе или кому-то еще)'.

Здесь побуждение обращено к 1-му лицу.

(13) *Ам черле кортпайн удуй бер шиве, ыдым, -дээн* (СС.А, с. 39) 'Больше не бойся, усни, сынок мой (букв. 'щенок мой), сказала'.

Здесь в АК *удуй бер* 'усни' – вспомогательный глагол имеет нулевую форму 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения. Исполнителем действия в будущем является адресат говорящего, т.е. второе лицо.

(14) *Ырлажыт берээли! Ырлап берээли!* 'Давай споем!'

В этом примере *берээли* 'давай' [споем] имеет референцию к двум участникам ситуации – говорящему и одному слушающему, в отличие от *давайте споем*, где слушающих несколько. Противопоставление двух императивных форм 1-го лица, различающихся числом адресатов, является весьма распространенным явлением в языках мира. В тюркских языках категория «исключительности и включительности – живая грамматическая категория» [6, 1991: 3].

Глагол *ал=* 'брать' в качестве вспомогательного глагола в сочетании с деепричастием на *-п* обозначает действие, совершаемое для себя

(15) *Садыт алыр* (ТРС, 1968, с. 56) 'Купить'.

В сочетании с деепричастием на *-а* в положительной форме выражает возможность совершить действие

(16) *Бижий ал=* 'мочь писать'.

В отрицательной форме этот глагол обозначает невозможность совершить действие, сочетаясь с деепричастиями на *-а* и на *-п*.

(17) *Эник ыт артап кире албас* (СС, А., с. 17) 'Щенок не может перелезть'.

(18) *Ээлери уткуп албас болза, ол бажыңнарже кым-даа кире албас*

(С.Сүрүн-оол) 'Если хозяева не встретят, в те дома никто не может войти'.

Выводы. В тувинском языке системным результатом грамматикализации бенефактивных глаголов являются аппликативные, каузативно-пермиссивные, императивные конструкции. Употребление глагола *бер=* 'дать / давать / выдавать / подавать' во всех перечисленных конструкциях сопровождается метафоризацией базового значения «смены владельца».

Значение конструкции с глаголом *бер=* при метафоризации "бенефактивного" типа предполагает, действие, выраженное знаменательным глаголом и передача результата этого осуществляются одним и тем же лицом, а при метафоризации пермиссивного типа – передача действия осуществляется одним лицом, а использование результата этого действия (действие, выраженное знаменательным глаголом) осуществляется другим лицом.

Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что процесс грамматикализации для этих глаголов продолжается и их значение в составе АК становится все более абстрактным. Компонент 'в пользу другого лица' у глагола *бер=* в ходе дальнейшей десемантизации может стать несущественным и он превратится в маркер нового участника ситуации, не совпадающего в общем случае ни с агенсом, ни с пациенсом.

Список литературы / References

1. Подлесская В. И. Русские глаголы дать / давать: От прямых употреблений к грамматикализированным / В. И. Подлесская // Вопросы языкознания. – 2005. № 2. – С. 89-103.
2. Шамина Л. А. Семантико-композиционная организация аналитических конструкций в тувинском языке / Л. А. Шамина // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. – 2016. – С. 100-103.
3. Исхаков, Ф. Г., Пальмбах, А. А. Грамматика тувинского языка. – М., 1961. – 471с.
4. Аувера Й., Гусев В. Ю., Добрушина Н. Р. *Семантическая карта императива-гортатива* / Й. Аувера, В. Ю. Гусев, Н. Р. Добрушина // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В.С. Храковского. – 2004. – С. 36-60.
5. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М., 2000. – 384 с.

6. Убрятова Е. И. Еще раз об исключительности (эксклюзиве) и включительности (инклюзиве) в якутском языке / Е. И. Убрятова // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. – 1991. – С. 3-10.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Podlesskaja V. I. Russkie glagoly dat' / davat': Ot prjamyh upotreblenij k grammatikalizovannym [Russian verbs *dat'* / *davat'* 'to give': From Direct Usages to Grammaticalized Ones] / V. I. Podlesskaja // Voprosy jazykoznanija [Problems of Linguistics]. – 2005. № 2. – P. 89-103. [In Russian]
2. Shamina L. A. Semantiko-kompozicionnaja organizacija analiticheskikh konstrukcij v tuvinskom jazyke [Semantic-Compositional Organization of Analytic Constructions in Tuvan Language] / L. A. Shamina // Novaja nauka: Teoreticheskij i prakticheskij vzgljad [New Science. Theoretic and Practical Views]. – 2016. P. 100-103. [In Russian]
3. Ishakov, F. G., Pal'mbah, A. A. Grammatika tuvinskogo jazyka [Grammar of the Tuvan language]. – M., 1961. – 471 p. [In Russian]
4. Auvera J., Gusev V. Ju., Dobrushina N. R. Semanticheskaja karta imperativa-gortativa [Semantic Map of Imperative-Hortative] / J. Auvera., V. Ju. Gusev., N. R. Dobrushina // Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike. K 70-letiju prof. V.S. Hrakovskogo [Typological Substantiation in Grammar: For Professor V. S. Hrakovskii's Seventieth Birthday]. – 2004. – P. 36-60. [In Russian]
5. Plungjan V. A. 2000. Obshhaja morfologija. Vvedenie v problematiku [General Morphology: An Introduction] / V. A. Plungjan. – M., 2000. – 384 P. [In Russian]
6. Ubrjatova E. I. Eshhe raz ob iskljuchitel'nosti (jekskljuzive) i vkljuchitel'nosti (inkluzive) v jakutskom jazyke [Once Again on the Exclusive and the Inclusive in Yakut Language] / E. I. Ubrjatova // Jazyki narodov Sibiri. Grammaticheskie issledovaniya [Siberian Languages. Grammar Studies]. – 1991. – P. 3-10. [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.258

Юдаева О.В.

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НИО (менеджмента качества образования) Военного университета Министерства обороны РФ

ВИДЫ И ФУНКЦИИ ПОВТОРОВ В ТЕКСТАХ САТИРИЧЕСКИХ НОВЕЛЛ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «1001 ДЕНЬ, ИЛИ НОВАЯ ШАХЕРЕЗАДА»

Аннотация

Данная статья посвящена анализу потенциальных возможностей повторов в цикле сатирических новелл Ильфа и Петрова «1001 день, или новая Шахерезада». Автор приходит к выводу, что писатели умело используют повторение каких-либо элементов текста для выражения текстообразующей, смысловой и эмоционально-экспрессивной функций. Для реализации текстообразующей функции используются такие приемы, как анафора, эпифора, стык, для выполнения смысловой и эмоционально-экспрессивной функций – разноуровневые повторы (фонетические, словообразовательные, лексические, синтаксические). Однако, как показало исследование, основное назначение повторов в данном произведении – создание сатирического эффекта.

Ключевые слова: повторы, текстообразующая, смысловая, эмоционально-экспрессивная функции, сатирический эффект.

Yudaeva O.V.

PhD in Philology, Associate Professor, Senior researcher, Research department for education quality management
TYPES AND FUNCTIONAL OF ITERATION IN A SERIES OF SATIRIC SHORT STORIES BY I. ILF AND E. PETROV '1,001 DAYS OR NEW SHAHRAZAD'

Abstract

This article offers analysis of potential capabilities of iterations in '1,001 Days or New Shahrazad', a series of satiric short stories written by I. Ilf and E. Petrov. The author comes to a conclusion that the writers skillfully utilized repetition of various elements of the text to implement text-generating, semantic and expressive functions. The first function is realized through such means as anaphora, epiphora, juncture; the second and third functions are implemented by means of iterations at various levels, namely phonetic, word-formative, lexical, syntactic. The research proves, however, that the main purpose of iterations in the piece is to achieve a satirical effect.

Keywords: iterations, text-generating, semantic, expressive functions, satirical effect.

Исследователи неоднозначно подходят к рассмотрению такого распространенного явления, как повтор, а также к определению его лингвистического статуса.

В общепринятом понимании повтор – это полное или частичное дублирование элементов текста.

Повтор рассматривается с разных позиций: как средство связи в тексте, как действенный стилистический прием, служащий для выражения целого ряда смысловых оттенков, чувств и эмоций, как средство избыточности текста.

В данной статье мы рассмотрим, какую роль выполняют повторы в цикле сатирических новелл Ильфа и Петрова «1001 день, или новая Шахерезада».

Уже само название цикла отсылает нас к известным арабским сказкам «Тысяча и одна ночь». И, действительно, сюжет двух произведений достаточно похож: в арабском цикле Шахерезада, стараясь избежать участи многих девушек до нее, рассказывает сказки на протяжении тысячи и одной ночи.

В цикле сатирических новелл Ильфа и Петрова Шахерезада Федоровна, слышавшая клеветкой «поверженного Сатанюка», опять же, избегая участи уволенных до нее, рассказывает историю за историей. Неслучайно авторы именуют героиню так же, как и в арабском цикле, и наделяют ее восточной внешностью: у нее «прекрасные

персидские глаза», а в ушах, «как колокола, раскачивались большие серьги». Здесь налицо интертекстуальный повтор, в основе которого лежит фольклорный фрейм – совокупность определенных сюжетных ситуаций, героев, элементы фантастики, а также устойчивые выражения. Правда, в текст новелл вплетаются советские реалии «Клянусь Госпланом...», «комиссия по чистке», «профработник», «борец за идею». И, на наш взгляд, такое сочетание восточного обрамления с современным автором окружением создает сатирический эффект, позволяет представить в сатирическом плане реалии времени.

«1001 день» Ильфа и Петрова печатался в журнале «Чудак». В анонсе данного произведения сообщалось, что «Читатель узнает обо всем: о новых Али-Бабе и сорока счетоводах, об истории Синдбада-управдела, об электрическом фонарике Алладина, о комиссии по сокращению штата шейхов и о многом другом, в том числе о цветниках ума, садах любезности, о шести молодых девушках разных типов, о желтолицем юноше и о веселых чудаках, не соблюдающих приличий». Упоминание сказочных арабских персонажей – тоже интертекстуальный повтор, однако авторы не до конца воплотили свой замысел в жизнь: на страницах новелл мы встречаем лишь Шахерезаду, имеющую отчество и фамилию Шайтанова, и Алладинова, да и то не с лампой в руке, а с партийным билетом, который надо раскрыть и «похлопать по нем ладоною».

Повторы в сатирическом цикле новелл выполняют как текстообразующие, так и смысловые функции. В качестве текстообразующих используются анафорические («а когда наступил ... день, она сказала...») и эпифорические повторы («но тут Шахерезада заметила, что время службы истекло, и скромно умолкла»), а также обращения Шахерезады Федоровны к Фанатюку и комиссии, возглавляемой им («о высокочтимый товарищ Фанатюк, и вы, члены комиссии по чистке»). Обращения, начальные и финальные повторы придают произведению стройность, завершенность, ритмичность. Они позволяют связать сюжетно-разнородные фрагменты в единый гармоничный текст.

Ильф и Петров используют разноуровневые повторы для выполнения различных смысловых и эмоционально-экспрессивных функций.

На фонетическом уровне используются такие приемы, как паронимазия, аллитерация, рифма. Так, например, на основе фонетического созвучия подобраны фамилии противоборствующих титанов Фанатюка и Сатанюка, и, соответственно, приверженцев первого и второго – фанатики и сатаники, а также наименование должностей – уполномоченный по учету газонов и уполномоченный по учету вазонов. Такое умелое столкновение фонетически схожих слов, основанное на вариативном повторе, придает тексту шутливую, ироничную окраску, возникает каламбур.

В цикле сатирических новелл встречаются и словообразовательные повторы, под которыми понимается использование в ограниченном фрагменте текста одинаковых морфем. «Неосмотрительные последователи Сатанюка с жестяными лицами толпились у входа в чистилище. Первым чистился бронеподорок Ваня Лапшин». «Чистилище – чистился» – два однокоренных слова, употребленных в переносном значении. Здесь происходит столкновение значений слов и их обыгрывание. Чистилище, согласно католическим взглядам, «состояние, в котором пребывают души людей, которые умерли в мире с Богом, но нуждаются в очищении от последствий совершенных при жизни грехов», превращается в комиссию по чистке элементов, оставшихся после титана Сатанюка.

Одна из историй Шахерезады Федоровны посвящена «незаменимestиму из незаменимых» – высокочтимому товарищу Ливреинову, который к окончанию новеллы «пал от своей же собственной руки». «Незаменимestимый из незаменимых» – конструкция, построенная на словообразовательном повторе, – носит яркий коннотативно-сатирический оттенок.

Тавтологическая конструкция, основанная на словообразовательном (корневом) повторе, передает абсурдность ситуации: «ободря достойных ободрения и порицая заслуживающих порицания», что находит подтверждение в следующем предложении: «впервые за три года учреждение работало нормально и впервые за три года служащие понимали, для какой цели сидят они за своими конторками» (данное предложение также содержит повторы, которые усиливают эффект сказанного).

Наибольшей частотностью в данном сатирическом цикле отличаются лексические повторы, причем как буквальные, так и вариативные.

- *Исполняйте все приказы товарища...товарища...*
- *Папаникина! – помог выдвигенец.*
- *Товарища Папаникина, каковы бы эти приказы ни были...*

В данном мини-диалоге повторение лексемы «товарищ» демонстрирует или забывчивость Ливреинова, или незнание им фамилии выдвигенца, т.е. служит стимулом для подсказки. Выдвигенец называет свою фамилию, Ливреинов повторяет-подхватывает ее, т.е. в первом случае повтор выполняет стимулирующую функцию, а во втором – подхватывающую.

Одна из новелл заканчивается повтором императива «Просим, просим!», который выражает нетерпеливость слушателей узнать окончание истории. Лексический повтор в данном случае выполняет воздействующую функцию.

Приведем еще один пример использования лексического повтора в данном цикле новелл: «Знайте же, глупые секретари, что есть сорок способов, и на каждый способ сорок вариантов, и на каждый вариант сорок тонкостей, при помощи которых можно изжить любого выдвигенца в неделю...». Трехкратное употребление числительного «сорок» создает эффект нагромождения, что приводит к абсурдной ситуации.

Ильф и Петров используют также синонимические и ассоциативные повторы. Так, например, с их помощью в предложении «Он не ел, а питался. Он ел не яйца, а жиры, углеводы и витамины» подчеркивается как бы превосходство товарища Портищева, но на самом деле создается комический эффект.

К синонимическим повторам примыкают повторные номинации, под которыми понимается «называние уже ранее обозначенного в тексте денотата – лица, действия, качества в последовательном развитии текстового описания, в развертывании его канвы» [1]. Новелла, рассказывающая о Портищеве, изобилует повторными номинациями: повествование идет о том, как «товарищ Портищев», «работяга», «городской коммунист», «мощный

профработник», «борец за идею» по субботам в 3 часа дня «преображался самым странным образом» в «Елисея Максимовича Портищева», «хозяйственного мужика», а в воскресенье происходило обратное превращение в «праведника». В данном произведении повторные номинации выполняют смысловую и эмоционально-экспрессивную функции: они выдвигают определенные компоненты высказывания на более значимые позиции и становятся выражением широкого спектра семантико-коннотативных значений.

Повторы на синтаксическом уровне выражаются с помощью такого приема, как синтаксический параллелизм. «Рассказ о «Гелеотропе»» – яркое тому подтверждение. Уполномоченный по учету газонов Абукиров и уполномоченный по учету вазонов Женералов вынуждены работать в одном помещении. Им нечем заняться, но каждому из них кажется, что у другого «*тьма работы, а я лодырничая*» (Абукиров) / «*а я бездельничая*» (Женералов); «*Как бы не вышло неприятностей*» (Абукиров), «*Не миновать неприятностей*» (Женералов). Уполномоченные начинают создавать видимость работы и прибывать на нее все раньше и раньше. Повествование ведется в форме соперничества: один делает – другой пытается сделать лучше. Для описания этого авторы мастерски используют параллелизм. Дело заканчивается абсурдом: вроде бы примирившись, герои опять начинают подозревать друг друга в облечении «специальными полномочиями на предмет выявления бездельников», и все начинается сначала. Данная новелла обладает чертами докучной сказки, в которой многообразная игра формальными элементами, вариативный повтор составляют жанровое своеобразие подобных словесных миниатюр.

Проанализировав цикл сатирических новелл Ильфа и Петрова «1001 день, или новая Шахерезада» с точки зрения потенциальных возможностей используемых в нем повторов, мы приходим к заключению, что авторы умело используют повторение каких-либо элементов текста для выражения текстообразующей, смысловой и эмоционально-экспрессивной функций. Однако, как показало исследование, основное назначение повторов в данном произведении – создание сатирического эффекта.

Список литературы / References

1. Копань Л.И. Явление повторной номинации в текстовом отражении // Исследования по лексике и грамматике германских языков. – Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1985. – С. 27-28.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kopan' L.I. Javlenie povtornoj nominacii v tekstovom otrazhenii [Secondary naming in the text] // Issledovaniya po leksike i grammatike germanskikh jazykov [Research of vocabulary and grammar of Germanic languages]. – Tartu: Izd-vo Tartusk. un-ta, 1985. – P. 27-28. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.257

Юдаева О.В.

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НИО (менеджмента качества образования) Военного университета Министерства обороны РФ

ПОВТОРНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОВТОРА

Аннотация

Повторная номинация – называние уже ранее обозначенного в тексте денотата – широко используется при необходимости избегания повторения одних и тех же слов. Главное назначение повторных номинаций – преодоление синсемантики – смысловой недостаточности, пояснение, раскрытие определенной информации, актуализация какого-либо элемента, особо значимого в рамках данного контекста, внесение корректив в высказывание. Повторные номинации выполняют разные функции: информативно-дескриптивную, экспрессивно-оценочную, ситуативную, текстообразующую. С формальной точки зрения повторные номинации могут быть представлены синдетическими и асиндетическими средствами.

Ключевые слова: повторная номинация, повтор, синсемантика.

Yudaeva O.V.

PhD in Philology, Associate Professor, Senior researcher,
Research department for education quality management
SECONDARY NAMING AS TYPE OF ITERATION

Abstract

Secondary naming, i.e. the naming of a denotation that has already been mentioned in the text, is widely used to avoid tautology. The main purpose of secondary naming is to overcome the synsemantic occurrence, i.e. semantic deficit, to explain or elaborate on something, to bring a contextually important element to the foreground, to make corrections in utterances. Secondary naming has various functions, such as informative and descriptive function, expressive and evaluating function, situational and text-generating function. Formally, secondary naming can be represented by syndetic and asyndetic means.

Keywords: secondary naming, iteration, synsemantic occurrence.

В лингвистической и литературоведческой литературе можно встретить большое количество терминов, в значении которых присутствует сема «повтор»: повтор, повторение, повторная номинация, редупликация, гиперхарактеризация и др. Некоторые исследователи не дифференцируют эти понятия, но, на наш взгляд, при относительной близости данных понятий их необходимо разводить.

Предметом рассмотрения в данной статье будет повторная номинация, под которой понимается «называние уже ранее обозначенного в тексте денотата – лица, действия, качества в последовательном развитии текстового описания, в развертывании его канвы»¹.

Замена одной номинации другой возникает в случаях необходимости избегания повторения одних и тех же слов. Следует заметить, что такие замены присутствуют в равной степени не во всех функциональных стилях. Так, например, в научном стиле это не представляется возможным, т.к. трудно найти обозначение для слова с предельно конкретным содержанием. Конечно, нельзя говорить о полном отсутствии повторных номинаций в научных текстах, но там по преимуществу употребляются отвлеченные имена «случай», «явление» или предложно-падежные сочетания «из этого следует», «в этом смысле».

Художественный, публицистический стили изобилуют повторными номинациями. Причины возникновения повторных номинаций объясняются следующим образом: первая номинация вписывается в ситуацию коммуникации, однако недостаточно описывает субъект или объект, как следствие – необходимость использования второй номинации, конкретизирующей, раскрывающей содержание первой.

С прагматической точки зрения, использование одинарной номинации вполне оправдано, однако при таком раскладе высказывание приобретает нейтральный, чисто информативный характер. Появление второго компонента номинации, с одной стороны, является избыточным, но, с другой стороны, служит средством актуализации какой-либо информации. Иными словами, повторные номинации повышают прагматическую ценность высказывания.

Повторным номинациям свойственен целый ряд признаков:

- со смысловой точки зрения компоненты повторных номинаций могут как совпадать по объему: *Болконский воспользовался этим временем, чтобы зайти к Долгорукову узнать о подробностях дела. Князь Андрей чувствовал, что Кутузов чем-то расстроен и недоволен...* (Л. Толстой), *Доярок было две – Лиди и Фрося* (В. Токарева), так и различаться: *Константин Фарков, чернобородый мужик лет пятидесяти, длиннорукий, жилистый, скуластый, сидел в лошадиных веслах* (В. Шишков). Как правило, второй компонент дополняет, уточняет содержание первого.

- с синтаксической точки зрения в повторных номинациях очень важен порядок следования частей: первый компонент – обязательный, второй – факультативный, несущий дополнительную информацию. Но эта информация очень важна для понимания смысла текста в широком контексте. Иногда опущение второго компонента может привести к коммуникативной недостаточности высказывания: *Сам дом, наверху – балхана... Не знаете? Ну как бы объяснить вам...это балкон - не балкон...не антресоль...а нечто вроде пристройки наверху..., так что дом тогда казался двухэтажным...* (Д. Рубина). Приведенный фрагмент содержит непонятное для адресата слово «балхана» и объяснение того, что это собой представляет. Без комментария, представляющего собой развернутую повторную номинацию, был бы непонятен смысл высказывания. Приведем еще один пример из этого же произведения Д. Рубины: *По двору протекал арык, над ним строили такой квадратный деревянный помост – айван, или суну...* Порядок расположения частей повторной номинации отличается от первого примера. Здесь повторная номинация «айван, или суну» служит для создания этнического колорита.

- с графической точки зрения второй компонент обязательно обособливается знаками препинания (запятой, тире, двоеточием, точкой с запятой). Эти знаки сигнализируют об особой функции второго компонента. Первый и второй компоненты находятся в отношениях дополнительности, а не дублирования.

- со структурной точки зрения повторные номинации могут быть нераспространенными: *Анна за это время сходила в магазин, приготовила обед – курицу с овощами – и села за работу* (В. Токарева) - и распространенными: *Да там только одно блюдо и было в меню: затируха. Не суп и не каша...а жидкая бурда на муке...* (Д. Рубина). Наблюдаются случаи использования нескольких повторных номинаций подряд, характеризующих субъект/объект с разных сторон: *... Верку баловали... Особенно одна, Юлия Константиновна, учитель географии, нежная такая блондинка с робкими мелкими чертами лица...* (Д. Рубина).

- с эмоционально-экспрессивной точки зрения повторные номинации способны выдвигать определенные компоненты высказывания на более значимые позиции и зачастую становятся выражением широкого спектра эмоций.

Главное назначение повторных номинаций – преодоление синсемантии – смысловой недостаточности, пояснение, раскрытие определенной информации, актуализация какого-либо элемента, особо значимого в рамках данного контекста, внесение корректив в высказывание.

Повторные номинации выполняют разные функции:

- информативно-дескриптивную: *Месяца три назад ее окликнула в трамвае старая знакомая, спекулянтка Фирюза...* (Д. Рубина); *В этот же день Маша, соседка по коммунальной квартире, взяла меня с собой в гости...* (Д. Рубина);

- экспрессивно-оценочную: *Анна Михайловна, практическая женщина, сумела устроить себе и своему сыну протекцию в армии даже для переписки* (Толстой), *...он приобщал к музыке сына Сергея – длиннорукого, длинноногого неслуха* (Д. Рубина);

- ситуативную: *Более недели готовились, писались брьюны и переписывались набело письма к Николушкеот всего дома; под наблюдением графини и заботливостью графа собирались нужные вещицы и деньги для обмундирования и обзаведения вновь произведенного офицера* (Толстой); *Однако все изменилось, когда выяснилось, что Роман Григорьевич, так звали гостя, в прошлом – подполковник уголовного розыска МВД Узбекистана...* (Д. Рубина);

- текстообразующую: *Вечерами дядя Валя играл на мандолине... Это был упорный и тяжеловесный меломан. Свой неважнецкий слух он компенсировал деятельной и даже агрессивной любовью к музыке...* (Д. Рубина); *Так вот Андрей наполнен до краев творческой энергией, креативность – его основное качество. И потому все, что он делает, готовит еду, ест, пьет, смотрит в окно, стирает рубашку, чинит велосипед, играет с ребенком – является творческим актом* (Л. Улицкая).

Повторная номинации могут быть как стилистически нейтральными: *Площадь, где проходили гуляния на узбекских праздниках, особенно после уразы – религиозного поста* (Д. Рубина), так и эмоционально-экспрессивными: *Медсестра открыла рот, но в этом случае правильнее сказать – разинула хавальник, как говорит его сын* (В. Токарева).

Повторные номинации используют большой арсенал языковых средств. С формальной точки зрения повторные номинации могут быть представлены:

1) синдетическими средствами: *На высоком утесе в лучах заходящего солнца виднелись силуэты людей, а именно: две женщины, мужчина и маленькая девочка* (И. Амосов);

2) асиндетическими средствами, среди которых наиболее ярко выделяются:

- приложения: *Она втягивала голову в плечи, мерцала ресницами, и вот этот ужас – ожидание удара – остался на всю жизнь* (В. Токарева), *Он узнал, что в Индии проживает некий мудрец, то ли святой – Вивекананда, - и поехал прямо к нему за тридцать земель* (В. Токарева);

- расширенный повтор: *Она была немыслимой красоты, Киреев сошел с ума и отбил ее у большого человека – генерала или министра* (В. Токарева), *На него работало не менее трех предыдущих поколений: прадед, дед, отец* (В. Токарева);

- ряд однородных членов при обобщающем слове: *При ее жизни случились события: Революция, НЭП, Тридцать седьмой год, Война, Победа, Застой и Оттепель* (В. Токарева); *И где бы ни находилась: в гостях, в транспорте, - сидит и мысленно гримирует* (В. Токарева);

- гиперо-гипонимические конструкции: *Один человек чем-то похож на другого: голова, руки, ноги, - и вместе с тем это совершенно другой человек* (В. Токарева), *...почти на всю зарплату закупала в художественном салоне материал – холст, бумагу, подрамники, лак* (Д. Рубина);

- парцелляция: *Жизнь – это своего рода игра. Как в карты* (В. Токарева); *Кто ж на них настигается, а? Пушкин будет на них стирать? Или ты?* (Д. Рубина);

- сравнительный оборот: *Энергия таланта шла от его лица, как тепловая энергия* (В. Токарева), *Ее рука – как дистанционное управление – могли послать любой заряд и вытянуть из хора всю душу, все дыхание* (В. Токарева).

С содержательной точки зрения повторные номинации могут выражать ряд значений:

- функциональное наименование лица по профессии, роду занятия: *Юра Крюкин – тихий человек в большом чине – не любил политику...* (В. Токарева); *...ее дочь Лидия Кондратьевна, учительница математики...* (Д. Рубина);

- обозначение по национальности: *Помню, рядом сидели какие-то офицеры – вовсе не евреи...* (Д. Рубина), *Герман Алексич, он немец высланный...* (Д. Рубина);

- обозначение по родству: *Дядя Миша, отчим, долго валялся по больницам* (Д. Рубина); *Немедленно двоеюношей (сыновья-племянники?) исчезают, чтобы сварить кофе* (Д. Рубина);

- обозначение по возрасту: *В этот же период – с двадцати до тридцати, ближе к тридцати, - Артамонова вышла замуж за Сержика* (В. Токарева); *Для ВИА Киреев был уже старый, сорок три* (В. Токарева);

- оценочные характеристики: *... а недалеко от зимовья похоронена тунгуска, раскрасавица девка, шаманством занималась, волховством* (В. Шишков), *...Миша узнал в ней мамину подругу и сослуживицу Евгению Николаевну, тетю Женю, хохотушку, затейницу, певунью...* (Д. Рубина);

- гендерная принадлежность: *Там стояло два стола, работали два хирурга, мужчина и женщина* (В. Токарева); *Это были три женщины, если, конечно, существа эти можно было определить по половому признаку* (Д. Рубина);

- характеристика субъекта/объекта по каким-либо физическим или моральным признакам: *Всякий раз, когда я встречала этого человека – хромого и старого, я отматывала время назад, как магнитофонную ленту...* (В. Токарева), *Она во все глаза глядела...на самого Стасика, диковинного человека, которому все было любопытно...* (Д. Рубина);

- расшифровка, определение понятия: *Говорили, что играет в ВИА (вокально-инструментальном ансамбле)* (В. Токарева), *В выигрыше оказались «локтевики» - те, кто пробивался локтями* (В. Токарева);

- личное (индивидуально-авторское) восприятие объекта: *Обычно я сажусь в троллейбус, как говорит моя дочь – «машина на бретельках»* (В. Токарева); *...и болтали какие-то глупости, почти на иностранном языке...горячася и все время вспоминая какого-то Плотины, наверное, еще одного ихнего алкаша...* (Д. Рубина);

- объект и его содержание: *Вокруг по стенам – стеллажи с книгами и папками. Материалы об индийско-русских отношениях, начиная с четырнадцатого века* (В. Токарева); *Чего только не найдешь в этих будках – развешанные на дверях медные кугманы, подносы, кружки...* (Д. Рубина);

- уточнение: *Решительно никогда – ни до, ни после – я не чувствовала себя такой счастливой* (Л. Петрушевская), *Вдоль дувала...разгуливал сторож-узбек с ружьем, неизвестно что охраняющий – базар, мечеть или здание киностудии* (Д. Рубина).

Таким образом, мы приходим к выводу, что повторные номинации - название уже ранее обозначенного в тексте денотата – широко используются в художественном стиле. Они имеют ряд особенностей (смысловых, синтаксических, графических, структурных, эмоционально-экспрессивных), выполняют ряд функций (информативно-дескриптивную, экспрессивно-оценочную, ситуативную, текстообразующую) и используют как синдетические, так и асиндетические средства. С содержательной точки зрения палитра смыслов, передаваемых повторными номинациями, достаточно широка: функциональное наименование лица по профессии, роду занятия, обозначение по национальности, обозначение по родству, обозначение по возрасту, оценочные характеристики, гендерная принадлежность, характеристика субъекта/объекта по каким-либо физическим или моральным признакам и т.д.

Список литературы / References

1. Копань Л.И. Явление повторной номинации в текстовом отражении // Исследования по лексике и грамматике германских языков. – Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1985. – С. 27-28.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kopan' L.I. Javlenie povtornoj nominacii v tekstovom otrazhenii [Secondary naming in the text] // Issledovaniya po leksike i grammatike germanskikh jazykov [Research of vocabulary and grammar of Germanic languages]. - Tartu: Izd-vo Tartusk. un-ta, 1985. – P. 27-28. [in Russian]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.027

Асочакова В.Н.

Доктор исторических наук, зав. кафедрой, доцент, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

ХАКАСИЯ В ОРБИТЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ**Аннотация**

Предметом исследования является определение влияния Алтайской духовной миссии на миссионерскую деятельность в Хакасско-Минусинском крае во второй половине XIX в. На основе анализа отчетов священников миссионерских приходов, записок миссионера В. Вербицкого и других архивных документов охарактеризованы средства и формы воздействия миссии на христианизацию хакасов – коренного этноса юга Приенисейского края. Выявлены особенности, организационные структуры, формы, методы, факторы миссионерской деятельности в регионе.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия, хакасы, миссионерская деятельность.

Asochakova V.N.

PhD in History, head of the department, associate professor, Khakas state university named after Katanov N.F.

KHAKASSIA IN THE ORBIT OF THE MISSIONARY ACTIVITIES OF THE ALTAI ORTHODOX MISSION**Abstract**

The subject of the research is the determination of the influence of the Altai Orthodox mission on the missionary activity in the Khakas-Minusinsk region in the second half of the nineteenth century. Based on the analysis of priests' reports of missionary parishes, notes of a missionary V. Verbitsky and other archival documents, the means and forms of the influence of the mission and Christianization of Khakas people, also indigenous ethnos of the South of the Enisey region were characterized. Thus, some features, organizational structures, forms, methods and factors of missionary activities in the region were identified.

Keywords: Altai Orthodox mission, Khakas people, missionary activity.

В начале XXI в. российские ученые Р.Н. Лункин и С.Б. Филатов совместно с Кестонским институтом (Великобритания) отметили, что проблемы религиозной жизни современной Сибири рельефнее всего проявляются в Хакасии. Причины они видели в том, что, «в соседнем Алтае миссионерствовал просвещенный и гуманный архимандрит Макарий (Глухареv), среди алтайцев он оставил традиции национального православия, у хакасов же православие исторически ассоциировалось исключительно с насилием и русификацией» [12, С. 203].

Алтайская духовная миссия (далее АДМ) была учреждена в августе 1830 г. Глава миссии Макарий (Глухареv) стал идеологом и основоположником новой политики христианизации коренных народов Сибири. Он перевел богослужебные книги и Новый завет на алтайский язык.

Коренное население Хакасско-Минусинского края не входило в состав АДМ, которая больше ориентировалась на борьбу с исламским прозелитизмом в Горном Алтае. В то же время Карачерский, Изушерский, Ближнее-Каргинский, Дальне-Каргинский, Кызыльский, Кийский хакасские роды, проживающие в пределах Кузнецкого отделения миссии иногда становились объектом миссионерской проповеди. Матурский приход, располагавшийся на территории Кузнецкого уезда Томской губернии официально входил в АДМ. Священником в Матурской церкви служил Иоанн Штыгашев, один из первых просветителей-миссионеров, автор публикаций на духовные темы. Архимандрит Макарий очень высоко ценил его как церковного деятеля. В приходе числилось около 500 шорцев и 1500 сагайцев, в пределах границ миссии проживало 2191 крещеных хакасов, часть населенных пунктов находилась в Минусинском уезде Енисейской губернии [10, Л. 5].

До отдаленных сагайских улусов проповедь священника не доходила. Миссионер Кузнецкого отделения В. Вербицкий писал «по случаю непрерывных свирепых буранов вместо троих суток путешествовал вперед и обратно вдвое больше». Низкие показатели миссионерской деятельности он объяснял тем, что новокрещены «не хотят крестить детей, считают, что от крещения младенцы скоро умирают, поэтому, ссылаясь на бедность, отдают детей родственникам, чтобы не крестить и при этом «чтобы своим беззаконием не навлечь на себя гнева божьего», «шайтан не может сделать зла человеку без допущения Божьего», «что Бог не могущественнее Эрлик-хана». Среди хакасов ходила поговорка «Кому не должно умереть, того камы не отнимут, кому от голода умереть, того и бог не спасет» [11, Л. 1, 8, 16, 20, 61].

В течение 1873–1884 гг. в Енисейской епархии было создано 12 миссионерских приходов, семь в Минусинском и Ачинском округах (Боже-Озерский, Усть-Фыркальский, Усть-Есинский, Аскизский, Усть-Абаканский, Чебаковский, Верхне-Усинский), пять – в Туруханском крае (Дудинский, Хатангский, Тазовский, Верхнеимбатский, Туруханский).

Священники миссионерских приходов должны были крестить коренные этносы, прививать неофитам, в разное время обращенных в православие, но «младенствующих в вере», христианский образ жизни [7]. Они писали «эту важнейшую обязанность могут исполнять только одни миссионеры – люди, никакими, особенно мирскими, делами не озабоченные». Столкнувшись с прозелитизмом западных конфессий они предлагали «учредить сей орден или в самой середине сих невежественных народов монастырь и определить бы в оный потребное число монашествующих, то эта бы святая братия могла свободно заменить проповедников». Эффективность христианизации зависела от помощи гражданских властей, благосостояния священников-миссионеров. Священники считали, что ясачных надо не столько крестить, сколько искоренять «леность и праздность, в противном случае всякие предложенные меры усугубят в них разные предрассудки и пороки» [4, Л. 13-14].

В 1876 г. появился первый (и долгое время единственный) священник-хакас Н. Катанов в Усть-Есинском приходе, затем в миссионерской школе прихода стал преподавать алтаец С. Чисмочаков (1887), ставший позже

священником. Всего к концу XIX в. в составе клиров региона было три священника-хакаса, один псаломщик и три церковных старосты» [5]. Но в целом в Енисейской епархии было мало миссионеров, знающих местные языки.

В 1887 г. Макарий в сопровождении енисейского епископа Тихона проехал по хакасским землям, встретился с прихожанами Таштыпа, Аскиза и Уйбата, провел службу на шорском языке [10, Л. 7], отметив сходство алтайского и хакасского языков. Грамотным новокрещеным братьям Коковым были подарены книги на шорском языке с русским алфавитом [9].

В миссионерских приходах во время служб использовали книги, переведенные и изданные Алтайской духовной миссией. Но хотя хакасский язык близок алтайскому, проповедь на алтайском языке оказалась неэффективной. Священник Аскизской церкви П. Суховский писал, что три книги на алтайском языке ему подарил протоиерей Вербицкий, но они непонятны для прихожан, так же как и переводы Ильминского для казанских татар, адаптированные учителем Е. Катановым и Н. Катановым. А. Соколов, священник Ново-Марьясовской церкви также писал, что книги, изданные АДМ, не понимают, даже «грамотные инородцы общего смысла и содержания прочитанного передать не могут» [1, Л.33–33].

Другие священники, наоборот отмечали пользу переведенных книг. Например, Усть-Абаканский С. Масленников писал в отчете о миссионерской деятельности, что «прихожане хорошо понимают книги, разосланные комитетом и изданные Алтайской миссией на шорском наречии. Но богослужения на алтайском языке не особенно нравятся, так как они привыкли уже к славянскому» [3, Л. 4]. Усть-Фыркальский священник И. Данилов «особенно много времени посвятил изучению Священной истории на шорском наречии, слушать которую очень любят инородцы. Многие спрашивают, когда же начнется служба на татарском языке?». Читал прихожанам литургию на алтайском языке, отметил большие различия «много непонятно, но в конце книги есть кое-что из возгласов ектений всedневногo богослужения на сагайском наречии, это кое-что составляет для наших инородцев драгоценные приобретения, вполне понятные им» [2, Л. 10-10].

Н.Ф. Катанов, спустя три десятка писал: «кроме разъездов с крестом и требами миссионеры не принимают на себя никаких других подвигов в распространении христианства, например, вроде перевода богослужебных книг» [6]. Позже переводческой деятельностью занимался аскизский священник В. Кузьмин. Составленные им переводы Священной истории, молитвослова, сборника рассказов, Литургии, бесед о пьянстве и т. д. были отосланы в Казань для издания под редакцией профессоров Г.Г. Юнгера и Н.Ф. Катанова.

Неплохие результаты имело обучение хакасских мальчиков в АДМ. Новокрещенные хакасы, кроме миссионерских приходов, были приписаны к сельским приходам и проживали среди русского населения. Вербицкий справедливо отмечал, что «от близости к русским селениям и городам юрты превращаются в дома, айлы в улусы, единицы в общества» [11, Л. 61].

Таким образом, АДМ оказывала значительное влияние на миссионерскую деятельность в Хакасско-Минусинском крае. Один из приходов – Матурский, входил в Кузнецкое отделение миссии, часть хакасских родов попадала в сферу ее миссионерской проповеди; главы АДМ совершали миссионерские поездки по Енисейской епархии; богослужебные книги, буквари и другая литература, переведенная на алтайский и шорский языки, распространялись среди миссионеров; дети автохтонов обучались в школах Алтайского стана для новокрещенных.

Но вместе с тем, миссионерская деятельность в Хакасско-Минусинском крае имела ряд отличий от аналогичных процессов в Западной и Восточной Сибири. Организационные структуры, административные возможности, кадровый состав РПЦ в регионе были развиты намного хуже, чем в обеих частях Сибири. Отсутствовали монастыри, миссии, походные церкви, поэтому задача христианизации коренного населения была возложена на приходских священнослужителей на протяжении всего XIX в. Квалифицированных священнослужителей не хватало, проповедь велась на русском и старославянском языках; попытки перевода Библии на языки коренных народов Сибири были кратковременны и малорезультативны. Проповеди на родном языке читались лишь в трех приходах: Аскизском, Усть-Есинском и Синявинском. Остальные священники языка коренного населения не знали.

В то же время край, был благоприятным для христианизации, так как отсутствовали ислам и буддизм, русское православное население численно превосходило автохтонное. Это обусловило механизмы принятия православия коренным населением связанные с межэтническим, межконфессиональным, межкультурным взаимодействием в контактных зонах.

Список источников и литературы / References

1. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). – Оп.1. – Ф. 667. – Д. 127.
2. ГАКК. – Ф. 667. – Оп.1. – Д. 38.
3. ГАКК. – Ф. 667. – Оп.1. – Д.44.
4. ГАКК. – Ф. 658. – Оп. 1. – Д. 96.
5. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (далее НАРХ). – Ф. И-2. – Оп. 1. – Д. 35.
6. Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Н.Ф. Катанов // Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях / сост. С. А. Угдыжеков. – Абакан, 2004. – С. 110–111.
7. НАРХ. – Ф. И-2. – Оп.1. – Д. 53.
8. Некоторые сведения о посещениях церковью инородческих улусов Преосвященным Тихоном, епископом Енисейским и Красноярским, и Макарием, епископом Бийским, начальником Алтайской духовно миссии, в августе 1887 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1887. – № 19–20. – С. 239–241.
9. Отчет о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1887 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1888. – № 12. – С. 102-109.
10. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 77.
11. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 440. – Д. 1256.

12. Филатов С.Б., Лоуренс Юззелл. Хакасия. Сгусток религиозных проблем Сибири / С.Б. Филатов // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. М. – СПб.: Летний сад, 2002. – 488 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gosudarstvennyy archiv Krasnoyarskogo kraia [The state archive of the Krasnoyarsk region] (dalee GAKK). – Op.1. – F. 667. – D.127. [In Russian]
2. GAKK [The state archive of the Krasnoyarsk region] – F. 667. – Op.1. – D. 38. [In Russian]
3. GAKK [The state archive of the Krasnoyarsk region] – F. 667. – Op.1. – D.44. [In Russian]
4. ГАКК [The state archive of the Krasnoyarsk region] – F. 658. – Op. 1. – D. 96. [In Russian]
5. Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye Respubliki Khakassia “Nazionalnyy archive” [The state institution of Republic of Khakassia “National archive”] (dalee NARH) – F. I-2. – Op. 1. – D.35. [In Russian]
6. Katanov N.F. Pisma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters from Siberia and West Turkestan] / N.F. Katanov // Izbrannyye trudi o Khakassii i sopredelnykh territoriyah [Selected works about the Republic of Khakassia and neighboring territories] / sost. S.A. Ugdzhekov. – Abakan, 2004. – P.110-111. [In Russian]
7. NARH [The National Archive of the Republic of Khakassia] – F. I-2. – Op.1. – D. 53. [In Russian]
8. Nekotoryye svedeniya o poseshenii zerkvey inorodcheskikh ulusov Preosvyashennim Nikonom, episkopom Eniseyskim i Krasnoyarskim, i Makariyem, episkopom Biyskim, nachalnikom Altayskogo duchovnoi missii, v avguste 1887 g. [Some information about Church parishes of native ulus by Bishop Nikon, Krasnoyarsk, Biysk and Enisey Bishops and religious the head of the Altai spiritual mission] // Eniseyskiye eparchialniye vedomosti. [The Yenisei eparchial lists]– 1887. - № 19-20. – P. 239-241.
9. Otchet o missionerskoy deyatel'nosti v Eniseyskoy eparchii za 1887 g. [The report about missionary activity in Enisey eparchy, 1887] // Eniseyskiye eparchialniye vedomosti. [the Yenisei eparchial lists] – 1888. - № 12. – P. 102-109.[In Russian]
10. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy archiv [The Russian state historical archive] (dale RGIA). – F. 796. – Op. 442. – D. 77.[In Russian]
11. RGIA. [The Russian state historical archive] – F. 796. – Op. 440. – D. 1256. [In Russian]
12. Filatov S.B., Lourence Yuzzell. Khakassia. Sgustok religioznykh problem Sibiri [A bunch of religious problems of Siberia] / S.B. Filatov // Religiya i obshestvo: ocherky religioznoy zhizni sovremennoy Rossii [Religion and Society: Essays on the religious life of modern Russia] / отв. Red. i sost. S.B. Filatov. M. – SPb.: Letny sad, 2002. – 488 p. [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.068

Батыров В.В.

ORCID: 0000-0001-9014-4910, кандидат исторических наук,
Калмыцкий научный центр РАН

БОЛЬШАЯ ПАТРИАРХАЛЬНАЯ СЕМЬЯ И КРИЗИС КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА У КАЛМЫКОВ В XIX В.

Аннотация

Бытование большой патриархальной семьи у калмыков во второй половине XIX в. является достаточно неизученной темой. Длительное время в исторической литературе считалось, что господствующей формой семьи в калмыцком обществе в XIX в. была малая моногамная семья. Данное исследование позволяет уточнить время бытования большой патриархальной семьи среди калмыков в XIX в. Установлено, что главными причинами исчезновения большой патриархальной семьи у калмыков стали реформа 1892 г., приведшая к изменению традиционного хозяйственного уклада — переходу к полуседлому образу жизни. В результате главы больших патриархальных семей стали отделять семьи совершеннолетних членов мужского пола для получения дополнительного пая из общинных сенокосных угодий, что вкупе с вышеизложенным привело к сегментации большой патриархальной семьи в конце XIX в.

Ключевые слова: семья и брак у калмыков, история Калмыкии, большая патриархальная семья, малая моногамная семья, традиционная культура, кочевое скотоводство.

Batyrov V.V.

ORCID: 0000-0001-9014-4910, PhD in History,
Kalmyk Scientific Centre, Russian Academy of Sciences

KALMYK PATRIARCHAL FAMILY AND CRISIS OF NOMADIC CATTLE BREEDING IN THE 19TH CENTURY

Abstract

Existence of a kalmyk patriarchal family in the 19th century is rather unexplored topic. For a long time in the historical literature it was thought that the dominant form of family in the Kalmyk society in the 19th century was a monogamous family. This study allows specify the time of existence of large patriarchal family among the Kalmyks in the XIX century. It was established that the main reasons for the disappearance of a patriarchal family of Kalmyks began to reform in 1892, which led to a change in the traditional economic lifestyle — the transition to a semi-settled lifestyle. As a result, the head of patriarchal families began to separate families of adult male members for obtaining an additional share of the community grassland, which together with the above led to the segmentation of patriarchal family in the late 19th century.

Keywords: family and marriage of Kalmyks, history of Kalmykia, patriarchal family, monogamous family, traditional culture, nomadic cattle breeding.

Бытование большой патриархальной семьи у калмыков во второй половине XIX в., т. е. семьи состоящей из нескольких поколений ближайших родственников для ведения совместного хозяйства со старшим мужчиной во главе, является достаточно неизученной темой. Известный исследователь семьи и брака у калмыков Д. Шалхаков писал, что господствующей формой семьи в калмыцком обществе на протяжении всего XIX в. была малая моногамная семья [8, С. 36]. Данное мнение ученого возобладало в отечественной историографии на длительный период. Однако новые источники позволяют нам уточнить время существования большой патриархальной семьи среди калмыков в XIX в.

Примеры существования большой патриархальной семьи в XIX в. можно найти при рассмотрении случаев распространения карточных игр среди калмыков. В 1807 г. торгуетовские нойоны Эрдени и Джиргал в своем письме к Главному приставу А. И. Ахвердову сообщали, что в Икицохуровском улусе происходят случаи, когда «несколько человек промотавши весь свой скот похищают воровски оной у своих родственников и отдают за долг ими промотаны, и тем разоряют других» [5, Л. 22]. Примечательно, что сами ограбленные таким образом не выдвигали никаких претензий к игрокам, выступая солидарно по их долгам. Представляется, что только в условиях нахождения в большой патриархальной семье картежники могли свободно распоряжаться чужим имуществом.

Другие свидетельства бытования большой патриархальной семьи можно найти при рассмотрении дел об усыновлении. В 1837 г. зайсанг Нима претендуя на право наследования владения аймаком умершего багацохуровского зайсанга Атуя заявил в Комиссию калмыцких дел, что он был усыновлен Атуем. При рассмотрении дела, владелец Хошутского улуса Церен-Норбо Тюмень, выступая как знаток калмыцких обычаев, сообщил, что усыновлять кого-либо можно только по согласию со стороны родственников усыновляющего [4, С. 9].

Достоверным примером существования большой патриархальной семьи у калмыков может служить функционирование института левирата¹ у калмыков в XIX в. У калмыцкой знати существовал обычай делить свои улусы и аймаки между всеми сыновьями, но чтобы такие разделы наследства между многочисленными наследниками не приводили к утрате материальных и людских ресурсов существовал левират. В семьях калмыков-простолудинов левиратные браки имели экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить в большой патриархальной семье ее имущество и фертильный потенциал. Высокие риски связанные с кочевым скотоводством могли легко привести к разорению калмыцкой семьи. Левиратный брак позволял не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи, а также помогал избежать больших финансовых трат, потому что при таких браках не проводилось свадебных обрядов.

Наконец существование большой патриархальной семьи можно наглядно подтвердить анализируя посемейные списки калмыков. Так, в 1869 г. упоминается семья Уласты Бекеева, который жил одной большой семьей с женой по имени Бадма-Улюмджи и двумя братьями Эрендженом и Манчиком. При чем его младший брат Манчик сам был женат [6, Л. 7]. В 1884 г. Помощник попечителя Малодербетовского улуса Россинский проводил следственные действия по поводу посемейных списков Тебектенерова рода, в которых упоминается семья Манджи Бадмаева. Вместе с женой с ним жили его отец, Бадма Шараев (90 лет), мать Чанкельдан (58 лет) и младший брат Монтоха (21 год). Примечательно, что помощник попечителя разделял Бадмаевых на три семьи или три окладные кибитки, но из дела становится понятно, что все они проживали вместе одной семьей. Более того, главой семейства считался их отец Бадма Шараев [7, Л. 142].

Реформа 1892 г. привела к отмене феодальной зависимости калмыков-простолудинов от нойонов и зайсангов, их место в калмыцких аймаках и улусах заняли представители российской администрации. Следствием реформы также стало исчезновение традиционных правил кочевков, и теперь население калмыцких аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы более эффективно использовать свои территории в условиях все большего роста крестьянской переселенческой деревни и связанного с ней сокращения территории калмыцких земель. Все это, а также активное развитие отходничества, привело к изменению традиционного хозяйственного уклада — переходу к полuosедлому образу жизни [3, С. 523].

Бесконтрольный выпас огромного количества скота из соседних губерний привел к сокращению общинных сенокосных и пастбищных угодий в Калмыцкой степи. Это стало основополагающей причиной для каждого калмыцкого хозяйства большой патриархальной семьи выделять семьи совершеннолетних членов мужского пола для получения в соответствии с общепринятыми правилами дополнительного пая из общинных сенокосных угодий [1, С. 18]. Вынужденная сегментация большой патриархальной семьи в конце XIX в. привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи. Тем не менее, пережитки большой патриархальной семьи у калмыков сохранялись вплоть до 70-х гг. XX в. Существовала практика, когда сын после своей женитьбы не отделялся от семьи, а жил вместе с отцом, матерью и своими неженатыми братьями ведя совместное хозяйство. В подтверждение чего, во многих калмыцких селах можно встретить длинные глинобиные дома разделенные на две части, которые появлялись в результате того, что отец пристраивал к дому пристройку для женатого сына.

Таким образом, реформа 1892 г. и сокращение территорий калмыцких земель стали причиной кризиса кочевого хозяйства и привели к переходу к полuosедлому образу жизни, что привело к распаду большой патриархальной семьи. В конце XIX в. все большее распространение у калмыков получает малая индивидуальная моногамная семья.

Список литературы / References

1. Бадмаев С. С. Этапы и проблемы экономического развития Калмыкии в пореформенный период (1861–1917 гг.) / С. С. Бадмаев: автореф. дис... канд. экон. наук. Росс. эконом. ак. им. Г. В. Плеханова. — Москва, 1994. — 19 с.
2. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. / М. М. Батмаев. — Элиста: АПП «Джангар», 2002. — 400 с.

¹ Левират (от лат. *levir* — деверь, брат мужа) — это одна из форм брака, по которой вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями.

3. Батыров В. В. Рыболовство у калмыков в XIX – начале XX в. / В. В. Батыров // Мат-лы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). – Ч. II. – Элиста: НПП «Джангар», 2009. – С. 522–527.

4. Бюллер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт / Ф. А. Бюллер // Отечественные записки. – 1846. – № 7. – С. 45–89.

5. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 61.

6. НА РК. – Ф. 9. – Оп. 3. – Д. 3.

7. НА РК. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 268.

8. Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование / Д. Д. Шалхаков. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – 86 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Badmaev S. S. Etapy i problemy ehkonomicheskogo razvitiya Kalmykii v poreformennyj period (1861–1917 gg.) [Stages and problems of economic development in the post-reform period Kalmykia] / S. S. Badmaev: avtoref. dis ... kand. ehkon. nauk. Ross. ehkon. ak. im. G. V. Plekhanova. – Moskva, 1994. – 19 P. [in Russian]

2. Batmaev M. M. Socialno-politicheskiy stroj i hozyajstvo kalmykov v HVII–HVIII vv. [Socio-political structure and economy of the Kalmyks in the seventeenth and eighteenth centuries] / M. M. Batmaev. – Elista: APP «Dzhangar», 2002. – 400 P. [in Russian]

3. Batyrov V. V. Rybolovstvo u kalmykov v XIX – nachale XX v. [Fishery the Kalmyks in the XIX - early XX century] / V. V. Batyrov // Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. «Edinaya Kalmykiya v edinoj Rossii: cherez veka v budushchee», posvyashch. 400-letiyu dobrovol'nogo vkhazheniya kalmyckogo naroda v sostav Rossijskogo gosudarstva [Materials from the International scientific conference "United Russia Kalmykia in uniform: through the centuries into the future," dedicated. 400th Anniversary of Voluntary Entering of Kalmyk People into the Russian State] (g. Elista, 13–18 sentyabrya 2009 g.). – Ч. II. – Элиста: НПП «Джангар», 2009. – С. 522–527. [in Russian]

4. Byuller F. A. Kochuyushchie i osedlo zhivushchie v Astrahanskoj gubernii inorodcy. Ih istoriya i nastoyashchij byt [Nomadic and sedentary living in the Astrakhan province foreigners. Their history and real life] / F. A. Byuller // Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland]. – 1846. – № 7. – С. 45–89. [in Russian]

5. Nacionalnyj arhiv Respubliki Kalmykiya (dalee NA RK) [National Archive of the Republic of Kalmykia]. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 61. [in Russian]

6. NA RK. – Ф. 9. – Оп. 3. – Д. 3. [in Russian]

7. NA RK. – Ф. 9. – Оп. 5. – Д. 268. [in Russian]

8. SHalhakov D. D. Semya i brak u kalmykov (XIX – nachalo XX vv.). Istoriko-ethnograficheskoe issledovanie [Family and marriage among the Kalmyks (XIX - early XX centuries.). Historical and ethnographic research] / D. D. SHalhakov. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – 86 P. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.157

Девейкис М.В.

Магистрант, Санкт-Петербургского государственного университета (направление – «музеология») **ИМПЕРАТОРСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Аннотация

Одной из важнейших народнохозяйственных задач в настоящее время является подъём сельского хозяйства, особенно это актуально в связи с проблемой импортозамещения. Сельскохозяйственный музей был значимым звеном складывавшегося аграрного сектора экономики императорской России. Исторический опыт может оказаться полезным. В статье рассмотрены предпосылки, история создания и развития музея. Главной её идеей является постановка проблемы воссоздания Сельскохозяйственного музея. В этой связи предложена концепция современного сельскохозяйственного музея, потребность в котором сегодня назрела.

Ключевые слова: сельскохозяйственный музей, музейные коллекции, экспозиция, концепция.

Deveykis M.V.

Undergraduate, St. Petersburg State University

IMPERIAL AGRICULTURAL MUSEUM: HISTORICAL EXPERIENCE AND A NEW CONCEPT OF ITS REVIVAL

Abstract

One of the most important economic problems at the moment is the rise of agriculture, especially important in connection with the problem of import substitution. Agricultural museum was an important link in the emerging agricultural sector of economy of imperial Russia. Historical experience may be useful. The article describes the background, the history of creation and development of the museum. Its main idea is to pose the problem of reconstruction of the Agricultural Museum. In this context, a concept of modern agricultural museum, the need for which has ripened today.

Keywords: Agricultural Museum, museum collections, exhibition, concept.

Петербургский Сельскохозяйственный музей занимал видное место в жизни столицы в XIX – начале XX вв. и заметную роль в развитии отечественного сельского хозяйства. Вызывает интерес история его создания и функционирования. В 1859 г. указом Александра II был учреждён Отечественный сельскохозяйственный музей при

Лесном институте, с целью «дать сельским хозяевам возможность наглядного ознакомления с орудиями различных сельскохозяйственных работ» [1, С. 81], распространять лучшие образцы земледельческих машин и орудий, служить учебным пособием для изучающих сельское хозяйство. К предпосылкам его создания следует отнести: предстоящую сельскохозяйственную реформу, развивающиеся капиталистические отношения в российской деревне, отставание от европейских стран по урожайности, необходимость создания организационного центра по распространению передовых сельскохозяйственных знаний и образцов техники. Важную роль в организации музея сыграло Вольное экономическое общество (ВЭО), созданное ещё в 1765 году по указу Екатерины II «для распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений». При обществе был создан музей, доступный только для его членов. Мысль об организации публичного, универсального Сельскохозяйственного музея принадлежит члену ВЭО Черняеву Н.В., который при содействии министра государственных имуществ Муравьёва М.Н., представил обоснованную записку, по этому поводу, императору Александру II, на что последовала положительная резолюция. Первым директором музея назначен Черняев Н.В., который был направлен за границу для изучения опыта и приобретения экспонатов. В 1860 году музей открыли для посетителей. В основу музея положены: собрания ВЭО, предметы с Всероссийской Сельскохозяйственной выставки (1860 г.), коллекции, приобретённые за границей, дары учёных и сельских производителей. В 1864 году музей из-за недостатка площадей переведён в помещение экзерциргауза при Зимнем дворце. В 1865 году утверждено положение и устав музея. В соответствии с новыми целями по инициативе Н.В. Черняева музей включал следующие семь отделов: сельскохозяйственных машин и орудий, растениеводства, животноводства, минералогический, прикладных естественных наук, сельскохозяйственных и технических построек, собрание рисунков и чертежей. Основным отделом стал машинный, включающий мастерскую, где проводились испытания и ремонт техники. Экспозиция отдела состояла из орудий и сельскохозяйственных машин в натуральную величину, что способствовало ознакомлению посетителей с их устройством и назначением. Н.В. Черняев проводил большую организационную работу по совершенствованию структуры музея, привлечению средств, представлял музей на зарубежных выставках, способствовал проведению лекций, чтений, экскурсий, готовил предложения и отчёты о работе музея в вышестоящие организации. Для предоставления хозяевам справок и сведений по сельскохозяйственным вопросам при музее была образована контора. В музей за помощью обращалось большое количество местных жителей, иногородних и зарубежных сельских хозяев, специалистов различных учреждений и организаций, что является одним из показателей востребованности музея.

После Н.В. Черняева директором стал Н.М. Сольский. При нём значительно расширились цели и задачи музея, увеличилось количество коллекций, в музее действовало уже более 20 отделов, в которых были представлены машины и оборудование для всех видов сельскохозяйственных работ – обработки земли, мелиорации, сева, уборки урожая, переработки продукции животноводства, садоводства, шелководства и т.д., продолжались испытания вновь прибывающих машин. Открылись отделы: «Постоянная выставка изобретений и усовершенствований», рыбоводный, школьный и др., поддерживались контакты со многими зарубежными специалистами и сельскохозяйственными учреждениями, были организованы различные виды сельскохозяйственных чтений. Одним из критериев эффективности деятельности музея может служить рост числа его посетителей. Если в 1867 году музей посетило 8730 человек, то «за 9 месяцев 1874 года в музее было 14819 посетителей, ...кроме значительного числа воспитанников учебных заведений, допускаемых в музей и вне положенного по расписанию времени» [2, С. 244]. С 1874 года для музея началось строительство специального здания на территории Соляного городка. В 1881 году состоялось открытие музея в новом здании, учитывая ту пользу, которую музей уже оказал отечественному сельскому хозяйству, по просьбе министра государственных имуществ к Александру III, ему было присвоено название - Императорский Сельскохозяйственный музей. Следует заметить, что вывоз сельскохозяйственных продуктов за границу составлял от общей суммы вывоза «81,5 % в 1887 году» [3, С. 232]. Это свидетельствует, что со стороны государства сельскому хозяйству уделялось значительное внимание. Немаловажную роль при этом играл Императорский Сельскохозяйственный музей, который был проводником государственной политики.

С 1908 года директором был назначен русский агроном В.Д. Батюшков, который, как и его предшественники, приложил немало сил для его развития. При нём появились новые отделы: новейших машин, кинематографическая и химическая лаборатории, проводились конкурсы сельскохозяйственных машин, усилилась лекционная работа, кроме того, музей продолжал участвовать в отечественных и зарубежных выставках. Уже к 1913 году число посетителей составило более ста тысяч человек.

Поражает динамичное изменение структуры музея и необычный объём его деятельности. Наряду с традиционным показом музейных коллекций, он осуществлял ремонт сельскохозяйственной техники, проводил её испытания, предоставлял чертежи и образцы улучшенных земледельческих орудий и машин сельским хозяевам, оказывал помощь учреждениям, организациям и отдельным лицам, являлся методическим и просветительным центром, был базой для научных исследований, его стремились посетить участники многих международных съездов, выставок и конференций, проходивших в Петербурге.

Рассмотрев предпосылки и историю Императорского сельскохозяйственного музея, мы полагаем, что сегодня актуально создание в Петербурге аналогичного музея, что обусловлено, в первую очередь, необходимостью в настоящее время подъёма сельского хозяйства в связи с проблемой импортозамещения. Это не возврат к старому, хочется взять лучшее, что было апробировано, проверено, приносило пользу и организовать музей применительно к новым условиям. Размещение музея предполагается на одном из бывших ленинградских объединений: «Светлана», «Электрон», «Красный Выборжец», которые, по нашим данным, имеют законсервированные мощности и неиспользуемые площади. Здесь же может быть организован цех по изготовлению и ремонту сельскохозяйственной техники. В качестве экспериментальной базы могут быть использованы близлежащие совхозы Ленинградской области (3-5 км.), которые имеют определенные достижения в различных отраслях сельского хозяйства. Научный потенциал музея составят музеологи, учёные и практики по сельскому хозяйству. Таким образом, планируется создание в Петербурге единого музейного центра, включающего: музей, завод (цех по изготовлению сельскохозяйственной

техники) и экспериментальную базу в Ленобласти. Предлагаемый проект не требует больших затрат, поскольку нет необходимости в постройке здания, музей вписывается в существующую инфраструктуру и действующие коммуникации.

Первые коллекции могут быть предоставлены (в качестве рекламы) действующими сельскохозяйственными предприятиями Петербурга, изготавливающими и поставляющими сельскохозяйственную технику (ОАО «Кировский завод», ООО «Агро-Питер», ЗАО «Агротехмаш» и др.) и передовыми совхозами Ленобласти. Дальнейшее увеличение фондов, реконструкция и содержание помещения может осуществляться за счёт средств, выделенных городом, областью, Министерством сельского хозяйства, коммерческими организациями, юридическими и физическими лицами в качестве пожертвований, общественностью Петербурга (при проведении определённой работы). К основным задачам создаваемого музея можно отнести: показ отечественных и зарубежных достижений сельскохозяйственной науки и техники, содействие научному обеспечению и техническому переоснащению сельскохозяйственного производства, оказание помощи предприятиям во внедрении новых технологий и инноваций, распространение сельскохозяйственных знаний. Выполнение задач будет способствовать увеличению объёма сельскохозяйственной продукции Ленобласти и Северо-Западного округа. Музей должен стать базой для научных исследований, площадкой для проведения лекций, конференций, симпозиумов.

Реализация данного проекта позволит укрепить авторитет Петербурга не только как культурного, но и как промышленного центра, повысит статус города в музейном мире, привлечёт инвестиции, даст большой социальный эффект, окажет помощь фермерам во внедрении на своих участках всего нового и интересного. Музей такого масштаба и важности необходим Петербургу. В целях обсуждения и дальнейшей трансформации в общественном сознании этой «музейной» идеи, в настоящее время нами готовится бизнес-план проекта и Записка в Администрацию Петербурга о создании Комиссии для рассмотрения данного вопроса.

Список литературы / References

1. Путеводитель по С.-Петербургу. – СПб.: Издание С.-Петербургского Городского Общественного Управления, 1903. – С. 81.
2. Отчёт сельскохозяйственного музея за 1874 г. // Сельское хозяйство и лесоводство. - СПб., - 1875. – С. 244.
3. Россия: Энциклопедический словарь. - Л., 1991. - (Репринт изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. - СПб., 1898), - С. 232.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Putevoditel' po S.-Peterburgu. [Guide to St. Petersburg] – SPb.: Izdanie S.-Peterburgskogo Gorodskogo Obshhestvennogo Upravlenija [The publication of the St. Petersburg City Public Administration], 1903. – P. 81. [in Russian].
2. Otchjot sel'skhozajstvennogo muzeja za 1874 g. [Report of the Agricultural Museum in 1874] // Sel'skoe hozjajstvo i lesovodstvo. [Agriculture and forestry] - SPb., - 1875. – P. 244. [in Russian].
3. Rossiya: Jenciklopedicheskiy slovar'. [Russia: Collegiate Dictionary] - L., 1991. - (Reprint izd. F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. [Reprint ed. F. Brockhaus and I.A. Efron] - SPb., 1898), - P. 232. [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.262

Дзеранов Т.Е.

Кандидат философских наук, Доцент по специальности, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН В НАЦИОНАЛЬНУЮ

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы формирования народной (традиционной) культуры предков осетин до присоединения к России, и трансформация её в национальную после вхождения в состав русского государства. На примере Осетии исследуется специфика и типичность процесса развития национальной культуры одного из народов северокавказского региона России. В XIX веке в российском социокультурном пространстве развивается многонациональная по содержанию культура, ставшая основой развития нового, русского этапа развития евразийской цивилизации. Одним из этнических компонентов российской культуры и евразийской цивилизации стала национальная культура осетин.

Ключевые слова: трансформация, модернизация, культура, цивилизация.

Dzeranov T.E.

PhD in Philosophy, The associate professor in the specialty, the North Ossetian institute of humanitarian and social researches of V. I. Abayev – branch of federal state budgetary institution of science of Federal scientific center "Vladikavkaz scientific center Russian Academy of Sciences"

PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF TRADITIONAL CULTURE THE OSSETIAN IN THE NATIONAL

Abstract

Problems of national (traditional) culture's formation of ancestors the Ossetia before accession to Russia, and its transformation in national culture after entry into structure of the Russian state are considered in the article. Specifics and typicalness of the national culture's development of one of the Northern Caucasian peoples of Russia are investigated on the example of Ossetia. In the XIX century in the Russian welfare space the culture, multinational on contents, which has become a basis of development of a new, Russian stage of development of the Eurasians civilization develops. The national culture of the ossetians became one of ethnic components of the Russian culture and the Eurasians civilization.

Keywords: transformation, modernization, culture, civilization.

Целью данной работы является показ на примере Осетии роли и места национальных культур народов России в едином российском культурном пространстве, рассматриваемом нами как Российско-евразийская цивилизация. На материале Осетии рассматривается специфика и общие закономерности, по которым происходит сложение и развитие этнокультурных особенностей народов Северного Кавказа. Исследуется процесс передачи культурного достояния от одних народов к другим на разных этапах их развития.

Основой формирования осетинского этноса были североиранские народы, кочевавших в степях и предгорье Северного Кавказа (скифы, сарматы, аланы), проникавшие и оседавшие в ущельях центральной части Большого Кавказского хребта. Самобытная культура кочевников была унаследована, развита и адаптирована к новой среде обитания предками осетин, оказала влияние на развитие культуры других народов региона.

В средние века формирование этнокультурной общности предков осетин – аланской народности и ее культуры происходило в пределах средневековых государств – Хазарского каганата, Алании и Золотой Орды, которые автор рассматривает как этапы развития социально-политической организации евразийской цивилизации, частью которой являлся северокавказский регион и населявшие его народы.

Заметное влияние на все сферы жизни населения Кавказа оказывали борющиеся за господство в регионе державы – Иран, Арабский Халифат, Византия и Турция, использовавшие при этом духовную культуру, пытаясь утвердить среди народов региона «свою» религию. Внешняя экспансия приводила к заметным трансформациям в сфере культуры народов Северного Кавказа.

Известный специалист по истории алан В.А. Кузнецов В.А. на основе археологических материалов и анализа византийских источников считает что «...мы должны отметить неуклонный прогресс аланской культуры во второй половине I – начале II тыс. н. э., развивавшейся на самостоятельной основе и под четко обозначенным воздействием культурной интеграции с местным кавказским населением. Уровень аланской материальной культуры был достаточно высоким для своего времени и вполне соответствовал уровню общественного развития... Аланская культура находилась в постоянном общении с культурой соседних народов; будучи на стыке Востока и Запада, она имела связи и с отдаленными культурами» [1, С. 244].

В течение веков, в ходе развития разносторонних контактов, культура народов северокавказского региона сближается и приобретает много общих черт, что дает основание части исследователей говорить об особой кавказской цивилизации. По нашему мнению речь может идти не об особой цивилизации, а о региональной специфике евразийской цивилизации. Северный Кавказ, в силу своего геополитического положения является связующим звеном, «коридором» между европейской и азиатской частями Евразии. В центре региона находится степь и предгорная равнина Северного Кавказа. Единство народов Северного Кавказа и Восточной Европы формировалось в рамках единой евразийской цивилизации.

Понятия «Евразия» и «Евразийская цивилизация» как единое социокультурное пространство сформировались относительно недавно – в начале XX века [3, С. 60]. Но, как «исторически изменчивая целостность», имеющая специфические черты, Евразийская цивилизация имеет тысячелетнюю историю. Корнями она уходит в античную цивилизацию и скифскую протоцивилизацию. «Евразия» охватывает территорию от Балкан до бассейна Амура. Этнокультурное развитие предков осетин – скифов, сарматов, алан (участвовавших в этногенезе многих народов Кавказа и Восточной Европы) проходило в ее пределах. С античного до золотоордынского периодов развитие данной цивилизации происходило в форме диалектически взаимодействовавших цивилизационных компонентов – кочевого и оседлого. Социокультурным «стержнем» или «осью» евразийской цивилизации является «Великая Степь» и прилегающая к ней территория, в Новое время ставшие частью Российской империи.

В средние века в процессе развития Евразийской цивилизации в ней доминировали Византия и Монгольская империя. Киевская Русь и Алания унаследовали многие достижения Византийской культуры, в частности православное христианство. Приняв от Византии в начале X века православие, Алания становится частью христианского мира. Вместе с православием аланы усваивали такие достижения византийской культуры как право, нормы христианской нравственности, просвещение, новые формы искусства [1, С. 241-243].

Монгольская империя впервые объединяет евразийское пространство и населявшие его народы в рамках единого государства. В составе Золотой Орды (Улус Джучи) происходит объединение русских земель вокруг Московского княжества, формируется структура российского государства. Частью Золотой Орды становится средневековая Алания. В начале XIV века при хане Узбеке ислам становится государственной религией Монгольской империи [4, С. 22-23]. Часть находившихся на службе ханов алан принимает ислам [5, С. 339-340]. Но основная масса алан оставалась приверженной христианству; аланская православная церковь продолжала действовать и в золотоордынский период. Золотоордынские ханы, значительная часть подданных которых исповедовала христианство, в отличие от большинства средневековых европейских правителей, проявляли веротерпимость и покровительство лояльному духовенству.

Поступательное развитие аланской народности и традиционной культуры, зарождение процесса ее модернизации, необходимого для формирования нации и национальной культуры прерывается в конце XIV века. На территорию Северного Кавказа и Поволжья из Средней Азии, с целью уничтожить Золотую Орду, вторглись войска среднеазиатского завоевателя Тимура (Тамерлана). Аланы, выступившие вместе с татарами и другими народами региона против Тимура, подверглись геноциду. Находившиеся на плоскости, основной части Алании, города и селения были преданы огню, население подверглось поголовному истреблению; культурные центры и государственные институты, необходимые для развития культуры и формирования нации были уничтожены.

От ранее многочисленного народа осталась небольшая, укрывшаяся в недоступных для среднеазиатских воинов горных ущельях часть, известная с этого времени как осетины. В течение трех веков этнос развивается вне рамок какого-либо государственного образования и вне влияния мировых культурных центров. В новых, неблагоприятных условиях обитания, в социокультурном развитии осетин наблюдается стагнация, многие типичные для алан достижения евразийской цивилизации были утрачены, другие трансформировались. В горах, в условиях изоляции, у

осетин происходит этносоциальная дезинтеграция, возврат и консервация патриархально-родовых институтов. Ограниченные контакты между населением отдельных ущелий способствовали формированию территориальных субкультур осетинской традиционной культуры: «иронской», «дигорской», «кударской».

Уничтожение объектов культуры и гибель их носителей не позволяют в полной мере оценить уровень развития культуры Алании. Благодаря сохранению народом Нартского эпоса мы можем реконструировать многие элементы духовной культуры и религиозной системы алан-осетин и соседних кавказских народов. Анализ изложенных в эпосе религиозных представлений творцов эпоса позволяет классифицировать дохристианскую религиозную систему осетин как высшую форму развития политеизма – «энотеизм». Данная религиозная система предполагает существование «верховного» бога, что облегчало её последователям восприятие идеи «единого» бога монотеистической религии [2, С. 18-40]

Лишенные духовенства и богослужебных книг горцы продолжали сохранять доступные им элементы христианской культуры и идентифицировать себя как христианский народ. В условиях горной изоляции у осетин сложился своеобразный синкретический культ, основой которого были обряды семейного и аграрного годовых циклов. Данные обряды выполнялись старейшинами или избранными жрецами – «дзуарлагами» в святилищах – «дзуарах», в качестве которых часто использовались древние руинированные церкви.

В XVIII веке, с началом процесса присоединения Кавказа к Российской империи, в истории и культуре осетин наступает новый этап развития – период перехода от средневековья к Новому времени, период модернизации всех отраслей деятельности и культуры осетинского этносоциума. В Новое время Россия и объединенные ей народы, унаследовав и развивая культурные достижения Евразийской цивилизации, обогатив их достижениями западноевропейской культуры, формирует самобытную Российскую цивилизацию, являющуюся высшим этапом развития Евразийской цивилизации.

Сохранение осетинами элементов социокультурного наследия Византии и Орды, в том числе православной культуры, способствовали ускоренному развитию духовной культуры осетин в Новое время, и облегчило их включение в российское социокультурное пространство. Особую роль в развитии культуры Осетии и ее адаптации в российском социокультурном пространстве сыграла Русская православная церковь. Контакты России и Осетии начинаются до включения последней в состав Империи, с «восстановления христианства на Кавказе» православными миссионерами и крещения горцев, воспринимавшегося последними как принятие российского подданства.

В процессе вхождения Осетии в состав России православная церковь, опираясь на поддержку государства, восстанавливает на её территории доминирующие позиции христианства. Православие способствовало духовной консолидации этноса и интеграции осетин в русско-европейское культурное пространство, возвращению данного народа к христианской цивилизации. На базе созданной церковью системы образования формировалась национальная духовная и светская интеллигенция. Многие принесенные православием духовные ценности, нормы христианской нравственности, со временем стали восприниматься осетинами как национальные.

В XIX веке, в составе русского государства происходит консолидация этноса, его территориальных субкультур, формирование осетинской нации и национальной культуры. Активизация этих процессов связана с началом в 30-е годы массового переселения горцев на плоскость. Новые поселения формируются за счет выходцев из разных ущелий, которые начинают осознавать себя как представителей единого народа – осетин. В новой среде обитания осетины вынуждены осваивать новые сферы деятельности, включаться в рыночные отношения. Появляются социальные группы, присущие новой социальной общности – нации, в частности интеллигенция. Для большинства представителей национальной интеллигенции, несмотря на их различную конфессиональную принадлежность, характерны ориентация на Россию и стремление овладеть достижениями русской и европейской «христианской» культуры.

Через русскую культуру осетинский народ усваивает такие достижения цивилизации как образование, наука, гражданственность, новые нормы нравственности и права – формируется национальная культура. При этом в быту осетины сохранили многие элементы традиционной культуры, трансформируя их в соответствии с требованиями Нового времени и нормами российского государства, что позволяло сохранять этническую самобытность формирующейся национальной культуры. Но такие архаичные обычаи и обряды как кровная месть, умыкание или выкуп невест и др. не соответствовали правовым нормам российского государства и рассматривались как «пережитки прошлого». Против них в течение десятилетий велась борьба, как со стороны осетинского общества, так и со стороны правительства в лице кавказской администрации.

С момента присоединения Осетии к России наступает период интенсивного развития этнического сообщества, формирования современной осетинской нации. Определяющей тенденцией организации осетинского социума стала трансформация или модернизация, переход от традиционно-общинных социокультурных отношений, к диктуемым Новым временем национальным. Развиваясь в российском культурном пространстве, национальная культура осетин (и других народов региона), сохраняя национальную специфику, становится этнокультурным компонентом Российско-евразийской цивилизации. Во второй половине XIX века структурируются новые социально-экономические отношения.

В данной статье, насколько позволяет форма работы, через анализ осетинской культуры показан процесс формирования национальных культур в едином российском культурном пространстве, являющемся самобытной Российско-евразийской цивилизацией.

В XIX веке, получившем название «золотого века» русской культуры, вокруг неё в едином российском социокультурном пространстве развивается многонациональная по содержанию культура, ставшая базисом развития нового российского этапа развития Евразийской цивилизации. Одним из этнических компонентов российской культуры и Российско-евразийской цивилизации стала национальная культура осетин.

Список литературы / References

1. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 390 с.
2. Дзеранов Т. Е. Религия осетин и русская культура. – Владикавказ: СОИГСИ, 2006. – 259 с.
3. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М.: Эксмо, 2007. – 733 с.
4. Измайлов И. Л. Ислам в Золотой Орде. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 63 с.
5. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Издательство «Менеджер», 2003. – 606 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kuznetsov B.A. Ocherki istorii alan [History sketches Alan]. – Ordzhonikidze: Ir, 1984. – 390 p. [in Russian]
2. Dzeranov T.E. Religiya osetin i russkaya kul'tura [Religion Ossetian and Russian culture]. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2006. – 259 p. [in Russian]
3. Trubetskoy N.S. Nasledie Chingiskhana [Genghis Khan's heritage]. – М.: Eksmo, 2007. – 733 p. [in Russian]
4. Izmaylov I.L. Islam v Zolotoy Orde [Islam in the Golden Horde]. – Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2008. – 63 p. [in Russian]
5. Alemany A. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh [Alana in ancient and medieval written sources]. – М.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2003. – 606 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.230

Морозов С.В.ORCID: 0000-0002-5027-4048, Доктор исторических наук,
Новокузнецкий институт-филиал

Кемеровского государственного университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКРЕТНЫХ ВОЕННЫХ КОМИССИЙ В ПОЛЬШЕ И ГЕРМАНИИ (1934 – 1935 ГГ.)*Аннотация*

В статье рассматривается деятельность секретных военных комиссий в Польше и Германии в течение 1934 – весны 1935 гг. Эта деятельность была неотъемлемой частью тайного польско-германского военно-политического сотрудничества, осуществлявшегося в указанный период, основной целью которого была совместная польско-германо-японская агрессия против СССР до к. 1935 г. Польскую комиссию возглавлял генерал К. Фабрыцы, а германскую – генерал В. Райхенау. В качестве источника используются донесения советской разведки из «личного архива И.В. Сталина».

Ключевые слова: СССР, Пилсудский, Гитлер, польско-германское военное сотрудничество 1934 – 1935 гг.

Morozov S.V.ORCID: 0000-0002-5027-4048, PhD in History,
Novokuznetsk branch-institute, Kemerovo State University**THE ACTIVITIES OF SECRET MILITARY COMMISSIONS IN POLAND AND GERMANY (1934 – 1935)***Abstract*

This article discusses the activities of secret military commissions in Poland and Germany during 1934 – spring 1935. This activity was a part of secret Polish-German military and political co-operation, which is carried out during this period. The main objective was a joint Polish-German-Japanese aggression against the USSR up to 1935. Polish commission was headed by General K. Fabrizi and German's one – by General V. Reichenau. The source is the Soviet intelligence reports of a "personal archive I.V. Stalin"

Keywords: USSR, Pilsudski, Hitler, the Polish-German military cooperation 1934 – 1935 years.

Деятельность секретной польско-германской военной комиссии является частью проблемы польско-германо-японского военно-политического сотрудничества на антисоветской основе в течение 1934 – 1935 гг. Именно в тот период вынашивались планы осуществления вторжения в СССР ориентировочно во 2-ю пол. 1935 г. Публикации на эту тему появились в к. 1990-х – нач. 2000-х гг. [1,2,3].

Ее изучение стало возможным на основе архивного документального комплекса, именуемого «личный архив И.В. Сталина», в котором, среди прочего, сосредоточены наиболее важные донесения советской разведки. Особое место среди них занимают несколько донесений, датируемых серединой 1934 – весной 1935 г. от «серьезного польского источника» - высокопоставленного офицера из ближайшего окружения маршала Ю. Пилсудского. Именно в них и содержится немногочисленная информация о работе этой самой комиссии.

Из донесения от 29 июня 1934 г., среди прочего, можно было узнать, что между Германией и Польшей на самом высшем уровне к тому моменту было установлено близкое взаимопонимание и взаимодействие на основе совместных планов против СССР. В частности, Берлин собирался в июле произвести ряд шагов милитаристской направленности: официально объявить о необязательности выполнения Версальского договора в части разоружения; об увеличении армии до 300 тыс. чел.; о принятии на вооружение запрещенных ей тем же договором видов вооруженных сил; о введении воинской повинности. Была также достигнута договоренность о согласовании совместных действий таким образом, чтобы не допустить военного союза между Москвой, с одной стороны, Парижем и Малой Антантой, с другой [4, л. 31 – 32].

В этом же документе, со ссылкой на начальника Главного штаба Войска Польского Я. Гонсиоровского, шла речь о развитии тесного польско-германского военного сотрудничества. В частности, разрабатывался вопрос об унификации вооружений обеих армий и о перемещении базирования вооружения польской армии с французской военной промышленности на германскую.

Далее сообщалось о том, что уже в течение определенного времени в обеих столицах действуют «взаимные военные комиссии», количество участников которых в последнее время было увеличено с 7 до 10 человек. В частности, трое поляков, прибывших в Берлин в указанный период, были офицерами-специалистами вооружения и военной промышленности. Фамилии половины участников польской комиссии были известны: полковник Обертыньский, полковник Лангер, полковник Альбрехт, майор Войцеховский, майор Стайфер. Ее работой руководил бывший замминистра военных, дел инспектор армии, генерал К. Фабрыцы, который, соответственно, ведал всей политикой военного сотрудничества с Германией. Ему Пилсудский поручил разработку польско-германских военных планов. В период осень 1933 – май 1934 гг. он трижды с секретной миссией посещал Берлин. Его помощником и специальным курьером являлся полковник Главного штаба А. Роснер. В июне под предлогом лечения в Берлине находился и вел дела по специальному заданию Пилсудского командир краковского корпуса генерал Нарбут-Луцицкий. Агент характеризовал Фабрыцы «сравнительно молодым генералом, способным организатором, умным, но немного болтливым» [4, л. 33 – 34].

Постепенно двустороннее польско-германское сотрудничество укреплялось. В донесении польского агента датированного 5 сентября сообщалось, что в октябре в Берлин должен был прибыть начальник Главного штаба генерал Я. Гонсиоровский, которому предстояло встретиться с главой японской военной миссии генералом Нагатой. Предполагалось, что им предстоит заниматься пересмотром польско-японского военного соглашения 1931 г. и приспособить его к польско-германскому соглашению. Данное соглашение носило, по-видимому, в высшей степени секретный характер, поскольку это чуть ли не единственное упоминание о нем [5, л. 81].

Из этого донесения также следовало, что двустороннее германо-польское сотрудничество продолжало развиваться – наступило время для взаимного изучения мощностей военной промышленности обеих стран. В Генеральном инспекторате вооруженных сил шла работа по пересмотру военного плана с ориентировкой на германскую военную промышленность и на унификацию польского и германского вооружений [5, л. 83]. Обе комиссии – польская в Берлине и германская в Варшаве продолжали энергично работать, причем их работа носила сугубо секретный характер.

В частности, члены германской военной комиссии, работавшие в Польше, жили на частных квартирах, преимущественно у особо доверенных старших польских офицеров. Например, один из германских офицеров жил у полковника Главного штаба В. Винярского в Варшаве на улице Чарнецкого в доме № 30. Другой германский генштабист квартировал у полковника Ю. Вернацкого также в Варшаве на ул. Смялой в доме № 46. Польскую комиссию по-прежнему возглавлял генерал Фабрыцы, который за лето еще дважды успел посетить германскую столицу, в которой он находился по 4 – 5 дней. Стала известна также личность главы германской военной комиссии. Это был генерал В. Райхенау, который в начале августа приезжал в Варшаву и три дня прожил на квартире у своего польского коллеги – генерала Фабрыцы [5, л. 84].

К осени двустороннее германо-польское сотрудничество настолько углубилось, что в октябрьском донесении агент сообщал о том, что в Берлине ведутся переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнений на Дальнем Востоке [6, л. 113].

С наступлением зимы характер сообщений о двустороннем польско-германском военном сотрудничестве несколько изменился. В частности, в декабрьском донесении сообщалось о существовавших одно время больших опасениях Пилсудского и его окружения, что генштаб рейхсвера может повернуть политику Гитлера на сближение с СССР. Однако постепенно в Варшаве успокоились, так как искоренением русофильской ориентации в рейхсвере занялись лично Гитлер и Геринг, отправлявших влиятельных генералов и старших офицеров с восточной ориентацией в отставку. Более того, фюрер заверил маршала, что в случае проявления активности офицеров рейхсвера, ориентирующихся на СССР, постигнет судьба генерала Шлейхера и Рема. Польский диктатор, со своей стороны, предложил создать в Германии специальную комиссию по борьбе с просоветскими элементами. В ее состав предполагалось включить верного сторонника идеи создания франко-германо-польского блока и врага СССР – генерала Райхенау [7, л. 43 – 44].

Тем не менее, в донесении содержалась информация и о продолжении секретного двустороннего сотрудничества. В частности, сообщалось о продолжении деятельности военных комиссий, которые по-прежнему на основе взаимности находились в Варшаве и Берлине. Их работа шла по вопросам унификации вооружений и военной промышленности. Со стороны Германии польской стороне оказывалось и проектно-техническое содействие. Так, около Баранович и Лиды строились подземные аэродромы вместимостью на 100 – 120 самолетов. В Лиде аэродром строился в лесу, в 10 – 15 километрах от города саперными частями. В Варшаве находились три германских офицера-инженера, по проекту которых эти аэродромы строились [7, л. 44 – 45].

Список литературы / References

1. Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон: Дипломатические отношения, 1933 – 1936 / Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2002. – 540 с.
2. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933 – 1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека / С.В. Морозов. М.: МГУ им.М.В. Ломоносова, 2004. – 528 с.
3. Морозов С.В. Из довоенного досье / С.В. Морозов // Международная жизнь. 2007. № 1 – 2. С. 194 – 213.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Док. 6.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Док. 10.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Док. 14.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Док. 4.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Sevost'janov G.N. Moskva – Vashington: Diplomaticheskie otnoshenija, 1933 – 1936 [Moscow – Washington: Diplomatic Relations, 1933 – 1936] / G.N. Sevost'janov. M.: Nauka, 2002. – 540 p. [in Russian]

2. Morozov S.V. Pol'sko-chehoslovackie otnosheniya. 1933 – 1939. Chto skryvalos' za politikoj «ravnoudalennosti» ministra J. Beka [Polish-Czechoslovak relations. 1933 – 1939. What was behind the policy of "equidistance" by Minister J. Beck] / S.V. Morozov. M: MGU im. M.V. Lomonosova, 2004. – 528 p. [in Russian]

3. Morozov S.V. Iz dovoennogo dos'e [From the pre-war dossier] / S.V. Morozov // // Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]. 2007. № 1 – 2. P. 194 – 213. [in Russian]

4. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 187. Dok. 6. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 187. Document 6]. [in Russian]

5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 187. Dok. 10. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 187. Document 10]. [in Russian]

6. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 187. Dok. 14. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 187. Document 14]. [in Russian]

7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. Fond 558. Opis. 11. D. 188. Dok. 4. [Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. Inventory 11. Case 188. Document 4]. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.093

Чедурова Е.М.

Доктор исторических наук, профессор,

Горно-Алтайский государственный университет

ВКЛАД А.Н. БАЛАКШИНА В АГРАРНОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ

Аннотация

В данной статье изложена деятельность А.Н. Балакшина, как одного из видных руководителей сибирского кооперативного движения. Основанная им Организация по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Сибири, содействовала широкому распространению кооперации и придания ей законных форм развития. Она способствовала развитию маслоделия в промышленных масштабах. Главной задачей кооперативного объединения «Союз Сибирских Маслодельных Артелей» было устранение посредничества в торговле маслом, а также вывоз его на зарубежные рынки.

Ключевые слова: кооперативное движение, кооперативные маслодельные товарищества, крахмально-паточный завод, патока.

Chedurova E.M.

PhD in History, Professor, Gorno-Altai State University

A.N. BALAKSHIN'S CONTRIBUTION TO AGRARIAN DEVELOPMENT OF SIBERIA

Abstract

In this article A. N. Balakshin's activity as one of prominent heads of the Siberian cooperative movement is stated. The Organization for the structure of cooperative butter partnerships founded by it in Siberia, promoted wide circulation of cooperation and giving of lawful forms of development to it. It promoted butter manufacture development commercially. Elimination of mediation in trade in oil, and also export it on the foreign markets was the main task of the cooperative association «Union of the Siberian Butter Artels».

Keywords: cooperative movement, cooperative butter partnerships, starched паточный plant, treacle.

В начале XX в. сельское хозяйство Сибири вступило в период капиталистического развития. Быстрое развитие производства сливочного масла превратило регион в крупный отраслевой центр. Маслодельная кооперация способствовала росту и утверждению рыночных отношений в деревне, развитию ее производительных сил, увеличению богатства страны. Для воссоздания картины зарождения промышленного маслоделия большую ценность представляли опубликованные отчеты инспекторов Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства В.Ф. Сокульского, Томского губернского агронома В.Г. Бажаева, материалы обследований Тобольского правительственного агронома Н.Л. Скалзубова. В отношении маслодельческой кооперации Сибири историк, Н.А. Макаров выделяет деятельность, с одной стороны, правительственных инструкторов и агрономов, а с другой – созданную одним из лидеров сибирского предпринимательства А. Балакшиным «Организацию по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири (1902–1907 гг.)», которая содействовала широкому распространению кооперативного движения и придания ему законных форм развития.

Крупнейший сибирский промышленник-кооператор Александр Николаевич Балакшин родился 26 октября 1844 г. в г. Ялуторовске Тобольской губернии. Сын сибирского купца, выпускник декабристской школы: отец Николай Яковлевич дал сыну домашнее образование по учебникам декабристов: И.Д. Якушкина, И.И. Пущина и Е.П. Оболенского, находившихся в ссылке в г. Ялуторовске. Ссылные декабристы привили стремление к знаниям в семье Балакшиных,

А. Балакшин продолжил обучение в Тобольской мужской гимназии, которую окончил с серебряной медалью. В 1860 г. поступил в Казанский университет на «естественный разряд», одновременно являясь слушателем лекции прогрессивного историка А.П. Шапова. Тем не менее, в 1861 г. за участие в студенческих кружках был исключен из университета и сослан в Ялуторовск под надзор полиции [1, С. 9]. После ссылки он поступает в Военно-медицинскую академию, но уже через год по семейным обстоятельствам оставил ее, вернулся в Ялуторовск, где занялся земледелием в Ишимском уезде. Вместе с друзьями им была образована земледельческая коммуна. После её распада он некоторое время служил у частных предпринимателей.

В 70-е гг. XIX в. Балакшин основался в д. Луговушка Введенской волости Курганского уезда. В 1876 г. совместно с А. Ванюковым построил крахмально-паточный завод. При заводе ими было устроено опытное поле для выращивания картофеля и первая Зауральская метеорологическая станция. Высаживалось от 150 до 200 десятин картофеля. Для хранения семенного фонда при заводе имелись три земляных подвала длиной до 20 сажень, шириной в три сажени и глубиной до 2 аршин. Из Санкт-Петербурга для выращивания на опытном поле выписывались следующие картофельные сорта: Алкоголь, Красный Луковичный, Насенгрундский, Роза Эльденась, Магнум Бонум и др. [2, С. 35]. В Курганском округе картофельный крахмал для продажи изготавливался только их предприятием.

В Курганском округе в 60-х гг. было выстроено 11 паточных заводов, в 70-е г. открыто еще 5. Так, к 1874 г. их число увеличилось до 27, с общей производительностью до 196 тыс. пуд. патоки. В эти же годы стали открываться мелкие пряничные заведения, которые и являлись главными потребителями патоки [2, С. 24].

С 1895 г. А.Н. Балакшин организовал и возглавил Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства, способствовавший поднятию культурного земледелия и скотоводства в регионе. Занимаясь их изучением, Балакшин регулярно информировал российских министров, в частности С.Ю. Витте, о состоянии земледелия и маслоделия в Сибири и дальнейших путях преобразования края через укрепление благосостояния народа, основываясь на декабристских идеях. Для развития промышленности региона он считал необходимым знакомить русское общество и сибиряков с огромными богатствами края, привлекать капиталы российских и сибирских купцов для их разработки. Выдвигал идею создания центрального учреждения для организации новых и помощи существующим крестьянским артелям Тобольской губернии. В этом же году им было открыто два маслодельных завода. Зная проблемы новой отрасли А.Н. Балакшин выступил с инициативой, и в январе 1901 г. было создано Курганское сельскохозяйственное товарищество для сбыта сельскохозяйственных продуктов, членами могли быть частные лица и артели. В течение января - августа 1901 г. товариществом было вывезено, непосредственно в Англию, до 73 тыс. пуд. масла [3, С. 26-27]. В Курганское товарищество входило, 6 артельных, 3 три казачьих общественных завода и предпринимательские компаний [4, Л.81].

В 1901 г. в Кургане состоялся первый съезд маслоделов Зауралья, по предложению курганского предпринимателя Балакшина была создана Организация по устройству маслодельных товариществ. Идеи, выдвинутые им, были обсуждены в январе 1902 г. Особым совещанием (по вопросу о мерах содействия производству и сбыту сибирского масла), созданном при Министерстве финансов. Было признано «желательным» создание организации «для устройства и для руководства по операциям кооперативных маслодельных артелей» с предоставлением на указанную цель в распоряжение Министерства земледелия и государственных имуществ кредита в размере 7 тыс. руб. ежегодно. Контроль за расходованием кредита, осуществлялось «лицом от министерства». Вместе с тем совещание признало необходимым распространить на Западную Сибирь действие мелиоративного кредита для оказания помощи маслодельным артелям в деле устройства и оборудования маслоделен [5, Л. 3], [6, С.7]. Предложения Особого совещания нашли поддержку у департамента земледелия. 11 мая 1902 г. он уведомил всех о том, что министр земледелия и государственных имуществ утвердил программу деятельности организации для устройства в Западной Сибири маслодельных товариществ.

Круг «действий» новоучрежденной организации включал в себя: проявление инициативы в деле учреждения товариществ; ведение счетоводства в товариществах, разъяснение порядка ведения операций и разъяснений при возникновении каких-либо затруднений; руководство постройкой заводов; сообщение сведениям относительно мест приобретения инвентаря; посредничество между товариществами и фирмами, торгующими принадлежностями маслоделия; рекомендации мастеров; содействие товариществам в получении кредитов в государственных и частных кредитных учреждениях и у отдельных лиц; ходатайство о «нуждах» отдельных товариществ; подготовка отчетов, справок для правительственных учреждений; сбор сведений о ценах, запасах товара, фирмах, скупающих масло или торгующих принадлежностями молочного хозяйства.

Руководствуясь предписанием, организацией в 1902 г. были открыты молочные лаборатории, оснащенные специальными приборами и имевшие возможность проводить анализы для контроля качества молока и масла на заводах. Для реализации программы департамент земледелия выделил на строительство школы молочного хозяйства 100 тыс. руб., обязываясь ежегодно отпускать по 10 тыс. руб. на ее содержание. Школа должна была готовить «мастеров-маслоделов и техников по маслоделию». Курганский отдел императорского Московского общества сельского хозяйства во главе с Балакшиным активно включился в осуществление правительственной программы: им устраивались ежегодные конкурсы маслоделов с выдачей премий мастерам за лучшие сорта масла, что благоприятным образом сказывалось на улучшении техники маслоделия [7, С. 3].

Помимо составления проектов типовых маслозаводов, снабжения маслоделов инвентарем и оборудованием, подготовки отчетности «Организация» способствовала сбыту масла. За 5 лет (1902–1907 гг.) своей деятельности она при штате в 5 человек содействовала открытию в 1903 г. – 34 кооперативных маслодельных заводов, в 1904 г. – 71, в 1905 г. – 118, в 1906 г. – 178 (12 заводов были приобретены у частных предпринимателей), а уже в 1907 г. действовало 263 артели, охвативших 52 тыс. крестьянских хозяйств. На этих заводах производилось масла 5 млн. руб. в год. О своих успехах и достижениях кооператоров организация публиковала материалы в своей газете «Известия» [8, С. 35].

Стремление сибирских маслозаводчиков к объединению в товарищества было присуще сибирским сельским хозяйствам с целью совместной покупки необходимых им принадлежностей и для реализации своей продукции. Первое товарищество такого рода было образовано в Кургане в 1901 г., а в марте 1907 г. в Барнауле возник Союз маслоделов Алтайского округа, летом этого же года образовано Товарищество Каинских маслоделов на станции Чаны.

Организация по устройству кооперативных маслодельных товариществ стремилась ознакомиться с практикой торговли материалами и принадлежностями молочного хозяйства, необходимыми в маслодельной промышленности, а также непосредственным экспортом масла прямым покупателям, как на внутри страны, так и за границей, что и было реализовано.

Летом 1907 г. основываясь на нормальном Уставе для сельскохозяйственных товариществ организацией был выработан Устав Союза Сибирских Маслодельных артелей. На базе этой организации в ноябре 1907 г. А.Н. Балакшин вместе с сыном Андреем и А.И. Грудзинским, организовал крупнейшую кооперативную организацию – Союз Сибирских маслодельных артелей. Главной задачей Союза являлось устранение посредничества в торговле маслом и выход на зарубежные рынки. За 1907-1917 гг. число маслодельных артелей возросло с 12 до 1410. В 1907 г. начав с оборотного капитала в размере 21 тыс. руб. к 1917 г. оборот Союза составлял свыше 160 млн. руб. [9, С. 15,21].

Александр Николаевич скончался в Лондоне в 1921 г. О его смерти было сообщено лишь в зарубежных изданиях: «Последние новости» (Париж), «Шанхайская жизнь» (Шанхай), «Русский голос» (Харбин), «Сегодня» (Рига). Захоронен на Хайгетском кладбище. Его деятельность, явившаяся примером для промышленников и кооператоров, способствовала развитию сельскохозяйственной кооперации в Сибири на рыночной основе.

Список литературы / References

1. Балакшин А.С. Сергей Александрович Балакшин / А.С. Балакшин. – М., 1990. – 110 с.
2. Балакшин А.Н. Наблюдения и опыты над культурой в хозяйстве Балакшина и Ванюкова в Курганском округе Тобольской губернии 1877-1886 гг. / А.Н. Балакшин. – Екатеринбург, 1887.
3. Мурашкинцев А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири / А.А. Мурашкинцев. – СПб., 1902.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 81.
5. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 3.
6. Балакшин А.Н. Отчет Министерству Земледелия и Государственных имуществ за 1902 г. / А.Н. Балакшин. – СПб., 1903.
7. Обзор деятельности Курганского отдела московского общества сельского хозяйства за 14 лет его существования (1897–1910). – Курган, 1911.
8. Балакшин А.Н. Отчет главному управлению землеустройства и земледелия заведующим организацией по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири А.Н. Балакшина за 1907 г. / А.Н. Балакшин. – СПб., 1908.
9. Чайковский Н.В. Союз Сибирских маслодельных артелей / Н.В. Чайковский. – Пг., 1914.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balakshin A. S. Sergey Aleksandrovich Balakshin [Sergey Aleksandrovich Balakshin] / Ampere-second. Balakshin. – М, 1990. – 110 p. [in Russian]
2. Balakshin A.N. Observations and experiences over culture in Balakshin and Vanyukov's economy in the Kurgan district of the Tobolsk province of 1877-1886 [Observations and experiences over culture in Balakshin and Vanyukov's economy in the Kurgan district of the Tobolsk province of 1877-1886] / A.N. Balakshin. – Yekaterinburg, 1887. [in Russian]
3. Murashkintsev A. A. About production and sale of export oil in Western Siberia [About production and sale of export oil in Western Siberia] / A.A. Murashkintsev. – SPb., 1902. [in Russian]
4. Russian Public Historical Records Office (RGIA) [Russian Public Historical Records Office (RPHRO)]. – T. 23. – Op. 1. – 10. – L. 81. [in Russian]
5. Public Records Office of the Omsk Region (GAOO) [Public Records Office of the Omsk Region (PROOR)]. – T. 119. – Op. 1. – 14. – L. 3. [in Russian]
6. Balakshin A.N. The report to the Ministry of Agriculture and State-owned properties for 1902. [The report to the Ministry of Agriculture and State-owned properties for 1902] / A. N. Balakshin. – SPb., 1903. [in Russian]
7. The review of activity of Kurgan department of the Moscow society of agricultural industry in 14 years of its existence (1897–1910). [The review of activity of Kurgan department of the Moscow society of agricultural industry in 14 years of its existence (1897–1910)]. – Kurgan, 1911. [in Russian]
8. Balakshin A.N. The report to head department of land management and agriculture by the manager of the organization for the structure of cooperative butter partnerships in Western Siberia A.N. Balakshina for 1907 [The report to head department of land management and agriculture by the manager of the organization for the structure of cooperative butter partnerships in Western Siberia A.N. Balakshina for 1907] / A. N. Balakshin. – SPb., 1908. [in Russian]
9. Tchaikovsky N. V. Union of the Siberian butter artels [Union of the Siberian butter artels] / N. V. Tchaikovsky. – Pg., 1914. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.082

Чиркин С.А.

Кандидат исторических наук, Вятская государственная сельскохозяйственная академия

КОММЕРЧЕСКИЕ БАНКИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**Аннотация**

В статье рассматривается складывание сети коммерческих банков в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX веков как части финансово-кредитной системы Российской Империи. Наряду с отделениями банков отмечается деятельность банковских «агентов», имевших ограниченные полномочия. На примере крупнейшего на Вятской земле частного банка – Волжско-Камского коммерческого банка – прослеживается структура и особенности функционирования типичного провинциального отделения столичного банка. Делается вывод о предпосылках к стабильному развитию кредитной системы, присущих пореформенной экономике губернии.

Ключевые слова: Вятская губерния, кредит, банк, структура, персонал, контроль.

Chirkin S.A.

PhD in History, Vyatka State Agricultural Academy

THE SMALL CREDIT IN THE VYATKA PROVINCE IN THE XVIII – EARLY XIX CENTURY**Abstract**

The article observes the folding of a network of commercial banks in the Vyatka province in the second half of XIX – early XX centuries as a part of a financial system of the Russian Empire. Along with the branches of banks there were banking agents, which had limited powers. On example of the largest among the private banks of the Vyatka land – the Volga-Kama commercial bank – the structure and functioning of a typical provincial branch of the metropolitan bank are investigated. The conclusion is made about the preconditions for the stable development of the credit system inherent in the post-reform economy of the province.

Keywords: Vyatka province, credit, bank, structure, stuff, control.

Изучение общих вопросов становления и развития кредитно-банковской сферы дореволюционной России в качестве важнейшей составляющей должно включать в себя исследование региональных особенностей этого процесса.

В настоящей рассматривается формирование сети частных кредитных учреждений (банков) на территории крупнейшей губернии северо-востока России – Вятской губернии.

Отделения крупных коммерческих банков стали появляться на Вятке в последней четверти XIX века, – сначала в губернском центре, а затем и в уездных городах.

Приведём перечень этих отделений (в порядке открытия).

Волжско-Камский коммерческий банк имел отделения в Вятке (открыто в 1873 году), в Котельниче (открыто в 1907 году) и в Уржуме (открыто в 1909 году). Вятское отделение было старейшим коммерческим кредитным учреждением Вятской губернии и считалось наиболее «солидным» из них.

Русский торгово-промышленный банк имел отделение в Елабуге. Отделение было небольшим. В начале XX века в нём служило 7 человек.

Сибирский торговый банк имел филиалы в Вятке, Котельниче, Сарапуле.

Русский для внешней торговли банк имел отделение в Вятке. На 1915 год в отделении кредитовались 132 человека.

Соединённый банк имел отделение в Сарапуле (с 1906 по 1911 годы).

Кроме того, начиная с 1870-х годов, в Вятской губернии появились так называемые агенты ряда коммерческих банков.

Санкт-Петербургская банкирская контора «Маврикий Нелькен» имела агента в Вятке – Алексея Николаевича Песчанского.

Российский торговый и комиссионный банк в Санкт-Петербурге имел агента в Орлове – Алексея Алексеевича Лопатина.

Московская банкирская контора «Юнкер» имела представительницу в Слободском – мещанку Марию Павловну Кручинину.

Санкт-Петербургско-Азовский коммерческий банк также имел представителя в Слободском – мещанина Ивана Александровича Пашкина.

Петроградский торговый банк имел агента в Малмыже [3, С. 47].

Круг операций «агентов» был весьма ограничен. Они производили продажу билетов выигрышных займов и их страхование.

На рубеже XIX и XX веков численность занятых в коммерческих банках Вятской губернии составляла около тысячи человек.

Сумма вкладов, хранившихся в коммерческих банках Вятской губернии, на 1 января 1915 года исчислялась в 11 788 000 рублей. Это составляло более 20% всех вкладов жителей Вятской губернии [1].

Среди кредитных учреждений Вятской губернии особое место занимало отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Оно было старейшим и считалось самым «солидным» среди отделений коммерческих банков.

На его примере мы рассмотрим некоторые особенности работы крупного коммерческого кредитного учреждения в дореволюционной Вятской губернии.

Как было указано выше, Волжско-Камский коммерческий банк открыл отделение в Вятке в 1873 году. По мнению историков, его открытие было связано с расширением деятельности транспортной компании купца Т.Ф. Булычёва. Впрочем, со временем в отделении стали обслуживаться также частные лица и различные учреждения.

Отделение банка развивалось быстрыми темпами. Уже в первый год работы оно обошло по ряду показателей существовавшие тогда в Вятской губернии общественные банки.

О масштабах деятельности Вятского отделения Волжско-Камского коммерческого банка на протяжении всего времени существования говорят, например, следующие данные. Если в 1874 году в нём было учтено векселей на сумму 784 688 рублей, то в 1893 году на сумму в 1 017 940 рублей, а в 1916 году – на сумму в 5 057 779 рублей. В то же время, вкладов на текущие счета в отделение в 1874 году было сделано на сумму 3 330 983 рублей, в 1893 году на сумму 5 679 126 рублей, а в 1916 году уже на сумму 11 864 211 рублей [2, С. 37].

Что же касается места Вятского отделения среди прочих отделений Волжско-Камского коммерческого банка (а их в пореформенный период было около 20, включая столичные) оно долгое время занимало одно из последних мест по уровню доходности. Лишь на рубеже веков, с открытием множества новых провинциальных отделений банка, Вятское отделение заметно поднимается в общем списке [10].

Важным этапом в истории Вятского отделения стали 1907-1909 годы, когда при нём открылись два «комиссионерства» – филиалы в городах Котельниче и Уржуме Вятской губернии. В 1911 году обсуждался также проект Сарапульского филиала, однако в итоге проект остался на бумаге [4].

Вятское отделение Волжско-Камского коммерческого банка находилось в центре города, на пересечении Вознесенской и Спасской улиц.

Расходы на обслуживание здания и усадьбы Вятского отделения (отопление, освещение, ремонт, страхование) были весьма высоки и составляли около 17 000 руб. в год (1906). Тем не менее, здание приносило доход, т.к. часть его сдавалась в аренду под магазины и квартиры сотрудников, в частности, управляющего и помощника бухгалтера [8].

Отделение работало ежедневно с 10.00 до 15.00. Кроме того, час после закрытия отводился на «закрытие» кассы. На практике же служащим регулярно приходилось оставаться на работе до 17.00-18.00, что сделало необходимым проведение в здании электрического освещения (1905) [9].

Организатором работы отделения являлся управляющий. Помимо знания законов и банковских процедур, работа управляющего коммерческого банка требовала интуиции и широкой осведомлённости. Помимо сведений об операциях, задолженности клиентов и кредитном портфеле, он регулярно сообщал в правление сведения об урожаях, состоянии местной торговли, эпидемиях, народных волнениях и т.д. Не оставались без внимания и личности клиентов [5].

Управляющим также приходилось регулярно посещать уездные отделения для их «обревизовывания» и ездить по делам службы в Санкт-Петербург. Наконец, поскольку провинциальные отделения, по уставу банка, не могли осуществлять никаких расходов самостоятельно, управляющие тратили много времени на согласование любых расходов: продажу комнаты в помещении банка, покупку обоев для отделки, перенос клозета и т.д.

Число служащих Вятского отделения Волжско-Камского коммерческого банка за годы его работы удвоилось. Поначалу здесь трудилось 7 человек: управляющий, два бухгалтера, два кассира, помощник бухгалтера и конторщик. В учётном комитете состоял 1 человек. К 1914 году в отделении было уже 13 человек, а в учётном комитете – 6 человек. Кроме того, с 1883 года у отделения появился свой присяжный поверенный.

Численность уездных отделений также росла. В Уржумском отделении на момент его открытия в 1909 году работали 6 человек: управляющий, кассир-артельщик, конторщик, писец, швейцар и дворник. К концу 1912 года в отделении было 9 служащих и два члена учётного комитета [7].

И управляющий, и служащие отделения регулярно подвергались инспекторским проверкам. После них в личных карточках служащих появлялись порой весьма откровенные характеристики. Например: «Аккуратен. Средний работник» (о конторщике Альгине) [6].

Отметим, наконец, что финансовое положение отделения на протяжении почти 45 лет было устойчивым. До войны оно ежегодно приносило прибыль. Лишь один раз, в 1912 году, отделение понесло убытки в связи с банкротством слободских заводчиков Вахрушевых.

Являясь крупнейшим коммерческим кредитным учреждением в Вятской губернии, Волжско-Камский коммерческий банк принимал на себя большие риски, чем другие банки, а потому в кризисные моменты испытывал более сильные потрясения. Подобное произошло с ним в качестве основного кредитора торгового дома кожевенных заводчиков Вахрушевых по финансовым векселям.

Таким образом, за почти полувековой период на территории Вятской губернии сложилась развитая сеть частных кредитных учреждений, отдельные элементы которой (Волжско-Камский банк) неизменно демонстрировали высокие показатели эффективности своей работы.

Список литературы / References

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.186. Оп.1. Д.183а. Л.39.
2. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. – Вятка, 1896. – 64 с.
3. Памятная книжка Вятской губернии на 1916 г. – Вятка, 1916. – 295 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 595. Опись 2. Дело 241. Лист 176.
5. РГИА. Ф.595. Оп.2. Д.323. Л.16-17.
6. РГИА. Ф.595. Оп.2. Д.422. Л.86.
7. РГИА. Ф.595. Оп.2. Д.477. Л.157.
8. РГИА. Ф.595. Оп.6. Д.101. Л.101-102об.
9. РГИА. Ф.595. Оп.6. Д.101. Л.18.
10. РГИА. Ф.595. Оп.6. Д.408. Л.18.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rossiyskiy arkhiv Kirovskoy oblasti (GAKO). F.186. Op.1. D.183a. L.39 [The State archive of the Kirov region (SAKR). Collection 186. Inventory 1. File 183a. Page 39].

2. Istoriko-statisticheskiy sbornik svedeniy po voprosam ekonomicheskogo i kulturnogo razvitiya Vyatskogo kraia [Historical and statistical compendium of information on economic and cultural development of the Vyatka region]. – Vyatka, 1896. – 64 p. [in Russian].
3. Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1916 g. [The memorable book of the Vyatka province in 1916]. – Vyatka, 1916. – 295 p. [in Russian].
4. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F.595. Op.2. D.241. L.176 [The Russian State historical archive (RSHA). Collection 595. Inventory 2. File 241. Page 176].
5. RGIA. F.595. Op.2. D.323. L.16-17 [RSHA. Collection 595. Inventory 2. File 323. Page 16-17]. [in Russian].
6. RGIA. F.595. Op.2. D.422. L.86 [RSHA. Collection 595. Inventory 2. File 422. Page 86]. [in Russian].
7. RGIA. F.595. Op.2. D.477. L.157 [RSHA. Collection 595. Inventory 2. File 477. Page 157]. [in Russian].
8. RGIA. F.595. Op.6. D.101. L.101-102ob [RSHA. Collection 595. Inventory 6. File 101. Page 101-102 with reverse]. [in Russian].
9. RGIA. F.595. Op.6. D.101. L.18 [RSHA. Collection 595. Inventory 6. File 101. Page 18]. [in Russian].
10. RGIA. F.595. Op.6. D.408. L.18 [RSHA. Collection 595. Inventory 6. File 408. Page 18]. [in Russian].

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.051

Дмитриев А.Б.

Аспирант,

Поволжский государственный университет сервиса (ФБГОУ ВО «ПВГУС»)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация

В статье в краткой форме рассмотрены культурно-исторические этапы формирования российского предпринимательства. Анализ мотивов ведения предпринимательской деятельности в России позволяет автору показать влияние либеральных реформ 60-70-х годов XIX века на процесс выработки новой системы социокультурных ценностей, существенно влияющей на образ предпринимателя. Предлагается новое осмысление специфики и своеобразия русского предпринимательства, которые в настоящее время являются потенциалом его возрождения.

Ключевые слова: Россия, предпринимательство, купечество, дворянство, либеральные реформы, ценности, мотивы, общественная ущемленность, социальный статус, духовно-нравственный капитал.

Dmitriev A.B.

Postgraduate student

Volga region state University of service, g. Togliatti

SOCIO-CULTURAL POTENTIAL OF THE RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP, THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract

The article in summary form describes the cultural and historical stages of formation of Russian entrepreneurship. Analysis of the motives of entrepreneurial activity in Russia allows the author to show the influence of the liberal reforms 60-70-ies of the XIX century in the process of developing a new system of social and cultural values that significantly affect the image of the entrepreneur. A new understanding of the specificity and identity of the Russian entrepreneurship, which is currently potential for its revival.

Keywords: Russia, entrepreneurship, merchants, the nobility, liberal reforms, values, motives, social disadvantage, social status, moral capital.

Современное российское предпринимательство существует только 30 лет. В историческом масштабе страны это очень мало. Кроме того эта социальная группа развивается в крайне неблагоприятных для нее условиях переходного периода от индустриального к постиндустриальному обществу, что существенно сказывается на ее экономических и духовно-нравственных возможностях. Российское общество и большинство самих предпринимателей пока не готовы признать справедливыми процессы перераспределения государственной собственности в 80-90-е годы XX века. Естественно, что варварская приватизация не может вызывать чувства гордости за людей наживших свои капиталы таким способом. Возможно это одна из причин почему отношение к предпринимателю в России очень неоднозначное и противоречивое, а у молодого поколения даже скептическое [8]. Молодежь, как свидетельствуют современные опросы, при выборе жизненной стратегии, отдает предпочтение в первую очередь работе чиновниками или в госкорпорациях, а не мечтает о своем бизнесе.

В последнее десятилетие XX – нач. XXI века особую роль в экономиках многих стран получили малые предприятия. В современной России предпринимательство также начиналось с малых форм, дел и действий. Однако социально-экономическое развитие имело другой вектор развития, который постепенно привел к дифференциации и возникновению различных типов производств, где лидерство захватили крупные корпорации.

Эта, отличная от западных стран тенденция, вызывает пристальное внимание ученых, направленное на изучение мотивов ведения предпринимательской деятельности и духовно-нравственных качеств самой личности предпринимателя. В первую очередь требуют осмысления возможности и способности предприятий малого бизнеса

вносить существенный вклад в повышение уровня занятости и конкурентоспособности именно российской экономики.

Несмотря на нерешенность этих концептуальных проблем взаимоотношения общества, власти и малого предпринимательства выдвигаются на первый план развития жизнедеятельности страны и каждого россиянина. Создание условий, при которых человек имеет возможность реализовать свои возможности, становится одной из главных задач развития страны и регионов.

Действительно преимущества предпринимательства в плане оздоровления экономической и общественной жизни очевидны, так как оно предоставляет возможность для реализации творческих способностей, инициативы, создания конкурентной среды и т.п.

Однако имеются и негативные стороны этого процесса, которые пока преобладают. Назовем некоторые из них – бюрократическое и криминальное давление, отсутствие профессиональных компетенций у многих предпринимателей и эффективной системы мер государственной поддержки и др. Эти негативные тенденции не позволяют российскому предпринимательству создать технологии модернизации и обновления страны.

В этом контексте представляет интерес образ предпринимателя, сложившийся последнее время в российском общественном сознании, а также факторы влияющие на формирование его положительного образа.

Начиная с IX и вплоть до XVII века предпринимательство в России развивалось, в основном, как торговое и ведущую роль здесь играло купечество [7, С. 239]. Только в XVIII веке, в связи с появлением и развитием первых крупных производств под патронажем государства. Складываются все условия к переходу от торгового капитала к промышленному, который неуклонно нарастал вплоть до первой половины XIX века. Ускоренное «развитие промышленного производства положило начало подчинению торгового капитала промышленному, формированию капиталистического предпринимательства в стране» [7, С. 240]. В этот период социокультурного развития купеческое сословие в России приобретает уникальные черты, постепенно формируется и система ценностей, отличная от мотиваций и целей западноевропейского предпринимательства. В среде предпринимателей проявляется, своеобразное национальное самосознание, которое в отличие от рационализма и прагматизма Запада, во главу угла не ставило возрастание собственности как меры личного успеха. Но это совсем не значило, что отечественный предприниматель того времени не стремился к прибыли и успеху, наоборот, практичность и индивидуальность всегда были неотъемлемой частью в хозяйственной деятельности в России. Однако данные характеристики занимали второстепенное место в системе ценностей русской православной культуры.

Двигателем предпринимательства на Западе в то время являлось обращение к земным ценностям, а главным критерием «спасения» в протестантской религиозной догматике становится успешная хозяйственная деятельность. Для российского предпринимательства XIX в. стержнем национального менталитета были православные ценности [6, С. 100]. Приоритет духовно-нравственного начал над материальными укоренялся в сознании русских купцов столетиями через православное воспитание и традиции, а также тесную связь с крестьянством и городскими низами. Сохранялся этот приоритет в сознании многих поколений русских людей, независимо от их отношения к религии. «Российские предприниматели признавали греховность богатства, а коммерческий успех не закрывал вопрос о его моральной цене. В российском менталитете отсутствовал культ богатства» [6, С. 102].

Либеральные реформы 60-70-х годов XIX века дали резкий толчок для начала раннеиндустриальной модернизации России, что ускорило процесс капитализации экономики России и развитие всех видов предпринимательства: промышленного, торгового, аграрного, банковского. По нашему мнению, именно в этот не простой период развития России формировался образ отечественного предпринимателя [1, 2, 3]. Можно отметить специфику и своеобразие русского предпринимателя того периода - это были люди с деловой хваткой, предприимчивостью и размахом замыслов, способностями к цивилизованному ведению своего дела. А принимаемые тогда законы постепенно устанавливали принципы свободы, равноправие в занятии предпринимательской деятельности, бессословности, решались задачи законодательного оформления статуса предпринимателя.

Помимо этого в среде предпринимателей ускоренным темпом шел процесс выработки новой системы социокультурных ценностей. Ярким показателем этого стало развитие традиций благотворительности и меценатства [10].

С изменением менталитета российских предпринимателей, менялось и отношение к ним в обществе. Однако и в начале XX века крупные предприниматели не вызывали никакой симпатии в обществе. Их положение в крестьянской стране с отсталым сельским хозяйством и общинным землеустройством и бедными деревнями, было шатким и весьма ненадежным. А если говорить о высших, образованных кругах, то к «аршинникам» и «менялам» относились вообще свысока. Для дворянского сословия торгово-промышленная деятельность была недостойным делом. Более того в самой предпринимательской среде не было корпоративного единства.

Интеграция дворянство в систему капитализма России имела свои особенности, которые были явными пережитками даже для того времени. Это, главным образом, традиционные привычки и предрассудки, базирующиеся на сословной иерархии. Так, в своем исследовании А.Н. Боханов отмечает что «среди крупнейших петербургских банкиров и промышленников встречались выходцы из семей старинного купечества, наряду с которыми фигурировали имена известных чиновников в отставке. В респектабельных офисах фирм можно было встретить и «сиятельных особ», носителей громких дворянских фамилий, владельцев родовых титулов, занимавших директорские кресла и места членов наблюдательных советов, рядом с купцами» [6, С. 14–15]. Но они объединялись только для решения экономических и финансовых вопросов. Когда вопросы были решены, все эти сообщества распадались и контактов вне деловой сферы не поддерживали. Стоит отметить, что и жили они в разных районах и общались строго в узко сословно-социальной среде. Купцы и промышленники всеми силами стремились преодолеть эту «ущемленность» в обществе.

Повысить свой социальный статус в то время, они могли только в рамках всей сословно-иерархической системы, за счет получения чинов, наград, званий и дворянства, которые жаловались исключительно властью. Во второй

половине XIX века в России сформировалась не только иерархия предпринимательства, но и ее мотивационная система. Например, петровская «Табель о рангах», созданная для регулирования продвижения лиц на государственной службе, была распространена на предпринимателей. Кроме того отечественные предприниматели участвовали в деятельности разных купеческих обществ, комитетах по мануфактуре и торговле, в работе попечительских советов, биржевых комитетов и так далее. Они так же служили в министерствах юстиции, промышленности и торговли, министерстве народного просвещения и внутренних дел. Казенное жалование, за эту деятельность, им не выдавалось. Несмотря на то, что финансовых выгод и льгот, значительных сословных преимуществ предприниматели не получали, однако такой деятельностью они расширяли свои возможности по получению чинов и наград, которые ценилось как духовно-нравственный капитал. Это было связано с тем, что поощрения самодержавной властью предпринимателей были редкими и вообще единичными, если касались изменения социального статуса - получение дворянства и родовых титулов.

Из всех форм поощрения самой престижной являлось «возведение в потомственное Российской империи дворянское достоинство», на которое могли претендовать предприниматели из числа потомственных почетных граждан и купцов. Пожалование дворянства имело огромный социально-общественный резонанс. Однако новых «благородных», нередко, игнорировали родовитые дворяне, не признавая их равными себе по социальному статусу. Это подтверждает тезис, что в эпоху капиталистической модернизации в социальной среде российского общества оставались устойчивыми феодальные традиции. «И если на Западе буржуа являлся истинным хозяином общества, то в России крупные предприниматели, не имевшие прочной социальной опоры и поддержки в лице среднего класса, не смогли самоутвердиться, переломить общественные настроения, отвергнуть отжившие юридические и нравственные нормы, стать творцами новой социальной действительности» [7, С. 241].

XX век принес стране новые потрясения. Революции, смена режима в стране (1917 г.), привели к полному уничтожению частной собственности и созданию бестоварного социализма. «Невостребованный государством потенциал предпринимательской энергии стал уходить в теневую экономику, которая постепенно превращалась в структуру, параллельную официальной экономике» [5, С. 123]. Образ предпринимателя в социуме стал негативным, а любая предпринимательская деятельность преследовалась законодательством.

В настоящее время происходят сложные процессы возрождения предпринимательства. Они отличаются многообразием и противоречивыми тенденциями, что не может не отражаться на формировании образа предпринимателя [9].

Таким образом, основы современного предпринимательства в нашей стране только проходят этап формирования, который невозможен без учета опыта прошлого. Социокультурная практика страны и региона XIX - нач. XX века показывает, что предпринимательство это достойная возможность зарабатывать и реализовать свои мечты и планы. Более того, российские предприниматели всегда были государственниками и патриотами, поэтому без их стабильного развития невозможно цивилизованное, гармоничное существование России.

Список литературы / References

1. Барышников М.Н. История делового мира России. – М.: Аспект-Пресс. 1994. – 224 с.
2. Бессолицын А.А. История Российского предпринимательства. – М.: МФПУ Синергия, 2008. – 413 с.
3. Бессолицын А.А., Кузьмичев А.Д. Экономическая история России. Очерки развития предпринимательства. – М.: 2005. – 240 с.
4. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. – М.: 1990. – 352 с.
5. Галаган Л.Л. История предпринимательства российского (от купца до банкира). [Текст] – М.: 1997. – 160 с.
6. Деловая элита России. 1914 г. – М.: Институт российской истории РАН, 1994. – 275 с.
7. Илларионова Е.В., Фомина А.С. История российского предпринимательства. – М.: 2009 - 248 с.
8. Интервью члена генсовета «Деловой России» С. Габестро. 4.11.2010. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bfm.ru/news/103253> (дата обращения: 23.10.2016)
9. Овсянников В. П., Якунин В. Н. Традиционное культурное наследие в молодых индустриальных городах // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1. С. 58-62.
10. Якунин В.Н. Хозяйственная культура Самарской епархии: формирование доходов духовенства в 1850-е - 1950-е гг. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4. С. 127-129.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baryshnikov M.N. Istoriya delovogo mira Rossii. [The history of business world of Russia] – М.: Aspekt-Press. 1994. – 224 p. [in Russian]
2. Bessolicyn A.A. Istoriya Rossijskogo predprinimatel'stva. [History of the Russian entrepreneurship] – М.: FPA synergy, 2008. – 413 p. [in Russian]
3. Bessolicyn A.A., Kuz'michev A.D. E'konomicheskaya istoriya Rossii. Ocherki razvitiya predprinimatel'stva. [Economic history of Russia. Essays on entrepreneurship development] – М.: 2005. – 240 p. [in Russian]
4. Buryshkin P.A. Moskva kupecheskaya. [Moscow merchant.] – М.: 1990. – 352 p. [in Russian]
5. Galagan L.L. Istoriya predprinimatel'stva rossijskogo (ot kupca do bankira) [The history of the Russian entrepreneurship (from merchant to banker)] – М.: 1997. – 160 p. [in Russian]
6. The business elite of Russia. 1914 g. [The business elite of Russia. 1914 g] – М.: The Institute of Russian history, 1994. – 275 p. [in Russian]
7. Illarionova E.V., Fomina A.S. Istoriya rossijskogo predprinimatel'stva. [History of the Russian entrepreneurship] – М.: 2009 – 248 p. [in Russian]
8. Interv'yu BFM.ru. chlena gensoвета «Delovoj Rossii» S. Gabestro. BFM.ru. 4.11.2010. [Interview with a member of the General Council of "Business Russia" Sergei Gabestro. 4.11.2010.] [Electronic resource] – URL: <https://www.bfm.ru/news/103253> (accessed: 23.10.2016). [in Russian]
9. Ovsyannikov V. P., Yakunin V. N. Tradicionnoe kul'turnoe nasledie v molodyx industrial'nyx gorodax [Traditional

cultural heritage in the young industrial cities] // Baltic humanitarian magazine. 2014. № 1. P. 58 – 62. [in Russian]

10. Yakunin V.N. *Xozyajstvennaya kul'tura Samarskoj eparxii: formirovanie doxodov duxovenstva v 1850-e- 1950-e gg.* [Economic culture of the Samara diocese: formation of incomes of the clergy in the 1850 s – 1950 s] // Vector of science of Togliatti state University. 2011. № 4. P. 127 – 129. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.263

Завьялова А.Н.

ORCID: 0000-0002-4470-9797, Кандидат культурологии, доцент,

Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России

ЭРОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В КНИЖНОЙ ГРАФИКЕ ХУДОЖНИКОВ СТИЛЯ МОДЕРН

Аннотация

Цель работы: выявить характерные черты эротики стиля модерн и определить художественно-выразительные средства стиля для передачи эротических образов.

Задачи исследования: исследовать влияние различных художественно-эстетических систем, направлений и жанров, в том числе эротического жанра «сюнга» японской гравюры «укие-э», на книжную графику художников стиля модерн; проследить степень заимствований структурных элементов, эстетических принципов и мотивов.

Данное исследование позволит расширить и углубить представления о специфических особенностях образной системы и выразительных средствах стиля модерн, показать существование возможности средствами искусства привнести в явления жизни и повседневность эстетическое начало и красоту.

Ключевые слова: гравюра «укие-э», эротика, эстетизм, модерн.

Zavyalova A.N.

ORCID: 0000-0000-0002-4470-9797, PhD in Culture Studie, Associate Professor,

Novosibirsk military Institute,

Internal troops of the army's general I.K. Yakovlev Ministry of internal affairs of Russia

EROTIC MOTIFS IN BOOKS, GRAPHIC ARTISTS OF THE ART NOUVEAU STYLE

Abstract

Aim: to identify the salient features of the Eroticism of the art nouveau style and define artistic-expressive style tools for transfer of erotic images.

Objectives of research: examine the effects of various artistic and aesthetic systems, trends and genres, including the erotic genre "shunga" Japanese prints "Ukiyo-e" on the book graphic artists of the art nouveau style; trace the extent of borrowing structural elements of aesthetic principles and motives.

This research will broaden and deepen perceptions about specifics of shaped and expressive system means the art nouveau style, show the existence of possible means of art contribute to the phenomenon of life and daily start and aesthetic beauty.

Keywords: engraving "Ukiyo-e", erotica, aestheticism, Art Nouveau.

Графика стиля модерн развивалась под сильным влиянием японского искусства. С началом торговых отношений Японии с европейскими странами в середине XIX в. особой популярностью на Западе стали пользоваться японские гравюры. Особенно в жанре «укие-э», так называемые «бытовые картинки», «картинки повседневности», которыми небогатые европейцы украшали свои жилища [2, 42]. Тематика для гравюр «укие-э» становятся бытовые, литературные или исторические сюжеты, уличные сценки, изображения цветов и птиц, пейзажи и др. [8].

Понятие «укие-э» в переводе с японского означало «картины бренного мира». Оно вообрало в себя с одной стороны философскую созерцательность и эмоциональную полноту любования полнотой бренного существования, а с другой буддийскую идею о мире – как «мире сансары», мире скорби, страданий и преходящих иллюзий. Позднее непостоянство бытия стало восприниматься японцами не только как источник страдания, а, скорее, как призыв к наслаждениям и удовольствиям, которые дарует это непостоянство. «Укие-э», стало обозначать мир земных радостей и наслаждений [7]. Поэтому, наряду с «картинками повседневности», широкое распространение получают и эротические гравюры «сюнга» – «весенние картинки» (иероглиф «весна» 春 в Японии являлся эвфемизмом для обозначения сексуальной сферы) [6, 753]. В них художники «укие-э» изображали сексуальную жизнь горожан во всём многообразии: сцены любовных утех, прекрасные гейши, актеры театра кабуки, воспринимавшиеся в ту эпоху как «куртизаны» мужского пола, гомосексуалы и разнообразные сексуальные фетиши (см. рис. 1).

Рис. 1 – Сюнга периода Мэйдзи. Мужчина с европейской причёской совокупляется с женщиной в традиционном японском костюме [8].

Для японских художников не существовало «вульгарных», «безнравственных» образов и запретных тем. Так как в японской традиции не было понятия первородного греха, соблазна, искушения. Плотская любовь была воплощением космической гармонии. Главным для мастеров «укие-э» становится прославление земной красоты и чувственной любви, эстетизация повседневности средствами искусства.

В качестве художественно-выразительных средств они используют каллиграфическую выразительность линий, гармонию линии и пятна, декоративность и экспрессивность в передаче образов [9, 24].

От эстетики гравюр «укие-э» художники стиля модерн воспринимают

технику рисунка с ее виртуозной игрой силуэтов и контурных линий, красотой и особой изысканностью черного цвета на белом фоне, лаконизмом и изяществом формы. А эротические сюжеты и мотивы жанра «сюнга» привлекают представителей модерна, прежде всего, богатством возможной трактовки. Чувственный эротизм «сюнга» в их рисунках трансформируется, приобретает своеобразную окраску в соответствии с мировосприятием и мироощущением художников в соответствии с эстетикой «нового стиля». Графики модерна создают особый тип эротизма, в котором нравственный критерий отходит на второй план, уступая место эстетическому, что впоследствии станет характерной чертой эротики стиля модерн.

Наиболее полно жанр «сюнга» воплотился в книжной графике стиля модерн. Выполняя иллюстрации к книгам и журналам, художники вдохновляются литературными сюжетами и персонажами.

Австрийский художник, книжный и журнальный иллюстратор Густав Климт известный как мастер эротического рисунка свои первые иллюстрации создает еще в студенческие годы к книге «Аллегии и Эмблемы». В ней традиционные аллегории и символы он интерпретирует в своей манере с большим акцентом на эротику. Примером из этого ряда служит иллюстрация к журналу «Ver Sacrum» «Nuda Veritas» – Обнаженная истина (см. рис. 2).

Рис. 2 – Г. Климт Обнаженная истина [1]

Излюбленный образ художника – образ женщины, женщины соблазнительницы, роковой и опасной. Он тонко улавливает всевозможные позы, жесты женщин, интимные моменты и состояние экстаза. Между тем, в рисунках Климта нет пошлости и цинизма, они изысканны, утончены и элегантно эротичны. Обнаженность и сексуальность в них прикрываются декоративностью, орнаментом и драпировкой, чтобы затем, быть частично приоткрытыми, выявляя утонченный эротизм, с налетом меланхолической, болезненной чувственности и эстетизма (см. рис. 3).

Рис. 3 – Г. Климт Леда [1]

Данный рисунок – иллюстрация к древнегреческому мифу о Леде. Леда в греческой мифологии дочь этолийского царя Фестия и жена спартанского царя Тиндарея. Пленённый красотой Леды, Зевс предстал перед ней в образе лебедя и овладел ею. От этого союза Леда родила яйцо, из которого появилась Елена, прекраснейшая из женщин.

Впервые незаурядный талант английского художника Обри Бердсли, в области эротического искусства, проявился в иллюстрациях к рассказу «Правдивая история» древнегреческого сатирика Лукиана (см. рис. 4).

Рис. 4 – О. Бердслей Странные создания Лукиана [5]

Художник живописует вакханалии и весьма откровенные сны, изображает странные создания, порожденные фантазией Лукиана [4]. Его графические работы, в отличие от работ Г. Климта, выходят за рамки изящной эротики. Эротизм у Бердслея приобретает оттенок порочности и сексуального вожделения. Художник передает эти характеристики через внешнюю дисгармоничность форм, абсурдность, граничащую с гротеском и парадоксом, сознательно искажая пропорции фигур, черты лица персонажей.

В тоже время за счет использования сложных графических техник – техники силуэта, штриховки, декоративизма и орнаментальности, эротическим рисункам придается необычайная выразительность, особый эстетизм и одухотворенность.

Маркиз Франц фон Байрос – австрийский художник, публиковал свои скандальные эротические рисунки под псевдонимом Choisy le Conin. Иллюстрации модных изданий, книг («Любовь и безумие», «Манон Леско», «Тысяча и одна ночь», «Декамерон»), частная подписка на гелиогравюры и др. выходят небольшими тиражами, преимущественно для частных заказчиков. Байрос привносит в свои рисунки изысканный, ажурный и тонкий графический стиль. Контрастное черно-белое изображение, игра с орнаментом, стилизация фигур под растение, текучесть и замкнутость линии – задают новый канон жанра.

Излюбленный инструмент художника – эпатаж зрителя. Используя скандальные эротические сюжеты и мотивы (лесбийские заигрывания, животные, лижущие тела своих хозяев, сексуальные игрушки, мастурбирующие женщины и др.), он пытается соединить образы ангелоподобных женщин, холодно - божественных, хрупких и женственных с извращенной сексуальностью и порочными страстями. Таковы иллюстрации к «Рассказам Туалетного столика» – «Erzählungen vom Toilettentisch» (см. рис. 5).

Рис. 5 – Ф. фон Байрос Рассказы Туалетного столика [11]

Наряду с книжными иллюстрациями, Байрос выполняет заказы владельцев частных библиотек на экслибрисы (книжные знаки) в технике гелиогравюры. Широкую популярность приобретают экслибрисы на табуированные темы эротического характера, где художник не ограничивает себя ничем (см. рис. 6).

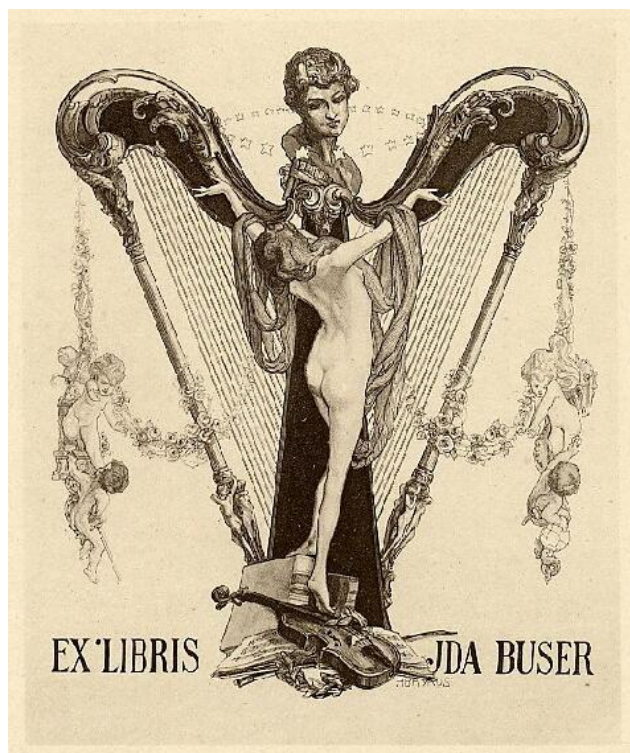

Рис. 6 – Ф. фон Байрос Exlibris Jda Buser

Его экслибрисы отличает ювелирная филигранность, романтическое настроение, неподдельное лирическое чувство, легкость и детальная проработка рисунка. Графика Байроса интересна своей техникой, где объем создается линией с минималистичным обозначением теней в виде тонкой штриховки или пунктира и совсем без бликов. Хотя есть и работы, выполненные в совсем другой технике, с использованием размывок.

Уникальный графический стиль художника, способы и приемы художественного воплощения эротических элементов делают рисунки Байроса подлинными произведениями искусства. Их нельзя назвать пошлыми или развратными, скорее, это своеобразная галантная коллекция эротических фантазий, где соединяется – мрачное и светлое, отвратительное и прекрасное, низкое и высокое [10].

В области эротики «Книга маркизы» русского художника Константина Сомова стала своеобразным прорывом. Сборник эротической поэзии и прозы, включал фрагменты фривольных текстов французских поэтов и писателей XVIII века – Вольтера, Этьена, Парни, Лакло и др. [5]. Он был иллюстрирован откровенными эротическими рисунками художника – изображавшими сцены частной жизни чувственного, очаровательно бесстыдного общества периода рококо с его театрализацией, карнавальностью, флиртом и эпатажностью (см. рис 7).

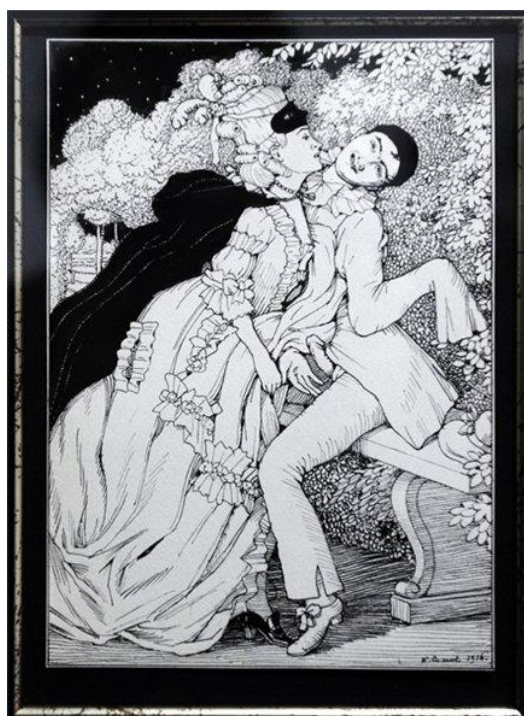

Рис. 7 – К. Сомов Маркиза и Пьеро [3]

Эротизм в работах Сомова находит выражение во внешней манерности, легкомысленности, кокетстве и игривости персонажей. В нем нет глубины, страстности, он тяготеет к искусственности, имитации и наигранности.

Для более глубокого раскрытия образов художник использует прием соединения натурального и условного в картине, когда вымышленный сюжет сливается с условным, что позволяет мастеру балансировать на грани между видимым и невидимым, тайным и явным, этическим и эстетическим.

Использование эротических мотивов и сюжетов в своем творчестве позволило художникам модерна создать оригинальную образную систему и выразительные средства исполнения, обогатить пластический язык стиля, открыть им существование возможности принципиально новых точек зрения на привычное и повседневное.

Список литературы / References

1. Bilanz K. Gustav Klimt. – Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1977. – 128 s.
2. Завьялова А.Н. Особенности взаимодействия японского искусства и стиля модерн // Наука в современном информационном обществе: Материалы IV межд. научно-практ. конференции. – North Charleston USA, 2014. – С. 41-44
3. Немировский Е.Л. Мастер линий//Комп'Арт. – 2004. – №12. [Электронный ресурс]: <http://www.compuart.ru/article.aspx?id=9386&iid=398>
4. Немировский Е.Л. Обри Бердслей: комбинация линий и пятен//Комп'Арт. – 2004. – №7. [Электронный ресурс]: <http://www.compuart.ru/article.aspx?id=8971&iid=373>
5. Обри Бердслей: 66 избранных рисунков. Альбом гравюр. – М.: Renaissance, 1991. – 138 с.
6. Rowthorn, Chris. Japan – Lonely Planet, 2009. – 872 с.
7. Старохамская К.Ю. Что такое «укие-э»? Немного сведений о японской гравюре [Электронный ресурс]: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-2693/>
8. Фар-Бекер Габриель Японская гравюра./Пер. с англ. – Мюнхен-Москва: Taschen, Арт-Родник. – 2005. – 200с
9. Forbidden Images – Erotic art from Japan's Edo Period. – Helsinki, Finland: Helsinki City Art Museum. – P. 23–28.
10. Franz von Bayros – эксlibрис на грани скандала [Электронный ресурс]: <http://yablor.ru/blogs/eroticskie-ekslibrisi-franca-fon-bayrosa/706133>
11. Франц фон Байрос (1866-1924) (215 работ) [Электронный ресурс]: <http://nevsepic.com.ua/art-i-risovanaya-grafika/12654-markiz-franc-fon-bayros-1866-1924-215-rabot.html>.

Список литературы на английском языке / References in English

1. K. Bilanz Gustav Klimt. -Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1977. -128 s.
2. Zavyalova A.N. peculiarities of interaction of Japanese art and Art Nouveau//Science in modern information society: proceedings of the IV International. Scient. the Conference. -North Charleston USA, 2014. -S. 41-44
3. Nemirovsky E.L. Master/lines/Komp'Art. -2004. No. 12. [Electronic resource]: <http://www.compuart.ru/article.aspx?id=9386&iid=398>
4. Nemirovsky E.L. Aubrey Beardsley: a combination of lines and stains//Komp'Art. -2004. – №7. [Electronic resource]: <http://www.compuart.ru/article.aspx?id=8971&iid=373>
5. Aubrey Beardsley: 66 elected figures. M.: Renaissance, 1991. -138 p.
6. Rowthorn, Chris. Japan. Lonely Planet, 2009. -872 s.
7. Starohamskaâ K.Yu. What is "Ukiyo-e"? A little information about the Japanese engraving [electronic resource]: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-2693/>
8. Headlights-Becker Gabriel Japanese prints/lane. with engl. -Munich-Moscow: Taschen Art Spring. -2005. -200 c.
9. Forbidden Images-Erotic art from Japan's Edo Period. -Helsinki, Finland: Helsinki City Art Museum. -P. 23-28.
10. Franz von Bayros-Ex Libris on the verge of a scandal [electronic resource]: <http://yablor.ru/blogs/eroticskie-ekslibrisi-franca-fon-bayrosa/706133>
11. Franz von Bajros (1866-1924) (215) [electronic resource]: <http://nevsepic.com.ua/art-i-risovanaya-grafika/12654-markiz-franc-fon-bayros-1866-1924-215-rabot.html>.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.031

Фархадова А.Р.

Аспирант, МГУ имени М.В.Ломоносова

ПОЛИТИКА СТРАНОВОГО БРЕНДИНГА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА)**Аннотация**

В данной статье авторы провели анализ экономических отношений за период 2000-2015гг. Российской Федерации и Республики Азербайджан с целью подтвердить гипотезу зависимости политик странового брендинга и имиджей стран и их экономических деятельности. Во время анализа использовались данные четырёх сфер экономических отношений: правовой аспект, энергетический блок, неэнергетической блок и сфера инвестиций в двустороннем порядке. По результатам выяснилось, что имидж и политика странового брендинга находятся в прямой двусторонней зависимости от экономической деятельности двух стран. Выявлено, что экономика страны — неотъемлемая составляющая часть имиджа страны и политики странового брендинга.

Ключевые слова: имидж страны, политика странового брендинга, страновой брендинг, отношения России и Азербайджана, имидж России, экономические отношения России.

Farhadova A.R.

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

POLICY OF COUNTRY BRANDING AS A FUNDAMENTAL FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS (ON EXAMPLE OF RUSSIA AND AZERBAIJAN)**Abstract**

The paper analyzes the economic relations between the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan during the period of 2000-2015. The aim of the paper is to confirm the hypothesis about dependence within policies of country branding, images of countries and their economic activities. The data of four spheres of economic relations were used during the analysis: legal aspect, power unit, non-energy unit and sphere of bilateral investment. As a result it has been found that the image and policy of country branding bilaterally depend on economic activities of two countries. It has been revealed that the country's economy is the integral component of the country's image and policies of country branding.

Keywords: image of country, policy of country branding, country branding, relations of Russia and Azerbaijan, image of Russia, economic relations of Russia

Сегодня имидж как понятие и явление является почти феноменом на поприще наук, в которых это понятие применяется. Став практически универсальным термином, сегодня имидж изучается в контекстах множества гуманитарных наук: психологии, педагогики, философии, социологии, и других. В каждой сфере имидж обретает своё, исключительное новое понятие и определение. Имидж также занял особую нишу в науке культурологии, неся в себе оценочную и мотивационную нагрузку и будучи источником и излучателем значительного влияния как на предмет, обладающий определённым имиджем, так и на тех, кто оказывается под его влияние. Имидж способен влиять на массы [7, С. 11].

В сфере культурологии и политологии в последние годы сразу несколько значимых учёных трудились над определением понятия имиджа и природы этого понятия как такового. Среди этих людей стоит отметить тех, на чьи труды мы опирались в ходе своего исследования: во-первых, автор ряда работ по теме имиджа страны и государства, доктор политических наук и кандидат экономических наук Э.А. Галумов; следующий специалист имиджевой политики государства - А.П. Панкрухин, профессор МВА, лауреат премии «Имиджология-2007», регулярный почётный автор журнала «Корпоративная имиджология»; А.Е. Кирюнин – российский социолог, профессор, автор книги «Имидж региона как интериоризация культуры».

По оценкам экспертов политологии и социологии, имидж государства и политика его странового брендинга сильно влияет на его развитие и успешное функционирование на международной арене, предопределяя экономические, политические и культурные связи и партнёрские контакты государства [8, С. 24]. Зачастую положительный имидж страны является своего рода залогом успешного сотрудничества.

Имидж страны неразрывно связан с понятием странового брендинга. За определением обоих понятий мы обратились к иностранному эксперту странового брендинга, основателю концепции «national branding» Саймону Анхольту, главе компании Anholt NBI, советнику правительства Великобритании по вопросам дипломатии, международных отношений, инвестиционной политики, редактору журнала «Place Branding and Public Diplomacy»: «...в глобальном мире каждый город, регион, страна должны конкурировать за туристов, инвестиции, доверие, репутацию и уважение со стороны мировых СМИ. Имидж страны — это ее конкурентное преимущество. Брендинг страны — это стратегический подход к развитию этого преимущества и видения того, куда страна может двигаться. Без такого видения страна не сможет конкурировать. Как формируются впечатления о стране? Благодаря компаниям, союзникам, словам, которые говорят о ней другие люди и которые страна говорит о самой себе. Мы не верим рекламе, мы верим тому, что другие говорят о стране» [4, С. 7].

Согласно последним данным от экспертов в области современной экономике успешность любого предприятия находится в прямой двусторонней зависимости от имиджа управленцев предприятия, от имиджа предприятия в целом [10]. То есть, на основании этих слов и мнении Саймона Анхольта справедливо полагать, что если представить предприятие как целую страну, а имидж предприятия генерализировать в страновой брендинг, то можно смело утверждать, что успешность страны, успешность её экономического развития влияет на улучшение её странового брендинга и наоборот.

В современном мире страны давно уже не принято делить по религиозному принципу или по типу правления. В 21-ом веке универсальным мерилom стала экономическая успешность стран, отсюда и деление стран на развитые,

развивающиеся и на страны третьего мира. При этом брендинг и имидж развитых стран стоит намного дороже брендингов их соседей из других классификаций. Можно смело утверждать, что экономика - неотъемлемая составляющая часть имиджа страны и политики странового брендинга [11].

Мы предлагаем рассмотреть развитие и успешность отношений двух стран — России и Азербайджана — исходя из контекста влияния имиджей стран на успешных их экономических отношений и наоборот.

Актуальность нашей статьи обусловлена сегодняшним наличием как никогда дружественных межгосударственных отношений России и Азербайджана наравне с продуктивным сотрудничеством. Со слов Посла России в Азербайджане Дорохина В.Д., две страны заинтересованы в успешности друг друга: «Быть соседом, это совсем не то, чтобы быть заокеанским партнером. Заинтересованность в благополучии друг друга у соседей носит естественный характер. Нас связывают экономические интересы. Россия – крупнейший рынок для азербайджанского нефтяного сектора. Одновременно Россия – страна номер один по экспорту в Азербайджан продукции самого широкого профиля» [9].

Мы предлагаем проследить историю развития и динамику развития российско-азербайджанских экономических отношений, следуя следующей самостоятельной и оригинальной, благодаря изученным нами материалам, логике исследования:

- Документы и организации, регулирующие экономические отношения России и Азербайджана
- Энергетический блок сотрудничества
- Неэнергетический блок сотрудничества
- Инвестиции в двустороннем порядке

Такой подход нам представляется рациональным, так как, следуя такому порядку, мы сможем уделить внимание каждой сфере и области российско-азербайджанских экономических отношений.

Документы и организации, регулирующие экономические отношения России и Азербайджана.

Самые первые документы, акты и протоколы, регулирующие экономические отношения двух стран появились практически сразу после распада Советского Союза:

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о свободной торговле – 1992 год, 30 сентября; [2]
- Первый протокол об изъятии из режима свободной торговли – 1992 год, 26 ноября; [2]
- Второе соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о свободной торговле – 1994. [2]
- Второй протокол об изъятии из режима свободной торговли – 2000 год, 29 ноября;
- Соглашение о принципах взимания косвенных налогов во взаимной торговле от 29 ноября 2000 г.

Как видно из хронологии подписания соглашений и принятия протоколов в период первого и второго этапов, описанных Пивоваром Е.И., российско-экономические отношения носили нестабильный характер, но уже после 2000 года наметилась чёткая стратегия выстраивания экономических отношений. Ещё в 1996 году была создана Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой, или МПК [14, С. 339]. Данная комиссия была призвана стать действительно рабочим «органом», который бы следил и курировал принятие решений конкретных, определённых вопросов российско-азербайджанских торгово-экономических отношений на правительственном уровне [14, С. 340]. Однако, как отмечает завкафедрой государственного и муниципального права Архангельского Северного института предпринимательства, доктор исторических наук, профессор Гаджиев А.Н., МПК не оправдывала ожиданий вплоть до «реанимации» комиссии усилиями Президента Владимира Путина и его кабинета министров в 2000 году [6, С. 219]. В 2002 году, усилиями Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству было подписано соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества [15].

В 2006 году было в Баку открыто Торговое представительство Российской Федерации, а уже в 2007 году в Баку состоялась первая международная конференция на тему «Торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой: состояние и перспективы» [15]. Помимо этого, к 2012 году было создано несколько организаций по вопросам экономического сотрудничества Азербайджана с отдельными субъектами России: с Татарстаном, Дагестаном, Санкт-Петербургом, Москвой и рядом других городов [1]. Более того, регулярно проводятся совещания по экономическим вопросам между Россией и Азербайджаном.

Можно утверждать, что к сегодняшнему дню в организационно-правовой сфере российско-азербайджанских экономических отношений достигнута предельная ясность, наблюдается постоянное взаимодействие стран, что, как следствие, ведёт к лучшему пониманию позиций сторон и улучшению образов России и Азербайджана соответственно.

Энергетический блок сотрудничества.

Россия и Азербайджан наладили сотрудничество в энергетической сфере раньше всех других сфер. Партнёры, будучи странами с большими запасами ресурсов (в том числе, нефти и природного газа), на взаимовыгодных условиях наладили торговлю природным газом: «Газпром» начал поставлять газ в Азербайджан ещё в 2000 году, а в 2003 был заключён пятилетний контракт купли-продажи сырья между «Газэкспортом» и Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР), позднее этот контракт был продлён [15].

Помимо традиционных газово-нефтяных проектов, у Российской Федерации и Азербайджана подготовлен целый ряд проектов в альтернативной сфере: планируется возведение и запуск ряда АЭС на территории Азербайджана. Также российской стороной планируется возведение нескольких ГЭС на своей территории с привлечением азербайджанских специалистов [16].

Из международных энергетических проектов России и Азербайджана стоит выделить проект реализации параллельной работы энергетических систем двух стран с Ираном.

Неэнергетический блок сотрудничества.

Если в энергетическом блоке доля экспорта и импорта стран в целом находится в равном соотношении, то в неэнергетическом товарообороте между странами с 1996 года наблюдается перевес в пользу России. За последние несколько лет в товарообороте стран наблюдается следующая динамика: показатели 2011 года составляют 157,9 % показателей 2007 года [5].

Азербайджан является традиционным поставщиком фруктов и овощей в Россию, что объясняется природными факторами, а также лёгкой логистикой. Помимо сельскохозяйственных продуктов Азербайджан также поставляет алкогольную продукцию и бакалею. Россия в первую очередь является главным импортёром продуктов машиностроения, легкой и тяжёлой промышленности, продуктов ВПК. Отмечается, что усилиями регионов России удалось добиться увеличения экспорта в Азербайджан тракторов, автомобилей, автобусов и запчастей к ним в 4 раза, а также в 2 раза были увеличены поставки нефтепромышленного оборудования и прочей строительной продукции [1].

Инвестиции в двустороннем порядке.

Инвестиции это более серьёзная сфера в российско-азербайджанских отношениях и в любых других межгосударственных отношениях. Учитывая природу инвестиций как долгосрочных вложений с высокой степенью риска, то даже потенциальная возможность вложения средств одним государством в структуры другого может расцениваться не только как признак уверенности в работоспособности систем и структур страны, но и как признак доверия одной страны другой, ведь риск, всегда остаётся риском. Такое мнение выразила председатель Центрального банка Российской Федерации Набиуллина Э.С., назвав инвестиции «вопросом доверия» [12].

За несколько лет сотрудничества в Азербайджане были открыты тысячи предприятий с привлечением российского капитала. В 2010 году в Азербайджане насчитывалось порядка полутысячи предприятий, при этом около трёхсот имеют поддержку исключительно российского капитала [5].

Поток прямых инвестиций России в Азербайджан с 2001 года и по 2014 увеличился почти в 9 раз, но, стоит отметить, что полученные цифры составили всего лишь 0,21% от всех прямых инвестиций в Азербайджан того года [5]. Эксперты связывают такие умеренные и даже «осторожные» показатели с переживанием Россией рецессии кризиса в 2014 году [17]. Но в отличие от инвестиций, торговые отношения между двумя странами в течение всего периода сотрудничества не сбавляли оборота, несмотря на кризисы, сотрясающие мир и последующие рецессии.

Когда речь заходит о прямых инвестициях Азербайджана в Россию, то стоит упомянуть, что официальный Баку уже довольно давно проявляет инвестиционный интерес к рынку России: ежегодно создаются новые производства и стартуют новые совместные проекты. Азербайджан не так сдержан в вопросах международного инвестирования: по подсчётам экспертов прямые инвестиции Республики в Российскую Федерацию в период за последние 10 лет составили порядка 1 миллиарда долларов [3].

Прежде всего имеющийся поток инвестиций, не уходящий в отрицательную динамику на фоне волн общемировых кризисов и рецессий, свидетельствуют не только о воцарившемся обоюдном доверии между Россией и Азербайджаном, но и о незатухающем интересе стран друг к другу, который может поддерживаться исключительно благодаря совершенно позитивным имиджам двух стран, сложившихся за последние годы. Доктор психологических и философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, автор ряда статей на тему имиджа Перельгина Е.Б. пишет, что позитивный имидж стран, союзников, партнёров и серьёзных напарников создаёт необходимые условия в обществе, при которых интерес к стране сохраняется даже в самых сложных положениях. (например, обострение ситуации в Нагорном Карабахе) [13, С. 103].

Руководитель межпарламентской группы дружбы Россия-Азербайджан Дмитрий Савельев так отзывается о наступившем инвестиционном комфорте двух стран: «Российско-азербайджанские отношения развиваются по всем направлениям и являются примером стратегического партнерства. 75 российских регионов поддерживают торгово-экономические связи с Азербайджаном. Таким образом, в лице Азербайджана у России есть надежный партнер, готовый на осуществление взаимовыгодных инвестиционных проектов, на реализацию совместных программ в разных отраслях» [17].

Опираясь на изученный нами материал и проведённый анализ, можно сказать, что, несмотря на небольшой период времени – всего 20 лет, российско-азербайджанские экономические отношения успели достигнуть достаточного уровня развития, чтобы их можно было назвать примером стратегического партнёрства для других стран СНГ [17]. С каждым годом товарооборот между Россией и Азербайджаном растёт, увеличивается количество совместно реализуемых проектов, поток прямых инвестиций в обе страны. Безусловно, достигнутый такой высокий уровень развития экономических отношений России и Азербайджана является плодом трудов кабинетов министров двух стран, политических и экономических деятелей.

Однако не стоит не брать во внимание тот факт, что процесс формирования позитивных имиджей стран и сам факт наличия позитивных имиджей России и Азербайджана сыграл немалую роль в становлении экономических отношений двух стран. Первые этапы становления отношений были совершенно неплодотворными и непродуктивными по мнению авторов, упомянутых выше в статье, но, уже в новом тысячелетии, в 2000-2002гг, когда имиджи стран в двустороннем порядке начали приобретать статус «положительных», в экономических отношениях стран также произошли качественные изменения. Ещё одним фактом, подтверждающим влияние позитивных имиджей стран на российско-азербайджанские экономические отношения является неизменный поток инвестиций. Цифры притока капитала росли даже в сложные, тёмные для обеих экономик стран годы. Остаётся надеяться, что совместные усилия и дружеские отношения России и Азербайджана позволят плодотворном сотрудничестве в экономической сфере развиваться и дальше, несмотря на напряжённую обстановку в мире.

Список литературы / References

1. Азербайджан расширяет экономическое сотрудничество с регионами России [Электронный ресурс] // Информационный портал «Day.az». – URL: <http://news.day.az/economy/356557.html> (дата обращения: 10.08.2016).
2. Аналитики: Российско-азербайджанские отношения. [Электронный ресурс] // Информационный аналитический портал по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. – URL: <http://ia-centr.ru/archive/commentse106.html?id=144> (дата обращения: 11.08.2016).
3. Аналитическая справка по статистике внешней торговли Азербайджанской Республики с Российской Федерацией в январе-апреле 2015г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации, портал внешнеэкономической информации. – URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/az/az_ru_relations/az_ru_trade/ (дата обращения: 10.08.2016).
4. Анхольт С. Брендинг: дорога к мировому рынку / С. Анхольт. – М. : КУИЦ-ОБРЛЗ, 2004. – 92 с.
5. Внешнеэкономические отношения между Азербайджаном и Россией. [Электронный ресурс] // Аналитический онлайн портал «Contact». – URL: <http://www.contact.az/docs/2012/Analytics/090300009745ru.htm#V7IZk02LSUn> (дата обращения: 08.08.2016).
6. Гаджиев А. Н. Геополитическая панорама мира в 2000-2014 годах : сборник историко-геополитических статей / А. Н. Гаджиев. – Архангельск. КИРА, – 311 с.
7. Галумов Э. А. Имидж страны: компоненты структуры и коммуникации / Э. А. Галумов. – М., 2002. – 23 с.
8. Ибрагимов И. Стратегия эффективного влияния / И. Ибрагимов. – М. : «Весь мир», 2016. – 240 с.
9. История связывает Россию и Азербайджан уникальным образом. Интервью Посла России в Азербайджане В.Д. Дорохина журналу «Made in Azerbaijan». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Азербайджанской Республике. – URL: <http://embrus-az.com/intervyu/831-istoriya-svyazyvaet-rossiyu-i-azerbajdzhan.html> (дата обращения: 11.08.2016).
10. Киселев И. Ю. Динамика образа государства в международных отношениях / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург, УНТА, 2006. – 348 с.
11. Мирошниченко В. Бренд страны как двигатель экономического развития / В.Мирошниченко // Компаньон. – 2006. – №24. – С. 17-26.
12. Набиуллина: инвестиции — это не следствие дешевых денег, это вопрос доверия. [Электронный ресурс] // Информационный портал финансового сектора «banki.ru». – URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8395944> (дата обращения: 10.08.2016).
13. Перелыгина Е. Б. Психология имиджа / Е. Б. Перелыгина. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 221 с.
14. Пивовар Е. И. Российско-азербайджанские отношения. Конец XX – начало XXI века / Е. И. Пивовар. – М. : Kremlin Multimedia, 2012. – 448 с.
15. Российско-азербайджанские торгово-экономические отношения. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/az/-/asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content/id/190994 (дата обращения: 12.08.2016).
16. Россия – Азербайджан: энергетический диалог. [Электронный ресурс] // Информационный портал «Хроника. Мировые новости». – URL: <http://xronika.az/analytics/1183-rossiya-azerbajdzhan-yenergeticheskij-dialog.html> (дата обращения: 11.08.2016).
17. Эксперты: Инвестиции Азербайджана в Россию ускорят рост ее экономики [Электронный ресурс] // Информационный портал «Росбалт». – URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2015/10/09/1449436.html> (дата обращения: 12.08.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Azerbajdzhan rasshirjaet jekonomicheskoe sotrudnichestvo s regionami Rossii [Azerbaijan expands economic cooperation with Russian regions] [Electronic resource] // Informacionnyj portal «Day.az» [Information Portal «Day.az»]. – URL: <http://news.day.az/economy/356557.html> (accessed: 10.08.2016). [in Russian]
2. Analitiki: Rossijsko-azerbajdzhanskije otnoshenija [Analysts: Russian-Azerbaijani relations] [Electronic resource] // Informacionnyj analiticheskij portal po izucheniju obshhestvenno-politicheskikh processov na postsovetском prostranstve [The information analytical portal on the study of the socio-political processes in the post-soviet space]. – URL: <http://ia-centr.ru/archive/commentse106.html?id=144> (accessed: 11.08.2016). [in Russian]
3. Analiticheskaja spravka po statistike vneshnej trgovli Azerbajdzhanskoj Respubliki s Rossijskoj Federaciej v janvare-aprele 2015g. [Analytical information on foreign trade statistics of the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation in January-April 2015] [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, portal vneshnejekonomicheskoi informacii [Official site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, foreign trade information portal.]. – URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/az/az_ru_relations/az_ru_trade/ (accessed: 10.08.2016). [in Russian]
4. Anholt S. Branding: doroga k mirovomu rynku [Branding: the road to the global market] / S. Anholt. – Moscow : KUIIC-OBRLZ, 2004. – 92 p. [in Russian]
5. Vneshnejekonomicheskie otnoshenija mezhdru Azerbajdzhanom i Rossiej [External-economic relations between Azerbaijan and Russia] [Electronic resource] // Analiticheskij onlajn portal «Contact» [Research online portal «Contact»]. – URL: <http://www.contact.az/docs/2012/Analytics/090300009745ru.htm#V7IZk02LSUn> (accessed: 08.08.2016). [in Russian]
6. Gadzhiev A. N. Geopoliticheskaja panorama mira v 2000-2014 godah : sbornik istoriko-geopoliticheskikh statej [The geopolitical view of the world in 2000-2014 years: a collection of historical and geopolitical articles] / A. N. Gadzhiev. – Arhangel'sk. KIRA, 2015. – 311 p. [in Russian]
7. Galumov E. A. Imidzh strany: komponenty struktury i kommunikacii [The image of the country: the structure and components of communication] / E. A. Galumov. – Moscow, 2002. – 23 p. [in Russian]

8. Ibragimov I. Strategija jeffektivnogo vlijaniya [Strategy for the effective influence] / I. Ibragimov. – Moscow : «Ves mir», 2016. – 240 p. [in Russian]
9. Istoriya svyazyvaet Rossiju i Azerbajdzhan unikal'nym obrazom. Interv'ju Posla Rossii v Azerbajdzhanе V.D. Dorohina zhurnal «Made in Azerbaijan» [History binds Russia and Azerbaijan in a unique way. Interview of Russian Ambassador to Azerbaijan V.D. Dorokhin for the magazine «Made in Azerbaijan»]. [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Posol'stva Rossijskoj Federacii v Azerbajdzhanskoj Respublike [Official site of the Russian Embassy in the Republic of Azerbaijan]. – URL: <http://embrus-az.com/intervyu/831-istoriya-svyazyvaet-rossiyu-i-azerbajdzhan.html> (accessed: 11.08.2016). [in Russian]
10. Kiselev I. Ju. Dinamika obraza gosudarstva v mezhdunarodnyh otnoshenijah [The dynamics of the image of the state in international relations] / I. Ju. Kiselev, A. G. Smirnova. – St. Petersburg : Publishing house “Sankt-Peterburg”, UNTA, 2006. – 348 p. [in Russian]
11. Miroshnichenko V. Brend strany kak dvigatel' jekonomicheskogo razvitiya [Brand of the country as the engine of economic development] / V. Miroshnichenko // Kompan'on [Companion]. – 2006. – № 24. – P. 17-26. [in Russian]
12. Nabiullina: investicii — jeto ne sledstvie deshevyyh deneg, jeto vopros doverija [Nabiullina: investment is not the result of cheap money, it is a question of trust] [Electronic resource] // Informacionnyj portal finansovogo sektora «banki.ru» [Information Portal of the financial sector «banki.ru»]. – URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8395944> (accessed: 10.08.2016). [in Russian]
13. Perelygina E. B. Psihologija imidzha [The Psychology of image] / E. B. Perelygina. – Moscow : Aspekt Press, 2002. – 221 p. [in Russian]
14. Pivovarov E. I. Rossijsko-azerbajdzhanskie otnosheniya. Konec XX – nachalo XXI veka [Russian-Azerbaijani relations. The end of XX - beginning of XXI century] / E. I. Pivovarov. – Moscow : Kremlin Multimedia, 2012. – 448 p. [in Russian]
15. Rossijsko-azerbajdzhanskie trgovno-jekonomicheskie otnosheniya [Russian-Azerbaijani trade and economic relations]. [Electronic resource] // Oficial'nyj sajt Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii [Official site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/az/-/asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content/id/190994 (accessed: 12.08.2016). [in Russian]
16. Rossiya – Azerbajdzhan: jenergeticheskij dialog [Russia - Azerbaijan: energy dialogue]. [Electronic resource] // Informacionnyj portal «Hronika. Mirovye novosti» [Information portal "Chronicle. World News"]. – URL: <http://xronika.az/analitics/1183-rossiya-azerbajdzhan-yenergeticheskij-dialog.html> (accessed: 11.08.2016). [in Russian]
17. Jeksperty: Investicii Azerbajdzhana v Rossiju uskorjat rost ee jekonomiki [Experts: Azerbaijani investments in Russia will accelerate the growth of its economy] [Electronic resource] // Informacionnyj portal «Rosbalt» [Information portal "Rosbalt"]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2015/10/09/1449436.html> (accessed: 12.08.2016). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.122

Хамнаевой Н.И.¹, Цыгунновой Е.Т.²¹ORCID: 0000-0002-1825-0097, Доктор технических наук, профессор²ORCID: 0000-0002-1825-0023, Кандидат культурологии,

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, ФИЗИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация

Одним из перспективных регионов развития туризма и гостеприимства является Республика Бурятия. В настоящее время туризм в республике Бурятия имеет свою специфику в связи с полиэтническими и конфессиональными особенностями Байкальского региона. Авторы данной статьи раскрывают технологию развития, физической и духовной составляющей специалистов туристской отрасли, что, безусловно, является актуальным направлением для квалифицированных кадров.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, полиэтнический регион, туризм.

Hamnayevev N.I.¹, Tsygunovy E.T.²¹ORCID: 0000-0002-1825-0097, PhD in Engineering, professor, ²ORCID: 0000-0002-1825-0023, PhD in Culture Studies,

The east Siberian state university of technologies and management

TECHNOLOGY DEVELOPMENT, PHYSICAL AND SPIRITUAL COMPONENT QUALIFIED PERSONNEL TOURIST BRANCHES

Abstract

One of perspective regions of tourism development and hospitality is the Republic of Buryatia. Now tourism in to the republic Buryatia has the specifics in communications with multiethnic and confessional features of the Baikal region. Authors of this article disclose technology development, physical and spiritual the tourist industry constituting specialists that, certainly, is the urgent direction the personnel qualified.

Keywords: culture, cultural space, multiethnic region, tourism.

В последние десятилетия туризм стал неотъемлемой частью социокультурного пространства. Существуют особенности развития туризма, в том числе и культурные, которые зависят от специфики региона, в котором он образовался, существует и развивается.

В современных условиях жизни человека и общества важной составляющей является всестороннее эффективное развитие физической культуры, спорта, привлечение широких масс населения к этим занятиям. Уровень вовлечения населения в активную среду является бесспорным доказательством жизнеспособности и духовной силы любой нации. Особый интерес в этом плане вызывают – поездки, походы, путешествия, туристская деятельность.

Путешествуя, человек чувствует и видит все по-другому, «расширяя свое пространство» активно воздействует на физическую, психическую и духовную составляющую всего организма. Сам процесс формирования культурного пространства основан на создании пространственности, которое связано с изменениями принципов человеческого восприятия. Стереотипы страны, народа, его обычаев и традиций, культурного, социального, политического развития рушатся. При этом происходит освоение не только культуры «страны прибытия», но и родной страны в целом, а также региона в частности. «Познание себя через познание других» – одна из важнейших культурологических функций туризма и путешествий. Человек, который всю жизнь провел в своей однородной культуре не в состоянии понять, что он живет «в культуре», оценить ее путем сравнения с другими культурами мира [3].

Особенности развития туризма способствует освоению не только географическо-социального пространства, но и культурного, его конструированию и моделированию. Основную функцию освоения культурного пространства и связанную с ней ключевую функцию культурного моделирования можно наблюдать при изучении культурного пространства Республики Бурятия.

Бурятия – это регион, принадлежащий к категории особых, во многом уникальных территорий нашей страны. Байкальский регион обладает рекреационным потенциалом, полное использование которого способно в значительной мере удовлетворить потребность рекреационного, познавательного, спортивного туризма, население стимулировать вовлечение в эти виды туризма не только республики, а также других регионов России и иностранных туристов из разных стран[1]. Для эффективного развития туризма в республике требуются квалифицированные кадры. На сегодняшний день в системе высшего образования существует несколько подходов к практико-ориентированному образованию, которые связаны с организацией учебной, производственной и преддипломной практик студента с целью его погружения в профессиональную среду, а также внедрение профессионально-ориентированных технологий обучения, способствующих формированию у студентов значимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности.

Интерес вызывает технология подготовки специалистов на основе проведения выездных занятий – «Квест-ориентирования». По предварительно разработанной маршрутной карте студенты знакомятся с памятниками культуры и архитектуры, историческими местами в любой местности путем поиска и узнавания предмета исследования по наводящим признакам, преодолевая большие расстояния в заданный период времени.

Одно из таких занятий проводилось по теме: «Верхнеудинск – Улан-Удэ». Выбор темы занятия не случаен, так как история города складывалась на протяжении более чем трех столетий. Память о прошлом, знание истории родного города – своего рода эстафетная палочка, которая передается нашим потомкам, через наследие всех поколений, живших на нашей земле до нас. Географические названия, исторические памятники – это неотъемлемая часть национального и культурного наследия.

Первоначально студенты получают методический материал по выполнению коллективного задания по истории города и библиографический список литературы по заданной теме. Студентам предлагается несколько вопросов по истории г. Улан-Удэ, по архитектурным сооружениям и памятным местам столицы Бурятии. При выполнении данного коллективного задания необходимо привести историческую справку данного объекта, указать его точный адрес, сделать собственные фотографии этого места и указать в каком виде туризма будет востребован данный объект. Студенты делятся на команды и в течение двух недель ведут самостоятельную работу.

Вторым этапом является самостоятельная творческая работа студентов. Например, сочинение на тему «Чтение в моей жизни» или создание видео ролика на тему: «Развитие туризма в Республики Бурятия» и т.д. [2].

Заключительный этап занятия представляет собой конкурс – публичную защиту творческих работ студентов, главным условием которой является заинтересованная, оживленная обстановка, где студенты с интересом слушают своих конкурентов и задают уточняющие вопросы по теме презентаций. Вывод, практические занятия, основанные на технологии квест-ориентирования являются эффективным практико-ориентированным методом обучения студентов. От успешности этих занятий зависит уровень профессиональных компетенций будущих специалистов, их будущий вклад в развитие туризма. Достигается главная цель – развитие духовной, физической составляющей студентов, привитие им навыков вовлечения населения в активную среду.

Список литературы / References

1. Хамнаева Н. И Особенности развития туризма в Республике Бурятия ва Н.И./ Н. И Хамнаева , Е. Т. Цыгунуова Е.Т. //Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований: Материалы VII международной научно-практической конференции. н.-и. ц. «Академический». 2015. С. 18-20.
2. Хамнаева Н. И. Методика подготовки студентов-бакалавров через использование различных методов обучения / Н. И. Хамнаева, Е. Т. Цыгунуова // Педагогический журнал. 2014. № 6. С. 64-70.
3. Hamnaeva N. I. Analysis of the current level of the Buryat's health culture in a cultural context aeva Tsyng / N. I. Hamnaeva ., E. T. ETsyngunova // Euromediterranean biomedical journal, [№ 10 (15), 2015, p.187-190.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Hamnaeva N. I. [Features development of tourism in Republic Buryatiyava] / N. I. Hamnaeva, E. T. Tsyngunova // Topical areas of basic and applied research: Materials VII international scientific-practical conference. n.-i. c. «Academic»

[Urgent directions of basic and applied researches: Materials VII international scientific and practical conferences. n.-i. c. "Academic"]. 2015. P.18-20. [in Russian]

2. Hamnaeva N. I. [Technique of training of students bachelors through use of various methods of training] / N. I. Hamnaeva, E. T. Tsyngunova // Teaching Journal [Pedagogical magazine]. 2014. No. 6 P. 64-70. [in Russian]

3. Hamnaeva N. I. Analysis of the current level of the Buryat's health culture in a cultural context / N. I. Hamnaeva, E. T. Tsyngunova // Euromediterranean biomedical journal, № 10 (15), 2015, P. 187-190.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.166

Айзятков Ф.А.

Доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин,

Саранский кооперативный институт

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье рассматривается формирование человеческих ценностей в рамках поведенческой энергии, психической мотивации. Поиск форм саморегуляции духовных отношений представлен внутринаучными изменениями, не позволяющими решать нравственные проблемы без конкретно-исторической разработки логических структур, способных обеспечить познавательные функции в отношении конкретных стилей культуры. В рамках таких представлений необходимо единство связи и обособленности духовных отношений; этические структуры должны обладать интегративными свойствами, информацией о мире, а также учитывать особенности практических контекстов.

Ключевые слова: трансформация, цивилизации, социокультурные изменения, ценностные ориентации, глобализация, энергетические концепции, модель, виртуальная действительность.

Ayzyatov F.A.

PhD in Philosophy, professor, Saransk Cooperative Institute

METHODOLOGICAL CONCEPT OF VALUES IN THE DYNAMICS OF MODERN SOCIETY

Abstract

The article discusses the formation of human values in the context of behavioral energy, mental motivation. The forms searching of self-regulation spiritual relationship is represented by intrascientific changes, not allowing to resolve moral problems without concrete historical development of logical structures, capable of providing cognitive functions for specific cultural styles. Through such representations the unity and separateness of the spiritual relations are necessary; ethical structure should possess integrative properties, information about the world, and also consider features of practical contexts.

Keywords: transformation, civilization, socio-cultural changes, values, globalization, energy concept, model, virtual reality.

Основанием динамичных трансформаций современного общества служат внедрение новых технологий, создание единого информационного пространства. Они повлекли серьезные социокультурные изменения, разрушение социальных нормативов и ценностных ориентаций. Продолжающееся размытие границ между реальной и нереальной (в виртуальной действительности) формами существования объектов социосистем неумолимо ведет к деформации понимания феномена жизни и отношения к ней, «ведь если нет ничего „однозначно живого“, то основные традиционные ценности связаны с отношением к жизни» [1, с. 39].

Человеческая цивилизация подошла к такой черте, за которой она может столкнуться с неизбежностью переосмысления ментальных ценностей и пересмотра базовых понятий. Поэтому сегодня важен ответ на вопросы, зачем, для чего, с какой целью необходимо внедрение новой моральной парадигмы, несет она добро или зло, пользу или вред человеку. Ценностный подход к любому предмету или явлению основополагающий в жизни человека, и чем значительнее предмет, тем важнее ценности и представления о нем [2, с. 23]. Говоря о жизни как о главной витальной действительности во все времена, нельзя не обратить внимание на те изменения в общественном сознании, которые произошли в отношении ее антипода - смерти на рубеже XX–XXI веков.

Консюмеристская западная культура в своем внутреннем развитии вслед за Ф. Арьесом, Ж. Батаем и Ж. Бодрийяром заявила, что может и желает быть тленной, подобно культуре без смерти, законченному и счастливому пути жизни. Создание нового порядка при помощи биомедицинских технологий (трансплантации донорских органов) породило неожиданную систему ценностей восприятия жизни и смерти. Смерть стала некой «гарантией» будущей жизни, подобно тому, как одна жизнь может быть использована ради другой. Классическая европейская этика, исходившая из самодостоверности существования человека, оказалась перед необходимостью рефлексии над предельными основами человеческого бытия и западной культуры.

По мнению Е. Г. Гребеншиковой, принципиальная неразрешимость в рамках традиционной морали новых проблем, актуализированных развитием биомедицины во второй половине XX века, определила поиск новых этических ориентиров в широком социокультурном контексте. Трансляция духовных оснований и ценностей стала возможной лишь в постмодернистской структуре общества [5, с. 27]. С утверждением таких ценностей либерализма, как право на информирование и свободу выбора, собственный взгляд на этику и идеологию, в этико-медицинской доктрине ярко выразились постмодернистские интенции философско-мировоззренческого плана. Данные изменения в первую очередь коснулись проблемы права на жизнь и права человека на легализованную эвтаназию.

Современный человек, вырвавшийся из привычных (биологических) рамок своего бытия, стоит перед широчайшим выбором альтернатив дальнейшего саморазвития. Эманация исторического процесса и антропного времени осуществляется на фундаменте самодостаточной свободы воли. По сути, эту же мысль высказал академик Б. Г. Юдин, говоря о том, что существенным моментом свободы можно считать растущую независимость человека.

Важнейшая для человека экзистенциальная ценность – свобода – приобретает в настоящее время новые горизонты: перестав быть «образом и подобием Божиим», он, казалось бы, обрел свободу и возможности творца своей жизни и смерти, своего тела, имиджа, карьеры, иными словами, своего «счастья». Многие абсолюты человеческого бытия, прежде всего такие, как естественная красота, прекрасное и безобразное, утрачивают четкие контуры, нивелируются или подменяются искусственными нормами и стандартами, происходит разрушение традиционных культурных ценностей.

Формирование человеческих ценностей объясняется разрядкой поведенческой энергии, психической мотивацией, способностью сознания порождать энергию. Психологи говорят об импульсах к действию, влечениях, зарядах «психической» энергии и о том, что за этими терминами и фразами скрыты реальные факты и закономерности, психические причины интерпретации которых сформировали в энергетических концепциях К. Лоренц, Н. Тинберген, К. Колби. Согласно теории З. Фрейда, психика сосредоточена в двигающихся инстинктах, каждый из которых представлен собственной энергией. Бессознательная энергия регулируется специальным аппаратом, называемым «я», которое в свою очередь подчиняется нормам поведения.

Другая энергетическая концепция, механики, принадлежит У. Мак-Дугаллу. По его представлению, энергия создается в воспринимающей области, накапливается и задерживается при помощи элемента, напоминающего шлюз. Последний открывается при воздействии внешних раздражителей: для этого достаточно высвобождения энергии и запуска реакции причины, но недостаточно внутренних воздействий, порождающих неспецифические состояния, потребности или мотивации [5, с. 26]. При достаточной силе открывается «шлюз» в канал, связывающий внутренние реакции с другими. Мак-Дугалл выдвинул еще одну гипотезу, согласно которой каждый инстинкт представляет собой накапливающуюся в виде газа энергию. Вне движения органы в камере энергии открывают клапаны, попадают в трубу, соединяющую механизмы. Такой подход позволяет сравнивать двигательную активность организма с работой мотора, запускаемого при помощи электроэнергии.

Автором другой энергетической модели является Н. Тинберген. По его мнению, резервуары, расположенные по принципу иерархии нервных центров, обладают способностью заряжать друг друга. Энергетическое раздражение вызывается внешним и эндогенным раздражителем. При отсутствии стимула выход энергии блокируется и снимается в виде энергии, накопленной органами. Таким образом, энергия, необходимая для регуляции поведения, характеризуется свойствами физической энергии. Например, она может перетекать из одного резервуара в другой, накапливаться, переходить из одного состояния в другое. Даже психика сама по себе, как считает К. Колби, особая форма энергии наряду с такими, как тепловая, электрическая и химическая. Она подчиняется общим законам, свойственным другим формам материи. Рассуждая о позиции К. Колби, профессор Р. Хайнд пишет: «Создается впечатление, что, не будь открытой системы, психика подчинялась бы законам психической динамики» [1, с. 58].

Н. Тинберген считает, что импульсы не являются разновидностями психофизических систем. Однако при анализе модели психофизической реальности исследуются свойства, которые специфичны для разработки «мотивационных импульсов» [1, с. 45-47]. Все названные авторы вовсе пренебрегают спецификой логики, обогатившей науку своими ценностями.

С появлением теории информации методология трансформировалась в причинность. К сожалению, информационная методология привела некоторых исследователей при обсуждении энергетической концепции информации к отказу от рассмотрения роли причинности в поведении людей.

Доказано, что в объеме энергии, необходимой для сетей, нет строго определенной информации. Но для сложных систем, содержащих не только конкретные параметры, соотношения связей в психических состояниях органов дают определенные результаты. Например, для ориентировочной реакции задаются значимые раздражители ориентировочного рефлекса, статистически определяемого подсигналом, с целью организации конкретных данных между значимостью энергии и мыслями в действии.

При психорегулятивных процессах отход от классических реакций является явно односторонним. Доказано, что общественные духовные процессы оказывают огромное влияние на поведение социальных сред. Этому есть подтверждения в истории. Вспомним эпизод, когда Наполеон приказал музыкантам играть «Марсельезу» для поднятия боевого духа солдат на Бородинском поле.

Согласно одному из многочисленных определений духовных отношений, существуют закрытые системы самодостаточных правил, принципов и норм, принятых в рамках какого-либо социума, общезначимых для него и необходимых для достижения конкретных и осмысленных целей. С изменением последних трансформируются духовные отношения в рамках рациональности [3, с. 80]. Из истории философии ясно, что у расширения и преодоления границ нравственных отношений всегда есть специфика конкретной исторической культуры. Однако вопрос духовных отношений и интеллектуальной свободы существовал всегда, независимо от времени, культурных, политических веяний, этапа развития цивилизации и т. д. Речь идет о духовных отношениях как автономной единице.

Отсюда ценностные отношения выглядят единым образованием, имеющим достаточно прочные основания, такие как доверие, научная картина мира, ценности и философские принципы. Эти категории привлекают пристальное внимание всех исследователей, тяготеющих к самым различным концепциям. Провозглашаются множественность, многообразие, конкуренция парадигм, признание и поощрение проектов жизни, социальных взаимоотношений и научных теорий. Сосуществование в эпоху постмодернизма разных, подчас противоположных, научных школ, центров предполагает переоценку ценностных отношений их представителями. В этом есть как позитивные, так и негативные моменты. Складывается принципиально новая формально-логическая картина, составляющая основу

духовных отношений [4, с. 109]. Однако именно нормативность последних предопределяет ее ограниченность, с которой и начинается этика отношений.

Социокультурный контекст современного общества представлен различными формами познавательной деятельности и постоянно приобретает новые оттенки. Познавание этических отношений связано с анализом социальной системы, а также с другими формами освоения мира. Исследование феномена духовных отношений имеет в основе единство взаимодействия и автономии, а также закрепление собственной позиции по данной проблеме.

Список литературы / References

- 1 Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики / В.А. Аврорин. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. - 275 с.
- 2 Агошкова Е.Б. Эволюция понятия системы / Е. Б. Агошкова, Б. В. Ахлибининский // Вопр. философии. - 2005. - № 7. - С. 21-23.
- 3 Айзатов Ф.А. Устойчивое развитие: состояние, модель, стратегия (методологический и социально-экологический анализ) / Ф.А. Айзатов. - Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 1998. - 289 с.
- 4 Акерлоф Дж.А. Идентичность и экономика организаций / Дж.А. Акерлоф, Р.И. Крэнтон // Рос. журн. менеджмента. - 2010. - Т. 8. - № 2. - С. 107-130.
- 5 Бакаева Ж.Ю. Количественно-информационный контекст научных школ: этнорегиональный аспект / Ж. Ю. Бакаева / Регионология. - 2008. - № 4. - С. 24-27.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avrorin V.A. Problemy izucheniya funkcional'noj storony yazyka: K voprosu o predmete sociolingvistiki [The problems of studying the functional language side: on the subject of sociolinguistics] / V.A. Avrorin. - L.: Nauka, Leningrad. otd-nie, 1975. - 275 p. [in Russian]
2. Agoshkova E.B. Evolyuciya ponyatiya sistemy [The evolution of the system concept] / E.B. Agoshkova, B.V. Akhlebnino // Vopr. Philosophy [Problems of philosophy]. - 2005. - No. 7. - Pp. 21-23. [in Russian]
3. Ajzyatov F.A. Ustojchivoe razvitie: sostoyanie, model', strategiya (metodologicheskij i social'no-ehkologicheskij analiz) [The sustainable development: status, model, strategy (methodological and socio-environmental analysis)] / F.A. Ajzyatov. - Saransk: Mordov. GOS. PED. in-t im. M.E. Evseveva, 1998. - 289 p. [in Russian]
4. Akerlof G.A. Identichnost' i ehkonomika organizacij [The identity and Economics of organizations] / G.A. Akerlof, R.I. Krenton // ROS. Sib. Management [Russian Journal of Management]. - 2010. - T. 8. - No. 2. - P. 107-130. [in Russian]
5. Bakaeva ZH.YU. Kolichestvenno-informacionnyj kontekst nauchnyh shkol: ehtnoregional'nyj aspekt [Quantitative information context of scientific schools: ethno regional dimension] / ZH.YU. Bakaeva // Regionologiya [Regionology]. - 2008. - № 4. - P. 24-27. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.005

Акинин И.А.

Аспирант, Финансовый университет

КОНКУРЕНЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ НА ПРИМЕРЕ РЫНОЧНОЙ КОНКУРЕНЦИИ АВТОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

Примером успешного применения механистической теории управления является автомобильный завод «Форд». Применение данной теории дало «Форду» конкурентные преимущества, сделав крупнейшим автоконцерном мира. Но через полвека классическая парадигма управления сменилась неклассической. Компания «Тойота» продемонстрировала преимущества нового типа менеджмента. Сегодня неклассический менеджмент уступает свои позиции постнеклассическому, что демонстрируется лидированием компании «Фольксваген». Принципы синергетического управления позволили корпорации «ВАГ» выиграть в конкурентной борьбе посредством конструирования реальности.

Ключевые слова: управление, менеджмент, философия управления, синергетический менеджмент, конструирование реальности.

Akinin I.A.

Postgraduate student, Financial University

MARKET COMPETITION OF AUTOMAKERS AS AN EXAMPLE OF MANAGEMENT PARADIGMS

Abstract

An example of the successful application of the mechanistic theory of management is the automobile factory "Ford". Application of this theory gave "Ford" competitive advantage making the world's largest automaker. But after half a century, the classic management paradigm have been changed by neoclassical paradigm. "Toyota" company demonstrated the benefits of a new type of management. Today neoclassical management losing ground to modern management management. As demonstrated by "Volkswagen" leading. The principles of synergetic management allowed the corporation "VAG" to win the competition by constructing reality.

Keywords: management, management philosophy, managerial philosophy, synergetic management, construction of reality.

С древнейших времён предпринимались попытки философского осмысления искусства управления. «Умение управлять людьми, это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений» [1, с. 57], утверждал Платон.

Несмотря на факт осознания наличия проблемы, понимание искусства управления, как науки, имеющей свои методологические основы, пришло гораздо позже. Теория менеджмента начала формироваться только к концу XIX в. Вполне справедливо утверждение, что философия управления – одна из наиболее молодых отраслей философии. Основные принципы и методологические ориентиры философии управления на данный момент всё ещё находятся в состоянии формирования.

Исторически сложилось, что ярчайшими представителями классической и неклассической теорий управления стали напрямую конкурирующие автомобильные корпорации. Компания «Форд» довела до абсолюта механистические принципы начала XX века, реализовав тейлоризм на практике. Один из наиболее видных сторонников механистической теории управления в России, А.К. Гастев, теоретик НОТ, сказал так: «Форд – это самое последнее слово тейлоризма»[2, с. 42].

Компания «Тойота» через полвека после триумфа «Форда» доказала устаревание механистических взглядов на управление, реализовав на практике четырнадцать принципов Эдвардса Деминга.

Но сегодня «Тойота» уже проигрывает другой крупной автомобильной корпорации – концерну VAG (Volkswagen AG, также неофициально расшифровывается как Volkswagen-Audi Group). Логично предположить, что европейцы, кому изначально противопоставлялся японский подход, применили принципы постнеклассической парадигмы управления, и именно таким образом добились преимущества.

Для начала, давайте разберёмся, в чём суть «дао Тойота» и управления по Демингу.

В своём фундаментальном труде «Выход из кризиса» Эдвардс Деминг акцентировал внимание в первую очередь на улучшении качества и объёмов производства. В самом начале первой главы он задаёт тон всей книги: «В Америке распространено мнение, что качество и объём производства несовместимы, – вы не можете иметь и то и другое одновременно»[3, с.29]. И тут же Деминг постулирует, что этот подход не верен, так как с ростом качества снижается объём потерь при производстве, что ведёт к снижению затрат и повышению конкурентоспособности. В представлении Деминга, рост объёмов производства и качества ведёт к росту конкурентоспособности а значит, прибыли. И для ситуации, в которой он работал, это была аксиома. Япония не имела выхода на мировой рынок, не имела производств мирового масштаба, но в то же время, была использована США и другими западными странами как рынок сбыта. Таким образом, практически отсутствующий бизнес в Японии вынужден был сразу конкурировать с богатейшими мировыми компаниями. И следование философии управления Деминга сделало это возможным.

Приведём краткий перечень принципов Деминга.

1. Добивайтесь постоянства цели – непрерывного улучшения продукции и услуг.
2. Примите новую философию.
3. Покончите с зависимостью от контроля качества.
4. Положите конец практике оценки и выбора поставщиков только на основе цены.
5. Постоянно и непрерывно совершенствуйте систему производства и обслуживания.
6. Введите обучение на рабочих местах.
7. Учредите лидерство.
8. Изгоняйте страх.
9. Разрушайте барьеры между подразделениями.
10. Откажитесь от лозунгов, призывов и установления целей для рабочих, требующих «нуля дефектов» и выхода на новый уровень производительности.
11. а) Устраните количественные нормы и задания. Замените их лидерством.
б) Исключите управление по целям, числам, количественным результатам. Замените их лидерством.
12. а) Разрушайте барьеры, которые лишают постоянных рабочих права гордиться своим мастерством.
б) Ломайте барьеры, которые лишают менеджеров и инженеров их права гордиться своим мастерством. Это значит, между прочим, отказ от периодических аттестаций и рейтингов.
13. Учредите широкую программу обучения и самообразования.
14. Сделайте так, чтобы все в компании работали вместе над коренными изменениями. Преобразование – это работа для всех.[3, с.46]

Пожалуй, данные принципы можно разделить на два условных типа: принципы, призванные заместить собой сложившиеся традиции (например, числовое управление, систему рейтингов, систему обучения в отрыве от производства и т.д.) и принципы, определяющие цели данной парадигмы.

В рамках рассматриваемой проблемы, наиболее интересно целеполагание «философии качества», и его наиболее точно характеризуют принципы 1 и 5. Приведём их точнее:

1. Добиваться постоянства цели, а именно – непрерывного улучшения продукции и услуг. Это необходимо для достижения конкурентоспособности, сохранения бизнеса и создания рабочих мест.
2. Постоянно и непрерывно совершенствовать систему производства и обслуживания. Это будет залогом улучшения качества и производительности, что, по Демингу, должно в итоге снизить издержки.

Постоянной целью, которую должна принять организация, действующая по принципам Деминга, является улучшение качества и производительности, и именно это, в рамках данной философии, названо критерием конкурентоспособности. И этот критерий целиком оправдан, когда речь идёт об оккупированной после поражения в войне стране, не имеющей мощной промышленности, рынков сбыта, передовых технологий, ресурсов и средств.

Эффективность философии качества была наглядно продемонстрирована компанией «Тойота», победившей в конкурентной борьбе компанию «Форд». Победённый в войне обогнал победителя в экономике после войны.

Но для сегодняшнего дня и глобального рынка совершенно очевидно, что подобный путь развития имеет естественные ограничения. Во-первых, объёмы рынков сбыта ограничены. Если в 70-80-е годы прошлого века Япония не имела практически никаких рынков сбыта, и повышение качества и количества продукции и услуг её предприятий давало выход на потребителя, то сегодня свободных рынков просто нет, а появляющиеся ниши мгновенно занимаются

несколькими агрессивными компаниями, жёстко конкурирующими друг с другом. Уже имеющие долю рынка игроки также не могут быть спокойны, ведь появление какого-либо новшества может моментально перевернуть баланс сил в каком-то конкретном секторе.

И устаревание принципов «дао Тойота» наглядно демонстрируется потерей рынка данной компании в пользу концерна «ВАГ»[4]. Весь 2015 год обе компании шли вровень, но начало 2016 года показывает, что рост продаж «Фольксвагена» заметно обгоняет таковой у «Тойоты»[5].

Но в чём же преимущество политики «Фольксвагена» перед политикой «Тойоты»?

Пожалуй, наиболее важное отличие – отсутствие стремления к наращиванию объёмов и качества выпускаемой продукции. Как ни странно, это не является целью немецкого концерна. Объёмы производства «ВАГ» растут, но не столь значительными темпами, как в 70-е годы, во время «японского чуда», рос выпуск автомобилей «Тойота». А вот насчёт качества можно утверждать и вовсе обратное: оно падает.

Парадоксально, но именно это является «ноу-хау» европейских компаний, сегодня обгоняющих по объёмам производства азиатские. Практически во всех крупных концернах Европы появились отделы, занимающиеся... снижением качества готовой продукции, так называемым запрограммированным старением деталей, узлов и агрегатов. После проектирования машины инженерами, технологи начинают просчитывать, какие детали сколько должны прослужить. Производителям вовсе не нужно, чтобы двигатель был способен выдержать суммарный пробег в 500-800 тысяч километров, а коробка передач продолжала хорошо работать в течение многих лет. Задачей технологов, помимо оптимизации производства, является внедрение в конструкцию элементов, которые гарантированно выйдут из строя, как только у автомобиля закончится срок гарантии. Таким образом, через 3-5 лет покупатель вынужден будет снова идти в салон, покупать новый автомобиль, или же тратить деньги на запчасти, которые также не будут работать сколь-нибудь долгое время.

Кроме того, имея широкий спектр новых технологий, производитель не спешит их использовать. Доходит до, казалось бы, абсурдных ситуаций, когда функция заложена в конструкции автомобиля, но не активирована, и за её включение необходимо заплатить, чтобы получить более полную комплектацию автомобиля, хотя сам процесс активации данной конкретной функции – просто выставление галочки в настройках программы.

«Дао Тойота» – это прогнозирование тенденций на основе статистики, это управление тем, что обычно происходит или должно происходить. Это – суть неклассической теории управления. Новый «Путь ВАГ» – это моделирование самой реальности. Они не делают всё по максимуму хорошо. Они делают всё оптимально, чтобы, с одной стороны, удовлетворить основные потребности покупателей, а с другой – обеспечить себе стабильный спрос на продукцию и комплектующие к ней.

Список литературы / References

1. Платон. Государство. / под ред. Асмуса В.Ф. // Соч. в трех томах. Т. 3, ч. 1 – М.: Мысль, 1972
2. Гастев А.К. Предисловие к русскому изданию книги А. Файоля «Общее и промышленное управление» / Гастев А.К. // «А. Файоль Общее и промышленное управление» пер. с франц. – М.: Контроллинг, 1992
3. Деминг Э. «Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами.» / Деминг Э., пер. с англ.; 2-е издание. – М.: «Альпина бизнес букс», 2009
4. «VW Passes Toyota to Lead Global Sales in First Half of 2015» [Электронный ресурс] / Крейг Труделл и Масацугу Хори // Bloomberg – URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-07-28/vw-overtakes-toyota-for-global-sales-lead-in-first-half> (дата обращения: 31.10.2016)
5. Рост продаж автомобилей в Европе в июне был максимальным за 5,5 года [Электронный ресурс] // «Ведомости» – URL: <http://www.vedomosti.ru/auto/news/2015/07/16/600913-rost-prodazh-avtomobilei-v-evrope-v-iyune-bil-maksimalnim-za-55-let> (дата обращения: 31.10.2016)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gosudarstvo. [Plato. State.] / ed. Asmus V. // Soch. v treh tomah. T. 3 [Works in 3 volumes. Volume 3, Part. 1], ch. 1 M.: Mysl 1972 [in Russian]
2. Gasteв A.K. Predislovie k russkomu izdaniyu knigi A. Fajolja «Obshhee i promyshlennoe upravlenie» [Preface to the Russian edition of the book A. Fayol "General and industrial management"] / A. Gasteв // "A. Fayol. General and industrial management", translated from French – M.: Controlling 1992 [in Russian]
3. Deming «Vykhod iz krizisa: Novaya paradigm upravleniya lyud'mi, sistemami i processami» ["Out of the crisis. The new paradigm of managing people, systems and processes"] // E. Deming / trans. from English; 2nd edition. – M.: "Alpina Business Books", 2009 [in Russian]
4. «VW Passes Toyota to Lead Global Sales in First Half of 2015» / Craig Trudell and Masatsugu Horie [Electronic resource] // Bloomberg – URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-07-28/vw-overtakes-toyota-for-global-sales-lead-in-first-half> (accessed: 31.10.2016)
5. Rost prodazh avtomobiley v Evrope v iyune byl maksimal'nym za 5,5 goda. [The growth of car sales in Europe in June was the highest in 5.5 years] [Electronic resource] // «Vedomosti» – URL: <http://www.vedomosti.ru/auto/news/2015/07/16/600913-rost-prodazh-avtomobilei-v-evrope-v-iyune-bil-maksimalnim-za-55-let> (accessed: 31.10.2016) [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.085

Артюхович Ю.В.

ORCID: 0000-0003-3007-3430,

Доктор философских наук, профессор,

Волгоградский государственный технический университет

МОРАЛЬНАЯ ПОЛИВАЛЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ**Аннотация**

Приведен философский анализ аксиологических трансформаций в области морали в современном обществе с позиции аксиологического подхода. Представлена дефиниция моральной валентности. Показано, что моральная валентность как уровень нравственности личности имеет аксиологическое измерение и находит конкретное выражение в нормах и ценностях, на которые человек ориентируется. Высказано предположение о том, что нравственная амбивалентность личности в советской России стала исходной точкой в расширении аксиологического диапазона моральной валентности личности современника. Определен категориальный статус моральной поливалентности личности. Выявлена негативная специфика нравственной поливалентности личности в современной России. Установлено, что бинарное мышление с четким различием добра и зла заменило «плюральное» мышление, в котором нет четкой границы между добром и злом, гуманизмом и жестокостью.

Ключевые слова: мораль, личность, поливалентность, общество.

Artjukhovich Ju.V.

ORCID: 0000-0003-3007-3430,

PhD in Philosophy, professor, Volgograd State Technical University

MORAL MULTIVALENCY OF PERSONALITY**Abstract**

Philosophical analysis of the axiological transformations in the realm of morality in modern society from a position of axiological approach is shown. Definition of moral Valence is provided. It is shown that moral valence as the level of morality of the individual has axiological dimension and finds concrete expression in those norms and values on which a person is oriented. Categorical status moral multivalency of personality is defined. It has been suggested, that moral ambivalence of personality in Soviet Russia became the starting point in expanding the axiological range of moral valence of personality in modern Russia. Negative specificity of moral multivalency of personality in modern Russia is identified. It is found that binary thinking, with a clear distinction between good and evil has replaced the "plural" thinking, in which there is no clear distinction between good and evil, humanism and cruelty.

Keywords: morality, personality, multivalency, society.

Духовно-нравственный кризис в современном обществе актуализирует проблему морального развития личности, побуждает к поиску путей гармонизации социальных взаимодействий и межличностных контактов. Исследование нравственной аксиосферы российского социума и морального состояния соотечественника становится сегодня значимой проблемой философского знания.

Цель статьи – краткий философский анализ аксиологических трансформаций в области морали, возникших в современном обществе. В исследовании моральной поливалентности личности доминируют системный (с элементами синергетического) и аксиологический подходы; сравнительно-исторический и диалектический методы. Научно-практическая значимость философского осмысления проблемы моральной поливалентности личности современника заключается в том, что наше исследование может: расширить научные рамки в изучении актуальных нравственных проблем современного социума; найти применение в научной деятельности: при разработке концептуальных основ специальных разделов аксиологии, философской антропологии и социальной философии; применяться в управленческо-прогностической деятельности и социальной практике с целью гармонизации социальных взаимодействий в современном социуме.

Социально-философский анализ проблем морального сознания в современном информационном социуме проводится нами в новом ракурсе философского знания: через призму термина *моральной валентности* как уровня нравственности личности.

Определение категориального статуса моральной валентности личности требует предварительной дефиниции данного термина и обоснования возможности его применения в данном контексте. В общем случае валентность (от лат. *valentia* – сила) – это способность объекта взаимодействовать с другими объектами. В толковом словаре Д.Н. Ушакова этимология термина «валентность» выводится из лат. *valens* – «имеющий ценность, значение». Точное значение многозначного термина «валентность» варьируется, в зависимости от предметной области его применения. В химии валентность (от лат. *valēns* – имеющий силу) – способность атомов химических элементов образовывать определенное число химических связей с атомами других элементов; в лингвистике – способность слова сочетаться в тексте с другой языковой единицей. В процессуальных теориях мотивации «валентность» – приоритет для человека тех или иных результатов деятельности. В психологии термин «валентность» (от англ. *valence*, *incentive value*) используется в качестве обозначения для побуждающей способности личности, значимости объекта, события или действия для субъекта, их мотивационной силы. В частности, в теории психологического поля К. Левина валентностью называется психологическая значимость объекта, события, человека, цели, области и т.д. в жизненном пространстве индивида. По мнению В. Врума, автора теории ожиданий, валентность – это субъективная мера привлекательности, ценности и значимости цели: аффективные ориентации на определенные результаты, т.е. степень ожидаемой удовлетворенности.

При многозначности данного термина мы можем выделить нечто *общее* во всех вышеупомянутых определениях валентности: наличие некоего ценностного смысла и «соединительной силы», побуждающей субъекта обратиться к

реализации данного ценностного смысла в своей жизни и деятельности. Можно предположить, что в общепсихологическом смысле валентность – это уровень, мера количества и качества связей человека с окружающим миром, возникающих на основе определенных ценностных приоритетов (которые с течением времени могут изменяться). К. Левин исходил из того, что личность живет и развивается в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет определенный заряд (валентность). Эксперименты Левина доказывали: при существовании предметов, которые для всех имеют одинаково притягательную или отталкивающую силу, притягательность или отталкиваемость предмета в феноменологическом поле субъектов разнится [1]. Для каждого конкретного человека валентность имеет свой знак.

Но тогда можно ли в аксиологическом измерении назвать валентность мерой ценности неких связей и взаимодействий? На этот вопрос категорично отвечает В. Врум в своей теории ожиданий. Ученый четко разграничивает понятия валентности как ожидаемой удовлетворенности, а «ценности» – как действительной удовлетворенности и подчеркивает, что эти понятия могут не совпадать. По теории ожиданий, человек выбирает те или иные действия исходя из своих представлений о последствиях этих действий. Валентность – это субъективная мера привлекательности и значимости цели. Таким образом, валентность скорее связана с ожиданиями, нежели с действительным опытом. Например, человек считает перспективу (валентность) повышения по службе целью, достойной стремления. Однако, получив желаемое повышение, он может обнаружить, что достигнутое не стоит его ожиданий: валентность (ожидание) не становится ценностью (действительной удовлетворенностью человека в реальности). Продолжим: валентность не становится ценностью для *этого* человека, а для другого ожидания оправдываются, цель достигается: валентность, воплотившаяся в реальности, становится действительной ценностью [2].

Таким образом, в психологии валентность – это возможность, перспектива, ожидание достижения. Ценность – действительная значимость духовных и материальных конструктов и объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом. «Ценность всегда человечна» (Р. Лотце), и возникает в процессе человеческого действия и осмысления. Однако ценность объективирована и воплощена, а валентность – это лишь возможность, вероятность воплощения ценности, базирующаяся на субъективных личностных аксиологических основаниях.

Итак, моральная валентность как уровень нравственности личности имеет аксиологическое измерение и находит конкретное выражение в тех нормах и ценностях, на которые человек ориентируется и реализует в своем поведении. Моральная валентность личности – это *мера количества и качества связей* человека с окружающим миром, возникающих на основе его субъективных представлений о моральных ценностях. Если моральная валентность – *уровень нравственности* субъекта, то моральная поливалентность современника представляется нам как *нравственная многоуровневость* личности, некая переменная аксиологическая величина, открытая система. Ее ценностное содержание зыбко и *неустойчиво*, детерминировано аксиологическими воздействиями извне, которые имеют случайный характер (например, столкновение нормативно-ценностных традиций и инноваций: реальная и виртуальная семья, дружба и др.).

Рассматривая структуру ценностного сознания поливалентной личности в виде «базиса» и «надстройки», мы можем констатировать, что «базис» как общечеловеческие «вечные» ценности здесь практически отсутствует или представлен фрагментарно. Зато многоплановая разнородная «надстройка» включает изменчивые ценностные ориентиры и стандарты.

Предпосылки для развития моральной поливалентности соотечественников, по нашему мнению, закладывались в нормативно-ценностной системе советского общества.

В течение долгих лет развития системы социальных институтов в советской России их идеологизированность, подчинение общим нормам тоталитарного государства обусловили выработку ориентации человека на строго регламентированное мировоззрение, соответствующее официальным установкам. Диапазон собственных суждений личности о природе существующих социальных отношений был крайне узок. Вынужденная интернализация человеком советской эпохи провозглашаемых ценностей приводила к внутреннему сущностному разладу, состоянию дискомфорта, вызванного необходимостью следования нормам и правилам, соблюдение которых не только не являлось внутренней потребностью индивида, но и приходило в противоречие с его истинными жизненными идеалами, установками и принципами. В итоге формирование единой нормативно-ценностной парадигмы советской эпохи, которое жестко регламентировалось партийными и властными структурами, привело к двойственности в нормах морали и одновременному функционированию в культурной среде формальных норм морального должностования и реально практикуемых стандартов поведения. Иными словами, в масштабах *одного* социума равноправно функционировали две *различные* нормативные системы морали: должного и сущего, теории и практики. Например, осуждалось «потребительство»; насаждалась идеология уравнительности, близкая к аскетическим стандартам жизни. При этом происходило значительное расслоение общества, образовывалась потребительская элита при обеднении значительной массы населения.

Двойственность в нормах морали, несоответствие моральной теории и практики в российском обществе советского периода обусловили нравственную *амбивалентность* личности. Это обстоятельство стало исходной точкой в *расширении* аксиологического диапазона моральной валентности личности соотечественника, характеризующемся «размытанием» системного ценностного основания морали.

В постсоветской России все острее стал ощущаться разрыв между декларируемыми ценностями и нормами, реальными жизненными ориентирами и широко распространившимися противоречивыми аксиологическими инновациями. Под воздействием деструктивных социально-экономических и политических процессов произошли коренные изменения в нормативно-ценностной системе общества: возникла ситуация *нормативно-ценностного плюрализма* – равноправного функционирования в масштабах *одного* социума (уже не двух, а *нескольких*) *различных* нормативных систем, норм и предписаний.

В ситуации нормативно-ценностного плюрализма наш современник утрачивает определенность в выборе линии нормативного поведения: он путается в многообразии противоречивых моральных установок и не знает, «что такое

хорошо и что такое плохо» на данный момент. Точнее, он затрудняется выбрать нужный моральный эталон из множества *различных* нравственных стандартов на разных уровнях социальных взаимодействий, которые щедро тиражируются СМИ в условиях информационного социума. На смену бинарному мышлению с четким различением добра и зла приходит *плюральное* мышление, в котором нет четкой границы между добром и злом, гуманизмом и жестокостью.

Попытаемся представить «в цвете» моральное сознание «амбивалента» и «поливалента». В отличие от графически четкого, контрастного «черно-белого» амбивалентного варианта, поливалентный аксиологический конструкт будет отмечен широкой цветовой палитрой с изменчивыми зыбкими очертаниями. Четкость и «линейность» сознания «амбивалента» обусловлена наличием у него морального стержня (отклонения от этого ценностного основания легко различимы). У «поливалента» такой стержень отсутствует, как нет «главного корня» у синергетической модели мира – ризомы с ветвящимися и многократно переплетенными нитевидными образованиями. Поэтому и отклонения от моральных норм у «поливалента» трудно диагностировать – его аксиосфера включает разнородные моральные принципы и установки, ситуативно проявляющиеся в слабо мотивированных противоречивых поступках. Таким образом, моральная поливалентность личности характеризуется сложным ценностным наполнением. Это состояние многомерной и противоречивой ценностной парадигмы представляет собой «хаотическое смешение разнородных аксиологических ориентиров и стандартов» (Ю.В. Артюхович).

Отсутствие ценностного стержня у наших современников является тревожной приметой утраты равновесия нормативно-ценностной системы российского общества. Это обстоятельство, в свою очередь, влечет за собой за собой утрату нашего «экзистенциального равновесия» [3, С.36] в целом.

Выход из кризиса возможен на основе гуманизации нравственной и интеллектуальной атмосферы информационного социума с опорой на общечеловеческие «вечные» ценности. Для того чтобы базовые положения моральной теории воплощались в жизненной практике индивидов, нужна скоординированная и последовательная *совместная* деятельность государства, семьи, учебных заведений и общества в целом по развитию ценностного сознания и моральной культуры соотечественников.

Список литературы / References

1. Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин / Перевод Е. Сурпина. – СПб.: «Сенсор», 2000. – 368 с.
2. Vroom V. H. Work and Motivation / V. H. Vroom – N. Y.: Wiley and Sons Ltd., 1964. – 398 p.
3. Газгиреева Л.Х. Экзистенциально-ценностные отношения как движущая сила в управлении духовными процессами современного российского общества / Л.Х. Газгиреева // Проблемы социально-экономического развития общества / Saint-Louis, MO: Publishing House «Science & Innovation Center», 2013. – С. 20-39.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Levin K. Teoriya polya v social'nyh naukah [Field theory in social sciences] / K. Levin / Translated by E. Surpin. – SPb.: «Sensor», 2000. – 368 p. [in Russian]
2. Vroom V. H. Work and Motivation / V. H. Vroom – N. Y.: Wiley and Sons Ltd., 1964. – 398 p.
3. Gazgireeva L. H. Eksistentzial'no-tsennostnyie otnosheniya kak dvizduschaya sila v upravleniji dukhovnymi protsessami sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Existential-value relations as a driving force in the management of the spiritual processes of contemporary Russian society] / L. H. Gazgireeva // In: Problemy sotsialino-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva [Problems of socio-economic development of society]. Saint-Louis, MO: Publishing House «Science & Innovation Center», 2013, pp. 20-39. [in Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему **OpenAIRE**.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.008

Грушевицкая Т.Г.

ORCID: 0000-0001-7859-7781. Кандидат философских наук

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Институт социальных отношений

Кафедра религиоведения, социально – культурной антропологии и туризма

**НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ****Аннотация**

В современном мире, основанном на плюрализме, существует множество социальных групп, выделяемых по самым разным основаниям. Каждый человек принадлежит к целому ряду таких групп, на основании чего у него складывается множество различных идентичностей. Среди них – этнокультурная и национальная идентичности, отнюдь не тождественные друг другу. Их формирование связано с усвоением этнической и национальной культуры, между которыми есть существенные отличия, базирующиеся на разнице между этносом и нацией. В статье показаны пути формирования данных идентичностей и специфика этого процесса в современной России.

Ключевые слова: идентичность, этнос, нация, этническая культура, национальная культура, этническая идентичность, национальная идентичность.

Grushevitskaya T.G.

ORCID: 0000-0001-7859-7781. PhD in Philosophy

Kaluga state University of K.E. Tsiolkovsky

Institute of social relations, Department of religious studies, socio – cultural anthropology and tourism

NATIONAL AND ETHNOCULTURAL IDENTITY IN MODERN SOCIETY**Abstract**

In the modern world, based on pluralism, there are many social groups allocated for a variety of reasons. Every person belongs to several groups on the basis of which he develops many different identities. Among them is ethno-cultural and national identity, not identical to each other. Their formation is connected with the assimilation of ethnic and national culture, between which there are significant differences based on the difference between ethnos and nation. The article demonstrates the ways of formation of these identities and the specifics of this process in contemporary Russia.

Keywords: identity, ethnicity, nation, ethnic culture, national culture, ethnic identity, national identity.

Понятие идентичности широко используется в современных социально-гуманитарных науках и философии с 1960 годов, когда в широкий научный оборот его ввел Э. Эриксон [4]. «Кто я?» - ответ на этот вопрос важен для любого человека. И он получает его, осознавая свою принадлежность к той или иной социальной группе и испытывая при этом определенные эмоции. В современном мире, одной из основ которого является плюрализм, характерной чертой является отсутствие каких-либо доминант, единообразия и однородности, в том числе и социальной. Поэтому существование множества разных социальных групп – характерная черта нашей эпохи. Причем выделяются подобные группы по самым разным основаниям – экономическим, политическим, религиозным, этническим и т.д. В силу этого каждый человек является частью самых разных социальных групп, что формирует у него множество разных идентичностей. Обладая целым «букетом» идентичностей, каждый человек актуализирует в разные моменты жизни и в разных ситуациях ту из них, которая в данный момент выходит на первый план.

Среди множества идентичностей особое место занимают этническая и культурная идентичности, неразрывно связанные друг с другом. Именно они делают людей немцами, японцами, американцами и т.д. Ну а нас они делают русскими. Не менее важна и национальная идентичность, которая хотя и связана с этнокультурной идентичностью, но не тождественна ей. Этот тезис требует расшифровки, так как в массовом сознании понятия «этнос» и «нация», а, следовательно, «этническая» и «национальная» культуры нередко рассматриваются как синонимы. К сожалению, такая точка зрения была общепринятой в советской науке. Так, в «Философском энциклопедическом словаре» даже нет отдельной статьи об этносе, а этнические особенности рассматриваются как часть национальных характеристик [3, С. 417]. Лишь с 1990 годов мы стали ориентироваться на международную практику, где этнос указывает на социокультурную общность людей, а нация обозначает территориальное, экономическое и лингвистическое объединение людей, имеющих социальную структуру и политическую организацию. Таким образом, нация всегда связана с наличием государства, политического единства. Конечно, государство может быть моноэтническим (например, Исландия), но в современном мире большинство государств – полиэтнические, включают в себя множество разных народов. Поэтому нация, как правило, состоит из представителей самых разных этносов – граждан одного государства. Но в нашей стране такое понимание стало формироваться лишь недавно. Так, в проекте Стратегии государственной национальной политики предлагалось определение российской нации как «сообщества граждан РФ разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством» [1, С.74-75]. Но в массовом сознании оно пока не утвердилось.

Любая социальная группа базируется на единой культуре, которая в данном случае понимается как образ жизни, характерный для какой-то группы. Таким образом, фундаментом как этноса, так и нации является, соответственно, этническая и национальная культуры, которые существенно различаются. Так, любая этническая культура является способом приспособления этноса к среде своего обитания, понимаемого в широком смысле (природа, история, социальное окружение, развитие экономики, науки, техники и т.п.). Она начинает формироваться, когда группа людей осознает свое единство, наличие общих потребностей и интересов, стимулирующих их к коллективным действиям для удовлетворения своих нужд. Эта деятельность происходит в специфических условиях, которые формируют

уникальный опыт, отличающийся от опыта других подобных сообществ. Ведь потребности у всех людей сравнительно единообразны, но условия и способы их удовлетворения всегда более или менее различаются. В итоге это ведет к формированию уникальных культурных комплексов, специфичность которых не просто сохраняется во времени, но и повышается от поколения к поколению за счет накопления культурных различий. Именно это делает этнические культуры уникальными образованиями, непохожими друг на друга. Закрепляется эта непохожесть в специфической системе ценностей – идеалов, к достижению которых стремится данный этнос, причем эти идеалы можно представить в виде пирамиды ценностей. Хотя сам по себе набор ценностей может быть стандартным (жизнь, здоровье, богатство, дружба, любовь и т.д.), но их ранжирование и понимание в каждой культуре свое. На системе ценностей, в свою очередь, надстраивается совокупность норм и правил, действующих в культуре. Они определяют способ действий, позволяющих воплотить ценности в жизнь. Именно на них строится реальное поведение людей в тех или иных конкретных ситуациях. Таким образом, любую этническую культуру можно представить в виде «культурного айсберга», большая часть которого скрыта под «водой» (в подсознании). Именно там находятся ценности и нормы культуры. А на «поверхности» остается человеческое поведение, чаще всего принимающее форму стереотипов – автоматизированных моделей поведения, мышления и восприятия, рассматривающихся как само собой разумеющиеся, не требующие объяснения или подтверждения.

Как правильно, этнические культуры (как и этносы) проходят длительный путь развития, занимающий не один век, растут и развиваются вместе со своим этносом. И результатом этого процесса могут быть как огромные многомиллионные этносы, находящиеся на высоком уровне культурного развития, достижения которых признаются мировым сообществом и включаются в мировую культуру, так и небольшие бесписьменные народы, насчитывающие лишь несколько сотен человек, известные лишь специалистам этнографии и антропологам.

Сегодня в мире почти не осталось чистых этнических культур, поэтому любая культура складывается из этнически нейтральных (общемировых и национальных) и этнически окрашенных черт культуры, так как народы не могут обходиться только этнически специфичными способами жизнедеятельности, сложившимися в условиях натурального жизнеобеспечения. Поэтому лучше использовать понятие «культура этноса», понимая под ним совокупность всех элементов культуры как этноспецифических, так и этнически нейтральных.

Совсем иначе формируется национальная культура. Ведь ее задача – быть цементом, скрепляющим государственное единство, дать представителям разных этносов и конфессий то, что сможет их объединить, мотивировать действовать на благо государства и живущих в нем людей. А для этого нужна целенаправленная и продуманная работа идеологов, политтехнологов, журналистов, писателей, других деятелей художественной культуры, которые сформулируют и будут внедрять в общественное сознание те идеологемы, на которых может произойти мобилизация людей и они осознают себя не только представителями какой-то этнокультурной общности, но и гражданами своего государства. С этой точки зрения особую важность приобретает литература, потому что именно писатели первыми задаются вопросами: кто мы как нация? Куда мы идем? Каковы наши цели? Поэтому часто о рождении национальной культуры судят по появлению литературного (письменного) языка и национальной литературы. Так когда-то произошло с Россией – золотой (Пушкинский) век, создавший русскую литературу, предшествовал формированию российской нации. Несколько позже (во второй половине XIX века) так же появилась и американская нация. Таким образом, национальная культура не может быть бесписьменной, и этим она существенно отличается от этнических культур. А наличие государственного языка – обязательный компонент национальной культуры. Серьезным отличием является и то, что национальная культура не может формироваться спонтанно. Большинство ее компонентов – результат серьезной работы политической элиты данного общества. Среди них – общенациональные символы, к которым относится герб, флаг, гимн. Сюда же относятся идеологемы, кратко, но ярко дающие ответ на вопросы, что из себя представляет наше государство, зачем и ради чего оно существует, иными словами, отражающие национальную идею. В.В. Путин в своих выступлениях последних лет такой национальной идеей называет патриотизм. Не может обойтись национальная культура и без разработанной правовой системы – люди должны чтить одни и те же законы. Национальные традиции – еще один компонент национальной культуры. Особое значение принадлежит национальному календарю праздников. Обязательным условием вхождения праздника в этот список является его этническая и конфессиональная нейтральность – только в таком случае он будет воспринят большинством населения данного государства. Так, в нашем календаре можно найти праздники как старые и давно любимые народом (Новый год, 23 Февраля - День защитников Отечества, 8 Марта – Международный женский день, 9 Мая – День Победы), так и новые, появившиеся совсем недавно (12 июня – День России, 4 ноября – День народного единства и др.). Составной частью национальной культуры также является единый культурный (цивилизационный) код, который «характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру»[2].

Усвоение как этнической, так и национальной культуры происходит в процессах социализации и инкультурации – овладения знаниями и навыками, необходимыми для жизни в родной культуре. Начинается этот процесс с рождения ребенка и продолжается всю жизнь, хотя его наиболее важным периодом является детство (период с рождения и до достижения возраста 14-15 лет). Именно в этой, первичной стадии инкультурации, мы овладеваем «азбукой» родной культуры. Позже, став взрослыми, мы лишь корректируем и дополняем сложившийся у нас набор стереотипов и ментальных программ, совокупность которых и является пресловутым «национальным характером» или ментальностью. Параллельно формируется и национальная идентичность. И здесь ведущую роль играет система образования и СМИ, через которые элиты и государство транслируют систему государственных и общегражданских идей и ценностей.

Результатом становится формирование этнической и национальной идентичности, которые, как показывают социологические опросы, коррелируют между собой. Так, с российской идентичностью респонденты связывали государство, место России в мире, историю страны, достижения в области науки, искусства, спорта, военного дела. А

этническая идентичность выводилась из происхождения родителей, языка, обычаев, обрядов и конфессиональной принадлежности. [1, С.80]

Безусловно положительной тенденцией является то, что последние двадцать лет можно говорить о растущей российской идентичности, которая вместе с этнической идентичностью интегрирует людей. Но проблем в этой области еще достаточно, именно их и должен решить закон об основах государственной и национальной политики в РФ.

Список литературы / References

1. Дробижева Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития / Л.М. Дробижева // Социологическая наука и социальная практика. - 2013. - № 1. - С.74-84.
2. Российская Федерация. Указы Президента РФ. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс] <http://zakonbase.ru/content/part/1293590> (дата обращения 12.11.2016).
3. Философский энциклопедический словарь / Под ред.: Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С. М. Ковалева и др. - М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. - М.: Издательская группа "Прогресс", 1996. - 344 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Drobizheva L.M. Rossijskaja identichnost': faktory integracii i problemy razvitija [Drobizheva L.M. Russian identity: factors of integration and problems of development] / L.M. Drobizheva // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological science and social practice]. - 2013 № 1. - P. 74-84. [in Russian]
2. Rossijskaja Federacija. Ukazy Prezidenta RF. O strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 [Russian Federation. Strategy of state national policy of the Russian Federation for the period until 2025. The decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666] [Electronic resource] - URL: <http://zakonbase.ru/content/part/1293590> (accessed on 12.11.2016). [in Russian]
3. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary] / edited by L.F. Il'icheva, P.N. Fedoseeva, S. M. Kovaleva and others. - M.: Soviet encyclopedia, 1983. – 840 p. [in Russian]
4. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis: Per. s angl. / Obshh. red. i predisl. Tolstyh A. V [Erikson E. Identity: youth and crisis] / General editorship and Foreword by Tolstyh A. V. – M.: Publishing group "Progress", 1996. – 344 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.041

Дронов А.И.

Кандидат философских наук, доцент кафедры «Религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма»
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЕКЦИИ НА ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Аннотация

В статье рассматривается проблема связи человеческой деятельности с закономерностями универсального эволюционизма. Дается оценка возможности конструктивной роли социального фактора в развитии физических структур и объектов Вселенной. Обосновывается эволюционный смысл управления как основной функции высокоразвитого социума в стратегии его отношения к природе. Анализируются способы и механизмы управления коэволюционными взаимодействиями в трехзвенной системе «человек – общество – среда обитания».

Ключевые слова: глобальный эволюционизм, Вселенная, космос, планета, деятельность, социум, цивилизация, эволюция человека, среда обитания, управление и конструирование, стратегия развития.

Dronov A.I.

PhD in Philosophy, Kaluga state University named after K. E. Tsiolkovsky

HUMAN ACTIVITY IN THE PROJECTION ON GLOBAL EVOLUTIONISM

Abstract

The article discusses the problem of the relationship of human activity with the laws of universal evolutionism. The possibility of a constructive role of social factors in the development of physical structures and objects of the Universe is estimated. The article substantiates the evolutionary sense of control as the basic functions of highly developed society in the strategy of his relationship to nature. The ways and mechanisms of co-evolutionary interactions in the three-tier system "man – society – environment" are examined.

Keywords: global evolutionism, the universe, activities, society, civilization, human evolution, habitat, management and design, strategy development

В проекции на глобальный эволюционизм деятельность социума рассматривается под углом зрения встроения ее в эволюционные космические процессы. Согласно космологии Вселенная возникла в результате «Большого взрыва» около 14 млрд. лет назад. Начиная с того момента, в ней шла непрерывная самоорганизация природных систем, следствием которой стало зарождение и развитие разумной жизни, представленной в разных формах, в том числе в форме, близкой по природе человеческой цивилизации. В контексте заявленной темы важно отметить, что деятельность, осуществляемая земным или внеземным социумом, способна выступать в роли фактора, соразмерного с эволюционными процессами во Вселенной.

Являясь частью биосферы, человек осуществляет не только адаптивную, но и адаптирующую функцию, т.е. он и приспосабливается к среде своего обитания, и приспосабливает ее под себя. Уже на стадии социогенеза он включает в адаптирующую функцию элементы управляющего воздействия на окружающую среду. Эволюционируя, сообщество

разумных существ усложняет механизмы управления деятельностью по преобразованию природы. В управляющей функции заключается глубинный эволюционный смысл зарождения и самореализации вида Homo Sapiens по отношению к предшествующим ступеням развития.

Управление и конструирование – основная функция высокоразвитого социума в стратегии его отношения к природе. Чтобы исключить преобладание энтропийных процессов (увеличения деструкции, хаоса) Вселенная порождает внутри себя негэнтропийный фактор (в противовес росту энтропии негэнтропийные процессы связаны с конструктивными эффектами, повышающими упорядоченность систем). Данный тезис находится в родстве с известной идеей К.Э. Циолковского об особой роли разумных существ во Вселенной: космос сам рождает в себе силу, которая им управляет [1].

Дополняя тезис об эволюционном предназначении социума, определим стратегическую функцию цивилизации как управление коэволюцией трех подсистем, куда входят: человек с его телесной и умственно-психической организацией; общество с его производственно-экономической и надстроечной организацией; среда обитания человека – биосфера, планета, космос.

Проблема эволюции человека не нова, и сейчас она стала предметом обсуждения в рамках проекта «Аватар», реализацию которого активно пропагандируют идеологи движения «Россия 2045». Речь идет о создании кибернетической копии человека, наделенной такими атрибутами как высокопродуктивный интеллект, реанимирующееся путем замены органов физическое тело, абсолютная адаптируемость к меняющимся условиям среды обитания, в перспективе – достижение индивидуального бессмертия.

Что касается оценки границ эволюции человека, то условно их можно обозначить в пределах, за которыми он уже не является представителем вида Homo Sapiens. Возможные варианты эволюции: 1) в результате естественного отбора (в пределах вида Homo Sapiens); 2) в процессе управляемой эволюции с применением генной инженерии (вид Neo Homo Sapiens); 3) в результате техноэволюции – превращение в вид разумных биотрансформеров (Homo Biotechnicus).

Постановка вопроса об искусственной коррекции человеческого материала с целью создания более совершенных людей теоретически допустима. При этом базисом в проектировании нового человека должен быть принцип эволюционного соответствия вида среде своего обитания. Исходя из популяционной теории эволюции, для улучшения человеческого генофонда нельзя обойтись без включения сообщества (популяции) людей в направленный естественный отбор с увеличением у них среднего значения признаков, соответствующих условиям «разумного» общества. А для возникновения таких условий само общество должно двигаться в направлении к «ноосферному» состоянию. Следовательно, методология проектирования эволюции человека должна вписываться в коэволюционную парадигму, в основании которой лежит принцип соответствия вида среде обитания. В пределе принцип соответствия выражен антропным космологическим принципом (АКП): в обобщенной формулировке – какова Вселенная, таков человек и наоборот [2].

Было бы утопично решать задачу искусственной эволюции человека без изменения общества. На конгрессе «Глобальное будущее 2045» (Нью-Йорк, 2013) наряду с проектом «Аватар» обсуждалась новая эволюционная стратегия человечества, направленная на преодоление вызовов XXI века. Ее главная цель: переход цивилизации в социум – «неочеловечество», для чего потребуются кардинально изменить социальные институты с их устоявшимися приоритетами и ценностями. В реализации такой цели есть риски обострения социальных противоречий, вызванных столкновениями интересов на идеологической, духовной, религиозной и этнической почве. Поэтому в реализации «суперпроектов» необходимо следовать максиме требования политического и правового управления научно-техническим прогрессом. Именно в этом ключе представлен анализ будущего человеческой цивилизации в книге известного философа и политолога Ф. Фукуямы [3].

Естественным приложением вектора «управляющего воздействия» является природная среда. Локальное управление естественными стихиями человек пытается осуществлять и сейчас. В перспективе – управление погодой, океаническими течениями, снятие тектонических напряжений, исключение землетрясений и других разрушительных факторов. Из возможных способов в масштабах Земли технологически доступным представляется глобальное управление климатом, которое может стать первой ступенью на пути к глобальному управлению социобиосферой в целом.

Управление планетарными процессами должно быть совмещено с широкомасштабным освоением космоса. Это обусловлено тем, что для управления глобальной системой важна пространственная позиция: во-первых, полновесное управление обеспечивается контролем всей системы сразу; во-вторых, любая динамическая система очень чувствительна к внешним воздействиям. Эти требования следуют из общих принципов теории открытых систем. Незначительные изменения внешних условий могут сильно повлиять на внутреннее состояние системы и даже «раскачать» ее до сдвига к «бифуркационному хаосу», после которого она в процессе самоорганизации способна восстановить устойчивость, но уже в новом качестве.

Так, в истории Марса существовали эпохи, когда его поверхность не была сухой и безводной, к которой ее подвели внешние факторы, вызвавшие, в частности, потерю планетарного магнитного поля и атмосферы. Обладая биосферой Земля в большей степени зависима от внешних условий. Чтобы последствия изменений для нее не оказались катастрофическими, необходима технология защиты на основе создания системы глобального управления, включающей как земные, так и космические средства базирования. Поэтому стратегия землян должна строиться в направлении выхода на уровень управления сначала геолунной сферой, затем сферой, отграниченной поясом астероидов, а в перспективе – периферийным поясом Уиппла-Койпера.

Теоретически допустимо проектировать освоение землянами дальнего космоса и стать (по Н.С. Кардашеву) цивилизацией третьего типа – овладевшей галактическим пространством. В нашем концепте это означает возможность управления в масштабах Галактики динамикой явлений – энергетическими потоками, гравитационными взаимодействиями, процессами, угрожающими существованию обитаемых планет. На расширение «управляющего

воздействия» накладывают ограничения пространственные, энергетические и технологические факторы. Жесткие рамки лежат в основе технологии деятельности: скорость передачи информации (световой барьер), допустимая скорость полета космических аппаратов, пределы контроля над энергетикой горячих звезд и черных дыр. Менее жесткие, но технологически весомые ограничения широкомасштабного освоения космоса дает принцип эффективности деятельности.

С возникновения Вселенной в ней превалировала конструктивная эволюция. Вероятно, состояние «сингулярности» предопределило мировые константы, физические принципы и законы. Не исключено, что еще до «Большого взрыва» была заложена своего рода «генетическая программа» зарождения жизни и разума, превращения социума в фактор космоэволюции и противовеса энтропийным процессам. Мы также допускаем возможность волнообразного космосоциогенеза: приблизительно одновременного (по метagalacticким и галактическим масштабам) появления цивилизаций на определенных фазах эволюции как Вселенной, так и нашей Галактики.

В литературе последней трети XX в. обсуждались модели эволюции космических цивилизаций. Дискуссии шли вокруг вопросов, касающихся технологии, энергетического и информационного потребления, биосоциальной организации, масштабов освоения космоса. Так, Л.В. Лесков взял за основу анализ изменения трех параметров, определяющих развитие цивилизации: энергопотребление, управление и использование систем обработки информации, самоорганизация разумной жизни [4]. Предлагались различные классификации уровней развития космических цивилизаций. Широкую известность получила классификация Н.С. Кардашева, выделившего три типа цивилизаций в соответствии с расширением масштабов овладения такими структурами как планета, Солнечная система, галактика [5].

Классифицировать космические цивилизации по признаку расширения имеет смысл лишь в том случае, если будет доказано существование новой технологии, устраняющей ограничения астроинженерной деятельности в масштабах целых галактик. Возможно, вообще не допускается модель эволюции цивилизаций с безграничным расширением в пределах метagalacticки. В этом контексте становится очевидным, что традиционная технология, на уровне которой находится земной социум, ставит ограничения для установления двустороннего контакта с внеземными цивилизациями. По этой же причине эффективность программы SETI, в основе которой лежат представления о традиционной технологии, может оказаться близкой к нулю.

Классификация космических цивилизаций может быть построена на основе типологизации способов их взаимодействия с природой. Социум имеет тенденцию перехода от простого преобразующего воздействия на природные системы к глобальному управлению ими. Возможны четыре стадии эволюции цивилизации: преимущественное приспособление, простое преобразование, управляющее воздействие, управляющее и исправляющее воздействие [6].

На стадии «управляющего воздействия» социум добивается оптимального взаимодействия с природой. Достигается коэволюция: своего рода кооперация «интересов» природы и социума, контролирующего баланс социоприродных сил. На высшей стадии технологический уровень позволяет цивилизации переконструировать космические системы. Исправление системных связей по естественным законам доступно в рамках современной парадигмы научно-технической деятельности. Примером может служить терраформирование планет Солнечной системы – преобразование климатических параметров, доведенных до условий, пригодных для обитания животных и растений.

Принципиальный запрет на исправление естественных связей, носящих форму закона, пока ни кем не сформулирован. Такую возможность «подсказала» сама эволюция Вселенной. Физики уже начинают ставить под сомнение абсолютность одного из фундаментальных принципов, вошедших органично не только в картину физической реальности, но и в нормативную структуру физических наук – принцип однородности времени (неизменности физических законов). Тень относительности этого принципа брошена концептом «сингулярности», с которой начинается отсчет времени Вселенной. В состоянии «сингулярности» физические законы имели иной вид, и во время «Большого взрыва» произошла их естественная трансформация.

В рамках концепции роли социального фактора в космоэволюции представляется возможным дополнение «естественной» относительности принципа однородности времени «искусственной» относительностью. Речь идет о возможности изменения закономерных связей физической реальности путем целенаправленного «пропускания» материи через своеобразные сингулярные состояния. По одной из гипотез «Большой взрыв» мог быть космокреатическим опытом сверхцивилизации по созданию Вселенной. В данном контексте используется понятие космокреатики как деятельности разумных сил космоса, направленной на фундаментальную перестройку структур материального мира. Вопрос лишь в том, разрешен ли в принципе физическими законами суперглобальный космологический эксперимент.

Список литературы / References

1. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе / К. Э. Циолковский. – М. : Директ-Медиа, 2010. – С. 276–318.
2. Ильин И. В. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы / И. В. Ильин, А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. – М. : Издательство Московского университета, 2012. – С. 206–219.
3. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М.Б. Левина. – М. : ООО «Изд-во АСТ», ОАО «Лукс», 2004.
4. Лесков Л. В. Космические цивилизации: проблемы эволюции / А. В. Лесков. – М. : Знание, 1985.
5. Кардашев Н. С. Передача информации внеземным цивилизациям / Н. С. Кардашев // *Астрономический журнал*. – Т. 41. – Вып. 2. – С. 282–287.
6. Дронов А. И. Освоение космоса в процессах глобализации / А. И. Дронов // *Основные проблемы глобального мира*. – Калуга : АНО КЦДО, 2009. – С. 116–120.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Tsiolkovsky K. Je. Grezy o zemle i nebe [Dreams of the earth and the sky] / K. Je. Tsiolkovsky. – Moscow : Direkt-Media, 2010. – P. 276–318. [in Russian]
2. Ilin I. V. Global'nyj jevoljucionizm: Idei, problemy, gipotezy [Global evolutionism: Ideas, Problems, Hypotheses] / I. V. Ilin, A. D. Ursul, T. A. Ursul. – Moscow : Moscow University Publishing, 2012. – P. 206–219. [in Russian]
3. Fukujama F. Nashe postchelovecheskoe budushhee. Posledstviya biotekhnologicheskoy revoljucii [Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnology Revolution] / F. Fukujama ; transl. from English by M.B. Levin. – Moscow : Ltd «Izd-vo AST», JSC «Ljuks», 2004. [in Russian]
4. Leskov L. V. Kosmicheskie civilizacii: problemy jevoljucii [Cosmic Civilization: the problem of evolution] / A. V. Leskov. – Moscow : Znanie, 1985. [in Russian]
5. Kardashev N. S. Peredacha informacii vnezemnym civilizacijam [Transmission of information to extraterrestrial civilizations] / N. S. Kardashev // Astronomicheskij zhurnal [Astronomical journal]. – 1964. – Vol. 41. – Iss. 2. – P. 282–287. [in Russian]
6. Dronov A. I. Osvoenie kosmosa v processah globalizacii [Space exploration in the processes of globalization] / A. I. Dronov // Osnovnye problemy global'nogo mira [The main problems of the global world.]. – Kaluga : ANO KCDO, 2009. – P. 116–120. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.002

Ковригин Б.В.¹, Синицына Т.И.²¹ORCID: 0000-0002-8211-5519, Доктор философских наук, Профессор.

Вологодский государственный университет

²ORCID: 0000-0001-5746-1690, Кандидат философских наук, Доцент

Северо-Западный институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» в г. Вологде

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКОЙ
ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА****Аннотация**

В статье дана попытка анализа применения культурно-исторической методологии к развитию материально-производственной сферы общества. Рассмотрены методологические принципы русской философии в решении проблем философии хозяйства. Акцентировано внимание на идее нравственной основы труда и экономики, показана особая роль государства в хозяйственной деятельности. Философия хозяйства, в рамках исследуемой темы, приобретает концептуальное наполнение в соответствии с русским культурно-историческим архетипом, собственной антропологией, этикой труда.

Ключевые слова: культурно-историческая методология, философия хозяйства, русская философия, национальный культурный архетип, нравственность.

Kovrigin B.V.¹, Sinitsyna T.I.²¹ORCID: 0000-0002-8211-5519, PhD in Philosophy,

Professor of the Department of philosophy, Vologda state University,

²ORCID: 0000-0001-5746-1690, PhD in Philosophy, associate Professor, Northwest Institute (branch) Federal state budgetary educational institution of higher education "Moscow state law University named after O.E. Kutafin (MSAL)"**METHODOLOGICAL IDEAS OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE ECONOMY****Abstract**

In the article the attempt of analysis of the application of cultural-historical methodology to the development of material and production sector companies. Considers methodological principles of Russian philosophy in the solution of problems of philosophy of economy. Attention to the idea of the moral foundations of labor and economy, the special role of the state in economic activities. Philosophy of the economy, in the framework of the research topic, acquires conceptual content in accordance with the Russian cultural-historical archetype, its own anthropology, ethics in the workplace.

Keywords: cultural-historical methodology, philosophy of economy, Russian philosophy, the national cultural archetype of morality.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения новых исторических реалий, инновационных процессов, происходящих в России, усиливающих поиск социокультурных оснований хозяйствования. В условиях современных реалий развития экономики и рынка востребованной становится культурно-историческая методология [2, С.15]. Включение исследования понимания сути и специфики хозяйства в социальный и в культурно-исторический контекст существенно обогатит историко-философский анализ, будет способствовать созданию отечественной концепции российской системы хозяйства, обогатит социально-гуманитарное знание. Известно, что концепты культуры оказывают влияние на все этапы познавательной деятельности, его методы, операции и процедуры, формы знания и его осмысление. Исследование концептов, акцентирует внимание Е.В. Пахонина, «предполагает не только анализ, систематизацию и обобщение, но и смыслопорождение, на основе которого может обновляться, изменяться социальная и культурная жизнь общества» [4, С.268]. Экономика также может испытывать на себе культурное воздействие, иметь национальные, специфические черты.

Западная политэкономическая наука развивает идею о том, что экономические мотивы, получение частной выгоды, являются универсальными. Российские исследования показывают, что не всегда получение прибыли является основой бизнеса, предпринимательской деятельности. Поэтому необходимо учитывать многообразие целей, мотивов и ценностей субъекта деятельности, в том числе, их социокультурную обусловленность.

Идеи специфики русского типа хозяйства были представлены в творчестве А.С. Хомякова, В.Н. Вернадского, Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского. Так, А.С. Хомяков отмечал «органичность» хозяйства сложившимся бытовым отношениям, ценностям народа. В хозяйственной деятельности русского человека В.Н. Вернадский предполагал воздействие ноосферы, мир как единое космическое хозяйство рассматривал Н.Ф. Федоров. Учение о хозяйстве Н.А. Бердяева базируется на идее онтологизации личности.

В работах С.Н. Булгакова философия хозяйства наделяется методологическим смыслом, по его мнению, культурные ценности и смыслы, сохранившиеся в многовековом опыте народа, обуславливают поведение человека в хозяйственной сфере. Разделяя понятия «хозяйство» и «экономика», содержанием и спецификой хозяйственного процесса является «стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью» [1, С.80]. Хозяйственный процесс у него предстает как *очеловечение природы*.

На этической стороне хозяйствования акцентировал внимание В.С. Соловьёв, позиция которого по отношению к экономике, является аналогичной и к другим социальным институтам, необходима ее связь с нравственным началом человека. Кризисные явления, характерные для экономики, он связывает с отсутствием добра и нравственности в ее основе. Он считал, что человека нельзя рассматривать только с экономической точки зрения, как производителя, собственника и потребителя материальных благ. Такое понимание человека он считал неприемлемым и безнравственной, данные «функции не имеют сами по себе значения для человека и несколько не выражают его существа и достоинства» [5, С.407].

В.С. Соловьёв утверждал, что получение прибыли и доходов, представляют лишь одну из сфер его многообразной деятельности. Реальный, гносеологический интерес должен быть обращен к тому, *как и для чего* человек действует в конкретной области. Тем самым ставится проблема побудительных сил деятельности личности, движущих сил развития общества. Необходимость трудиться для добывания средств к жизни, отмечал он, – это «только толчок, понуждающий человека к деятельности, дальнейший ход которой определяется уже причинами психологического и этического, а вовсе не экономического свойства» [5, С.408].

Согласно В.С. Соловьёву, поскольку человек предстает как нравственное существо, то и хозяйственная деятельность в своей основе должна базироваться на идее добра, безусловным законом для человека становится закон нравственной необходимости. Подчеркивал, что хозяйственная сфера жизни общества должна содействовать осуществлению идеи добра.

Соловьёв акцентирует внимание на роли целей в процессе производства, в которых могут пересекаться общественные и личные интересы. Виновниками и жертвами финансовых крахов и хозяйственных кризисов, обосновывает он, являются только те, которые трудятся на себя, тем самым, нарушая гармонию согласования общих и частных интересов, способствующих достижению общего блага. По его мнению, идея общего блага в истинном, нравственном смысле, т. е. блага всех и каждого, а не только для большинства, должна быть поставлена как цель труда, удовлетворять индивидуальный интерес в его разумных пределах.

Подробно рассматривал условия соответствия отношений в сфере хозяйства требованиям нравственности, способствующих обеспечению конкретного общества устойчивости существования и совершенствования. К таким условиям он относил отказ в абсолютизации экономической деятельности, учитывать не только репутацию производителей, но и обеспеченность их материальными средствами, позволяющими вести достойный уровень существования и развития, а также бережное отношение к природе, наличие определенных обязанностей человека как хозяйственного деятеля перед материальной природой, которую он призван обрабатывать. Земля не является вещью, она представляет собой овеществленную сущность, которой человек должен способствовать в ее одухотворении. Цель труда заключается не в пользовании природой для удовлетворения разнообразных потребностей, получения прибыли, а в ее совершенствовании. Любовь к природе позволит осуществить нравственную организацию экономической жизни.

Согласно В.С. Соловьёву, нравственный труд представляет собой *«взаимодействие людей в области материальной, которое, в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу*. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности, формальной и конечной» [5, С.429]. Человек, включенный в экономические отношения, должен действовать, трудиться, принимая за основу «общепользу» своего труда, а не собственный меркантильный или какой-либо еще интерес.

Таким образом, с позиции В.С. Соловьёва, сугубо экономическая сущность производственных отношений не является основой функционирования общества. Определяющим элементом в них является нравственность, духовность, на которой замкнуты все социальные институты. При этом необходимо учитывать взаимодействие общественных и личных интересов, солидарность, стремление к общему благу и достойной жизни каждого.

Своеобразным блюстителем идеалов, по мнению В.С. Соловьёва, можно считать государство, которое должно препятствовать проявлению «свокорыстия», способствовать осуществлению синтеза экономики и нравственности. В этом контексте экономическое начало обусловлено как минимум двумя другими началами – нравственным и государственным. Экономические законы не являются абсолютными, не всегда определяют общественные процессы и межличностные отношения. В триаде нравственного, государственного и экономического, вершиной считает нравственное начало, остальные определяются ее производными – разумом и совестью.

На особую роль государства в хозяйственной деятельности указывал и П.А. Флоренский. Он считал, что в государстве должна быть взаимосвязь централизованного управления (сильная вертикаль власти) с самостоятельностью местных органов управления, знающих специфику, богатства и возможности своего региона. Именно разнообразием проявления особенностей каждого из элементов государства осуществляется организация «государства как единого целого, а не механически накопленных единиц, случайно находящихся за одной оградой» [7, С.672].

Достаточно аргументировано Флоренский развивает идею о направляющей роли государства в экономике, развивая идею централизованной экономики. Одновременно, в процессе осуществления экономической деятельности, должны быть предоставлены возможности для проявления самостоятельности, инициативы, творчества, поощряется индивидуализация. Мудрость государства, по мнению П.А. Флоренского, заключается в умелом регулировании, в том, чтобы «поставить каждого *гражданина* в подходящие условия, при которых он сумеет *показать*, на что способен» [7, С.648].

В процессе экономической деятельности человек может реализовать свои способности, что позволяет получить удовлетворение от жизни. С этой целью, считает Флоренский, желательно на местах поддерживать наличие хозяйств различных видов организации: государственные, коллективные, артельные, личные и др. Удовлетворенность трудом у населения даст свои положительные результаты, необходимые государству.

Актуальна идея развития промышленности, ориентированной не на западный тип с идеей обгона, а на самостоятельный, индивидуальный путь, вытекающий из особенностей страны. Некоторыми и сегодня с трудом признается тот факт, что западная промышленность возникла в естественных для нее условиях, к которым она и наиболее приспособлена. «Естественные условия нашей страны иные, и попытка догнать заграничную промышленность приводит нас в невыгодные условия, насколько многое из того, что за границей было естественно, у нас будет искусственно» [7, С.661].

Решая проблему путей развития хозяйства России, П.А. Флоренский предлагает учитывать достижения заграничного опыта, но ориентироваться на решение собственных задач своими средствами, для чего необходимо знать свои материальные ресурсы и возможности. При этом, в своей оценке естественных богатств, руководствоваться не голосом одного только мирового рынка, а сущностью, предназначением данных объектов.

Именно государство, по мнению Флоренского, является той силой, которая ответственна за достойную жизнь работников и социально-незащищенных слоев, государство должно заниматься социальным обеспечением и социальным согласием в обществе. Необходимо на государственном уровне понимание того, что экономика, хозяйствование представляют собой социально ответственный тип деятельности, первостепенной задачей которых должно быть обеспечение благополучия общества.

В основе экономики будущего должен находиться принцип рачительного и бережного отношения к богатствам страны, полезным ископаемым и человеческому капиталу, кадрам. Забота о людях, сохранении и развитии творческих личностей должна стать важнейшей задачей для государства. По мнению Флоренского, государство будущего должно гордиться не золотым запасом, а кадрами, профессионалами.

Современные исследователи, рассматривая проблему модернизации России, продолжают разработку идей русской философии хозяйства, делая вывод о необходимости общества, строя, который был бы «не только эффективно-продуктивный, но и цивилизованный, и, прежде всего, социально-справедливый» [6, С.11]. В открытом обращении «Новая экономическая политика для России», которое подписали лауреаты Нобелевской премии Л. Клейн, В. Леонтьев и Дж. Тобин, академики РАН Л. Абалкин, О. Богомолов, В. Макаров, С. Шаталин, Ю. Яременко, Д. Львов, комплекс предлагаемых мер начинался с увеличения роли государства в регулировании экономических процессов. Политика невмешательства государства в экономику признается ошибочной, наиболее приемлемой считается экономика экономик смешанного типа [3].

Таким образом, русская философия хозяйства приобретает концептуальное наполнение в соответствии с русским культурно-историческим архетипом, имеет собственный антропологический аспект, этику труда. Методологическими ориентирами предстают идеалы добра, единства во множестве, взаимосвязи в любви. Последователи русской традиции развивают идею нравственной основы экономики, невозможности определять и регулировать общественную жизнь с помощью одних лишь экономических законов. Осознается необходимость нравственных отношений в сфере хозяйства. Нравственность признается важнейшей скрепляющей основой общества. Именно она и исторически, и логически, в каждом конкретном случае, представляет сущностное измерение всех отношений между людьми как людьми.

Список литературы / References

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
2. Микешина Л.А. «Философия Просвещения» Э. Кассирера в свете культурно-исторической методологии / Л.А. Микешина // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С.14 – 23.
3. Новая экономическая политика для России // rusref.nm.ru.
4. Пахонина Е.В. Концептивизм и фрактальность информатизации и инновационности / Е.В. Пахонина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук № 02(61) февраль 2014. – Часть I. – М., 2014. – С. 267 – 270.
5. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1 / Сост., общ. ред. и вступ. Ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; Примеч. С. Л. Кравца и др. / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – 892 с.
6. Федотова В.Г. и др. Какая модернизация и какой капитализм нужны России / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова // Вопросы философии. – №10. – 2013. – С.3-12.
7. Флоренский П. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения: в 4 т. / Свящ. П. Флоренский. – М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 647– 681.

Список литературы на английском языке /References in English

1. Bulgakov of S. N. Filosofiya khozyajstva [Filosofiya of economy] / S. N. Bulgakov. – М.: Institute of the Russian civilization, 2009. – 464. [in Russian]

2. Mikesheva L. A. «Filosofiya Prosveshcheniya» E.H. Kassirera v svete kul'turno-istoricheskoy metodologii ["Education philosophy" E. Kassirera in light of cultural and historical methodology] / L.A. Mikesheva//philosophy Questions. – 2014. – №12. – P. 14 – 23. [in Russian]
3. Novaya ekonomicheskaya politika dlya Rossii [The New economic policy for Russia]// rusref.nm.ru.
4. Pakhonina E.V. Kontseptivizm i fraktal'nost' informatizatsii i innovatsionnosti [Kontseptivizm and fractality of informatization and innovation]/E.V. Pakhonina//Urgent problems of humanitarian and natural sciences №. 02 (61) February, 2014. – P. I. – M., 2014. – P. 267 – 270. [in Russian]
5. Solovyov V.S. Sochineniya v 2 t. T.1 [Compositions in 2 t. T.1] / Sost., general edition and introd. art. of A. F. Losev and A. V. Gulygi; Note. S. L. Kravtsova and other / V. S. Solovyov. – M.: Thought, 1990. – 892 p. [in Russian]
6. Fedotova V. G. and other Kakaya modernizatsiya i kakoy kapitalizm nuzhny Rossii [What is modernization and what Russia needs capitalism]/V. G. Fedotova, V. A. Kolpakov, N. N. Fedotova// philosophy Questions. – №10. – 2013. – P. 3-12. [in Russian]
7. Florensky Item. Predpolagaemoe gosudarstvennoe ustrojstvo v budushhem [Estimated state system in the future]//Compositions: in 4 t. / FR. P. Florensky. – M.: Thought, 1996. T. 2. P. 647 – 681p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.113

Корнышева И.Р.

ORCID: 0000-0003-3763-5213, Кандидат философских наук,

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

«Государственный гуманитарно-технологический университет»

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ**Аннотация**

В представленной публикации анализируется православная культура с точки зрения философского анализа ее сущности. Целью исследования является анализ православной культуры как целостной системы в диалектическом единстве философского, религиозного, эстетического и художественного аспектов. Эстетический контекст православной культуры раскрывается посредством взаимодействия и включенности в структуру элементов философского знания.

Православная культура исследуется с точки зрения философской методологии, синтетически-интерпретационный метод позволяет раскрыть причинно-следственные связи для формирования общих тенденций развития православной культуры в системе философских, религиозных, исторических явлений. Методологической основой является диалектический подход, который характеризуется единством исторического и логического в исследовании, а также диалектикой общего и особенного в процессе рассмотрения поставленных проблем.

Таким образом, рассмотрев основы православной культуры с точки зрения философской методологии, и структуры философского знания, можно говорить о том, что все разделы философского знания включены в контекст православной культуры. От бытийных и гносеологических корней, до этических и эстетико-аксиологических представлений.

Ключевые слова: православная культура, философия, эстетика, диалектика.

Kornysheva I.R.

ORCID: 0000-0003-3763-5213, PhD in Philosophy,

State University of Humanities and Technology

PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC REPRESENTATION OF ORTHODOX CULTURE**Abstract**

The given article analyzes Orthodox culture from the point of view of its essence philosophical interpretation. The purpose of the study is to consider Orthodox culture as an entire system in the dialectical unity of philosophical, religious, aesthetic and artistic aspects. The aesthetic context of Orthodox culture is disclosed by means of interaction and involvement into the structure of philosophical knowledge elements.

Orthodox culture is studied from the point of view of philosophical methodology, synthetically-interpretative method allows to reveal causal relationships to form general trends in the development of Orthodox culture in the system of philosophical, religious and historical phenomena.

The methodology of the study is based on dialectical approach which is characterized by the unity of historical and logical sides as well as the dialectics of common and particular in the process of the given problems consideration.

Consequently, considering the grounds of Orthodox culture from the point of view of philosophical methodology, the author can conclude that all the parts of philosophical knowledge are included into the Orthodox culture context. From those of existential and gnoseological base to those of ethical and aesthetically axiological notions.

Keywords: Orthodox culture, philosophy, aesthetics, dialectics.

Философия является одной из наиболее всеобъемлющих гуманитарных областей знания, содержащая методологические основы для формирования как общих, так и частных знаний. Включая в свою структуру аксиологию, этику, эстетику, онтологию, гносеологию – философия, по сути, является основой для изучения культуры, в общем, и православной культуры, в частности. Являясь в какой-то степени частью философии, используя ее методологические знания, религия является составным элементом духовной культуры человечества и может рассматриваться не только сугубо с богословской точки зрения, но прежде всего с позиций включенности в структуру философского знания.

Православную культуру следует изучать с точки зрения философской методологии, путем применения синтетически-интерпретационного метода можно раскрыть причинно-следственные связи для формирования общих связей развития православной культуры в системе философских, религиозных, исторических явлений.

В системе образования наблюдается определенная эклектика в программах дисциплин по выбору, ориентированных на изучение православной культуры. Православная культура – это специфическая сфера культурологического и религиозного знания, включающая в себя особенности функционирования искусства в системе религии. Полярность взглядов очевидна. Можно наблюдать резкий уклон в богословский контекст преподавания, ведущий за собой определенные проблемы восприятия и должного понимания православной культуры, либо отсутствие онтологии предмета преподавания, в частности, самоопределения понятия «православная культура».

Анализ имеющихся учебников, пособий, программ по изучению православной культуры показал определенную оторванность от предмета исследования, его функций, специфики рефлексивного воздействия, выявления объекта изучения. В одном из первых рекомендованных учебников «Основы православной культуры» А.В. Бородиной [2] объектом изучения выступает религия в целом, имеющая влияние на многие социокультурные процессы. В большей степени анализу подвергается не православная культура, а религиозная культура, которая отождествляется с самой религией, традициями народа; таким образом, по словам автора, происходит «влияние религии на ... бытовую, творческую и другие области жизни и деятельности человека; события религиозной жизни» [1, С. 7]. В учебном пособии А.В. Кураева акцентируется внимание на том, что «русская культура в основе своей православная» [3, С. 4]. Автор в большей степени склоняется к сочетанию «религиозная культура», разведя, по сути, два отдельных понятия – православие и культура. В вопросе культурологического или конфессионального аспекта преподавания следует согласиться с Л.Н. Митрохиным, подчеркивающим, что «целесообразно начать с ее общего историко-культурного или, если угодно, философского аспекта, характеризующего природу изменений предмета обучения» [4, С. 266]. Именно с философских позиций можно рассмотреть православную культуру и в контексте философского понимания определить само понятие «православная культура».

Следует отметить, что отождествление «православной культуры» с такими понятиями, как «русская культура» или «религиозная культура», было бы абсолютно неверно. Православие было воспринято Русью от Византии, имеет широкое распространение на территориях многих государств, что само собой конструирует в целом «православную культуру» ни как отдельно взятый элемент, принадлежащий одной стране, народу, а как многогранное явление, которое имманентно мировой культуре и не разделимо на национальные, государственные или иные признаки. «Религиозная культура» – также достаточно широкое понятие, характеризующее материальные и духовные ценности, накопленные человечеством за всю историю существования различных религий.

Что касается более точного определения термина «православная культура», на наш взгляд, это социально-этическое, эстетическое, аксиологическое, гносеологическое и онтологическое явление. Таким образом, православная культура – это совокупность исторически сложившихся моральных традиций, сформировавших идеологическую концепцию межкультурных коммуникаций, включающих в себя объекты архитектурного, живописного, иконописного, музыкального творчества, выраженного в специфической исторически обусловленной форме.

Необходимо заметить, что аналитически в структуре православной культуры четко прослеживаются когнитивные основы ее понимания в структуре философского знания. Логическая схема может быть представлена следующим образом:

Рис. 1 – Структура изучения православной культуры

Православную культуру, согласно рис. 1, следует рассматривать в контексте философского знания.

Одной из древнейших сфер духовной культуры является этика, и не случайно, начиная с христианской этики, зародившейся еще в традиции Ветхого Завета в заповедях Моисея и продолженная в Новом Завете «Заповедями блаженства», можно выделить глубокие корни общечеловеческой этики. Принцип этического детерминизма раскрывается в православной этике, диалектически обуславливающей основные положения в структуре познания. Посредством внедрения этического аспекта в систему знаний о православной культуре онтологически определяются объекты изучения. Эти объекты выделяются в качестве канонов, запретов, положений, «заповедей», включенных в систему христианского воспитания, содействующих духовному росту и спасению человека.

В русской религиозной философии идея творчества как результата этических знаний принадлежит Н.А. Бердяеву; в творчестве присутствует элемент новизны, который рождается как оценка этического знания. В связи с этим этическому знанию придается онтологический акцент, возможность «нравственного улучшения бытия». Творчество является созидательным началом мира, все созданное человеком есть результат творчества. Н.А. Бердяев выявляет как классическую форму социальной этики нехристианскую этику, которую он называет «этикой закона». К «этике закона» философ относит «ветхозаветную-иудейскую, языческую, первобытно-социальную, а также теоретические формы морали: аристотелевскую, стоическую, пелагианскую, томистскую» [5, С. 65].

По теории христианской антропологии человек воспринимается философом как образ и подобие Божье, соответственно, духовное начало свободно по своей сути и имеет трансцендентное начало. Если следовать запретам со стороны социальных законов и норм, это может увести человека от его субстанциональной сущности, творческой энергии. Христианская этика, по Н.А. Бердяеву, всецело стоит на стороне человека как духовной субстанции, личности и противостоит закону.

Следуя идеям Н.А. Бердяева, мы рассматриваем православную культуру как нравственно формирующую культуру, основанную на определенном виде эстетической деятельности. Талант художника выявляется и реализуется только в том случае, если он направлен на обнаружение через художественное произведение тенденций социальной и духовной жизни общества своего времени. Таким образом, каждая эпоха формирует свой культурный пласт, способствующий духовному развитию человека.

По Н.А. Бердяеву, подлинное творчество называется теургией – искусством, созданным совместно с Богом, творчеством, являющим иной мир, иную красоту, свободным от навязчивых норм этого мира. Автор определяет место искусства в теургии. «Теургия соответствует религиозной эпохе творчества. Теургия – имманентно-религиозное искусство» [1, С. 57].

Следующим логическим звеном в структуре изучения основ православной культуры является эстетика как форма художественного своеобразия объектов познания. Проблема творчества тесно связана с эстетическим восприятием и формированием художественного сознания. Изучение истории человеческой культуры показывает, что на протяжении длительной исторической эпохи искусство было чрезвычайно тесно связано с религией. Искусство возникает в первобытном обществе, первоначально ориентированном на мифологическое мировоззрение. Достижения человека и познание окружающего мира рождает понимание красоты, отношений между людьми и внутреннего духовного мира самого человека. Синкретичность первобытного сознания доказывает принцип присутствия религиозного сознания в эстетическом или эстетического в религиозном.

В эпоху Средневековья искусство почти целиком подчинялось религии. Его сюжеты и идеи заимствовались исключительно из сферы христианской мифологии и вероучения, а его практическое предназначение ограничивалось областью религиозного культа. Именно в эту эпоху были созданы выдающиеся памятники художественной культуры, которые до сих пор продолжают волновать людей и доставлять им эстетическое наслаждение.

Когда христианство претерпевало исторические изменения, в частности, нововведения после Вселенских соборов, ясно было то, что каждая новация выступала как иносказание. Внедрение в богослужебную практику национальных языков также имело неоднозначную оценку. Оставаясь, однако, знаком данной христианской культуры, художественный текст принимает для людей нового времени и иной культуры такой смысл, который определяется своеобразием их миропонимания, особенностями их художественного и эстетического сознания.

Эстетическое содержание, эстетическую значимость православного искусства нельзя свести лишь к специфически религиозным идеям и стремлениям, которые одушевляли его творцов. В православном искусстве, на наш взгляд, присутствует глубоко человеческое содержание, которое хотя и выступает в религиозной форме, но по существу своему отражает и религиозную, и светскую сущность художника. Речь идет о стремлении человека к идеалу, духовному совершенству, о возвышении духовных потенций человека. Думается, что эстетическая ценность православной культуры в значительной степени определяется общечеловеческими мотивами и стремлениями.

С одной стороны, религиозное искусство имеет религиозную направленность, но не всегда связано с культом, с другой стороны, религиозное искусство включено в систему культа. Таким образом, оно приобретает церковный статус. Как правило, статусность закрепляется решениями церковных соборов, рекомендациями церковного руководства, одобрениями от его имени и т.д. Религиозные сюжеты и евангельские истории служили и служат прототипом образов религиозного искусства. Смысловым ядром в этих образах является эстетический идеал, вдохновленный религиозным сюжетом. Однако важным аспектом является соответствие образа богослужебным требованиям, что выступает в категории прекрасного с ортодоксально-религиозных позиций. Эстетические убеждения художника формировались и развивались в поисках решений, соответствовавших духовным потребностям времени, в котором доминирующее религиозное сознание синтезировало разноплановые общественные проблемы. Духовно-эстетическое содержание канонических произведений проявляется далеко за рамками богослужения – это и городские архитектурные ансамбли, музеи, выставки, концерты. Таким образом, можно говорить о некой самостоятельности художественного начала по отношению к религиозно-культовому. Образы, созданные на библейские сюжеты, бесценны и являют собой величайшие памятники художественной культуры. Памятники архитектуры, фрески, мозаики, иконы, картины, скульптурные образы, хоровое искусство, драматические постановки, художественном шитье, орнамент в своем синтезе и разнообразии взаимодополняют друг друга, обуславливая эстетико-психологический контекст религиозной проповеди и культовых действий.

Гносеологические аспекты православной культуры открыли не только сугубо богословское знание, но и глубоко философские источники трактовки христианства. Это фундаментальные знания средневековой философии, основанные на учениях Отцов Церкви, равно почитаемых как философов, так и богословов. Раскрытые в религиозно-когнитивном аспекте вопросы веры и разума прежде всего ориентированы на познавательную функцию. Происходит рациональное познание трансцендентного. Мы не можем с научной точки зрения доказать многие религиозные идеи, но средствами художественного познания мы можем раскрыть самые глубокие религиозные знания, заложенные в

православной культуре. Рассматривая структуру любой развитой религии, мы выделяем два важных аспекта: религиозную идеологию и религиозную психологию. Основой гносеологических особенностей православной культуры являются и идеологическое наследие, и принципы православной психологии.

Сходство и взаимодействие искусства и религии обусловлено их аксиологической направленностью, соединением в них рационально-логического и эмоционально-фантастического компонентов. Эстетическое и религиозное переживание – глубинная сторона этих форм деятельности, включающая сокровенные проявления духовной жизни неповторимой конкретной личности. В христианском искусстве красота – категория не только эстетическая, но также этическая, понятия красоты и добра, прекрасного и святого совпадают. В этом проявлен синтез искусств в православном храме. По своей природе религия вообще аксиологична. Она несет в себе концепцию всечеловеческой гуманности. Особенность аксиологии православной культуры состоит в том, что за пределы мистики выведены основные ценностные ориентиры. Это общечеловеческие ценности, объективно существующие в мире.

Само существование православной культуры и есть ее онтологическое обоснование. У нас есть сам объект – православная культура, субъект – познающий человек и отношение к данному объекту. Структура идеи такова, она состоит из трех составляющих – субъекта, объекта и отношения субъекта к объекту. Для сравнения именно по трем ипостасям объекта, субъекта и отношения к объекту разделились из первобытной синкретической неразделенности наука, искусство и религия: наука стала заниматься объективной реальностью, искусство – субъективной, а религия – относительной, ее сферой стали очевидности, свойства и законы отношений – связи субъекта и объекта. Наводить мосты между наукой, искусством и религией призвана философия.

Особенностью онтологии православной культуры, на наш взгляд, является специфическое понимание православия как формы бытия, как основы построения любого типа отношений. Православная культура должна рассматриваться как культура православной цивилизации, а не конкретных людей, исповедующих данное направление христианства.

Выразительные возможности православной культуры находятся в прямой зависимости от опыта художника, его творческого потенциала, этических составляющих его мировосприятия, являясь, по сути, отражением его художественной воли в образе. Этот созданный культурный образ, будь то храм, икона, фреска, песнопение, способен актуализировать связанные с памятью психические процессы, облегчая тем самым достижение возвышенного состояния.

Таким образом, рассмотрев основы православной культуры с точки зрения философской методологии и структуры философского знания, можно судить о необходимости системного понимания православной культуры с точки зрения единства религии и философии. Все стороны философского знания лежат в основе православной культуры. От бытийных и гносеологических корней до этических и эстетико-аксиологических представлений. Формируя сознание, православная культура воспитывает, раскрывает специфику особой сферы духовной культуры.

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2011. – 672 с.
2. Бородин А.В. Основы православной культуры / А.В. Бородин. – М.: Издательский дом «Покров», 2003. – 288 с.
3. Кураев А.В. Основы православной культуры. Учебное пособие для 4-5 классов / А.В. Кураев. – М.: Просвещение, 2010. – 145 с.
4. Митрохин Л.Н. Религия и культура (философские очерки) [Электронный ресурс] / Л.Н. Митрохин. – М.: Институт философии РАН, 2000. – 318 с. – URL: <http://iph.ras.ru/page51067191.htm> (дата обращения 22.09.2016г)
5. Михеев И.Н. Этнос религиозного опыта / И.Н. Михеев. – М.: Книга по требованию, 2013. – 130 с.
6. Бычков В.В. Эстетика Отцов Церкви / В.В. Бычков. – М.: Ладомир, 1995. – 608 с.
7. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи / П.А. Флоренский. – М.: АСТ, 2005. – 635 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berdjaev N.A. Smysl tvorčestva. [Meaning of creativity work] / N.A. Berdjaev. – Moscow: AST. – 672 p. [in Russian].
2. Borodina A.V. Osnovy pravoslavnoj kul'tury. [Basics of Orthodox culture] / A.V. Borodina. – Moscow: Izdatel'skij dom "Pokrov". – 288 p. [in Russian].
3. Kuraev A.V. Osnovy pravoslavnoj kul'tury. Uchebnoe posobie dlja 4-5 klassov. [Basics of Orthodox culture. Textbook for 4-5 Forms] / A.V. Kuraev. – Moscow: Prosveshhenie. – 145 p. [in Russian].
4. Mitrohin L.N. (2000) Religija i kul'tura (filosofskie očerki). [Religion and culture (philosophical essays)] [Electronic resource] / L.N. Mitrohin. – Moscow: Institut filosofii RAN. – 318 p. – URL: <http://iph.ras.ru/page51067191.htm> (accessed: 22.09.2016g) [in Russian].
5. Miheev I.N. Jetos religioznogo opyta. [Ethos of religious experience] / I.N. Miheev. – Moscow: Kniga po trebovaniju. – 130 p. [in Russian].
6. Bychkov V.V. Jestetika Otcov Cerkvi. [The aesthetics of the church fathers] / V.V. Bychkov. – Moscow: Lodomir. – 608 p. [in Russian].
7. Florenskij P.A. Stolp i utverzhenie istiny: opyt pravoslavnoj teodicej. [Pillar and Ground of Truth: Experience Orthodox theodicy] / P.A. Florenskij. – Moscow: AST. – 635 p. [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.042

Леонова О.В.

ORCID: 0000-0002-4209-4602, Старший преподаватель, аспирант
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Институт социальных отношений,

Кафедра религиоведения, социально – культурной антропологии и туризма

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «КОСМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ» К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО*Аннотация*

В статье анализируются основы философии и основной метод исследования у К.Э. Циолковского. Им является принцип материалистического монизма. Главное гносеологическое содержание этого принципа, идея единства бытия, единство законов развития материи и разума во вселенной. К.Э. Циолковский был убежден в том, что в мире действуют единые законы развития, единые законы для эволюции живой и косной материи. По его мнению, по этим законам, в соответствии с ними, развивается и космос и Земля и человек, и человеческое общество. С этой точки зрения Земля, как планета Солнечной системы, являясь частью космоса, так же подвержена действию всеобщих законов. В своем развитии она развивалась естественным путем, путем эволюции материи во вселенной. Эволюции Земли – это путь эволюции многих иных планет в нашей Галактике и во вселенной вообще. Этот путь в общем виде описывается Канто - Лапласовской небулярной теорией.

Ключевые слова: монизм, Циолковский, космическая философия, небулярная теория, эволюция вселенной.

Leonova O.V.

ORCID: 0000-0002-4209-4602. Senior lecturer, Postgraduate student,
Kaluga state University of K.E. Tsiolkovsky,
Institute of social relations,

Department of religious studies, socio – cultural anthropology and tourism

THE ONTHOLOGICAL FOUNDATION OF THE "COSMIC PHILOSOPHY" OF K.E. TSIOLKOVSKY*Abstract*

The article analyzes the basic philosophy and the basic method of the study of K. E. Tsiolkovsky. It is the principle of materialist monism. The main epistemological content of this principle, the idea of the unity of life, unity of laws of development of matter and mind in the universe. K. E. Tsiolkovsky was convinced that in the world there are common laws of development of the unified laws for the evolution of living and inert matter. In his opinion, these laws, in accordance with them, develops, and space and Earth and man and human society. From this point of view the Earth as a planet the Solar system, being part of the cosmos, as subject to universal laws. In its development it has evolved naturally through the evolution of matter in the universe. The evolution of the Earth is the path of evolution on many other planets in our Galaxy and in the universe at all. This path in general was described in Kanto - Laplace nebular theory.

Keywords: monism, Tsiolkovsky, space philosophy, nebular theory, evolution of the universe.

В значительной мере вся “космическая философия” К.Э.Циолковского была устремлена в будущее, обращена в него. Мотивация настоящих и прошлых моментов в жизни вселенной была лишь той необходимой, неизбежной основой, без которой невозможно было выстроить философию будущего. Именно поэтому К.Э.Циолковский наиболее ярок в своих описаниях, наиболее красноречив и старается быть наиболее убедительным именно тогда, когда речь идет о будущем. Будущая жизнь, будущее счастье, близкое и более отдаленное, наиболее интересны для ученого, дают максимальный простор его фантазии, открывая невиданные ранее оптимистические горизонты. [1, с.55-64.]

Именно поэтому размышления об эволюции земли, человечества, жизни вообще и разума занимают значительное место в работах К.Э.Циолковского. Прогностические работы, связанные с выяснением будущего человечества и человека, его развития в разных частях развивающейся монистической вселенной, это та принципиально новая отрасль научного знания, одним из основателей которой по праву можно считать именно К.Э.Циолковского. [2, с. 24-30.] И, пожалуй, одной из главных задач для ученого здесь был вопрос выяснения места человечества во вселенной, роли разума в ее эволюции, а, если быть еще более точным, ученый пытался выяснить предназначение человечества и разума во вселенной. Именно здесь он максимально современен, а, подчас, значительно опережает время, предлагая варианты ответа на вопрос совершенно фантастические, он до конца старается остаться в рамках научных подходов. В то же время, не смотря на это, К.Э. Циолковский постоянно остается на позициях утопизма при рассмотрении вопроса о социальном идеале.

По мнению К.Э. Циолковского, Земля, как и вся Солнечная система, как и Галактика, и вселенная в целом, образовались естественным путем, как один из закономерных этапов в развитии космоса. Путь эволюции земли из протопланетного облака - это естественный и закономерный, обычный путь возникновения и развития всех иных планетных систем во вселенной, которые появились вокруг своих звезд - Солнц. Различным здесь является лишь время образования планетных систем и то, что определенные параметры у этих систем различаются (количество планет, их близость к центральному телу, наличие у планет спутников, удаленность от ядра Галактики и т.д.). Часть солнечных систем возникает раньше, другая позднее, некоторые уже погибли, иные находятся лишь в процессе своего зарождения, формирования. Земля, как считает ученый, возникла относительно недавно, по космическим меркам. [4, л.2]. Поэтому, вполне вероятно, что многие солнечные системы возникли ранее, и ряд планет во вселенной появился ранее Земли. Естественно, что на планетах со сходными условиями (с такими же параметрами, как и на Земле), жизнь и разум появились раньше, чем на Земле, они значительно обогнали Землю и земной разум в своей эволюции. В то же время, как считал К.Э.Циолковский, не смотря на то, что возраст земли и человека незначительны, это не должно становиться поводом для нашего огорчения. [5, л.2]. Дело в том, что человеческая цивилизация находится лишь в

самом начале своего долгого периода развития, своей жизни. Пройденные ею этапы эволюции - это лишь самое начало пути. Сам путь развития, эволюции, в том числе и жизни, как мы уже увидели ранее, по мнению ученого, это своеобразная лестница, на которой переход от неживого к живому, от неорганического к органическому, от неразумного к разумному достаточно постепенен, мало ощутим. Здесь очень трудно найти какие-либо границы и четкие барьеры. Цепь развития жизни, по мнению К.Э. Циолковского, состоит из следующих ступеней:

1) Атомы эфира - это основа бытия, основа всего, истинный фундамент Вселенной.

2) Атомы физические, материальные, те, которые известны современной науке и из которых состоит вещество вселенной.

3) Следующим этапом, ступенью в развитии жизни на планете является возникновение простейших живых существ (бактерий, микроорганизмов) и простейших растений (водорослей, прежде всего одноклеточных).

4) В дальнейшем на Земле, в результате длительной цепи эволюционных превращений и переходов возникают сложные растения и животные.

5) Закономерным и неизбежным этапом во всей этой эволюции является появление человека - живого существа, обладающего разумом, неразрывно связанным с природой, но способным познавать природу и видоизменять её, т.е. активно вмешиваться в процессы, происходящие в природе.

Таков, по мнению ученого, путь эволюции, которую прошла жизнь на Земле, а, значит, ее она проходит и во всем космосе, в подобных частях его. [3, с.23]. До этого момента К.Э. Циолковский остается в своих рассуждениях и гипотетических построениях достаточно традиционным. Но для ученого все это не более чем основа, не более чем трамплин для смелого, (не только для своего времени!) возможно, неожиданного, но крайне динамичного и оптимистичного вывода: человек не предел в эволюции вселенной, но лишь начальная стадия в эволюции разума.

К.Э. Циолковский полагал, что на человеке эволюция не остановится, но последует далее. Современный уровень развития цивилизации, который нам самим представляется высшим и совершенным, на самом деле, является лишь одним из начальных этапов в поступательном развитии интеллекта. Это его начальная ступень развития. Для того, чтобы быть последовательным и логичным в своих рассуждениях, ученый должен был решить сложный и важный вопрос: разум возникает в живой природе, но как же появляется сама жизнь? Он важен методологически. Ведь от его верного решения, от решения вопроса о том, как возникла жизнь на Земле, зависело решение вопросов о том, как возникла жизнь на других подобных планетах в монистической вселенной.

Ученый указывал на два принципиально возможных пути появления жизни на Земле (и, следовательно, на планетах вообще). Наиболее логичным и естественным, а, значит, и наиболее возможным и вероятным, был путь самозарождения жизни на планете из её вещества. В результате сложных естественных (природных) физико-химических процессов, реакций и взаимодействий, на протяжении миллионов лет эволюции, из неживой природы возникают первые простейшие живые образования. К.Э. Циолковский не называет их, но говорит о неких "комочках живого вещества". В любом случае, по его мнению, это наиболее вероятный, объективный и закономерный процесс возникновения жизни на планете.

Второй вероятный путь появления жизни на планетах - занос живого вещества в виде неких спор или зародышей жизни, из космоса. Попадая на поверхность планет, эти споры, дают начало жизни. Красивая идея панспермии, выдвинутая шведским ученым Сванте Аррениусом, в принципе не отвергается и К.Э. Циолковским. Но она не удовлетворяет его научного подхода к проблеме. Поэтому, объективно, К.Э. Циолковский выступал против этой идеи. Гипотеза панспермии не удовлетворяла ученого, т.к. не давала объяснения появлению самих спор жизни, источника их происхождения. Эта гипотеза, следовательно, могла объяснить лишь вторичные этапы развития жизни, её расселения по планетам. Поэтому, по мнению К.Э. Циолковского, наиболее приемлемым вариантом возникновения жизни во вселенной (т.е. на планетах), был вариант самозарождения её естественным путем.

Таким образом, ученый приходит к выводу о естественном характере развития жизни и разума на Земле и в космосе, о его закономерном развитии, прогрессивном, поступательном характере развития разума. При этом К.Э. Циолковским особая роль уделяется развитию цивилизаций во вселенной. Цивилизации во вселенной, это закономерный этап развития разума, одна из ступеней, один из этапов в его развитии. Как уже говорилось ранее, главной целью бытия вселенной К.Э. Циолковский считал достижение вселенной счастья. И здесь большая и активная роль принадлежала цивилизациям, разуму, порожденному вселенной. Порожденный вселенной, прогрессивно развивающийся, разум, на этапе своего космического цивилизационного развития, начинает активным образом познавать вселенную. Исследуя законы, управляющие её бытием, разумные цивилизации, в конечном итоге, способны воздействовать на процессы, протекающие во вселенной, устраняя вредные для разума, а, значит, и для всей вселенной, (ведь разум - часть вселенной) влияния, порождая добро и счастье, распространяя его по вселенной.

Вопрос о возможности (и вероятности) существования иных цивилизаций был очень важен для К.Э. Циолковского и разрешался им положительно. Да иначе и быть не могло. Ведь в монистической вселенной ученого было сколько угодно места для жизни и активной деятельности многих и многих цивилизаций, возникших в разное время, или же одновременно (они возникают на основании единых законов, подобно появлению земной цивилизации). К.Э. Циолковский был глубоко убежден в том, что разумная жизнь на Земле не уникальна. Таким образом, вселенная у К.Э. Циолковского оказывалась потенциально счастливой (за счет того, что вечно "счастливые" атомы эфира пронизывали всю вселенную) и активно счастливой, за счет активной деятельности в космосе разумных цивилизаций.

Список литературы / References

1. Лыткин В.В. Основания космической антропологии в трудах К.Э. Циолковского как вариант «философии жизни». /В.В. Лыткин// Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. Выпуск №4. – Белгород: «Белгородский государственный институт искусств и культуры», 2014. – С.55-64
2. Лыткин В.В. Философско-антропологические идеалы в наследии основных представителей русского космизма/В.В.Лыткин // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (145). – Вып. 23. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2013. – С. 24-30.

3. Циолковский К.Э. Атлас дирижабля из волнистой стали./К.Э. Циолковский// - Калуга, 1931. – 24с.
4. Циолковский К.Э. Натуральные основы. /К.Э. Циолковский// - Архив РАН. ф.555, оп.1, д.510, л.2 об. С.1-2.
5. Циолковский К.Э. Непрерывность высшей жизни. /К.Э. Циолковский// -Архив ГМИК им. К.Э.Циолковского. ф.1, оп.1, д.107, л.2 об. С.1-2.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lytkin V.V. Osnovaniya kosmicheskoy antropologii v trydax K.E. Tsiolkovskogo otk variant "filosofii jizni". [The origins of space anthropology in the works of K.E. Tsiolkovsky as a variant of the "philosophy of life".] /V.V. Lytkin// Nayka. Iscusstvo. Kultura. Nauchnii recenziruemii jurnal. Vypusc №4. [Science. Art. Culture. Scientific peer-reviewed journal. Issue No. 4]. – Belgorod: "Belgorod state Institute of arts and culture," 2014. – P. 55-64 [in Russian]
2. Lytkin V.V. Filosofskio-antropologicheskie ideal v nasledii osnovnix predstaviteley rysskogo kosmizma. [Philosophical-anthropological ideals in the heritage of the main representatives of Russian cosmism] / V.V. Lytkin// Nauchnie vedomosti BelGY. Seria "Filosofia. Sociologiya. Pravo." - №2 (145).- Vio.23.-[Scientific statement of BSU. / Series "Philosophy. Sociology. Law". – №2 (145). – Vol. 23.]– Belgorod: BSU, 2013. – P. 24-30. [in Russian]
3. Tsiolkovsky K.E. Atlas direjablya iz volnistoi stali.[Atlas of the airship of wavy steel.] /K.E. Tsiolkovsky// - Kaluga, 1931. – 24P. [in Russian]
4. Tsiolkovsky K.E. Natyrlnie osnovi. [Natural substrates.]/K.E.Tsoilkovsky// Arhiv RAN.[Archives of RAS]. F.555.- L.1.- D.510.- P.1-2. [in Russian]
5. Tsiolkovsky K.E. Nepririvnost vishey jizni [The continuity of the higher life.]/ K.E. Tsoilkovsky// Arhiv GMIK im. K.E.Ciolkovskogo [Archive of SMHC of K.E. Tsiolkovsky]. F.1.- L.1.- D.107.- P.1-2.[in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.018

Лыткин В.В.

ORCID: 0000-0002-4416-9428, Доктор философских наук,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Институт социальных отношений,
Кафедра религиоведения, социально – культурной антропологии и туризма

РОЛЬ И МЕСТО РАЗУМА ВО ВСЕЛЕННОЙ («КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО)

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды основоположника современной теоретической космонавтики и ракетостроения К.Э. Циолковского на проблему эволюции человечества и возможного места в этом внеземных цивилизаций. Ученый приходит к выводу о неизбежности перехода эволюции человечества к космической эволюции. Рассматривается аспект адекватности данных взглядов К.Э. Циолковского представлениям современных ученых и философов. Делается вывод о прогрессивном характере «Космической философии» К.Э. Циолковского и ее прогностической направленности.

Ключевые слова: человечество, цивилизация, эволюция, эволюция человечества, космическая эволюция, Циолковский, космическая философия, русский космизм, SETI.

Lytkin V.V.

ORCID: 0000-0002-4416-9428, PhD in Philosophy,
Kaluga state University of K. E. Tsiolkovsky,
Institute of social relations,

Department of religious studies, socio – cultural anthropology and tourism

THE ROLE AND PLACE OF INTELLIGENCE IN THE UNIVERSE ("COSMIC PHILOSOPHY" OF K. E. TSIOLKOVSKY)

Abstract

The article discusses the views of the founder of theoretical cosmonautics and rocketry, K. E. Tsiolkovsky the problem of the evolution of Mankind and a possible place in this extraterrestrial civilizations. A scientist comes to the conclusion about the inevitability of the transition of human evolution to cosmic evolution. It was considered the aspect of adequacy of these views of K. E. Tsiolkovsky's ideas of modern scientists and philosophers. The conclusion about the progressive nature of the "Cosmic philosophy" of K. E. Tsiolkovsky and its predictive orientation.

Keywords: humanity, civilization, evolution, human evolution, cosmic evolution, mathematics, space, philosophy, Russian cosmism, SETI.

Вопрос о возможности существования иных цивилизаций был очень важен для К.Э. Циолковского и разрешался им положительно. В монистической вселенной ученого было сколько угодно места для жизни и активной деятельности многих и многих цивилизаций, возникших в разное время, или же одновременно (они возникают на основании единых законов, подобно появлению земной цивилизации). К.Э. Циолковский был глубоко убежден в том, что разумная жизнь на Земле не уникальна. [10]. В формулировании самой проблемы бытия иноцивилизаций для ученого большую роль сыграло знакомство с творчеством Дж.Бруно. В представлениях Дж. Бруно и у К.Э.Циолковского вселенная, это мир безграничный, не имеющий пределов, а, следовательно, в таком безграничном, беспредельном мире теоретически возможна реализация любой вероятности, включая и вероятность появления еще одной или некоторого количества цивилизаций. Поэтому, подобно своему великому предшественнику, К.Э.Циолковский делал вывод о населенности планет иных солнечных систем во вселенной. Ученый считал, что

основополагающий закон, действующий во вселенной, закон монизма, так же ведет к повсеместному появлению разума (при определенных условиях). Разум же, по достижении определенной ступени своего развития, неизбежно осуществляет выход в космос, с целью познания законов вселенной, разрешения своих горизонтов, овладения новым пространством. Цивилизация неизбежно вступает в космический этап своего развития. [3, с.145-151]. На определенном этапе различные цивилизации космоса соединяются, вступая в союзы с тем, чтобы совместно и более эффективно использовать вселенную, познавать ее законы, управлять процессами, происходящими в ней. Так космические цивилизации достигают в своем развитии уровня астроцивилизаций. [7, с.18].

Таким образом, К.Э.Циолковский приходил к логическому выводу о том, что более чем вероятно, что на других планетах распространена разумная жизнь. Он писал о том, что «во вселенной единая материя», планеты возникают по единым законам планетообразования, на них «единые условия, единое строение солнечных систем», - все это ведет к появлению органической жизни на их поверхности, причем, некоторая разность условий «не исключает закономерности жизни». [9].

Следовательно, единство вселенной, ее монистическая закономерность, ведет к ее всеобщей населенности. Рассматривая процессы, происходящие на поверхности планет во вселенной, К.Э.Циолковский, следуя своему методу, берет за основу опыт земной эволюции жизни, экстраполируя его, по аналогии, на иные, сходные по условиям, планеты во вселенной. На них – единое с земным вещество, единые условия и законы развития. Жизнь на них развивается по единому закону эволюции, восходя ко все более сложным формам и видам, достигая постепенно своего высшего уровня, разумной жизни. Все это давало К.Э.Циолковскому возможность говорить о всеобщей распространенности жизни и разума в космосе. [8].

Единство представления ученого о бесконечной материи и вселенной и принципы монизма, приводят ученого к обоснованию им антропного принципа. Важной частью его является убежденность в существовании внеземных цивилизаций. При этом особое внимание ученый уделял доказательству возможности бытия различных по уровню развития цивилизаций. (К.Э.Циолковский. Есть ли бог. [5, л.1]. В общем виде это объяснялось им различными сроками возникновения планет, похожих на Землю по своим условиям, различными темпами их эволюции, что зависело от множества внешних и внутренних факторов.

Обобщая все выше сказанное, мы приходим к неизбежному выводу о том, что существование внеземных цивилизаций было для К.Э.Циолковского самоочевидной идеей, носившей характер «абсолютной истины». Не случайно ученый считал, что среди миллиардов планет (а в бесконечной вселенной их должно быть бесконечное количество), которые имеют подходящие условия для жизни, хотя бы на некоторых из них должна быть жизнь, достигающая уровня космической цивилизации в своем развитии. [6, л.1]. Этот вывод ученого совпадает, в основном, со взглядами современной науки по этому вопросу. Можно привести высказывания многих современных ученых, занимающихся проблемой внеземных цивилизаций. В целом их можно свести к одному из наиболее характерных выводов: «Наш окончательный вывод мало отличается от точек зрения К.Э. Циолковского. Мы по-прежнему считаем, что внеземные цивилизации, вероятно, есть, но у нас пока нет свидетельств того, что внеземная жизнь существует. [1, с. 11].

При общей постановке проблемы внеземных цивилизаций, по всей видимости, наиболее важной, основополагающей и исходной становится дилемма, заключающаяся в следующем: логическая вероятность существования разумных цивилизаций во вселенной очень высока, но в настоящее время мы не наблюдаем каких-либо явных проявлений их космической деятельности. (Так называемый «Парадокс Ферми»). Мимо этого противоречия не прошел в свое время и К.Э. Циолковский. Отсутствие прямых контактов космических цивилизаций с нашей, земной цивилизацией, он объяснял рядом возможных причин. Главной из них он считал недостаточность уровня развития земной цивилизации. Можно условно предположить, что уровень развития земной цивилизации, это некая середина (условно допуская, что темпы развития цивилизаций могут быть различны, а процесс планетообразования имеет разные сроки в рамках бесконечной вселенной). В этом случае логично предположить, что часть цивилизаций во вселенной отстает в своем развитии от земной, а часть опережает ее. Раз так, раз многие цивилизации в своем развитии опередили землю, а некоторые из них - значительно, значит их уровень, следы их деятельности, видимые проявления их активности, едва ли доступны нашему восприятию, следовательно и нашему сознанию. Мы едва ли сможем осознать, что то или иное явление, наблюдаемое нами, на самом деле является видимым действием иноцивилизации, далеко обогнавшей в своем развитии землю. Более того, едва ли возможен контакт с этими цивилизациями. По крайней мере, со стороны земной цивилизации он более чем проблематичен. [8, л.2 об.; 9, л.2 об.]. Но, предположим, что подобный контакт все-таки произошел. Почему он не только нежелателен, но и опасен? Дело в том, что, по мнению К.Э. Циолковского, преждевременный контакт может вызывать на Земле, где среди подавляющего большинства населения царит невежество, ужас и панику, приведет к религиозному фанатизму, непониманию. В целом, результат может стать обратным желаемому. [4, с.9]. Вместо ускорения темпов прогресса, рационального использования новых знаний, земля может быть отброшена назад в своем развитии. Невежество может захлестнуть планету, погубив, отторгнув новые знания, новую культуру, и уничтожив культуру собственную. К.Э.Циолковский полагал, что контакт с иноцивилизациями произойдет позднее, благодаря мудрости и дальновидности инопланетного разума. Это случится, когда человечество, благодаря техническому, социальному и нравственному прогрессу достигнет более высоких этапов в своем развитии. Говоря точнее, произойдет это после выхода человечества в космос, после того, как космическая деятельность человечества достигнет больших масштабов. Когда наше познание вселенной и законов космоса станет более глубоким. Именно там, в глубинах космоса произойдет встреча двух родственных цивилизаций, их взаимообогащение, и затем их совместное, ускоренное движение по пути прогресса, вступление в эпоху астроцивилизации.

Таким образом, по мысли ученого, человечество Земли должно самостоятельно пройти все этапы своего развития, без какого бы то ни было вмешательства извне. Оно должно естественным образом дорасти до уровня развитых

космических цивилизаций. И первым шагом на этом великом, грандиозном пути, станет выход человечества в космос при помощи реактивного летательного аппарата. Это станет началом новой эры в развитии человеческой культуры.

Со времени исследований, которые проводил К.Э. Циолковский, прошло не так уж и много исторического времени. Но путь, пройденный наукой и техникой, оказался значительным. Человечество уже вышло в космос. И, хотя это проникновение пока еще очень ограничено, тем не менее, по мнению некоторых ученых, современный уровень развития человечества уже позволяет вплотную заниматься проблемой поиска внеземных цивилизаций. Более того, проблема SETI (Searching of Extra Terrestrial Intelligence - Поиск Внеземных Цивилизаций) и установление контактов с иноцивилизациями уже стали самостоятельными научными дисциплинами.

Ученый полагал, что чем дальше и выше цивилизации отстоят по уровню своего развития от земной цивилизации, тем они менее понятны нам. Их коллективный разум, их наука и техника намного опередили по уровню своего развития Землю. [5, л.1; 8, л. 2 об.]. Действительно, нам невозможно будет представить назначение того или иного прибора инопланетян, так же, как жителям первобытных племен Амазонии, например, очень сложно представить в полном объеме, например, предназначение компьютера. Еще сложнее обстоит дело с пониманием духовных ценностей. Многие ли из современных образованных европейцев могут адекватно оценить, почувствовать ценность и глубины духовного мира представителей восточных культур. Насколько доступны для нас нравственные ценности буддизма, эзотеризм зороастризма и синтоизма? А ведь это культуры земные, человеческие...

Главную задачу, стоящую перед цивилизациями космоса, нравственный императив, К.Э. Циолковский видел в уничтожении ими несовершенной жизни на других планетах и распространение там разумной, а, значит, и совершенной жизни. [6, л.2]. Ученый видел основную нравственную, культурологическую, эволюционную задачу высокоразвитых цивилизаций космоса в распространении ими, насаждении, подчас и насильственным совершенной жизни, т.е. такой, где отсутствует страдание. Этот способ - прежде всего освоение космического пространства, активное проникновение разума во вселенную, не менее активное изменение самой вселенной и ее законов познающим и высоконравственным разумом цивилизаций. Так сама вселенная, породив разум, передает себя в его власть, развивается и совершенствуется за счет его развития и совершенствования. Более того, благодаря активному творчеству цивилизаций вселенная может окончательно и полностью освободиться от всего несовершенного, от зла и страданий.

К.Э. Циолковский разработал специальную теорию "исключительности земной цивилизации". В современной западной и американской научной литературе это объяснение получило название «Гипотеза Зоосада». Он считал, что некоторые, очень редкие из цивилизаций в космосе, развиваются естественным образом, безо всякого вмешательства извне, со стороны высокоразвитых иноцивилизаций. В ходе своего развития, своей самостоятельной эволюции, они проходят все возможные страдания и испытания на пути самостоятельного достижения полного счастья. [2]. Именно по этому пути развития и следует Земля, одна из очень немногих планет во вселенной. Земная цивилизация может передать свой оригинальный, неповторимый культурно-исторический опыт, свои оригинальные, не измененные внешним влиянием нравственные ценности. В этом заключается уникальное предназначение Земли во Вселенной.

Список литературы / References

1. Голдсмит Д., Оуэн Т. Поиски жизни во вселенной. - М.: Мир, 1983. - 488с.
2. Лыткин В.В. «Гипотеза Зоосада» в космической антропологии К.Э. Циолковского / В.В. Лыткин // Вестник калужского университета. – 2014. - №2. – С.22-28
3. Лыткин В.В. Проблема поиска путей развития человеческой цивилизации в русском космизме на рубеже XIX-XX веков / В.В. Лыткин // Вестник Волгоградского государственного университета / Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии / Научно-теоретический журнал. – 2012. – №2(17). – С. 145-151.
4. Циолковский К.Э. Воля вселенной. Неизвестные разумные силы. - Калуга, 1928. - 23с.
5. Циолковский К.Э. Есть ли бог. (1 вариант, 2 редакция). / К.Э. Циолковский // Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. / ф.1, оп.1, д.60, л.1.
6. Циолковский К.Э. Космическая философия. / К.Э. Циолковский // Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. / ф.1, оп.1, д.164, л.1.
7. Циолковский К.Э. Монизм вселенной (конспект). - Калуга, 1925. – 84с.
8. Циолковский К.Э. Натуральные основы. / К.Э. Циолковский // Архив РАН. / ф.555, оп.1, д.510, лл.1 – 2.
9. Циолковский К.Э. Планеты заселены живыми существами. / К.Э. Циолковский // Архив РАН, ф.555. / оп.1, д.505, лл. 1, 1об., 2.
10. Alepko L., Finney B., Lytkin V. Tsiolkovsky, Russian Cosmism And Extraterrestrial Intelligence // The Quarterly Journal Of The Royal Astronomical Society. – 1995. - Vol.36, # 4. – p. 369-376.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Goldsmith D., Owen T. Poiski jizni vo vselennoi [The Search for life in the universe]. - M.: Izdatelstvo Mir, 1983. – 488 P. [in Russian]
2. Lytkin V.V. "Gipoteza Zoosada" v kosmicheskoi antropologii K.E. Tsiolkovskogo ["Zoo Hypothesis" in the space anthropology of K.E. Tsiolkovsky] / V.V. Lytkin // Vestnik Kaluzhskogo universiteta [Herald of the Kaluga University]. – 2014. - No. 2. – P. 22-28. [in Russian]
3. Lytkin V.V. Problema poiska putei razvitiya chelovecheskoi civilizatsii v Russkom kosmizme na rubeje XIX-XX vekov [The Problem of finding ways of development of human civilization in the Russian cosmism of the XIX-XX centuries] / V.V. Lytkin // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Volgograd state University] / Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tehnologii [Series 7. Philosophy. Sociology and social technologies] / Nauchno – teoreticheskii jurnal [Scientific-theoretical journal]. – 2012. - №2(17). – P. 145-151. [in Russian]
4. Tsiolkovsky K.E. Volya vselennoi. Neizvestnye razumnye sily [The Will of the universe. Unknown reasonable force]. - Kaluga, 1928. – 23 P. [in Russian]

5. Tsiolkovsky K.E. Est` li bog (1 variant, 2 redaktsiya) [Is there a God. (Option 1, 2-d edition)]. // Arkhiv Gosudarstvennogo museya istorii kosmonavtiki [Archive of SMHC of K.E. Tsiolkovsky]. - F.1, Op.1, f. 60. - P. 1-2. [in Russian]
6. Tsiolkovsky' K.E. Kosmicheskaya filosofiya [Space philosophy]. // Arkhiv Gosudarstvennogo museya istorii kosmonavtiki [Archive of SMHC of K.E. Tsiolkovsky]. - F.1, Op.1, f. 164. - P.1. [in Russian]
7. Tsiolkovsky K. E. Monizm vselennoi (konspekt) [Monism of the universe (abstract)]. - Kaluga, 1925. – 84 P. [in Russian]
8. Tsiolkovsky K.E. Naturalnye osnovy [Natural bases]. // Arhiv Rossiiskoi Akademii Nauk [Archive of RAS]. - F.555, Op.1, f. 510. – P.1 - 2. [in Russian]
9. Tsiolkovsky K.E. Planety zaseleny jivymi suchjestvami [Planets populated by living beings]. // Arhiv Rossiiskoi Akademii Nauk [Archive of RAS]. - F.555, Op.1, f. 505. – P. 1-2. [in Russian]
10. Alepko L., Finney B., Lytkin V. Tsiolkovsky, Russian Cosmism and Extraterrestrial Intelligence / L. Alepko, B. Finney, V. Lytkin // The Quarterly Journal Of The Royal Astronomical Society. – London. - 1995. - Vol.36, # 4, December, 1995. – P. 369-376.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.017

Лыткин В.В.

ORCID: 0000-0002-4416-9428, Доктор философских наук,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Институт социальных отношений,

Кафедра религиоведения, социально – культурной антропологии и туризма

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В РУССКОМ КОСМИЗМЕ**Аннотация**

В статье анализируется русский космизм как обоснование необходимости космонавтики. Это было объективным закономерным процессом. Интерес к нравственно-этической проблематике, поиски счастья в виде социального идеала, приближение к основам социальной антропологии вывели русских мыслителей на новые, неожиданные направления в исследованиях, хотя работа в этом направлении шла и в других странах. В нашем понимании "космизм" - это достаточно широкое направление в духовной и материальной деятельности человеческой цивилизации, связанное с изучением и преобразованием природы специфическими средствами, как техническими, нового типа (ракетно-космическая техника), так и духовными. Именно выявление законов, распоряжающихся бытием космоса и жизнью человека, выявление влияния космоса на человека и человека на космос и составляет предмет, изучением которого занимается космизм. Русский космизм, вызрев в недрах философии всеединства, стал феноменом в истории мировой философии, связав историю человеческой культуры прошлого с современной и будущей глобальной практикой человечества, его нравственными исканиями путей своего развития.

Ключевые слова: космизм, космонавтика, глобальные проблемы, Циолковский.

Lytkin V.V.

ORCID: 0000-0002-4416-9428, PhD in Philosophy,
Kaluga state University of K. E. Tsiolkovsky,
Institute of social relations,

Department of religious studies, socio – cultural anthropology and tourism

GLOBAL PROBLEMS OF MANKIND IN RUSSIAN COSMISM**Abstract**

The article analyzes Russian cosmism as the rationale for space exploration. It was an objective natural process. Interest in ethical issues, the pursuit of happiness in the form of a social ideal, approach to the foundations of social anthropology brought Russian thinkers into new, unexpected directions in research, although work in this direction were made in other countries. In our understanding of "cosmism" is a rather broad trend in material and spiritual activities of human civilization, associated with the study and transformation of the nature of specific means of technical, new style (aerospace technology) and spiritual. It is the identification of the laws controlling existence of the cosmos and the human life, the effects of space on humans and humans into space is the subject, which deals with the study of cosmism. Russian cosmism, vyzrev in the depths of the philosophy of unity, became a phenomenon in the history of philosophy, linking the history of human culture of the past with contemporary and future global practices of humanity, his moral expectations of the ways of its development.

Keywords: cosmism, space exploration, global problems, Tsiolkovsky.

Логически неотъемлемой частью «космической философии» К.Э. Циолковского является теоретическая космонавтика, теория межпланетных путешествий, идея космической эволюции человечества, его развития и самосовершенствования до высот космического разума. С этой точки зрения становится понятным устремление человечества в космос и неизбежность этого, с точки зрения именно философской. Лишь по достижению определенного высокого уровня социального и индивидуального совершенства человечество начинает изучать и осваивать космос, продвигаясь все далее и далее в его глубины. Именно здесь, в заселенном космосе человечество, разум вообще, достигает предельных высот в своем развитии, именно здесь достигается личное совершенство. [3]. Именно в глубинах космоса человечество встретится со своими братьями по разуму, вступит в контакт с ними, объединится, что окончательно будет способствовать преобразованию человечества, достижения ими предельного разумного могущества. Разум начнет распоряжаться процессами эволюции космоса.

Но это лишь одна, философская сторона, обосновывающая закономерность космического этапа развития общества и разума, как человеческого, земного, так и любого, существующего во Вселенной. Но есть и другая сторона, более утилитарная, технологическая, но не менее важная для бытия человеческого общества. Это вопрос необходимости решения «глобальных проблем» человечества. С точки зрения К.Э. Циолковского среди них есть две основных, а именно, проблема роста населения Земли и ее возможного быстрого, взрывного перенаселения, в условиях социального прогресса, и проблема экономического развития, напрямую связанная с овладением новыми, более совершенными, и желательно, максимально дешевыми и неограниченными энергетическими ресурсами. К.Э. Циолковский понимал, что уровень развития экономики, «могущества» цивилизации напрямую зависит от уровня ее энерговооруженности. [2, с.74-80].

Где же взять неограниченную и практически бесплатную энергию, как решить проблему перенаселения Земли, как достичь счастья для человечества и для человека, путем уничтожения всего несовершенного, регулируя законы Вселенной? Эта трудная задача, по мнению ученого, может быть решена лишь в случае начала освоения космического пространства человечеством. Поняв это, мы сможем понять и знаменитое высказывание К.Э. Циолковского о том, что: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». [6, с. 4].

«Погоня за светом и пространством» станет началом движения человечества в космос, началом космического этапа эволюции человечества. Под «светом» в данном случае К.Э. Циолковский подразумевает практически бесплатную, и относительно бесконечную энергию излучения звезды нашей планетной системы, Солнца. Сумев утилизировать, использовать хотя бы половину солнечной энергии, энергии солнечного излучения, человечество тем самым обеспечит свои потребности на тысячи и миллионы лет, до момента гибели Солнца. Это возможно, лишь осваивая, занимая межпланетное пространство, пространство вокруг Солнца. Этот процесс «мирной колонизации» около солнечного пространства решит и проблему перенаселения Земли.

По мнению и глубокому убеждению К.Э. Циолковского, человечество не станет осваивать другие планеты (разве что изучать их, с точки зрения возможности использования их минеральных ресурсов, и здесь, прежде всего, будут изучаться и осваиваться астероиды), но станет, прежде всего, расселяться в открытом космосе. Только с момента применения реактивных приборов начнется новая, великая эра в астрономии, эра пристального, практического изучения космоса, считал К.Э. Циолковский. [8, с. 94]. Уже здесь, в тезисном, сжатом виде мы находим своеобразный план освоения космического пространства, нацеленный, прежде всего, на активную космическую колонизацию. Более того, ученый считает, что именно с освоением космоса начнется новая эра в истории человечества, в истории человеческого общества.

По мнению К.Э. Циолковского, гигантские космические поселения будут создаваться постепенно. Первоначально, материалы для их создания будут поступать с Земли, но, постепенно, «эфирные поселения» начнут это делать самостоятельно, осваивая и разрабатывая астероиды и малые планеты Солнечной системы. При этом человечество получит уникальную возможность по созданию не только новых поселений, но и нового строя общественной жизни. В основе ее будут лежать идеи, уже высказывавшиеся К.Э. Циолковским в отношении принципов организации артелей-поселений на Земле. Принцип будет тот же, это деление всего общества на малые группы и выборы наиболее достойных для управления ими. Но, по мнению автора, именно в космическом пространстве, или как К.Э. Циолковский называл его, в «свободном пространстве», человечество сможет обрести полную социальную и индивидуальную свободу. Это будет свобода и от пут гравитации, это будет и свобода от пут устаревших общественных связей.

Именно в космосе человечество сможет, как бы в «чистом виде» создать новый тип общества, общества социальной справедливости и социального равенства, общество равных возможностей, свободы и братства. К.Э. Циолковский был не только ярким утопистом, но и достаточно талантливым популяризатором своих идей. Его перу принадлежит несколько научно-фантастических произведений. Еще в 1896 г. К.Э. Циолковский начал писать повесть «Вне Земли». В 1916 г. половина этой повести была напечатана в журнале «Природа и люди». Наконец, в 1920 году повесть «Вне Земли» была полностью опубликована в г. Калуге. В ней в беллетризированной форме, по сути, была разработана подробная программа работ по подготовке и началу межпланетных сообщений и освоению космоса. [1, с. 15-16]. В главах этой повести, называющихся «Картины переселения и жизни в эфирных колониях» и «Союз колоний» ученый представляет яркую картину социального устройства общества космических поселенцев, их жизни и быта, политического устройства, принципов архитектуры космических поселений.

Для заселения колоний отбираются самые лучшие люди, в нравственном, физическом и психическом отношении: «Это были почти идеальные мужчины и женщины, ангелы в человеческом образе». [5, с. 121]. Сами колонии, «эфирные поселения» представляли из себя гигантские цилиндры, длиной в несколько километров. Внутри имелись оранжереи, снабжавшие поселенцев кислородом и продуктами питания, промышленная и жилая зона, зона отдыха. Солнечная энергия составляла основу существования колонии. В случае необходимости поселение с искусственной гравитацией, часть колонии могла изготавливаться в виде кольца и вращаться вокруг своей оси. [4, с. 136-138].

Так начинается этап космической эволюции человечества. К.Э. Циолковский в 1926 году опубликовал «План освоения космического пространства», в котором, в 16 пунктах описал как технический, так и социальный прогресс человечества, в ходе освоения им космического пространства. Последние пункты плана описывают дальнюю перспективу развития человечества, когда начинают осуществляться межзвездные путешествия, человечество встречается с братьями по разуму. Наконец, Солнце начинает угасать и человечество мигрирует по Вселенной в поисках нового источника энергии – нового Солнца. Объединенные цивилизации начинают новый этап эволюции, этап астроцивилизации: « 10. Вокруг Земли устраиваются обширные поселения. ... 12. Основывают колонии в поясе астероидов и других местах солнечной системы, где только находят небольшие небесные тела. ... 14. Достигается индивидуальное (личности, отдельного человека) и общественное (социалистическое) совершенство. 15. Население солнечной системы делается в сто тысяч миллионов раз больше теперешнего земного. Достигается предел, после

которого неизбежно расселение по всему млечному Пути. 16. Начинается угасание Солнца. Оставшееся население солнечной системы удаляется от нее к другим солнцам, к ранее улетевшим братьям». [7 с. 124]. Особый интерес в данном случае представляют пункты 14-16 плана. Именно здесь в конспективной форме описываются те этапы развития будущего человеческого общества, когда, по мнению К.Э. Циолковского, будет достигнуто совершенство, прежде всего общественное.

Это и есть тот общественный идеал, к которому стремится ученый в своих работах, пути к которому он описывает, выстраивает в своей социальной конструкции реформации общества. И идеал этот явно социалистический и, не менее утопический. Его общество, состоящее из равных граждан, равноправных в социальном отношении индивидов, совершенных индивидуально, размещается в вне Земли и вне нашего бытия. Именно здесь разум достигает неограниченного могущества, и уже ничто не может ему помешать в космосе. Наоборот, разум начинает преобразование всей вселенной, в соответствии с этикой счастья, обоснованной в «Космической философии».

Насколько утопичны и фантастичны идеи К.Э. Циолковского в области колонизации космоса и космической эволюции человечества? Безусловно, это крайняя степень утопии, заимствующая свои идеи от Платона, Кампанеллы и Т. Мора. Более того, его утопия более похожа на фантастику в стиле «science fiction» (научная фантастика) в жанре футуристической утопии. Но самое парадоксальное заключается в том, что с началом эпохи практического освоения космоса в середине XX века, у К.Э. Циолковского появляется много последователей и единомышленников среди ученых, в том числе и на Западе, в США. Одним из первых становится американский ученый Фриман Дайсон. В конце 50-х годов XX века он заинтересовался проблемой существования внеземных цивилизаций, и, так называемым «парадоксом Ферми» (все знают, что они есть, т.е. инопланетяне, но почему же мы не видим следов их деятельности). Ф. Дайсон приходит к выводу о том, что каждая цивилизация в космосе, достигнув космического уровня развития (начав освоение космического пространства своей солнечной системы), стремится максимально овладеть главным богатством, основным источником энергии – излучением своего Солнца. В этих целях цивилизации предпринимают колоссальные усилия в области астро-инженерной деятельности. Выражается это в том, что цивилизация подобного типа создает сплошную сферу вокруг своего Солнца (так называемая «Сфера Дайсона») с тем, чтобы полностью поглощать и использовать солнечное излучение, (именно поэтому мы и не видим следов деятельности такой цивилизации, ибо она вся находится внутри этой абсолютно не прозрачной сферы). Впервые эту идею Дайсон изложил в небольшой статье в журнале «Science» в 1960 году. [9, p. 131, 1667].

Таким образом, идеи К.Э. Циолковского нашли объективную поддержку за рубежом, правда, через 60 лет после их формулирования ученым. Тем не менее, идея утилизации излучения центрального звездного тела планетной системы, в которой находится высокоразвитая цивилизация, оказалась весьма и весьма привлекательной. По нашему мнению, главный социальный идеал будущего общества К.Э. Циолковский видел в реализации императива социальной справедливости в виде социального счастья, что нашло в трудах ученого ярко выраженный социалистический характер, с явным чертами утопизма.

Список литературы / References

1. Воробьев Б.Н. Работы К.Э. Циолковского по межпланетным сообщениям / Б.Н. Воробьев // К.Э. Циолковский / Вне Земли. – М.: АН СССР, 1958. – С. 1–20.
2. Лыткин В.В. Космические альтернативы человечества: социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма. – СПб.: Книжный Дом, 2012. – 208 с.
3. Лыткин В.В. Проблема влияния русского космизма и «космической философии» К.Э. Циолковского на освоение космического пространства / В.В. Лыткин // Научный вестник МГТУ ГА. – 2013 - № 191 (5). – С. 41-46.
4. Циолковский К.Э. Альбом космических путешествий. 21 июня, 1933 г. / К.Э. Циолковский // Рукописные материалы К.Э. Циолковского в Архиве Академии наук СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 129-169.
5. Циолковский К.Э. Вне Земли. – М.: АН СССР, 1958. – 144с.
6. Циолковский К.Э. Из письма К.Э. Циолковского В.Н. Воробьеву. 12 августа, 1911 / К.Э. Циолковский // Собр. соч. – Т. 2. – М.: АН СССР, 1954. – С. 4.
7. Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами. – Калуга, 1926. – 27с.
8. Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами. / К.Э. Циолковский // Ракета в космическое пространство. – М.: Академия наук СССР, 1963. – 112с.
9. Dyson, F. Search for artificial stellar sources of infrared radiation. – Science. – 1960, № 1667. – P. 131.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vorob'ev B.N. Raboty K.E. Tsiolkovskogo po meshplanetnym soobstcheniyam [The works of K. E. Tsiolkovsky on interplanetary communications] / B.N. Vorob'ev // K.E. Tsiolkovsky. Vne Zemli [Out of The Earth]. – M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1958. – 20 P. [in Russian]
2. Lytkin V.V. Kosmicheskie alternativy chelovechestva. Socialno – filosofskie, antropologicheskie I religioznye problem Russkogo kosmizma [Space alternatives of humanity. Socio-philosophical, anthropological and religious problems of Russian cosmism.]. – SPb.: OOO Knishnyi Dom, 2012. – 208 P. [in Russian]
3. Lytkin V.V. Problema vliyaniya Russkogo kosmizma I "kosmicheskoi filosofii" K.E. Tsiolkovskogo na osvoenie kosmicheskogo prostranstva [The problem of the influence of Russian cosmism and the "cosmic philosophy" of K.E. Tsiolkovsky on space exploration] / V.V. Lytkin // Nauchnyi vestnik MGTU GA [Scientific Bulletin of MSTU CA]. – 2013 - №. 191 (5). – P. 41-46. [in Russian]
4. Tsiolkovsky K. E. Albom kosmicheskikh puteshestvi'. Iun` 21, 1933 [Album of space travels. June 21, 1933] // R.E. Tsiolkovsky / Rukopisnye materialy K.E. Tsiolkovskogo v Arhive Akademii Nauk SSSR [Manuscripts of K.E. Tsiolkovsky in the archives of the Academy of Sciences of the USSR]. – M.: Nauka, 1966. – P. 129-169. [in Russian]
5. Tsiolkovsky K.E. Vne Zemli [Beyond the Earth]. – M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1958. – 144 P. [in Russian]
6. Tsiolkovsky K.E. Iz pisma K.E. Tsiolkovskogo V.N. Vorob'evy. Avgust 12, 1911 [From the letter of K.E. Tsiolkovsky to V.N. Vorobiev. August 12, 1911]. Sbranie sochinenii [Coll. Op.] V. 2. – M.: Nauka, 1954. – P.4. [in Russian]

7. Tsiolkovsky K. E. Issledovanie mirovyh prostranstv reaktivnymi priborami [Investigation of outer space by rocket devices]. - Kaluga, 1926. – 127 P. [in Russian]
8. Tsiolkovsky K. E. Issledovanie mirovyh prostranstv reaktivnymi priborami [Investigation of outer space by rocket devices] / K.E. Tsiolkovsky // [Rocket into outer space]. - M.: Izdatelstvo Akademii Nauk USSR, 1963. – 112 P. [in Russian]
9. Dyson, F. Search for artificial stellar sources of infrared radiation. - Science, №1667, 1960. - P. 131.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.100

Надыров А.И.¹, Беленкова О.А.²¹Магистрант, ²доктор философских наук,

Уфимский государственный нефтяной технический университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Аннотация

В статье с позиций общенаучной методологии рассматривается применение метода компьютерного моделирования для создания гидродинамических моделей углеводородных пластовых систем. Показано, что при решении задач разработки месторождений нефти и газа, гидродинамическая модель выступает как элемент её оптимизации.

Ключевые слова: компьютерная модель, гидродинамическая модель, гидродинамическое моделирование.

Nadyrov A.I.¹, Belenkova O.A.²¹Undergraduate, ²PhD in Philosophy,

Ufa State Petroleum Technological University

MODELING AS A METHOD OF SCIENTIFIC COGNITION AND AN INSTRUMENT OF SOLVING TECHNICAL PROBLEMS

Abstract

The paper studies the method of computer modeling from methodological point of view. The method is used for creation and studying of models of layer systems. It is shown that when solving problems of development of oil and gas fields the hydrodynamic model acts as an element of production optimization.

Keywords: computer model, hydrodynamic model, hydrodynamic modelling.

Научное познание представляет собой исторически развивающийся процесс достижения достоверных знаний о мире, истинность которых логически обосновывается, а также эмпирически проверяется и подтверждается на основе различных видов социальной практики. Одним из широко применяемых в научном познании методов является *аналогия* (греч. analogia – соответствие, сходство). Аналогия – это умозаключение о сходстве объектов в определенном отношении на основе их сходства в ряде иных отношений. В свою очередь, приёмы аналогии являются исходными при разработке метода моделирования, получившего широкое распространение в условиях высокотехнологичного производства нефтегазовой промышленности. Суть метода моделирования заключается в том, что непосредственно исследуется не сам объект, а заменяющая его модель. И результаты, полученные при изучении модели, переносятся по особым правилам на реальный объект. Моделирование используется в тех случаях, когда исследуемый объект либо труднодоступен, либо его прямое изучение экономически невыгодно. Эти два метода исследования – аналогия и моделирование являются наиболее конструктивными при исследовании пластовых резервуаров нефти и газа особенно при использовании компьютерного обеспечения. Преимуществом компьютерного моделирования является логичность и формализованность создаваемых моделей, а также возможность исследовать в процессе работы с моделью информацию об изменениях параметров моделируемой физической системы. Соответственно, компьютерное моделирование включает:

- *исследователя*, с определенными целями изучающего закономерности процессов и явлений;
- *объект* исследования, представленной в форме компьютерной модели;
- *инструмент моделирования* – компьютер.

При моделировании разработки месторождений нефти и газа используются различные пакеты гидродинамического моделирования (ECLIPSE, ROXAR, PETREL). Математическое обоснование гидродинамического моделирования обобщено в работе Р.Д. Каневской. Она выделяет 4 этапа моделирования. На *первом этапе* создается математическая модель фильтрации. На *втором этапе* информация о строении и свойствах пласта и насыщающих его жидкостей, режимах и показателях работы скважин преобразуется к виду, требуемому для ввода в модель фильтрации. На *третьем этапе* моделирования осуществляется адаптация математической модели по данным наблюдений. Путем воспроизведения истории разработки месторождения осуществляется уточнение основных фильтрационно-емкостных параметров пласта, заложенных в модель. На *четвертом этапе* моделирования модель пласта по мере накопления информации об объекте уточняется, совершенствуется и может использоваться для дальнейшего управления процессом разработки [1, с. 7–9].

В нефтегазовом деле основы моделирования пористых сред заложены известным математиком и физиком Ч. Сликтером. Он предложил использовать физические модели, которые могут служить аналогами пористой среды коллекторов нефти и газа (фиктивный и идеальный грунт) [2, с. 11]. Но эти модели представляют собой лишь физическое, идеализированное описание пласта. В реальности коллекторы углеводородов представляют собой сложную систему. Такая система была предметом исследования в работе автора статьи А.И. Надырова [3]. Цель работы состояла в том, чтобы изучить на компьютерной модели использование системы горизонтальных скважин с

целью оптимизации разработки Приобского нефтяного месторождения. В результате проведенного исследования была получена информация, характеризующая применение горизонтальных скважин на данном объекте. Выводы, полученные в работе являются важными для специалистов, занимающихся проектированием разработки аналогичных месторождений.

Результаты, полученные на основе применения метода компьютерного моделирования при решении поставленной задачи, позволили сделать следующие выводы.

1. Итогом моделирования должна стать адекватная модель пласта, отображающая данные по истории разработки и позволяющая просчитывать прогнозные варианты разработки: применение различных систем разработки, расположения скважин по площади и другие. Необходимо уметь видеть и выделять факторы, обеспечивающие адекватность модели, поскольку при гидродинамическом моделировании получаемые результаты во многом зависят от качества исходной информации. Наиболее важным является «отбраковка» ненужной информации и выявление наиболее достоверных характеристик пласта и флюидов. Немаловажным фактором является сам процесс адаптации модели, в ходе которого необходимо «проработать» каждый параметр модели относительно характеристик реального пласта.

2. Вопрос адаптации модели допустимо рассмотреть с точки зрения синергетики. Синергетика изучает процессы самоорганизации в сложных неравновесных системах, к которым следует также отнести углеводородные пласты. При их изучении было зафиксировано, что среди возможных вариантов развития углеводородных пластов нет однозначной реализации. В синергетике ключевым понятием является понятие *аттрактор* (англ. attract – привлекать, притягивать), который обозначает элемент системы, ориентирующий её на перестройку или переход в новое качество на основе самоорганизации. Аттрактор определяется как состояние, к которому тяготеет система [4, с. 902–913]. Что же является аттрактором при гидродинамическом моделировании? В нашем случае аттрактор – это системоорганизующие знания о реальной пластовой системе, по которой есть данные многочисленных исследований и замеров. Выстраиваемая модель должна соответствовать реальному пласту. Остаётся лишь выяснить, какие параметры модели будут выступать в качестве аттрактора. Выражаясь языком синергетики, нам необходимо выделить системоорганизующее знание о данном пласте, то есть знания о тех параметрах, которые способны в значительной степени влиять на процесс разработки. Именно это знание позволит сделать модель адекватной пласту и обеспечит её оптимальное применение при разработке.

3. Наличие синергетического фактора при решении данной технологической проблемы требует применение системно–кибернетического подхода. Для понимания процессов и явлений происходящих в пласте, и для управления ими нужно уметь выделить не только «нужные», системоорганизующие переменные, но и выявить взаимосвязи между ними – необходим системный анализ, осуществляемый на основе системно–кибернетического подхода. По своей сути, интегрированная информация для моделирования является «хаосом переменных». Конечно, нельзя назвать процесс отбора информации перед моделированием самоорганизацией, так как отбором занимается специалист. Но процесс адаптации модели можно рассматривать как своеобразную самоорганизацию переменных в адекватную модель месторождения.

Выводы. На основе проведенного исследования были разработаны принципы имитационного моделирования, применение которых позволяет избежать ошибок, допускаемых при получении исходных данных о реальных объектах, а также правильно интерпретировать результаты исследования.

Список литературы / References

1. Каневская Р. Д. Математическое моделирование гидродинамических процессов разработки месторождений углеводородов / Р. Д. Каневская // М. – Ижевск: ИКИ, 2002. – 140 с.
2. Чарный И.А. Подземная гидрогазодинамика / И.А. Чарный // М.: Гостоптехиздат, 1963. – 396 с.
3. Надыров А.И. Влияние расстояния между стволами горизонтальных скважин на коэффициент извлечения нефти / А.И. Надыров, И.В. Владимиров // Sciences of Europe, – 2016. – Т. 2. – №7 – С. 18-23.
4. Можейко М. А. Новейший философский словарь / М. А. Можейко // М.: Книжный Дом, 2003. – 1271 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kanevskaya R. D. Matematicheskoe modelirovanie gidrodinamicheskikh processov razrabotki mestorozhdenij uglevodorodov [Mathematical modeling of hydrodynamic processes of hydrocarbon deposit development] / R. D. Kanevskaya // М. – Izhevsk: IKI, 2002. – 140 p. [in Russian]
2. Charnyj I.A. Podzemnaja gidrogazodinamika [Underground hydro gas dynamics] / I.A. Charnyj // М.: Gostoptekhizdat, 1963. – 378 p. [in Russian]
3. Nadyrov A.I. Vliyanie rasstoyaniya mezhdru stvolami gorizonta'nyh skvazhin na koehfficient izvlecheniya nef'ti [Influence of the distance between gorisontal wells trunks on oil recovery coefficient] / A.I. Nadyrov, I.V. Vladimirov // Sciences of Europe, – 2016. – V. 2. – №7 – P. 18-23. [in Russian]
4. Mozhejko M. A. Novejshij filosofskij slovar' [The latest philosophical dictionary] / M. A. Mozhejko // М.: Knizhnyj Dom [Book House]. – 2003. – 1271 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.087

Попов В.В.¹, Музыка О.А.³, Киселев С.А.³^{1,2}Доктор философских наук, профессор,
³аспирант,

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта
“Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности”, № 16-33-00003**ТРАНЗИТИВНОЕ ОБЩЕСТВО: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ****Аннотация**

В статье рассматривается многоуровневый характер транзитивного общества, показывается, что транзитивное общество представляется как общество, занимающее некоторое промежуточное состояние в социальном пространстве между двумя различными функционирующими состояниями социума, находящимися в отношении строгого темпорального предшествования. Транзитивное общество представляется как общество, занимающее некоторое промежуточное состояние в социальном пространстве между двумя различными функционирующими состояниями социума, находящимися в отношении строгого темпорального предшествования. Демонстрируется, что в транзитивном обществе существующее социальное противоречие будет не только соотноситься с интервально-моментными структурами, отражающими период транзита, но и с имеющимся инструментарием, позволяющим оценить происходящее внутри самого периода транзита.

Ключевые слова: транзитивное общество, транзит, социальное пространство, темпоральное предшествование, переход.

Popov V. V., Musica O. A., Kiselev S. A.,

^{1,2}PhD in Philosophy, Professor, ³postgraduate student,

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov branch of Rostov State University of Economics

TRANSITIVE SOCIETY: EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZATION**Abstract**

The article examines the multilevel nature of transitional societies, it is shown that a transitive society appears as a society that occupies some intermediate status in the social space between two different functional States of society, in the strict temporal antecedent. Transitive society appears as a society that occupies some intermediate status in the social space between two different functional States of society, in the strict temporal antecedent. Shows that in the transitive society, the existing social contradiction will not only be related to interval-torque structures that reflect the period of transit, but with the available tools to assess what is happening within the period of transit.

Keywords: transitive society, transit, social space, temporal precedence, transition.

В современной социально-философской литературе активно проводятся исследования, касающиеся интегрального представления транзитивного общества. Поэтому справедливо утверждение о том, что изучение транзитивного общества в этом контексте предполагает многоуровневый характер и рассматривается с философских, социологических, культурологических и политических позиций. Такая ситуация предполагает локальные исследовательские задачи, а также зависит от конкретной сферы науки, в которой это исследование проводится. Обратим внимание, что при любой стратегии исследования транзитивное общество представляется как общество, занимающее некоторое промежуточное состояние в социальном пространстве между двумя различными функционирующими состояниями социума, находящимися в отношении строгого темпорального предшествования. При этом концептуальные, семантические и иные аспекты, равно как и методологические подходы к концепции транзитивности в социальном развитии, определяющей сущностные характеристики транзитивного общества в современной литературе не разработаны в достаточной степени. В этой связи проблема заключается в адекватном понимании сущности транзитивного общества[3],[5].

Дискурс идет о том, что ряд исследователей, приписывающих определенный набор основных и производных характеристик транзитивности общественного развития, стараются определить его в рамках перехода между двумя предшествующими состояниями. Конечно, при «глобальном» понимании данной ситуации, вряд ли есть смысл оспаривать подобный тезис, так как общество в системе исторического процесса проходит этапы развития, что позволяет постулировать наличие переходов и состояний внутри переходов. Правоммерно отметить, что само социальное изменение в контексте социально-исторического процесса связано с тем, что конкретно зафиксированное состояние общества может переходить в другое состояние. Однако не следует забывать о весьма значимом в методологическом плане моменте, конкретно о том, что общий дискурс касается перехода и транзитного периода, что подразумевает некоторые концептуальные интенции об этом понятии. В данном направлении в научной литературе достаточно интенсивно проходят обсуждения концептов «транзит» и «переход» в русле имеющихся их различных толкований. Иногда подобный дискурс смещается в сферу теоретико-лингвистических аспектов[13],[14],[15].

Несомненно, что подобные исследования не только полезно, но и вносят вклад в определение онтологического статуса указанных концептов. Поэтому следует подчеркнуть, что именно понятие «транзит» стало ключевым при интегральном представлении и рассмотрении особенностей переходного общества. Действительно, когда рассуждение идет относительно перехода, то многие исследователи начинают трактовать подобный переход с позиции социальной синергетики и, как следствие, появляется феномен бифуркационного поля, реально имеющий свое существование в многомерном понимании перехода. Или же дискурс касается иных аспектов, предполагающих постулирование того, что переходные периоды представляют специфические неопределенности в отношении развития общества, то есть справедливо утверждать о наличии эпистемологических разрывов в исследовании динамики социального бытия. В этой

связи постулируется трансформация состояния общества к иному его состоянию и между ними будет существовать период транзита, в котором имеется набор локальных неопределенных характеристик, множество неопределенных концептов, связанных с этим транзитом. Подобная ситуация характеризуется тем, что в отношении нее удобно рассуждать либо о свойстве неравновесности, предполагающем синергетическую методологию, либо о свойстве неопределенности с выходом на закономерности социального развития, которые вряд ли стоит устанавливать в подобном периоде транзита, хотя ряд исследователей выдвигают весьма интересные гипотезы о том, что возможно существует как данность в подобном периоде транзита [1],[4],[8][9].

Но в этом случае целесообразно заострить внимание на другом аспекте, связанном с имеющимися, на наш взгляд, во многих исследованиях достаточно спорным моментом. Так в современных исследованиях постулирование периода транзита не происходит с позиции наличия собственно его внутренней структуры, то есть представляется как данность существования транзита. Относительно подобной данности исследуются основные производные характеристики общества, которые имели место, а также их последующие трансформации. Конкретно предполагается, что в данном периоде транзита имеют место какие-либо комплексные характеристики, возможно неопределенные или даже определенные, например, с локальной позиции человеческой идентичности или его этнической принадлежности. Конечно, такие предположения о базовой неопределенности периода транзита представляют скорее гипотетический характер. В этой связи, анализируя особенности транзитивного общества правомерно утверждать, что подобное общество представляется внутренне противоречивым[2].

Справедливость подобного утверждения основывается на том, что переход от прежнего состояния социальной системы к последующему ее состоянию не просто происходит в периоде транзита, но именно при таком транзите, где имеют место социальные противоречия, определяющие осуществление этого транзита. При этом часть исследователей забывают, что такой период предполагает наличие внутренней структуры и она основывается на использовании фактора времени. Время представляется посредством определенных темпоральных структур. Для адекватного представления транзитивного общества весьма богатыми по имеющимся выразительным возможностям являются интервально-моментные структуры, раскрывающие внутреннюю основу периода транзита. Нельзя не отметить и то, что в научной литературе нередко остается в стороне немаловажный момент, касающийся оценочной стороны происходящего внутри периода транзита. Поэтому поддерживаем тех исследователей, которые постулируют, что транзитивное общество необходимо рассматривать в качестве перехода от закрытого состояния общества к его открытой форме, к примеру, от типично тоталитарного общества к обществу демократическому[6],[7].

Отметим, что подобные рассуждения весьма полезны и, в достаточной мере, конструктивны. Однако, чтобы их реализовать нужно определить теоретико-концептуальную модель переходного периода в транзитивном обществе, представить локальные темпоральные структуры, способные описать и отразить внутреннюю структуру интервала, в котором и происходит собственно перехода. И наконец, располагать инструментарием для оценки данного перехода, а также оценки комплекса явлений, фактов и процессов, возможных в подобном периоде перехода. Конечно, нельзя не учитывать основной фактор, позволяющий утверждать, что исследуется переходный период, а не какой-либо эволюционный конструкт. Поэтому возникает ситуация, когда исследовательскую основу формируют социальные противоречия, равно как и противоречия вообще[10],[11],[12].

Между тем, в самом транзитивном обществе существующее социальное противоречие будет не только соотноситься с интервально-моментными структурами, отражающими период транзита, но и с имеющимся инструментарием, позволяющим оценить происходящее внутри самого периода транзита. В этой связи особо отметим, что ученые, пытающиеся перевести исследования транзитивного общества в сферу социальной синергетики, могут получить достаточно оригинальные интересные результаты. Но в подобном случае, эффективность исследования достижима при прояснении теоретических, концептуальных и методологических основ касающихся структуры и сущности периода транзита, поэтому в контексте социальной синергетики интерес представляет рассмотрение бифуркационного поля с позиции того, что реализация социальных противоречий и их разрешения как раз и происходит процесс перехода, составляющего многоуровневую основу бифуркационного поля, предполагающего наличие в нем множества флуктуаций. Отметим, что начинать изучение транзитивного общества с постулата о транзите или переходе как характеристике неравновесности относительно пары состояний функционирования общества либо между предшествующим обществом и его будущим будет некорректно. В этом случае исследование исходно подразумевает синергетическую методологию при рассмотрении особенностей структуры и сущности транзитивного общества, не учитывая теоретические и методологические предпосылки, дающие возможность адекватного его представления в системе концептуально-семантического аппарата современной аналитической философии.

Список литературы / References

1. Музыка О.А., Попов В.В., Фатыхова Е.М. Особенности оценки противоречий и переходных периодов в трансформациях современного российского общества // Фундаментальные исследования. 2011. № 8-1. С. 190-194.
2. Попов В.В. К логической проблеме изменений во времени // Философские науки. 1991. № 5. С. 174-177.
3. Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // Философия права. Ростов н/Д. 2010. № 5. С. 72-76.
4. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. № 1. Ростов н/Д, 2006. С.24-27.
5. Попов В.В. Методологические аспекты анализа переходных состояний // Научные исследования: информация, анализ, прогноз. Воронеж, 2003. С. 182-189.
6. Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // Философия права. Ростов н/Д. 2011. № 4. С. 86-90.
7. Попов В.В. Философия истории: постнеклассический дискурс // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 3. С. 158-162.

8. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.
9. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7. С. 111-114.
10. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8-2. С. 307-310.
11. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7-6. С. 1110-1113.
12. Popov V.V., Scheglov B.S. Postnonclassical picture of the world as a factor in the knowledge society // Proceedings of the 4th International Academic Conference «Applied and Fundamental Studies», St. LOUIS USA, 2014-p.103-108.
13. Popov V.V. Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches, Stuttgart, 2013, p. 126-129.
14. Popov V.V. Methodological features of social contradictions // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, Vienna, 2014 – p. 215 – 219.
15. Popov V.V. Social rationality and global evolutionism // European Applied Sciences, № 7, 2013, Stuttgart, p. 71 – 73.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Muzyka O.A., Popov V.V., Fatyhova E.M. Osobennosti otsenki protivorechiy i perekhodnykh periodov v transformatsiakh sovremennogo obshchestva [Peculiarities of Contradictions and Transitional Periods Assessment in Transformation of Modern Russian Society] // Fundamentalnye issledovaniya [Fundamental Research]. – 2011. – No. 8-1. – P. 190-194. [In Russian]
2. Popov V.V. K logicheskoy probleme izmeneniy vo vremeni [On Logical Problem of Time Changes] // Filosofskie nauki [Philosophy science]. – 1991. – No. 5. – P. 174-177. [In Russian]
3. Popov V.V. Kontseptia proshlogo v kontekste istoricheskogo protsesssa [Concept of the Past in the Context of Historical Process] // Filosofiya prava [Philosophy of Law]. – Rostov-on-Don. – 2010. – No. 5. – P. 72-76. [In Russian]
4. Popov V.V. Logicheskiye i teoreticheskiye modelnye aspekty issledovaniya temporalnosti v sotsialno-filosofskom disкурсе [Logical and Theoretical Modal Aspects of Temporality Study in Social and Philosophical Discourse] // Nauchnaya misl' Kavkaza [Scientific Thought of the Caucasus] – Special issue. – No. 1. – Rostov-on-Don 2006. – P.24-27. [In Russian]
5. Popov V.V. Metodologicheskiye aspekty analiza perekhodnykh sostoyaniy [Methodological Aspects in the Analysis of Transitional States] // Nauchnye issledovaniya: informatsiya, analiz, prognoz [Research: Information, Analysis, Prediction.] – Voronezh – 2003. – P. 182-189. [In Russian]
6. Popov V.V. Faktor vremeni v deterministskikh i indeterministskikh teoriyakh istoricheskogo protsesssa [Time Factor in Deterministic and Indeterministic Theories of Historical Process] // Filosofiya prava [Philosophy of Law]. – Rostov-on-Don. – 2011. – No. 4. – P. 86-90. [In Russian]
7. Popov V.V. Filosofiya istorii: postneklassicheskiy diskurs [Philosophy of History: Postnonclassical Discourse] // Sovremennye naukoemkiye tekhnologii [Modern High Technologies.] – 2014. – No 3. – P. 158-162. [In Russian]
8. Popov V.V., Timofeenko V.A. Metodologicheskiye osobennosti periodatranzita v dogoniyushchem gosudarstve [Methodological Features of Transitional Period in the Developing State] // Fundamentalnye issledovaniya [Fundamental Research] – 2015 – No 2-25 – P. 5743-5747. [In Russian]
9. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Protivorecheya v kontekste perekhodnykh periodov tranzitnogo obshchestva [Contradictions in the Context of Transitional Periods in Transitive Society] // Mezhdunarodniy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education] – 2016. – No. 7. – P. 111-114. [In Russian]
10. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A., Ukolov A.O. Osobennosti globalizatsii v kontekste sotsialnoy sinergetiki [Features of Globalization in the Context of Social Synergetics] // Mezhdunarodniy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy [International Journal of Applied and Basic Research]. – 2016. – No. 8-2. – P. 307-310. [In Russian]
11. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A., Ukolov A.O. Temporalnost i tranzitivnost v istoricheskom protsesse [Temporality and Transitivity in the Historical Process] // Mezhdunarodniy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy [International Journal of Applied and Basic Research]. – 2016. – No. 7-6. – P. 1110-1113. [In Russian]
12. Popov V.V., Scheglov B.S. Postnonclassical Picture of the World as a Factor in the Knowledge Society // Proceedings of the 4th International Academic Conference “Applied and Fundamental Studies,” St. LOUIS USA – 2014. – P.103-108.
13. Popov V.V. Rationality and Freedom: Inconsistency of Discourse in Modern Science // European Applied Sciences: Modern Approaches in Scientific Researches, Stuttgart – 2013. – P. 126-129.
14. Popov V.V. Methodological Features of Social Contradictions // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, Vienna, 2014 – P. 215-219.
15. Popov V.V. Social Rationality and Global Evolutionism // European Applied Sciences – No.7, 2013 – Stuttgart – P. 71-73.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.187

Рахманинова М.Д.

ORCID: 0000-0002-4642-2626,

Кандидат философских наук, Санкт-Петербургский Горный университет

ГЕНЕАЛОГИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА КАК ВЕКТОРА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**Аннотация**

Настоящая статья посвящена рассмотрению двух вопросов, крайне значимых для понимания текущих проблем, связанных с окружающей средой. Во-первых, каков генезис этих проблем, с точки зрения философии. Во-вторых, какое место в них занимает социально-политический фактор. Продуктивность данного анализа представляется важнейшим условием возможности дальнейшего решения указанных проблем – в особенности на фоне низкой эффективности многолетних попыток, предпринимаемых экологическими движениями по всему миру.

Ключевые слова: антропоцентризм, власть, окружающая среда, экологические проблемы.

Rakhmaninova M.D.

ORCID: 0000-0002-4642-2626,

PhD in Philosophy, St.Petersburg Mining University

GENEALOGY OF ECOLOGICAL CRISIS: ANTHROPOCENTRISM AS A VECTOR OF WEST EUROPEAN RATIONALITY**Abstract**

This article focuses on two issues which are highly important for understanding of current problems related to environment. Firstly, what is the genesis of these problems from the philosophical point of view. Secondly, how significant is the social and political factor within the framework of these problems. The efficiency of this analysis is considered as the most important requirement enabling further resolving of the problems – especially account for the low effectiveness of attempts, which are being made by the ecological movements for years worldwide.

Keywords: anthropocentrism, power, environment, ecological problems.

К двадцать первому веку человечество столкнулось с поистине впечатляющим спектром проблем, связанных с окружающей средой. Основным фактором, вызывающим их появление, стал антропогенный фактор. Его наиболее разрушительный аспект – многообразное загрязнение окружающей среды: аэрозольное, радиоактивное, органическое, неорганическое, химическое, тепловое, и так далее. Для начала рассмотрим, каково материальное происхождение этих форм загрязнения.

Одна из основных причин – неэкологичная организация производства, особенно в условиях повсеместно господствующей на сегодняшний день рыночной экономики. Так, по давней традиции, восходящей к позитивистскому гносеологическому оптимизму (и далее – к истокам проекта Просвещения), и унаследованной российским обществом в историческом опыте марксистки ориентированной государственности, беспечное отношение к потреблению и производству оказывается типичной чертой современной промышленности, после Перестройки так и не успевшей отразиться этот тип гносеологической установки.

Подобная беспечность может выражаться как в том, что разработке оборудования, необходимого для минимизации последствий деятельности человека, по ряду причин уделяется крайне мало внимания, – так и в довольно формальном характере природоохранного законодательства. Так, зачастую владельцам предприятий более выгодно время от времени платить штраф за его нарушение, чем устанавливать надлежащие фильтры и очистные сооружения. Поэтому несанкционированные сбросы ядовитых веществ в реки, многочисленные аварии, для адекватной ликвидации последствий которых часто недостаточно средств, а также ряд других деструктивных последствий – становятся обыденностью. В особенности для России.

Второй важнейшей причиной загрязнения окружающей среды становятся различные виды отходов.

Во-первых, текстильные отходы. Жители развитых стран выбрасывают сотни тысяч тонн текстильных изделий ежегодно [3]. Характерно, что каждый этап производства одежды наносит существенный вред всем существующим экосистемам, а часто и вовсе ведёт к уничтожению мест обитания целых видов животных. С недавним появлением феномена так называемой «быстрой моды» число традиционных модных циклов, обычно рассчитанных на четыре сезона, возросло в несколько раз, что привело к многократному увеличению количества производимой одежды и, следовательно, к росту ущерба для окружающей среды – как на этапе производства, так и на этапе утилизации: на данный момент масштабы производства несоизмеримо превосходят существующие возможности ликвидации его последствий, а также переработки текстильных отходов.

Во-вторых, пищевые отходы. Для развитых стран они составляют особенно острую проблему. Так, в Европе и Америке пищевые отходы составляют около 100 кг на душу населения ежегодно [13]. В существенной степени этот феномен обусловлен принципами маркетинга, избирающего в качестве приоритета обеспечение максимальной прибыли для бизнеса, а отнюдь не рациональность потребления как такового. Так, «маркетинговые исследования показывают, что покупатели скорее купят яблоки, лежащие высокой ровной горкой, чем с полупустой витрины. Поэтому магазины намеренно закупает больше продуктов, чем могут продать – для создания «имиджа изобилия» [14]. Кроме того, многочисленные акции, предлагающие купить «три по цене двух» (а также другие способы, стимулирующие потребительскую активность), неизменно приводят к приобретению большего объёма продуктов, чем покупатель объективно способен потребить. Таким образом, изобилие предстаёт в этой системе взглядов в качестве некой абсолютной и самостоятельной ценности, вокруг которой выстраивается собственная мифология, определяющая не только отдельные поступки потребителей, но и целые практики потребления, выстраиваемые вокруг этой ценности.

Одним из последствий этой модели организации экономических практик общества становится то, что, согласно исследованию Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в мире ежегодно выбрасывают около трети продовольствия, что составляет примерно половину необходимых поставок еды голодающим странам Африки [10].

В-третьих, важным фактором загрязнения окружающей среды становятся бытовые отходы: пластик, стекло, изделия из пластмассы, и прочие. Период разложения большинства из них в природной среде составляет от 300 до 1000 лет. Объективных условий для достаточной переработки подобных отходов по-прежнему не существует: ни на уровне технических возможностей, ни на уровне бытовой традиции в подавляющем большинстве регионов мира. Следствием этого становятся такие феномены, как, например, большое Тихоокеанское мусорное пятно, сформированное океаническими течениями, концентрирующими выброшенный мусор в одной области [2], и приводящее к гибели колоссального количества животных, рыб и птиц.

Существует и множество других факторов антропогенного загрязнения окружающей среды, но мы ограничимся упомянутыми. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что у всех этих проблем есть нечто общее – нечто, что позволяет предположить их происхождение из одной логики, из одного типа рациональности.

Во-первых, это касается логики самоценного количества – не служащего ни для чего, кроме манифестации самого себя и безапелляционно провозглашающего себя в качестве самостоятельно ценности. Во-вторых, мы имеем дело с логикой безрассудного потребления, детерминированного искусственно вызываемым и подогреваемым аффектом, ориентирующего потребителя невротически вовлекаться в практики погони за якобы новыми формами наслаждения. В условиях системы отчуждённого труда и в условиях консервативно структурированной аксиологической и этической парадигмы – тотально лишённых витальности, этот метод работает довольно эффективно, побуждая даже взрослых людей переживать состояние капризного ребёнка, чьи желания стихийны, переменчивы и до нестерпимости интенсивны.

В-третьих, мы сталкиваемся с логикой абсолютного приоритета финансового прироста по сравнению с качеством окружающей среды, здоровья людей и благосостояния общества.

Как становится возможным формирование всех этих логик? Каковы их фундаментальные предпосылки? Как человек приходит к тому, чтобы организовать мир таким образом, что в нём станут возможны все текущие экологические проблема и кризисы?

Есть все основания полагать, что корни этих логик следует искать в Западном типе рациональности и субъективности, исторически выстроенных вокруг фигуры антропоцентризма. Зарождаясь в античности, эта фигура проходит красной нитью через всю историю становления европейского мышления, меняя способы саморепрезентации от эпистемы к эпистеме.

Основы антропоцентризма закладывает Протагор, делая знаменитое изречение о том, что человек есть мера всех вещей. В Средние века антропоцентризм объясняет себя через креационистскую концепцию человека как «венца творения», которому мир дан в качестве средства благополучия. В эпоху Возрождения отношения человека с Богом переосмысливаются, что приводит к такому взгляду на служение Богу, согласно которому человеку подобает не дисциплинарная аскеза, но творческое раскрытие в себе Божьего дара, уникального в случае каждого отдельного человека. Этот взгляд приводит к появлению Ренессансного гуманизма как парадигмы исследования человека не столько с точки зрения его отношений с Богом, сколько с точки зрения его реальных интересов, потребностей и практик – что, в свою очередь, стимулирует развитие гуманитарных наук (от «human» – человек), задающих горизонт совершенно новой форме антропоцентризма. В Новое время начинается формирование капиталистической экономической парадигмы, а гуманизм усложняется: человек провозглашается субъектом разума, который отныне противопоставляет себя миру как объекту, выраженному косной материей, которую следует препарировать сообразно благу человека и общества. В этот период Ф.Бэкон заявляет, во-первых, об инструментальной роли знания как средства подчинения природы, а, во-вторых, о необходимости превращения науки в фабрику по производству пользы, что закладывает фундамент для дальнейшего формирования позитивистской эпистемы. Параллельно рыночная экономика формирует новый тип рациональности – рациональности прибыли, провозглашаемый в качестве единственного верного, и в нём предсказуемо не находится места этическим вопросам к способу организации производства, которые отныне отвергаются и позиционируются как наивные и смешные. Характерно, что такой взгляд в существенной степени сохраняется в России и по сей день.

Современный тип антропоцентризма представляет собой софистический синтез всех предыдущих: для оправдания эксплуататорского господства человека над природой сегодня в ход идут через запятую как креационистские или гуманистические, так и позитивистские аргументы – несмотря на их концептуальную несовместимость. В этом смысле современный антропоцентризм оказывается, с одной стороны, самым защищённым, а, с другой, самым неосознанным. На этом основании многие исследователи констатируют тотальный кризис антропоцентризма как проекта.

Например, М.Циммерман, разрабатывая масштабный экофилософский проект глубинной экологии, приобретающий всё большую популярность на Западе, исходит из необходимости переосмысления антропоцентризма как конструктивной модели отношений между человеком и окружающей средой. Для критики этой модели М.Циммерман, как и большинство авторов этого направления, апеллирует к хайдеггеровской критике антропоцентризма и техники – как феномена, радикально меняющего онтологические основания человеческой практики [16].

От этой критики отталкивается и Т.В. Левина в своей работе ««Вне мира»: предел антропоцентризма в философии экологии» [6], прослеживая вместе с М.Хайдеггером генезис антропоцентристской гносеологии и эпистемологии. Так, первой фигурой, стоящей у истоков антропоцентризма, М.Хайдеггер называет Платона: его понимание истины делает мир как бы вторичным и несущественным, поскольку он оказывается значимым лишь в той мере, в какой человек использует его для приближения к истине. Этот взгляд М.Хайдеггер обнаруживает в притче о пещере [12], где истина

открывается только через познание человеком, что, по его мысли, в конечном итоге приводит к забвению бытия и «растворению» в сущем. Этот взгляд впоследствии с новой силой возникнет в картезианском проекте. Именно поэтому его критика оказывается ещё одним важным пунктом для М.Хайдеггера. «Картезианский переворот в понимании субъекта состоит в основании генеалогии проблем субъективности современной философии. Декарт разорвал связь человека с природой, деонтологизировал субъективность, создал рационального философского субъекта. <...> По мнению Хайдеггера, Декарт только способствовал перерождению античной метафизики в догматизм и методологическому закреплению разорванности бытия на две самостоятельные сферы: вещь мыслящая и вещь протяженная, что в дальнейшем закрепил Кант в различии между «Я» и природой, субъектом и объектом.» [5,с.10-25], - отмечает А.С.Колесников.

Однако здесь следует отдельно отметить существование в философии и таких подходов, в рамках которых как платоновская, так и декартовская системы, напротив, понимаются как благоприятные для выработки конструктивных подходов к отношениям между человеком и природой, а также к преодолению антропоцентризма (как феномена деструктивного и опасного для мира). Так, например, Т.В.Левина видит в платонизме альтернативу антропоцентризму, поскольку в нём становится возможен «метаязык, позволяющий размышлять об абстракциях и обобщениях» [6], а также метапозиция, позволяющая описать систему без вовлечения в неё, а потому - без отстраивания в ней иерархического порядка или встраивания в него.

С другой стороны, М.Мамардашвили констатирует в XX веке «антропологическую катастрофу» [8], приводящую к замене картезианского субъекта – одномерным человеком Г.Маркузе [9]. Он пишет: «...весь смысл и дух декартовской философии <состоит в следующем> : я есть вещь, *но* – мыслящая. Как вещь я состою из тела и души. И как таковая занимаю место в непрерывной причинной цепи, которая охватывает весь мир, включая в себя все существа этого мира. Но я *мыслящая* вещь и поэтому могу выскочить из этой цепи. Иными словами, Декарт вводит такое определение мышления, сознания, которое стоит вне различения материи и сознания, души и тела, материи и мышления» [7,с.118]. Таким образом, благодаря этой возможности к трансценденции человек способен выходить за пределы своих инстинктов, аффектов и сиюминутных импульсов, и – попадать в некий подлинный режим переживания бытия, в некий онтологический режим, не исчерпывающийся механическим мышлением. Напротив, человек, утрачивающий доступ к этому модусу, утрачивает специфически человеческое в себе, и растворяется среди мира «имитаций жизни»[8]. Это обстоятельство обуславливает его некритичное отношение к собственной практике, к самому себе, его нерелексивность и – как следствие - утрату контроля над происходящим вокруг.

Таковы некоторые основные аргументы апологии платонизма и картезианства как проектов, потенциально продуктивных и полезных в условиях современных кризисов цивилизации. И хотя они не составляют магистрального направления в экофилософии современности, игнорировать их было бы несправедливо и неконструктивно.

Перейдём к рассмотрению основных последствий тех форм рациональности, которые были рассмотрены выше в качестве предпосылок фундаментальных экологических проблем современности.

В современности происходит синтезирование нововременной оптики индивидуализма, формируемой картезианством, с одной стороны, и расцветом экономики предпринимательства, с другой. Этот процесс формирует, в свою очередь, специфическую антропологическую модель современности, основанную на конкуренции и атомизации общества: быть человеком сегодня – означает быть «лучшим». Это представление настолько сильно укрепляется в повседневности, что познание или развитие начинают мыслиться только инструментально – то есть в терминах превосходства и доминирования, понимаемых как наиболее достойная цель. Напротив, вне этой цели они оцениваются как бесполезные и излишние. Любопытно, что уже в XVII в. этот взгляд критиковал оппонент Декарта - Б.Паскаль: в «Мыслях» он рассматривает его на примере проблемы развлечений [11,с.91-98] – на деле лишь помогающих человеку забыть своё предстояние перед бесконечностью, и самое себя (впоследствии этот взгляд будет подробно раскрыт Э.Фроммом «Бегстве от свободы» - классической критике общества потребления).

Вторым важным следствием специфического генезиса Западной субъективности становится утилитаризм. Прежде всего, он связан с преодолением сакрального и вытекающим из него полным объективированием мира. В «Диалектике Просвещения» Т.Адорно и М.Хоркхаймер критикуют это объективирование: «Единственное, чему хотят научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее, и человека»[1,с.16-60]. Примечательно, что в этом взгляде присутствует не только критика утилитарного отношения к природе, но и критика эксплуататорского потенциала рассматриваемой модели также и применительно к человеку. Это обстоятельство впоследствии сделает возможным взаимопроникновение экологической и левой повесток, что позволит осмыслить капитализм не только как систему отчуждающего производства и эксплуатации рабочих, но и как систему иррационального производства и расходования ресурсов в угоду поддержания собственной мифологии.

Концептуальным феноменом, возникающим на рубеже XVII и XVIII веков на стыке индивидуализма и утилитаризма, становится прогрессизм. В рамках этого взгляда прогресс зачастую понимается как безудержный рост ради роста – любой ценой. Характерно, что присущая ему логика «цель оправдывает средства», по-прежнему лежит в основе рациональности любой ресурсодобывающей корпорации, и вообще любой индустрии: как свидетельствуют специалисты в этих областях, на сегодняшний день по-прежнему не существует каких бы то ни было этических пределов для разработки месторождений ископаемых, или для организации производства. Такие вопиющие случаи, как скандально известная история добычи нефти компанией Shell в Африке в 1995 году [4], давно стали обычной практикой.

Каковы экономические, гносеологические и онтологические последствия перечисленных тенденций?

Во-первых, в рамках сложившей под их воздействием системы производство отталкивается не от реальных потребностей общества, а от потребностей производителя реализовывать свой товар – даже если для этого ему приходится искусственно формировать потребность в нём. Этот принцип выглядит иррационально, поскольку минует объективную корреляцию между спросом и предложением, и приводит как к перепроизводству товаров – в том числе изначально ненужных - со всеми вытекающими последствиями (рассмотренными в начале статьи), так и к недостатку

товаров реально необходимых – например, по причине их недоступности из-за высокой цены, или по причине нерентабельности их производства.

Во-вторых, у взрослых людей формируется инфантильный габитус невротической зависимости от предложений рынка, сулящих релаксацию от травматичного опыта отчуждения повседневности, что приводит к политической атрофии большей части граждан, а значит – надёжно предохраняет не только от формирования сильного рабочего движения, способного защищать свои трудовые права, или политической оппозиции – способной защищать права гражданские, но также и вообще от сколь бы то ни было осмысленного критического взгляда на реальность. Эта тенденция приводит к формированию такого индивида, который днём является безропотным служащим, а вечером – превращается в ребёнка, которому нет дела ни до чего, кроме удовлетворения указанного невротичного аффекта потребления. Поэтому экологические кризисы и иррациональность организации производства не попадают в его поле зрения, и не имеют шанса быть осмысленными на предмет возможностей преодоления.

В этой связи, в-третьих, формируется такой тип субъективности, который определяет себя через то, что он потребляет и не видит никаких возможных сценариев пассивности, а потому – настаивает на свободе от этического: «ведь вы этого достойны, – повторяет он себе вслед за рекламой, – я достаточно хорош, чтобы позволить себе просто потреблять». Этот тип рациональности предполагает, что если человек чем-то пользуется, значит, он это заслужил, и в этой смычке нет места этическому вопрошанию. Зачастую – даже если речь идёт об открытом осуществлении власти над кем-либо, балансирующем на грани правового порядка.

В-четвёртых, сформирован такой тип субъективности, который нарциссически антропоморфизует всё на своём пути, создавая мультфильмы с человекоподобными животными, производя изображения животных из меха реальных убитых животных, уподобляя себе всё, что может использовать ради своих надобностей. Я могу понять только то, что похоже на меня – таков гносеологический алгоритм этой оптики. Всё, что на меня не похоже, я не могу ни любить, ни даже принимать в расчёт. Неслучайно детей обучают любви к животным исключительно в мультфильмах или имитациях другого порядка – на практике, напротив, создана мощная теоретическая база для обоснования неприемлемости отказа от их поедания и использования в качестве одежды.

Все эти факторы представляют собой, с одной стороны, продукты, а с другой – механизмы поддержания сложившегося типа рациональности, с неизбежностью создающей фон, на котором все рассмотренные выше проблемы становятся возможными.

Поэтому для решения этих проблем необходимо, с одной стороны, менять сам тип рациональности и условия, поддерживающие его (как экономические, так и политические), а не бороться с его симптомами – как это тщетно делают многочисленные локальные экологические инициативы, польза которых хоть и несомненна, но чрезвычайно незначительна на общем фоне. С другой стороны, необходимым представляется также преодоление тех практик и способов мыслить человека в мире, которые были сформированы в логике деструктивно-антропоцентристской эпистемы, особенно в её капиталистическом измерении. В свою очередь, формирование альтернативных практик уже сегодня способно, напротив, подготовить условия для более рационально организованного типа общества – на случай, если когда-нибудь исторические обстоятельства сложатся так, что его наступление станет объективно возможным (это хорошо понимали крестьяне на юге Испании в период развития анархо-синдикализма, когда они создавали массу новых практик – среди которых было и вегетарианство, с тем, чтобы подготовиться к наступлению мира, устроенного по справедливым законам [15,р.123]): как показывает история коренных политических преобразований, именно такой фундаментальной готовности обществам обычно не хватает для того, чтобы удержать свои завоевания и дать им импульс для дальнейшего развития.

Список литературы / References

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. [Электронный ресурс] - М., С-Пб.: "Медиум" "Ювента", - 1997, - URL: <http://ec-dejavu.ru/e/Enlightenment-2.html> (дата обращения: 6.11.16).
2. Большое Тихоокеанское мусорное пятно. [Электронный ресурс] - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большое_тихоокеанское_мусорное_пятно (дата обращения: 5.11.16).
3. Быстрая мода. [Электронный ресурс] - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 5.11.16).
4. Кляйн Н. No Logo. Люди против брендов. [Электронный ресурс] - URL: http://rebels-library.org/files/klein_ljudi_protiv_brendov.pdf (дата обращения: 6.11.16).
5. Колесников А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии. Формы субъективности в философской культуре XX века. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
6. Левина Т.В. «Вне мира»: предел антропоцентризма в философии экологии. [Электронный ресурс] - URL: <http://articult.ruh.ru/articult-15-3-2014/t-v-levina-outside-world-the-limits-of-anthropocentrism-in-philosophy-of-ecology.php> (дата обращения: 6.11.16).
7. Мамардашвили М. Картезианские размышления. Философские чтения. - СПб.: Азбука-классика, 2002.
8. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. [Электронный ресурс] - URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/mamardashvili/4/ (дата обращения: 6.11.16).
9. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
10. ООН: в мире выбрасывается треть пищевых продуктов. [Электронный ресурс] - URL: http://www.bbc.com/russian/business/2014/07/140703_un_food_waste_report (дата обращения: 5.11.16).
11. Паскаль Б. Мысли. Афоризмы. - М.: АСТ: Астрель, 2011.
12. Платон. Государство. Книга 7. [Электронный ресурс] - URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt> (дата обращения: 6.11.16.)

13. Сокращение пищевых отходов, чтобы прокормить мир. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/74321/icode/> (дата обращения: 5.11.16).
14. Цена изобилия. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.forumdaily.com/cena-izobiliya/> (дата обращения: 5.11.16).
15. Guerin D. Anarchismus. Begriff und Praxis. - Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1967, p.123.
16. Zimmerman Michael E, «Heidegger's Confrontation with Modernity» (Bloomington: Indiana University Press, 1990). - URL: <https://books.google.ru/books> (дата обращения: 6.11.16).
17. Соколова Е. Д. Эмоциональный стресс: психологические механизмы, клинические проявления, психотерапия [Электронный ресурс] / Е. Д. Соколова // *Materia Medica*. – 1996. – N 1(9). – С. 5–25. – URL: <http://flogiston.ru/library/sokolova-berezin> (дата обращения: 23.07.2008).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Adorno T. I Horkkhaimer M. Dialektika prosvestchenia. Philosophskie phragmenty. [Dialectic of Enlightenment. Philosophical sketches] [Electronic resource] / Adorno T. and Horkkhaimer M. // "Medium", "Juventa". M, SPb, 1997 - URL: <http://ec-dejavu.ru/e/Enlightenment-2.html>, (accessed: 6.11.16). [in Russian]
2. Bolshoe Tihookeanskoe musornoe piatno [Great Pacific garbage patch] [Electronic resource], - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Great_Pacific_garbage_patch (accessed: 5.11.16). [in Russian]
3. Bistraya moda [Fast fashion] [Electronic resource], - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Fast_fashion, (accessed: 10.11.16). [in Russian]
4. Klein N. No Logo: ludi protiv brendov [Klein N. No Logo: Taking Aim at the Brand Bullies], [Electronic resource] - URL: http://rebels-library.org/files/klein_ljudi_protiv_brendov.pdf, (accessed: 6.11.16). [in Russian]
5. Kolesnikov A.S. Problema subjecta: ot Dekarta k sovremennoy filosofii. Formi subjectivnosti v filosofskoy kulture XX veka [Problem of subject: from Decart to contemporary philosophy. Forms of subjectivity in philisophical culture of XX c.] // St.Petersburg philosophy society, 2000. [in Russian]
6. Levina T.V. Po tu storonu mira: konec antopocentrizma ["Beyond the world": the end of anthropocentrism in philosophy of ecology"] [Electronic resource]: - URL: <http://articult.rsuh.ru/articult-15-3-2014/t-v-levina-outside-world-the-limits-of-anthropocentrism-in-philosophy-of-ecology.php/> (accessed: 6.11.16). [in Russian]
7. Mamardashvili M. Kartesianskie razmishlenia [The carthesian reflection]. Mamardashvili M. / Philosophical readings, Spb.: Azbuka-klassika, 2002. [in Russian]
8. Mamardashvili M. Soznanie I tevilicatsia [Consciousness and civilisation] [Electronic resource]. - URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/mamardashvili/4/ (accessed: 6.11.16). [in Russian]
9. Marcuse G. Eros i tevilicatsia. Odnomerniy chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva [Eros and civilisation. The unidimensional man: the research of ideology of developed industrial society] [Electronic resource]. - M.: OOO «Izdatskiy dom AST» [«publishing house AST»], 2003. [in Russian]
10. OON: v mire vibrasivaetsya dve treti proizvodimoy edi [U.N.O.: two thirds of produced food worldwide are thrown away] [Electronic resource]. - URL: http://www.bbc.com/russian/business/2014/07/140703_un_food_waste_report, (accessed: 5.11.16). [in Russian]
11. Pascal B. Mysli. Aforizmy [Thoughts. Aphorisms]. - M.: AST: Astrel, 2011. [in Russian]
12. Platon. Gosudarstvo. [The state] Plato/ Kniga 7 [Book 7] [Electronic resource]. - URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt> (accessed: 5.11.16). [in Russian]
13. Sokrastchenie pistchevikh othodov, chtoby prokormit mir [Cutting down the food waste to feed the world] [Electronic resource]. - URL: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/74321/icode/>. (accessed: 5.11.16). [in Russian]
14. Tcena izobilia [The price of abundance] [Electronic resource]. - URL: <http://www.forumdaily.com/cena-izobiliya/> . (accessed: 5.11.16). [in Russian]
15. Guerin D. Anarchismus. Begriff und Praxis. - Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1967, p.123.
16. Zimmerman Michael E, «Heidegger's Confrontation with Modernity» (Bloomington: Indiana University Press, 1990), - URL: <https://books.google.ru/books> (data obrastchenia [access date]: 6.11.16).
17. Sokolova E. D. Jemocional'nyj stress: psihologicheskie mehanizmy, klinicheskie projavleniya, psihoterapija [Emotional stress: psychological mechanisms, clinical implications, psychotherapy] [Electronic resource] / E. D. Sokolova // *Materia Medica*. – 1996. – N 1(9). – P. 5–25. – URL: <http://flogiston.ru/library/sokolova-berezin> (accessed: 23.07.2008). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.078

Суrowa E.Э.¹, Васильева M.A.²¹ORCID: 0000-0002-4652-1130, Доцент, Доктор философских наук,²ORCID: 0000-0002-8874-4623, Аспирант,Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАУКЕ: ОБРАЗЫ «НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»**Аннотация**

Авторы рассматривают ситуацию в профессиональной науке, чтобы выявить основные принципы репрезентации в информационном пространстве. Необходимость представления ученого в профильной коммуникационной среде актуализирует несколько аспектов проблемы: репрезентация автора в тексте публикации, создание персонализированных работ по результатам коллективных исследований и репрезентация позиции автора через ссылки на коллег и признанных авторитетов. В целом порядок репрезентации ученого в академической среде соотносится с глобальными практиками социального взаимодействия сетевой культуры.

Ключевые слова: репрезентация, коммуникация, текст, ссылка, автор.

Surova E.E.¹, Vasilyeva M.A.²¹ORCID: 0000-0002-4652-1130, PhD in Philosophy,²ORCID: 0000-0002-8874-4623, Postgraduate student,

Institute of Philosophy, St.Petersburg State University

REPRESENTATION IN SCIENCE: IMAGES OF "NEW MIDDLE AGES"**Abstract**

Authors analyze the situation in the professional science to show the main features of representation practice in modern information culture. Necessity to present a scientist in the profile communication environment actualizes a few aspects of the problem: representation of an author in text of his publication, creation of personalized papers as a result of collective research and representation of an author's position by reference to colleagues and recognized authorities. In general, the order of representation of an author in academic environment is correlated with global practices of social interaction in network culture.

Keywords: representation, communication, text, link, author.

Отношение к реальности не является неизменным, как и само представление о реальности. В современную эпоху мы сталкиваемся со сложным переплетением представлений, где действительное и реальное зачастую отдаляются друг от друга, где часто прослеживается «ночная» символика *annos tenebris* в противопоставлении «дневной» новоевропейской, а также активно разворачиваются метафоры «возвращения» к «архаике», «средневековью» и т.д. Современное социокультурное пространство ускользает из сетей «новизны», исходя из постмодернистской установки, что «новое – это забытое старое», а все смыслы уже были востребованы. В этом плане прослеживается интересная тенденция: замещение объектов реальности представлением об их соотносительности с уже свершившимися «фактами» наших представлений, которые выстраиваются в достаточно сложную иерархию укорененных во времени образов. Здесь мы встречаемся с весьма значимой «процедурой» репрезентации как замещающего представления отсутствующего объекта реальности.

Но репрезентация – это известная в истории культуры стратегия «явленности». В отличие от презентации, которая также подразумевает символическое выражение объекта, его представление, репрезентация обозначает присутствие *неявленного* объекта. Так, в своей статье о природе репрезентации К. Гинзбург исследует европейскую традицию создания вещественных *репрезентаций* (они буквально так назывались) для траурных церемоний: изготовление восковых фигур почивших монархов, размещение в церкви пустого гроба, покрытого траурной тканью, во время заупокойной службы и т.д. [2]. Акт репрезентации направлен на то, чтобы создать не *видимость присутствия* объекта за его неимением, но его полноправную символическую представленность. Именно этим смыслом обладают и юридические коннотации термина «репрезентация» – «замена (кого-либо), действие вместо него (при исполнении какого-либо долга)», «представительство за границей», «представительство (народа, страны) при отправлении властных полномочий», «проведение контрактов в пользу торгового дома» [2].

Европейская «осень Средневековья» использует репрезентативные стратегии в полном объеме. Особо ярко они представлены в системе знания, сообществах ученых и, в целом, в развивающейся университетской среде. М. Фуко описывает основания позднесредневекового знания так: «XVI же век совмещал семиологию и герменевтику в фигуре подобия. Искать смысл – значит выявлять то, что сходствует. Искать закон знаков – значит открывать вещи, являющиеся сходными. Грамматика форм бытия – это их истолкование. А язык, на котором они говорят, не рассказывает ни о чем другом, кроме как о связывающем их синтаксисе» [7, С. 66]. И вот перед нами целостность представления о мире, где все вещи пригнаны друг к другу, а слова истолковывают смысл связей. Истолкование, комментарий обращается к иерархии авторитетности: «Комментарий возникает лишь как стремление выявить за читаемым и истолковываемым языком глубочайшее значение исходного Текста. И именно этот Текст, обосновывая сам комментарий, обещает ему в награду в конечном итоге свое открытие [7, С. 77]. Текст репрезентируется в реальности языка, он есть истина, прямое приближение к которой невозможно. Комментарий – это еще и возможность опосредования, сродни посредничеству церкви в обращении к Большому Другому. Истолковывание как процедура превращается в жизненную стратегию, посредством которой рождаются простые, но косвенные связи с бытием. В этом смысле безусловность авторитета в системе знания обеспечивает прочную исходную связанность дискурса, а также возможность «властных полномочий»: «Эти позднеантичные риторики и компиляторы научили средневековых людей обходиться крохами познания. Словари, мнемонические стишки, этимологии (ложные), флорилегии – вот тот

примитивный интеллектуальный материал, который Поздняя империя завещала Средневековью. Это была культура цитат, избранных мест и дигест» [4, С. 108].

Высокое значение медиа-среды в современных повседневных, деловых и развлекательных практиках создает необходимость для индивида иметь в ней символическое «представительство», которое обеспечивается репрезентацией Я, где идентификационный процесс будет протекать в условиях активной символической реинтерпретации позиции Другого. В актуальной ситуации из-за непрерывного «удвоения» реальности в медиа-среде процедура репрезентации оказывается снова востребованной. Постоянный процесс выражения объектов и явлений через различные знаковые формы порождает все новые и новые стратегии репрезентации в информационном пространстве. Развитие коммуникационной среды создало своеобразную систему паттернов, черты которой можно обнаружить на разных уровнях. Для сетевой коммуникации связи между смысловыми узлами оказываются зачастую важнее, чем сами узлы, поэтому для обозначения позиции объекта достаточно и, одновременно с этим, необходимо разместить его в сети – обозначить связи с уже имеющимися заметными элементами. Заметность, при этом, можно трактовать как наличие у явления множества связей с другими событиями, людьми, инфоповодами и т.д. Для современной массовой культуры эквивалентом заметности оказывается *популярность*, но для других дискурсов возможны другие варианты, например, *авторитетность* для научного сообщества.

Так складывается специфическая практика репрезентации в социальных сетях: с помощью размещения различного фото-, видео- и текстового материала пользователь очерчивает границы Собственного и репрезентирует персональную идентичность, которая предполагает форму так называемой «Мы-идентичности», когда позиция Я обеспечивается постоянно подразумеваемой групповой поддержкой, а, соответственно, принятой системой «авторитетов» и репутационных маркеров. Такой подход способствует быстрой интеграции новых элементов, пластичности и гибкости множественных связей, например, обнаруживаемых в активно функционирующих комьюнити-группах.

Та же практика обнаруживается и в тематических коммуникационных сетях, в частности, в профессиональном научном сообществе. Здесь наряду с традиционными практиками построения авторитетных иерархий появляются новации кластерного порядка, когда центры, аккумулирующие коллективную научную заинтересованность, формируются ситуативно и существуют неопределенное время, пока реализуется идея данного проекта. «Рабочая группа» сообщества такого формата обладает условной авторитетностью до окончания деятельности, например, ведущегося обсуждения, а далее может при переходе к другому проекту, не сохранить свои высокие рейтинговые показатели. Следует обратить внимание, что на данный момент репрезентация автора-ученого реализуется не только за счет его публикаций, как отображения профессиональной активности, но и за счет системы ссылок. Они связывают его работы с другими, демонстрируя включенность в научное сообщество и очерчивая, таким образом, порядки и ориентиры концептуальной сплоченности внутри научной отрасли. Здесь вновь проскальзывает образ «Текста-истины», связывающего «знание» как «тело Адама-Рухани» перекрестными ссылками.

Но если средневековая интеграция знания базировалась на традиции, избегающей рефлексии, то в современности основания к этому иные. Скорость коммуникации в современной культуре такова, что индивиду приходится настолько быстро реагировать на изменения в окружающей ситуации, постоянно переопределяя границы Собственного, что непрекращающаяся репрезентация в значительной степени опережает рефлекссию. Она становится тем процедурным моментом, который осуществляет опознание действительного в его реальной процессуальности. В данном случае можно более конкретно представить эту ситуацию при обращении к репрезентации автора в современной науке как таковой, рассмотрев ее поэтапно.

Во-первых, она осуществляется посредством обращения к авторскому тексту. Здесь речь может идти как о самом тексте, так и об авторской позиции в нем, а, кроме того, о числе самих публикаций. Текст как таковой – это «лицо» авторской позиции. Он предполагает использование определенных дискурсивных стратегий, которые, в свою очередь, ориентированы тематически, понятийно, структурно и стратегически. Текст сам апеллирует к множественности, предполагая последующее развитие мысли исследователя в намеченных направлениях, а за этим намечаются и пути коммуникации, позволяющей идентифицировать авторское письмо в совокупности исследований. Это позволяет нам выделить два значимых в данном случае параметра научной текстуальности: публичность и включенность в традицию. Кроме того, текст как произведение соотносим и с судьбой автора, что подмечали еще Дильтей, Сартр и др. Даже постановка вопроса о так называемой «смерти автора» у постмодернистов в ситуации научного текста дала лишь определенную тенденцию смещения к большей значимости подчеркивания принадлежности к научному сообществу, а также снятию остроты вопроса об относительности новизны высказывания автора. Позиция автора и его текстовой репрезентации в науке, таким образом, оказалась в гораздо большей мере консервативной, нежели в искусстве. Но вернемся к научному тексту. Он сам существует в определенных границах, где мы сталкиваемся с рядом проблем, в том числе отнюдь не исследовательского порядка. Речь может идти о его формате (объеме, структуре, оформлении и т.д.), о размещении (статусности издания, представленности в информационных базах и т.д.), о уже существующей статусности автора как представителя сообщества (степень, звание, представленность в научной среде и т.д.), о «движении» по путям научной коммуникации (цитируемости, в первую очередь) и др. Так, говоря о последней позиции, стоит отметить, что журналы выполняют функцию «каналов связи», о чем писал в своих исследованиях, например, В.В. Наумов [6].

Во-вторых, современная наука часто предполагает наличие групповых исследований. Авторский коллектив создает ряд персонализированных работ, с одной стороны, выявляющих роль конкретного автора в исследовании и объем его вклада, с другой стороны, получает результат совместного труда, например, выраженный в коллективной монографии или статье. Коллективная работа аккумулирует усилия, экономит время и снижает затраты на производство научного «продукта», например, позволяет между соавторами разделить стоимость публикации. Работа в группе дает возможность молодым специалистам получить опыт работы, повысить свои рейтинговые показатели, а для маститых ученых снизить затраты на формальную, техническую работу по продвижению издания.

В-третьих, авторская позиция маркируется отсылками к концепциям других авторов. Система авторитетов в ссылках для современной науки, как мы отмечали выше, исключительно важна. Ссылки, которые указывает автор в своей работе, встраивают ее в систему концепций и авторитетов. Это поиск «союзников», повышающих степень защиты, и снижающих риск критических отзывов. Публикация научного труда обозначает дискурсивные границы научного знания, которые репрезентируют позицию ученого. А «пограничными указателями» и становятся ссылки, выполняющие многоплановую миссию. С одной стороны, они маркируют принадлежность к научному кругу, с другой стороны, представляют систему кодировок: «Ссылки, не являясь строго формализованным языком, позволяют устанавливать внутренние связи между публикациями по очень тонким аспектам мысли. Пересечение по множеству ссылок может отображать идейную родственность статей в большей степени, чем пересечение по дескрипторам» [6, С. 88]. Дескрипторы в данном случае выступают маркерами дискурсивности, в то время как ссылки отражают неявленные, но подразумеваемые в тексте смыслы, т.е. репрезентируют границы дисциплинарной области, и, тем самым, проясняют осмысленность использования данной языковой практики. Таким образом, смысл текста может располагаться не только в пространстве «документа», но и выходить в широкое коммуникативно-информационное пространство сети научных изданий. И речь здесь идет не о маргинализации смысла по отношению к тексту, как писал Ж. Деррида, а о метадискурсивности, где смысл обретает системные показатели. В этом плане осмысленность письма в различных областях знания будет определяться через включенность в единое коммуникативное пространство публикаций, но для каждой научной области так же будет предполагать и свои особенности. Так, философские тексты обладают своей спецификой, видимо, даже в связи с тем, что обращаются к «вечным» проблемам, хотя и актуализированным в пространстве повседневности. Соответственно, философское произведение обладает высокой степенью абстрагирования, что «распыляет» дискурс, позволяя в качестве примеров использовать зачастую принципиально не связанные ситуации и обращаться к работам авторов, где порядки их внутренних текстуальных «узлов» будут обнаруживаться каждый раз заново в зависимости от нужд данного исследования. Кроме того, в философии значение произведения принципиально возрастает по отношению к его «завершенности», то есть монография обладает значительно большей авторитетностью, нежели журнал или сборник статей. Как отмечал в своей работе В.В. Налимов: «Интересно обратить внимание на то, что язык библиографических ссылок в философских публикациях играет значительно меньшую роль, чем в точных, естественных и технических науках. В журнале «Вопросы философии» (за 1966 г.) оказалось довольно много ссылок: в среднем 11 ссылок на статью, но из них на периодику падает всего лишь три ссылки; 23% просмотренных статей вообще не имеет ссылок на периодику. Среднее число ссылок в статье на иностранную периодику составляет 0,6; здесь уже 73% публикаций не имеет ссылок. Зато среднее число ссылок на книги составляет 82% от общего их числа» [6, С. 113]. По отношению к точным и естественным наукам, философские публикации отсылают к монографиям, имеют несколько иную логико-структурную связь, а также другую скорость «старения» научных материалов и т.д.

Ссылка представляет опыт корпоративной коммуникации. Она позволяет очертить границы допустимых значений, наметить структурные пределы исследования и продемонстрировать нормативно-ценностный потенциал работы. Ссылка существует одновременно в пределах языкового пространства, но не предполагает, скажем, наличия грамматических требований. Ссылка требует правильности оформления, поскольку кодирует существенную часть научного коллективного опыта, выступая лишь указателем к нему. Она выполняет также определенную функцию «допуска» к участию в корпоративном общении. Как писал В.В. Налимов: «Можно назвать, например, знаковую систему, интуитивно воспринимаемую нами как язык и в то же время не имеющую в явном виде ни алфавита, ни грамматики: язык библиографических ссылок в научных публикациях. Это особый язык, в котором с каждой библиографической ссылкой ассоциируются идеи, содержащиеся в ранее опубликованной работе, соответствующей этой ссылке. Ученому нет необходимости заново излагать содержание публикаций, на которые он опирается в своей работе, – достаточно дать на них ссылки» [5, С. 29]. Зачастую, открыв ссылки в выбранной ими работе, ученые уже понимают, насколько она будет им нужна в собственных исследованиях, т.е. насколько она интегрирована в современное научное знание, связана с определенной шкалой авторитетности, демонстрирует принадлежность к научной школе и т.д. Как пишет В.В. Налимов далее: «С помощью библиографических ссылок происходит очень емкое кодирование информации с очень точным ее воспроизведением – по ссылке просто надо найти соответствующую публикацию» [5, С. 29]. Библиографические ссылки образуют свою систему, в которой соотносимое исследование (то, в котором мы и обнаруживаем данные отсылы) занимает конкретное место, позволяя продолжать ранее начатую общую научную программу.

Бруно Латур в своей работе «Наука в действии» пишет о научных доминантах: «цитатах» и «цифрах», которых, для признания работы научной, должно быть представлено в избытке [3]. Отсыл к документам, а также к чужим мнениям – это получение союзников. Но лучше получать статусных союзников, потому что, как пишет П. Бурдьё: «Некто, получивший научное звание, получает также и свидетельство об уме (одна из привилегий обладателей звания, кроме прочего, это возможность сохранять дистанцию по отношению к званию)» [1, С. 144].

Таким образом, современный ученый, представитель академического сообщества и «университетского мира» сам не представлен в нем, а лишь связан с ним системой ссылок, причем, в том числе и скрытых. Такой мир объединен единством представлений и дискурсов. Как писал П. Бурдьё: «Университетский мир, как любой социальный универсум, является местом борьбы за истину об университетском мире и о социальном универсуме в целом» [1, С. 143]. Ученый включен в него репрезентацией коллективных знаков-маркеров и связан сетью ссылок. «Корпоративный дух» системы ссылок опять же ассоциирован со средневековыми практиками «комментариев», «избранных мест и дигест». «Новое средневековье» науки вновь ставит вопросы о цитатах, авторитетах, количественных показателях и т.д.

Список литературы / References

1. Бурдьё П. Начала – М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

2. Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь [Электронный ресурс] // Журнал «НЛО» №33, 1998. URL: <http://philosophystorm.org/article/karlo-ginzburg-reprezentatsiya-slovo-ideya-veshch> (дата обращения: 28.11.2016).
3. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
4. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
5. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков // В. В. Налимов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 304 с.
6. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса – М.: Изд. «Наука», 1969. 192 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук – СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bourdie P. Nachala [Beginnings] – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 P. [in Russian]
2. Ginzburg K. Reprezentacija: slovo, ideja, veshh' [Representation: word, idea, thing] [Electronic resource] // Zhurnal «NLO» [Journal "NLO"] №33, 1998. URL: <http://philosophystorm.org/article/karlo-ginzburg-reprezentatsiya-slovo-ideya-veshch> (accessed 28.11.2016). [in Russian]
3. Latur B. Nauka v dejstvii: sleduja za uchenymi i inzhenerami vnutri obshhestva [Science in action: following scientists and engineers inside the community] – SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 414 P. [in Russian]
4. Le Goff Zh. Civilizacija srednevekovogo Zapada. [Civilization of Medieval West Europe] – М.: Izdatel'skaja gruppа Progress, Progress-Akademija, 1992. 376 P. [in Russian]
5. Nalimov V.V. Veroyatnostnaja model' jazyka. O sootnoshenii estestvennyh i iskusstvennyh jazykov [The probabilistic model of language. On the relation between natural and artificial languages] // V. V. Nalimov – М.: Kniga po Trebovaniju [Book on demand], 2013. – 304 P. [in Russian]
6. Nalimov V.V., Mul'chenko Z.M. Naukometrija. Izuchenie razvitiya nauki kak informacionnogo processa [Scientometrics. The study of the development of science as an information process] – М.: Izd. «Наука», 1969. 192 P. [in Russian]
7. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [Words and things. Archaeology of Human Sciences] – SPb.: A-cad, 1994. 406 P. [in Russian]

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.247

Алексеева Е.Н.¹, Тесленко И.О.²

¹Старший преподаватель, Крымский инженерно-педагогический университет

²кандидат искусствоведения, Харьковская государственная академия дизайна и искусств

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ИСКУССТВА

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые этапы становления национальной школы крымскотатарского искусства в период 1910-1930 гг.. Прослеживаются факторы, способствовавшие формированию художественной школы, как отдельного культурного явления. Было выявлено, что таковыми являются художественно-промышленная школа, художественно-промышленный техникум, исследовательский центр по изучению истории и культуры крымских татар, деятельность отдельных представителей культуры и искусства полуострова, активизация выставочной деятельности в Крыму и за его пределами. Исследование показало, что в межвоенный период происходит подъём крымскотатарского искусства и возрождение традиций путём организации системы художественного образования, научного изучения предметов декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: крымскотатарское искусство, художественно-промышленная школа, «татарский ренессанс».

Alekseeva E.N.¹, Teslenko I.O.²

¹Assistant Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University

²PhD in History of Arts, Kharkiv State Academy of Design and Arts

FORMATION OF THE CRIMEAN TATAR NATIONAL SCHOOL OF ART

Abstract

The article examines key stages in the formation of the Crimean Tatar national school of art in 1910-1930s. There are factors that contributed to the formation of the art school as a single cultural phenomenon. They include the Art and Industry School, Art and Industry College, the research center for the study of the history and culture of the Crimean Tatars, the activities of certain representatives of culture and art at the peninsula, the intensification of the exhibition activity in the Crimea and beyond its limits. The study showed that in the interwar period there was the rise of the Crimean Tatar art and the revival of traditions through the organization of the system of art education, scientific study of the objects of decorative and applied arts.

Keywords: Crimean Tatar art, Art and Industry School, "Tatar renaissance."

Первые десятилетия XX века отмечены коротким, но ярким подъемом крымскотатарской культуры. Целый ряд художников, народных мастеров, исследователей внесли вклад в дело ее становления и своим творчеством способствовали ее бурному развитию. В этот период появляются первые профессиональные художники крымскотатарского происхождения, поднимается вопрос о сохранении и развитии народных ремесел и промыслов, чему значительно содействовало научное изучение материального культурного наследия.

Уже в начале прошлого столетия кустарные промыслы, занимающие в наследии крымскотатарского народа значительное место, находилось на грани исчезновения. Однако в эти же годы происходит укрепление национальной интеллигенции, представители которой, осознавая ценность уходящей культуры, способствовали ее возрождению.

Одним из центров сохранения и развития кустарной промышленности стала Бахчисарайская художественно-промышленная школа, открытая 3 ноября 1917 г. Выдающуюся роль в ее организации сыграли профессиональные художники А. Абиев и У. Боданинский. Идея создания подобного учебного заведения в городе зрела несколько лет. Двумя годами ранее, в 1915-м и на протяжении всего лета 1916 г. по предложению С.Б. Крымтаева, занимавшего должность председателя правления Бахчисарайского мусульманского благотворительного общества, художник, мастер прикладного искусства Абдурефи Абиев вместе с первым крымскотатарским художником-монументалистом, музееведом, этнографом Усеином Боданинскими разрабатывали проект национальной художественно-промышленной школы.

Проект получил одобрение не сразу. 20 октября 1916 г. У. Боданинский докладывал по этому вопросу в Таврической Губернской Земской управе, указывая на необходимость открытия на территории Крыма подобного учебного заведения, представил план его оснащения и открытия. Однако доклад не имел ожидаемой поддержки и дело не получило развития.

С изменением политической ситуации в 1917 г. У. Боданинский обратился с докладом по вопросу об открытии школы во Временный Крымско-Мусульманский Исполнительный комитет. На этот раз вопрос был решен положительно: основание школы признали желательным. Поэтому на оборудование столярно-резной мастерской при ней было выделено 2000 рублей.

Идейных вдохновителей и организаторов школы У. Боданинского (1877–1938) и А. Абиева (1879 - 1938) со времен учебы в Строгановском училище в 1900-х связывали дружеские отношения. Тогда же молодые люди стали участниками революционных событий 1905 года. Этот эпизод их биографий мог бы завершиться арестом, исключением из училища и отправкой на каторжные работы, но, благодаря личному вмешательству князя Строганова, студенты были высланы за границу. Абиев продолжил свое образование во Франции, а Боданинский был отправлен в Италию. Возвратившись на родину, оба художника активно и плодотворно работали в избранном направлении, много времени уделяя преподаванию. Так, А. Абиев, руководил художественными мастерскими в Ростове, а У. Боданинский преподавал графику в коммерческом училище Симферополя, а с 1907 года возглавил художественно - промышленную школу филиала Строгановского училища.

Поэтому ко времени открытия художественно-промышленной школы оба художника имели опыт в деле организации учебного процесса. Учебное заведение задумывалось по принципу Строгановской школы. Программа обучения приравнивалась к пяти классам гимназии. Вначале был открыт только первый класс и одна мастерская по столярно-резному делу. Было набрано 25 учащихся со всех пяти уездов Крыма.

По замыслу организаторов школы планировалось открывать классы и мастерские последовательно по следующим специальностям: вышивальному, ткацко-ковровому, чеканке металлов, выделке кож, сафьяна и гончарному производству. Инициаторы создания школы видели высокую миссию школы в деле сохранения кустарных промыслов Крыма. Они считали, что именно Художественно-промышленная школа, выпуская хорошо подготовленных работников по существующим местным производствам, поддержит и поднимет уровень кустарных производств полуострова [1, С. 6].

Кроме того, в 1920–30-х гг. в Крыму активно принимаются меры по поддержке народных мастеров. Для этого, помимо открытия художественно-промышленной школы, организовываются артели народного творчества для обучения молодежи.

Период с начала 1923 по декабрь 1928 год в искусстве крымских татар получил название «татарский ренессанс». После продолжительного упадка культуры (со второй половины XVIII века по 1917 год) этот этап значительно обогатил национальную культуру. В эти годы был основан Педагогический институт «Исмаил-бей Гаспринский», художественная школа (впоследствии техникум *Huner ve Sanayi mektebi*).

Их открытие произошло одновременно с началом работы национального музея в Бахчисарае, ставшего ведущим центром исследования истории и культуры крымских татар. В результате целенаправленной работы фонды пополнялись из нескольких источников: безвозмездные пожертвования ценных для музея предметов от местного населения; передача экспонатов в Бахчисарай из других музеев Крыма (Ялты, Симферополя, Евпатории). Особое значение имел сбор этнографических предметов во время полевых экспедиций 1924–1926 гг.

Важно отметить, что значительных успехов научная работа музея достигла, благодаря руководству упоминавшегося выше У. Боданинского, занимавшего должность директора музея с 1917 по 1934 гг. Его усилиями этнографическое изучение крымских татар стало ведущим направлением в деятельности музея.

Научные интересы У. Боданинского отличаются широтой. Обзор тем публикаций раскрывает глубину его исследовательского поиска: «Историко-этнографическая экспедиция 1925-26 гг.», «Искусство крымских татар», «Новые материалы по этнографии татар в Крыму», «История быта и костюмов», «Татарское народное искусство и промыслы в Крыму». Важнейшим источником для изучения костюма является очерк «Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму», опубликованный в 1930 г. в сборнике «Реконструкция народного хозяйства в Крыму» и отдельным изданием. У. Боданинский вел активную научную жизнь: выступал на всероссийских, а также всероссийских музейных, археологических и краеведческих конференциях с рядом докладов, посвященных изучению и описанию прикладных искусств и костюма крымских татар. Таким образом, У.А. Боданинский как этнограф, внес неоценимый вклад в изучение традиционного костюма крымских татар и татарской культуры в целом [3, С.16].

Сбором, сохранением и исследованием исчезающих ценностей крымскотатарского декоративного искусства занимались и другие ученые: Г. Бонч-Осмоловский, Б. Добрынин, Б. Куфтин. Сбору материалов народного искусства, их классификации, изучению орнаментов, а также личному созданию профессиональных образцов крымскотатарского

орнамента посвящает свою жизнь художник-исследователь П. Чепурина. Материальная культура, одежда, особенности крымскотатарских архитектурных сооружений и их орнаментики изучались и другими исследователями, такими как Б. Засыпкин, А. Башкиров, М. Волошин, М. Гинзбург. Сформированные ими коллекции прикладного искусства составили образцы для обучения мастеров. Как отмечает исследователь крымскотатарского искусства Н.М. Акчурина – Муфтиева, «труды названных и других авторов представляют собой значительный пласт востоковедения, который дал возможность создать первую концептуальную модель истории крымскотатарского искусства» [2, С. 26].

Расцвет татарского народного искусства, традиционных ремесел был недолог. Поэтому особую ценность для историков и этнографов представляют свидетельства современников той эпохи. Одним из уникальных источников изучения искусства и быта крымских татар того времени являются этнографические работы художников. Прежде всего, ценными свидетельствами эпохи являются акварели Нины Жаба (1875 - 1942). Выпускница Академии художеств, она в 1906 году приехала в Бахчисарай на этюды. Однако задержалась в Крыму, т.к. вышла замуж за крымского татарина и жила в Бахчисарае до 1924 года, когда после трагической смерти мужа переехала к брату, известному художнику Альфонсу Жаба в Ленинград. Но и после отъезда каждое лето она вместе с братом приезжала в Бахчисарай. Работы художницы редко выставлялись как при жизни Нины Жаба, так и после смерти. Большинство ее картин находятся в частных коллекциях, поэтому точное их количество неизвестно.

В наследии художницы много зарисовок этнографического характера. Они выдают живой интерес к мусульманской культуре, корни которого, возможно, кроются в ее детских впечатлениях. Отец Н. Жаба некоторое время был послом в Константинополе, что, несомненно, оказало влияние на формирование ее кругозора. Исследователи утверждают, что работы Н. Жаба, выполненные акварелью, тушью, карандашом, исторически достоверны, точно передают особенности национального костюма крымских татар того времени – самого начала XX века. По наблюдению этнографа Ульвие Аблаевой, «к этому времени уже некоторая трансформация произошла в национальном костюме. И вот эти все тонкости у нее совершенно замечательно зафиксированны» [6]. Как отмечает редактор газеты «Янъы дюнъя» Зера Бекирова, «в них можно увидеть быт крымских татар, чем они занимались. Здесь и мужчины, которые раскладывают табак, и человек, который продает виноград, молочник, женщины, читающие книги» [6].

По рисункам Нины Жаба в 1920-м году были напечатаны открытки, воспроизводившие около 50 акварелей. Расходясь тысячами тиражами по стране, особую популярность они снискали среди крымских татар. По свидетельствам этнографов, эти открытки брали с собой в места ссылки крымские татары и болгары.

Важно отметить, что в 20-30-е годы происходит не только возрождение традиционных видов декоративно-прикладного искусства, но и начинается формирование профессиональной живописи и графики. Особую роль в этом процессе сыграл художник В. Яновский. Поляк по национальности, он родился и вырос в крымскотатарской среде и потому прекрасно говорил на крымскотатарском, любил и знал традиции, обряды, песни. Как отмечает Э. Черкезова, «он внес свой определённый вклад в возрождение крымско-татарской культуры и искусства, занимаясь преподавательской деятельностью в кустарно-промышленном техникуме, где учил студентов основам изобразительного искусства, в частности акварели и живописи» [5, С. 67-72]. В. Яновский также преподавал в общеобразовательных школах Бахчисарая, студиях и других учебных заведениях.

Его ученики и современники, в частности А. Устаев, Ф. Камилев, Б. Умеров, И. Асанин, оставили воспоминания о художнике в письмах и публикациях, которые представляют большую ценность. В них раскрываются особенности методики преподавания В. Яновского, эстетические ориентиры и пристрастия. Воспоминания дают основания полагать, что, будучи прекрасным акварелистом, В. Яновский состоялся и как настоящий педагог.

Лучшим учеником В. Яновского считается крымско-татарский художник Амет Устаев (1909 - 1990). Его акварели, «Архитектурный пейзаж» (1940), «Горная речка» (1940) и некоторые другие, чудом сохранившиеся после войны, в настоящее время находятся в Симферопольском художественном музее, в Республиканском крымско-татарском музее искусств, а также в частных коллекциях.

Достижения крымскотатарского искусства 20-30-х годов нашли отражение в художественной критике рассматриваемого периода. В 1931 году в одном из номеров журнала «Литература и искусство Крыма» опубликован большой критический обзор историка, краеведа, искусствоведа Александра Полканова, посвященный художественной жизни Крыма, где автор дает характеристику художественной культуры крымскотатарского народа: «...Культура живописи открылась перед национальным коренным населением Крыма, и мы видим, что она даёт свои результаты и притом не только в количественном, но и в качественном отношении. По своей талантливости татарские художники занимают первые ряды среди участников выставок» [4, С.34]. И далее, под впечатлением выставки 1935 года в Москве, характеризует работы отдельных мастеров. Так, он определяет творчество татарского художника Мемета Абселямова как «исключительно полнокровное и радостное». «Его полотна из колхозной жизни всем своим ярким колоритом, красочностью фигур и смеющимися лицами громко говорят о том, что крымские колхозники стали уже зажиточными, что «жить стало лучше, жить стало веселей». М. Абселямов отлично чувствует и передает крымскую природу с ее необыкновенно ярким солнцем, глубоким небом, синими далями» [4, С. 35].

В те же годы в Крыму работал другой художник, живописец Азизов. Его произведения не были представлены на выставке, но, тем не менее, заслуживают высокой оценки. Морские пейзажи сделаны с необычайным мастерством и обнаруживают самобытный стиль, своеобразную манеру, обнаруживают необычайно красочную палитру. И хотя художник никогда не учился живописи, он прекрасно передает Черное море, небо и воздух. Во всех его эскизах чувствуется большая любовь к Крымской земле, к Южному берегу, выражаемая нежной мягкой гаммой красок.

Известным крымским художником был Абий Ярмухамедов. Несомненно, его успех и популярность в среде крымской общественности послужили немалым стимулом для работы других, более молодых национальных художников. Он справедливо удостоился высокой чести, получив к 15-летию советизации Крыма почетную грамоту

от Крымского центрального исполнительного комитета, что поставило творчество А. Ярмухамедова во главе художников коренной национальности.

Бурный рост национальной культуры способствовал выдвижению новых молодых национальных художников. В мастерстве изображения природы Ярмухамедову не уступал Халилев, чьи пейзажи, по замечанию А. Полканова, отличаются «большой приятностью, сочностью и той мягкостью», какой подчас недостает Ярмухамедову [4, С.35].

А. Полканов также обращал внимание на работы начинающих художников – Ягъяева, Османова, Аблаева, Азмиёва, Селямитова, Меметова. Признавая недостаточный профессионализм некоторых из них, в частности Ягъяева, критик отмечал, вместе с тем, остроту характеристик, большую типичность и чутье краски в его работах, что является свидетельством искренней поддержки и содействия, оказываемого развитию крымскотатарского искусства.

Особого внимания заслуживают акварельные зарисовки старинных татарских орнаментов, сделанных вышивальщицами Адавие Эфендиевой, Фатиме Алиевой и Айше Мамбетовой, по которым в ряде женских вышивальных артелей изготовлялись национальные вышивки, шедшие главным образом за границу, где они пользовались большим успехом.

Таким образом, в 20-30-е годы происходит подъем крымскотатарского искусства и возрождение традиций благодаря организации преподавания традиционных ремесел, научному изучению предметов декоративно-прикладного искусства. Неоценимый вклад в развитие крымскотатарского искусства и кустарных промыслов путем создания художественно-промышленной школы в Крыму внесли У. Боданинский, А. Абиев. Научное изучение изделий народных промыслов получило развитие благодаря активной исследовательской работе сотрудников Бахчисарайского дворца-музея, а также художников-исследователей, таких как У. Боданинский, Г. Бонч-Осмоловский, Б. Добрынин, Б. Куфтин, П. Чепурина, М. Волошин, Н. Жаба и многих других. Особую роль в развитии художественного образования сыграл художник-акварелист В. Яновский, педагогическая деятельность которого оказала непосредственное влияние на становление ряда профессиональных художников из среды крымских татар.

Список литературы / References

1. Аблякимова З.Т. Бахчисарайская художественно-промышленная школа: история создания и концепция развития / З. Т. Аблямитова // Тезисы Международной научной конференции «IV Научные чтения памяти Усеина Боданинского. Бахчисарай 17-19 окт. 2012 г.» - Симферополь: Бизнес-информ, 2012.- С.6-7.
2. Акчурина-Муфтиева Н. М. Декоративно - прикладное искусство крымских татар XV - первой половины XX вв.: (Этапы развития, типология, стилистика, художественные особенности) / Н.М. Акчурина-Муфтиева // КИПУ, Ин-т искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылского НАН Укр.; Отв. за вып. Н. Р. Караманов. - Симферополь: ОАО "Симфероп. гор. тип." (СГТ). - 2008.- С.72.
3. Бухтоярова В.А. Изучение традиционного костюма крымских татар в трудах У.А. Боданинского / В.А. Бухтоярова // Тезисы Международной научной конференции «IV Научные чтения памяти Усеина Боданинского. Бахчисарай 17-19 окт. 2012.» - Симферополь: Бизнес-информ, 2012.- С.16 - 17.
4. Полканов А.И. Очерки художественной жизни Крыма / А.И. Полканов // Литература и искусство Крыма. - №2. - 1936.- С. 34-36.
5. Черкезова Э. Я. Крымскотатарское изобразительное искусство довоенного периода (1917-1944 гг.) / Э. Я. Черкезова // Шестые крымские искусствоведческие чтения: респ. науч.-практ. конф.: материалы. – Симферополь, 2001.- С. 67-72.
6. <http://www-ki.rada.crimea.ua/index.php/2011-03-13-12-08-25/7862-2012-11-13-07-28-32>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abliakimova Z.T. Bakhchisarayskaya khudozhestvenno-promishlennaya shkola: istoriya sozdaniya i kontseptsiya razvitiya [Bakhchysarai Art and Industry School: History of Creation and Development Concept] / Z.T. Abliakimova // Tezisi Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «IV Nauchnye chteniya pamiati Useina Bodaninskogo. [Abstracts of the International Scientific Conference “IV Scientific Reading in Honour of Usein Bodaninsky.” Bakhchysarai, October 17-19, 2012” – Simferopol: Business Inform. – P.6-7. [In Russian]
2. Akchurina-Muftieva N. M. Dekorativno – prikladnoye isskustvo krymskikh tatar XV – pervoi poloviny XX vv.: (Etapy razvitiya, tipologiya, stilistika, khudozhestvennye osobennosti) [Decorative and Applied Art of the Crimean Tatars of XV - the First Half of the Twentieth Century: (stages of development, typology, style, artistic features)] / N.M. Akchurina-Muftieva // KIPU, In-t isskustvovedeniya, folkloristiki i etnologii im. M. Ryl'skogog NAN Ukr. [CEPU, Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology named after M. Ryl'skyi, National Academy of Sciences of Ukraine]; Res. for no. N.R. Karamanov. - Simferopol: JSC “Simferopol Moun. Tour” (SMT). – 2008. – P.72. [In Russian]
3. Bukhtoyarova V.A. Izucheniye traditsionnogo kostiuma krymskikh tatar v trudakh U.A. Bodaninskogo [Study of Traditional Costume of the Crimean Tatars in the Works of U.A. Bodaninsky] / V.A. Bukhtoyarova // Tezisi Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «IV Nauchnye chteniya pamiati Useina Bodaninskogo. [Abstracts of the International Scientific Conference “IV Scientific Reading in Honour of Usein Bodaninsky.” Bakhchysarai, October 17-19, 2012” – Simferopol: Business Inform. – P.16 - 17. [In Russian]
4. Polkanov A.I. Ocherki khudozhestvennoy zhizni Krima [Sketches of the Artistic Life of the Crimea] / A.I. Polkanov // Literatura i isskustvo Krima [Literature and Art of Crimea]. – No.2. – 1936. – P. 34-36. [In Russian]
5. Tcherkezova E. Y. Krymskotatarskoe izobrazitelnoye isskustvo dovoennogo perioda (1917-1944 gg.) [Crimean Tatar Art of the Pre-war Period (1917-1944).] / E. Y. Tcherkezova // Shestie krimskiye isskustvovedcheskiye chteniya: resp. nauch.-prakt. konf. [Sixth Crimean Art History Readings: Scientific-Practical. Conf.: Materials]. – Simferopol, 2001. – P. 67-72. [In Russian]
6. <http://www-ki.rada.crimea.ua/index.php/2011-03-13-12-08-25/7862-2012-11-13-07-28-32>

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.222

Брянский И.Н.¹, Дмуховский В.В.²¹ORCID: 0000-0002-1662-3160, Старший преподаватель,²ORCID: 0000-0003-0881-6920, студент 4-го курса,

Факультет Искусств и дизайна,

Нижегородский государственный университет

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА**Аннотация**

В статье рассматривается абстрактный вопрос «сложно ли моделировать человека в объемно-пространственной среде». Раскрывается значение используемых аналоговых материалов на начальных этапах моделирования и их значение. В статье рассматривается, рисунок фигуры человека, как одна из самых сложных задач для художника. Раскрывается, как разумно использовать референсы в своей работе над 3д моделью человека, а также, как можно защитить себя от ошибок при изображении людей. Проанализированы и сформулированы основные критерии в процессе построения персонажа.

Ключевые слова: изобразительное искусство, трехмерное моделирование, анимация, референс, персонаж.

Bryansky I.N.¹, Dmuhovskij V.V.²¹ORCID: 0000-0002-1662-3160, senior lecturer,²ORCID: 0000-0003-0881-6920, student of the 4th course,

Faculty of Arts and design,

The Nizhnevartovsk state university

TO THE QUESTION OF COMPLEXITY OF MODELLING OF THE PERSON**Abstract**

The article deals with the abstract question "is it difficult to simulate a person in a spatial environment." Reveals the value used by the analog materials in the initial stages of simulation and their significance. In the article, the drawing of a human figure, as one of the most difficult tasks for an artist. Reveals how to use references in their work on 3D human model, and how you can protect yourself from error in the depiction of people. Analyzed and formulated the basic criteria in the process of building character.

Keywords: fine arts, three-dimensional modeling, animation, референс, character.

Какие инструменты использует в своей работе художник? Первое, что приходит на ум — карандаш. В основу любого из вида изобразительного искусства ложится клаузура, другими словами превизуализация. Однако, с развитием технологий, карандаш и бумага для большинства художников (в оригинале) отдали место виртуальным инструментам программного обеспечения. Безусловно компьютерная графика (КГ) позволяет породить самые фееричные идеи. Но, как и прежде одной лишь компьютерной графики мало, необходимы идеи, мысли [4, С. 475-476]. По своей натуре мысль является субстанцией нематериальной, поэтому её необходимо преобразовывать для «потребителей». Художник, который создает творение, судьба которого в дальнейшем быть оценённым публикой рискует, что его неточно поймут или вовсе перевернут наизнанку суть картины, если он непрофессионально отразит свою идею.

Профессионализм в свою очередь культивируется за счет обрастания опытом, знаниями и навыками художником. Бытует мнение, что цепь профессионального роста заключается в следующем: нет знаний – произведение с ошибками, далее несколько ошибочных «проектов», рождается опыт. Круг замкнулся, что довольно непродуктивно по мнению авторов.

Статья обращена к заинтересованным, в саморазвитии и самореализации молодым художникам. Сейчас плоскостное рисование в цифровой графике на компьютере получило широкое распространение в применении графических планшетов, которые в свою очередь незначительно отличаются от академического рисования или живописи. Но компьютерный скульптинг и анимация трехмерных персонажей — это скорее новый подвид в изобразительном искусстве, так как колоссально расширяются творческие возможности художника и появляется уникальная техника выполнения.

Самое главное правило для трехмерного художника – он должен уметь рисовать, как в плоскости, так и в трехмерном измерении. Даже если в обиходе профессионала только графические инструменты, необходимо незыблемо вспоминать и тренировать ручной рисунок, не говоря о скульптурной пластике. Сталкиваясь с задачей реализации визуально реалистичных компьютерных персонажей, возникают проблемы, которые так же существуют и в изобразительном искусстве. Такие как передача характера персонажа, анатомические пропорции, характерные особенности соотношений, выливающиеся в сходство с передаваемым объектом.

Мастер карандаша использующий компьютер для реализации проектов по компьютерной графике имеет неоспоримое преимущество – анализ перспективы дается более наглядно и открыто для восприятия, не говоря о временных затратах и возможности всегда «сохраниться» или «вернуться» в исходную точку [3, С. 299-301].

Препятствия, возникающие перед каждым молодым мастером карандаша, который хочет изобразить, смоделировать, соскульптить человека или любое другое живое существо аналогичны, кроме технических, значит учебные пособия, которые помогут разрешить данную проблему идентичны.

Ранее в своих статьях мы уже упоминали, что любая графика всего лишь единичный способ передачи информации, в том числе и цифровой [1, С. 151-155]. Зрительная информация о предмете (исключая автоматическое проектирование и спецификации чертежей) однозначно «изменяется» как «хранителем», так и «адресатом». В фотографии, первоисточников «иллюзии» является оптические эффекты фотокамеры. Данная реплика относится к

рефернсам изображений. Касаемо «человеческого момента» в изобразительном искусстве, то обыватель, иногда может распознать натюрморт в картине, отображающей солнечный закат в туманный дождливый вечер [2, С. 65-74].

В чем же здесь причина? В том, что художник перестарался с колоритом красок и не уделил внимания деталям. Или обывателя-зрителя, что не утрудил себя взглянуть на этикетаж картины, а поторопился с выводом по сочетанию цвета. Думаем следует художнику уделять внимание, как картине в целом, так и отдельным её деталям без исключения. Так как в основном задача художника работать со зрителем. Но и зрителю нужно постоянно расширять свой культурный поиск, чтобы находить точки соприкосновения с произведением и раньше понимать его.

Наша статья посвящена аналогичному вопросу в области реалистичной компьютерной графики. Проблема уточнения деталей в объемной графике не всегда только связана с точной определемостью изображаемого предмета. Усложнение объекта детализацией не всегда желательно. Иногда необходимо ухищряться используя нестандартные подходы для создания иллюзии. Речь идет именно о фундаментальных знаниях потребных для цифрового художника, чтобы максимально точно передать форму и уникальные детали предмета [2, С. 69]. Создание любого персонажа (человека) возможно осуществить только в случае, если художник владеет канонами академических законов (пластическая анатомия, академический рисунок, конструктив) [5, С. 475-476].

Объемно-пространственное построение художники использовали ещё до первых персональных компьютеров. Авторы считают, что вычислительные машины значительно упростили процесс «рисования» для художников, как минимум возможностью применять шаблоны. В основном методика работы (техника) над виртуальной моделью соединила в себе технологические приемы мастера, художника, мастера кисти в себе.

У художника теперь есть превосходство над «временными» техниками ИЗО (изобразительное искусство), что дает в свою очередь делает возможным анализировать форму в реальном времени, править любые недочеты. А также исключать объекты, которые нарушают восприятие работы.

Черновой эскиз иногда содержит в себе достаточно информации для дальнейшего полноценного восприятия зрителем (порог узнаваемости предмета). Тщательная детализация может испортить чувство реализма в изображении. Если хоть одна деталь в «идеальной» сцене будет выполнена с недочетами, то картину ждет фиаско в плане полученного впечатления от «картины». Поэтому все виды ИЗО применяют рисунок для подготовки конструктивного построения, что требует более скрупулёзного анализа натурной постановки.

В трехмерном моделировании изображение объекта зачастую применяется, как шаблон (референс) на который опирается художник, но отнюдь практика показывает, что полностью опираться на референс нельзя (https://vk.com/photo-104116608_441431484). Необходимо учитывать погрешность искажения объектов [6, С. 110-112]. Конечно референсы делятся на фотографии, рисунки и чертежи, последние являются более надежными, так как работа происходит по ортогональным проекциям, что сводит погрешность искажения практически к нулю. Основной принцип в таком построении уйти на начальном этапе от чрезмерных подробностей. В академическом рисунке применяется закон от общего к частному, в трехмерной графике используется принцип «Сложное – Простое». Идеальный референс для автора представляется в виде чистого силуэта объекта, с явными пропорциональными соотношениями.

Опыт авторов показывает, что моделирование и создание анимации разных трехмерных объектов и персонажей при использовании собственных шаблонов (рисованных вручную референсов) существенно уменьшает время затраты на проектирование таких моделей и анимационных сцен.

В заключение авторы приведут небольшой иллюстрационный ряд прикладного характера. Начинается творческий проект со статической проекции. Адрес расположения иллюстрации статической проекции https://vk.com/photo-104116608_441431486 (От образа к скелетной форме). И вторая иллюстративная подборка «анализ пропорциональных различий форм», адрес расположения https://vk.com/photo-104116608_441431489.

Таким образом преимущество от статичных шаблонов, более чем оправдана, как минимум в плане формообразования. В следующих сериях статей, посвященных раскрытию более сложных шаблонов, относящихся к динамике и кинематике авторы покажут наиболее удобные дополняющие методы построений.

Список литературы / References

1. Брянский И.Н., Дмуховский В.В. Обзорная статья по реализации нововведений в визуализатор *corona render v1.3* / И.Н. Брянский, В.В. Дмуховский // Научные исследования и разработки 2016. IX Международная научно-практическая конференция. – М.: Издательство «Олимп». – 2016. – С. 151–155.
2. Брянский И.Н. Обзорная и справочная информация о визуализаторе *corona renderer alpha 6 v* / И.Н. Брянский // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного университета. — Нижневартковск: Издательство Нижневартковский гос. Университет. – 2014. – Выпуск 11 – С. 65–74.
3. Брянский И.Н. Фотореалистичная визуализация с помощью подключаемого пакета *v-ray* для *autodesk 3ds max* и его особенности / И.Н. Брянский // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции Часть II. – Нижневартковск: Издательство Нижневартковский государственный университет. – 2014. – С. 299–301.
4. Брянский И.Н. Развитие и влияние мультимедиа технологий и оборудования на образование / И.Н. Брянский // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции Часть II. – Нижневартковск: Издательство Нижневартковский государственный университет. – 2015. – С. 475–476.
5. Брянский И.Н. Конструирование персонажей на *unity* (часть I) / И.Н. Брянский // Научное мнение. – 2015. – № 10-2. – С. 225-229.
6. Брянский И.Н. Обзор методологии технического моделирования, или как создавался «хищник» / И.Н. Брянский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11-2. – С. 110-112.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Brjanskij I.N., Dmuhovskij V.V. Obzornaja stat'ja po realizacii novovvedenij v vizualizator corona-renderv1.3 [A review article on the implementation of innovations in the visualizer corona-renderv1.3] / I.N. Brjanskij, V.V. Dmuhovskij // Nauchnye issledovanija i razrabotki 2016. IX Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija [Research and development 2016. IX International Scientific and Practical Conference]. – M.: Izdatel'stvo «Olimp». – 2016. – P. 151–155. [in Russian]
2. Brjanskij I.N. Obzornaja i spravocnaja informacija o vizualizatore corona renderer alpha 6 v [Overview and background information on the visualizer corona renderer alpha 6 v] / I.N. Brjanskij // Nauchnye trudy aspirantov i soiskatelej Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of graduate students and applicants of the Nizhnevartovsk State University]. — Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gos. Universitet. – 2014. – V. 11 – P. 65–74. [in Russian]
3. Brjanskij I.N. Fotorealisticnaja vizualizacija s pomoshh'ju podključaemogo paketa v-ray dlja autodesk 3ds max i ego osobennosti [Photorealistic Visualization with connected vray package autodesk 3ds max and its features] / I.N. Brjanskij // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii Chast' II [Culture, science, education: problems and prospects: materials of III All-Russian Scientific-Practical Conference Part II]. – Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet. – 2014. – P. 299–301. [in Russian]
4. Brjanskij I.N. Razvitie i vlijanie mul'timedia tehnologii i oborudovanija na obrazovanie [The development and the impact of media on the formation of technology and equipment] / I.N. Brjanskij // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii Chast' II [Culture, science, education: problems and prospects: materials of IV All-Russian Scientific-Practical Conference Part II]. – Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet. – 2015. – P. 475–476. [in Russian]
5. Brjanskij I.N. Konstruirovanie personazhej na unity (chast' I) [Construction of the characters in the unity (Part I)] / I.N. Brjanskij // Nauchnoe mnenie [Scientific opinion]. – 2015. – № 10-2. – P. 225-229. [in Russian]
6. Brjanskij I.N. Obzor metodologii tehničeskogo modelirovanija, ili kak sozdavalsja «hishhnik» [Review of technical modeling methodology, or how to create the "predator"] / I.N. Brjanskij // Gumanitarnye, social'no-jekonomičeskie i obščestvennye nauki [The humanitarian, social, economic, and social sciences]. – 2015. – № 11-2. – P. 110-112. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.205

Гончаренко С.С.

ORCID: 0000-0003-2191-3848, Доктор искусствоведения

Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ КОМПОЗИТОРА ЕВГЕНИЯ КРАВЦОВА

Аннотация

Актуальность статьи определяется вопросами национального музыкального строительства в условиях интенсивного становления в Сибири в 1970-е–1980-е годы академических жанров. В статье впервые изучаются закономерности творческой эволюции Евгения Кравцова (1941–2013) – талантливого представителя современной русской сибирской музыки. Автор показывает интерпретацию «русской темы» в симфонической, хоровой и камерной музыке композитора. Трагические образы он воплощает объективированно, в аспекте эстетики постмодернизма (Симфония *h moll*, 1977) и композиторского фольклоризма (кантата «Новгородские песни», 1985; Фортепианное трио, 1987).

Ключевые слова: сибирская музыка, «русская тема», концепция обратимости, макроцикл, текст, постмодернизм, композиторский фольклоризм.

Goncharenko S.S.

ORCID: 0000-0003-2191-3848, PhD in Arts,

Novosibirsk State Conservatoire named after M. I. Glinka

FEATURES CREATIVE EVOLUTION BY COMPOSER EVGENY KRAVTSOV

Abstract

The urgency of the article identifies issues of national musical building in Siberia in the 1970s-1980s when there is an intensive formation of academic genres. The paper pattern is a first study of creative evolution of Eugene Kravtsov (1941-2013) – a talented representative of modern Russian Siberian music. The author shows the interpretation of the "Russian theme" in the symphonic, choral and chamber music by E. Kravtsov, He embodies the tragic images objectified, in the aspect of postmodern aesthetics (*h moll Symphony*, 1976) and composer folklorism (cantata "Novgorod songs", 1986; Piano Trio, 1987).

Keywords: Siberian music, "russian theme", the concept of reversibility, post-modernism, macrocycle, text, composer folklorism.

Фигура сибирского композитора Евгения Николаевича Кравцова (1941–2013) в последние годы привлекает все большее внимание музыковедов. Значение его деятельности – композиторской, педагогической, музыкально-просветительской, общественной выходит за пределы столицы Алтайского края г. Барнаула, где он проработал около сорока лет. Е.Н. Кравцов принимал активное участие в региональных и Всероссийских композиторских пленумах и фестивалях, музыка его звучала в европейских российских городах, в США, Чехословакии, среднеазиатских республиках.

Творчество Евгения Кравцова – органическая часть академической музыки, интенсивно развивающейся в городах Сибири во второй половине XX–начале XXI столетий. Основные жанры, в которых работал композитор –

симфонические, хоровые и камерные – образуют магистральные русла творческих исканий большинства сибирских авторов в этот период. Произведения Е. Кравцова исполняли ведущие филармонические коллективы Новосибирска, Барнаула, Томска, других городов. Естественно вписываясь в региональный контекст, музыка его обнаруживает в то же время свои особые приоритеты и внутренние закономерности.

В отличие от многочисленных созданий композиторов, которые жили и работали в Сибири, – например, оратории «Сибирские – посиделки» и фантазии для ОРНИ «Сибирская мозаика» Г. Иванова, хоровых циклов «Песни села Балман», «Из сибирской народной поэзии», кантаты «Сибирские свадебные песни» А. Мурова, Симфонии «Саянский триптих» О. Проститова, Симфонии № 3 «По прочтению Астафьева» О. Меремкулова, оратории «Солнце Алтая» В. Пешняка и многих других сочинений – Евгением Кравцовым региональный аспект специально не декларировался. У него нет ни одного крупного сочинения, в названии которого фигурирует локальный – дальневосточный, западносибирский или алтайский адрес (а творческий путь композитора, прежде чем он обосновался в Барнауле, пролегал через Хабаровск, Новосибирск, Кемерово). Указатели на региональную сибирскую принадлежность у Е. Кравцова встречаются только в песенном жанре (песни «Амурск», «Алтай-БАМ»)

Для него, как человека и художника, важнее было ощущать и осуществлять преемственность с гуманистической и просветительской миссией, воспринятой от творцов великой русской культуры. В своей музыке он ориентируется на продолжение того синтеза национальных традиций и мирового музыкального наследия, который осуществил классик музыки XX столетия Игорь Стравинский (1882–1971). Приезд И. Стравинского впервые после долгого перерыва, на Родину в 1962 г., выступления в качестве дирижера в Москве и Ленинграде стали стимулом для издания партитур его произведений в России, активного освоения его творческих принципов композиторами. В понимании национальной сущности всей его музыки важной представляется оценка, данная Д. Шостаковичем, который писал: «Стравинский — истинно русский композитор... Русский дух неистребим в сердце этого настоящего, подлинно большого, многогранного таланта, рожденного землей русской и кровно с ней связанного» (цит. по.: [2]). Симптоматично, что дипломная работа Е. Кравцова – Концерт для Оркестра русских народных инструментов (1972) – посвящен его памяти.

Герою настоящего очерка, как никакому другому сибирскому автору, оказались близкими присущие И. Стравинскому интеллектуализм, рациональный склад мышления, склонность к парадоксальности концепций, сопоставление в них трагедийного и игрового скоморошья начал. Есть нечто общее и в мировоззренческой эволюции этих двух художников – погружение к концу жизненного пути в религиозно-философские вопросы, проблемы веры.

Полувековой творческий путь Е. Кравцова отчетливо делится на три периода. Первый период (десятилетие 1962–1972) – годы учебы в Хабаровском училище искусств и в Новосибирской консерватории – пора профессионального становления молодого автора. Уже тогда, в студенческих работах очерчивается характерный круг тем и образов, устанавливается жанровая диспозиция, дифференцируется тембровая палитра жанров, ставших приоритетными. За «русской темой» закрепляются: сфера вокальной лирики – романсы и песни на тексты русских поэтов, хоровая музыка а capella, а также тембры оркестра народных инструментов. Обращаясь к симфоническому оркестру или камерным ансамблевым составам, композитор ориентируется на традиции барокко и классицизма, осваивает веками отстоявшиеся жанры и формы западноевропейского инструментализма.

Четверть столетия после окончания консерватории с 1973 по 1998 год – период творческой зрелости. Крайние точки его отмечены созданием вокальной музыки на тексты зарубежных поэтов. Это вокальные циклы на сл. П. Неруды и Э. Межелайтиса – 1973, 1974 и Оратория на сл. Э. По – 1998. (Местонахождение партитуры последнего сочинения автору статьи не известно.) Своеобразное кульминационное плато образует «макроцикл» из пяти самых значительных, лучших его произведений центрального десятилетия (1977–1987): трех симфоний, кантаты «Новгородские песни» и Фортепианного трио. В их масштабных циклических композициях разными гранями предстают ведущие темы творчества Е. Кравцова; в воплощении «русской темы» композитор локализует географический ареал Великого Новгорода как первоначала национальной государственности и культуры.

Третий период – последние пятнадцать лет жизни и творчества 1998–2013 г. – своеобразный Post Scriptum. Творческая активность композитора снижается. Его интересы ограничиваются вокальными жанрами – в основном романсами и песнями на стихи русских поэтов. Инструментальные произведения возникают редко. Они написаны или по заказу, чаще как транскрипции, или являются ретроспекцией, возвращением к барочным циклическим формам.

Одна из существенных особенностей творческой эволюции Е. Кравцова состоит в сквозном значении трагической темы. Сопоставление образов жизни и смерти неотступно присутствует почти во всех жанрах, в которых работал композитор в первые периоды творчества. (Возможно, это объясняется фактами его биографии: раннее детство на Украине в оккупации, трудные послевоенные годы, когда мать воспитывала двух осиротевших сыновей, не могли не оставить след в мировосприятии, психологии будущего композитора.)

В юношеском воплощении стихотворения Г. Гейне «Я есть меч, я есть пламя», фрагментов «Реквиема» Р. Рождественского передана тема прославления героев, погибших во имя жизни на земле, воспеваются отвага борцов за свободу. Традиционное для русской культуры сопоставление жанров «славы» и «плача» (достаточно вспомнить финал оперы «Жизнь за царя» М. Глинки) приобретает современное звучание.

Сочинения второй половины 1960-х годов вносят новые грани в обозначенную тему. В романсе «По ночам задумываюсь чаще (сл. В. Белкина) лирико-субъективный аспект проскальзывает в последней фразе «Смерть меня угрюмо стережет». Хоровая обработка лирической протяжной песни «Ах ты, поле мое» (№1 из цикла «Три русские песни») вносит черты объективного повествования. Женский плач по убитому завершается комментариями:

*Матерь плачет, как река льется,
Сестра плачет, как ручей течет,
Жена плачет, как роса падет.
Взойдет солнце, росу высушит.*

В «Балетной сюите» (1969) по рассказу Д.К. Джерома характерная для музыки XX века негативная трансформация бытового жанра приобретает остроактуальный смысл. Неожиданный сюжетный ход в рассказе – гибель молодой девушки в объятиях механической игрушки-автомата – отодвинут к финалу. Последний седьмой номер сюиты – Вальс Presto заставляет вспомнить «Мефисто-вальсы» Ф. Листа, Хореографическую поэму «Вальс» М. Равеля (который современники называли «танцем на вулкане»). У Кравцова деформация жанра вальса воплощает мысль о разрушительном действии изобретений цивилизации, когда человек попадает к ним в плен.

Обращение к лирике Древнего Египта определило иное, обусловленное архаическими представлениями о картине мироздания, отстраненное философское воплощение темы жизни и смерти. В двух номерах Кантаты «Фиванские папирусы»: № 1 «Похвала смерти» и № 3 «Поминки» повествуется о загробном мире, блаженной, справедливой стране, где нет места страху и распрям, где родня «пришельца встретит, примет с миром и обнимет».

Произведения центрального периода продолжают гротескно-жанровый и философский аспекты трагедийной темы. Преобладает ее обобщенная, дистанцированная подача. Отстранение в Симфонии h moll автор осуществляет, используя модели воплощения трагической образности, сложившиеся в эпоху классицизма и Барокко, создавая своего рода инструментальный театр представления. Герой сначала надевает «маску Христа, идущего на Голгофу» (Из необъявленной авторской программы I части [1]). Далее он «изображает» лирико-психологическую драму, используя моцартовский интонационный словарь (II–IV части). Завершает концепцию скорбное прощание – V часть: Sinfonia и Aria в духе К. Монтеверди.

В кантате «Новгородские песни» объективация трагедийной темы воплощается благодаря обращению к фольклорным жанрам: пародии на похоронный обряд в № 3, балладе о гибели девушки от выстрела брата, не узнавшего ее в № 6. Образный мир Фортепианного Трио, которое завершает центральный период творчества, вызывает аудиовизуальные представления: русский пейзаж, светлые дали и колокольный звон, просторы полей, скомороший пляс и литургическое отпевание.

При внимательном изучении эволюции творчества сибирского автора поражают отчетливо выраженные закономерности, как будто композитор заранее ее рационально продумал и «отрежиссировал». Так, в распределении жанров по этапам творчества ясно просматриваются черты зеркальной симметрии. В центре – «Новгородская симфония», трехчастный цикл в D dur (1984). Ее обрамляют несколько арочных перекрытий. Два инструментальных цикла в h moll: Симфония (1977) и Фортепианное трио (1987), располагаются по краям макроцикла – «пятиглавого Собора». Внутреннюю арку образуют картины народной жизни, поданные в драматическом аспекте: Симфония d moll (1980) и кантата «Новгородские песни», оканчивающаяся полутонем выше, в es moll (1985). Внешняя арка центрального периода образуется вокально-циклическими произведениями. Два относятся к началу 1970-х годов: «Испанские песни» на сл. П. Неруды, «5 вальсов» на сл. Э. Межелайтиса. Два кантатно-ораториальных произведения написаны в 1990-е годы. Это кантата Lectisternium, в ней использованы фрагменты из «Диалогов» Платона, «Диалогов» И. Стравинского и фольклорные тексты, а также оратория «20 канцон» на сл. Э. По. См. таблицу 1.

Таблица 1 – Зеркальная симметрия
в творческой эволюции Е. Кравцова. Второй период (1973–1998)

1973, 1974	1977	1980	1984	1985	1987	1992, 1998
Вокальные циклы на тексты зарубежных авторов	Симфония	Симфония для ОРНИ	«Новгородская симфония» для ОРНИ	Кантата «Новгородские песни»	Трио	Кантатно-ораториальные произведения на тексты зарубежных авторов
	h moll	d moll	D dur	C dur–es moll	h moll	

Первый и третий периоды включают зеркальную симметрию в расположении камерно-инструментальных и вокальных жанров. Барочные циклы (Фортепианная сюита – 1960, Классическая сюита – 1967 для скрипки и фортепиано: и Sonata da Camera – 2000) образуют обрамление центрального периода творчества. Вокальная музыка: песни и романсы на стихи русских поэтов, хоры а capella на народные тексты составляют главную сферу приложения композиторских сил в начале и в конце творческого пути.

Разумеется, речь не идет об абсолютной хронологической точности в симметричных соответствиях, но скорее о тенденциях. Логика обратимости в творческой эволюции сочетается с поступательным развитием. Суть его состоит в движении от дифференцированного подхода в трактовке жанров и воплощаемой в них проблематики к интеграции, к объединению того, что ранее прорабатывалось по отдельности. В таблице 2, показаны две ступени синтеза образных и жанровых сфер.

Таблица 2 – Движение от дифференциации к синтезу в творческой эволюции Е. Кравцова

Зона дифференциации		Зона интеграции	
Вокальные жанры		Lectisternium	Произведения для ОРНИ: «Диатоническая увертюра», Концерт для оркестра, Симфония d moll, «Новгородская симфония» D dur. Фортепианное трио
Русская тема			
Отдельные романсы и песни	Хоровые и камерно--вокальные циклы Кантата «Новгородские песни»		
«О чужих странах и людях»			
Романс на ст. Гейне	Вокальные циклы. Оратория (Э. По)		
Инструментальные жанры		Симфония h moll	
Симфонический оркестр. Классические жанры: (Увертюра. Балетная сюита)			
Камерные циклические формы: раннеклассические и Барочные (Вариации на тему. Д. Тартини. Сюиты, варианты малого полифонического цикла)			

Первая ступень отмечена Симфонией h moll, в целостной концепции которой объединяются жанры и формы классицизма и барокко. Трехчастный классический сонатно-симфонический цикл – авторское воспроизведение моцартовского стиля встроено в камерное звучание барочной музыки. Вторая ступень синтеза – воплощение русской темы в классической форме сонатно-циклического типа – происходит в Симфониях для ОРНИ и особенно ярко в Фортепианном трио – одном из лучших, самых совершенных созданий композитора.

Логика драматургии выстроена в Трио по авторской модели, апробированной в Симфониях h moll и d moll: трехчастный цикл сонатного типа заключен в медитативную рамку. Симметрия укрепляется тематическими репризами. В коде финала (ц. 33) возвращается попевка из фортепианной партии первой части (ц. 1) и ее варианты, выполняющие теперь функцию прощального завершения. Еще одна тематическая арка имеется в вариантной форме центральной III части. Зеркальная симметрия в тематической организации цикла позволяет выдвинуть утверждение о близости композиционно-драматургического плана Трио *концепции обратимости*, широко распространенной в произведениях литературы, театра, кино в XX столетии. В музыке метод наплыва – начало с конца, который переводит развитие действия в план интроспекции (или ретроспекции), считается признаком философского симфонизма. В первых частях «больших» симфоний Д. Шостаковича (№ 5, 7, 8, 10, 11) сложился драматургический комплекс: от размышления – к действию – и далее – к осмыслению произошедшего. Вариант этого комплекса представлен, например, в Симфонии № 3, Виолончельном концерте № 1 Б. Тищенко. Структуру цикла с медленным медитативным началом и медленным завершением в первой половине XX века использовал Б. Барток в «Музыке для...», Концерте для оркестра, Струнном квартете № 5. Более удаленный по времени аналог описываемого комплекса предвосхищен в Симфонии № 6 П. Чайковского. Еще более ранние прототипы можно отыскать в музыке, предшествующей эпохе венского классицизма, например, в сонатах Д. Тартини.

Естественно указать на непосредственные жанровые аналоги концепции обратимости в русском мемориальном трио А. Аренинского, П. Чайковского, С. Рахманинова, Д. Шостаковича. В отличие от этих произведений в Трио Е. Кравцова нет конфликтных столкновений, драматического накала, романтической патетики. Это отстраненное ретроспективное созерцание пейзажей России, народного праздника и преддверие приближающегося конца. Скорбь личности слита с общим трауром. Над вечным покоем парит некий надмирный глас.

Трио – итоговое сочинение центрального творческого периода обобщает ранее найденные композитором драматургические приемы и музыкальные средства воплощения трагедийной темы. Синтез осуществлен на двух уровнях: во-первых, объединяются доклассическая и классицистская модели инструментального цикла, во-вторых, национальный аспект трагической темы, продолжая линию последнего номера кантаты «Новгородские песни», получает качественно новое, более обобщенное выражение.

Сочинение занимает место финала в макроцикле из пяти опусов. Невозможно считать случайной соотношенность драматургической логики и тонального плана «малой циклической композиции» Трио и «большой конструкции макроцикла», окантованного произведениями с медленными медитативными финалами. Самые действенные в макроцикле – три центральных произведения. Из них наиболее событийная Кантата «Новгородские песни» создает панораму народной жизни. Траурной «черной» тональности h moll отведены обрамляющие арки. Ось симметрии в макроцикле «Новгородская симфония» утверждает D dur– тональность радости жизни и праздничного торжества. В Трио эта тональность сконцентрирована во II части Presto, которая противостоит остальным частям, выдержанным в спокойных или медленных темпах. Presto, кроме того, содержит тематическую реминисценцию из финала «Новгородской симфонии». Речь идет о теме-цитате, песне «Из-за гор, гор высоких», плясовой скомороший вариант которой композитор взял из собрания «Традиционный фольклор Новгородской области» [3].

Таким образом, обращаясь к творчеству барнаульского автора, мы констатируем уникальную закономерность, а именно, многоуровневое проявление концепции обратимости: в одном произведении, в циклической форме Трио; на более масштабном уровне – в пятичастном макроцикле из произведений центрального периода творчества; и, наконец – на уровне авторской творческой эволюции в целом. Взаимосвязь драматургической логики в построении сочинений и в эволюционном творческом процессе позволяет выдвинуть гипотезу о том, что биографию художника можно рассматривать как знаковую структуру обладающую свойствами связности и единства, т.е. как *текст*. Объединяющим началом, придающим целостность *макротексту* творческой биографии Е. Кравцова, служит тема России, традиций русской культуры в ее перекрестных связях со знаками и символами мировой музыкальной культуры.

Список литературы / References

1. Гончаренко С.С. Интервью с композитором Евгением Кравцовым от 26.06.1982 / С.С. Гончаренко. – Новосибирск : Личный архив автора статьи. – Рукопись. – 1982.
2. Стравинский Игорь Фёдорович – «Чтобы помнили» [Электронный ресурс]. – URL: <http://chtoby-pomnili.com?page.php?id=1988> (дата обращения: 13.08. 2016).
3. Традиционный фольклор Новгородской области: (по записям 1963–1976 гг.). / Отв. редактор Горелов А. – Л.: Наука, 1979. – 350 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Goncharenko S.S. Intervyu s kompozitorom Evgeniem Kravcovym ot 26.06. 1982. [Interview with the composer Evgeny Kravtsov, 26.06. 1982]. / S.S. Goncharenko. – Novosibirsk : The personal archive of the author. – The manuscript. – 1982 [in Russian]
2. Stravinskij Igor Fyodorovich – «Chtoby pomnili» [Stravinsky, Igor – «To remember»]. – URL: <http://chtoby-pomnili.com?page.php?id=1988> (accessed: 13.08. 2016). [In Russian]
3. Tradicijonnyj folklor novgorodskoj oblasti: (po zapisyam 1963–1976 gg.). / Otv. redaktor Gorelov A. [Traditional folklore of Novgorod oblast: (the records 1963–1976)]. / Ed. editor Gorelov A. – L.: Science, 1979. – 350 p. [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.128

Окапов А.Т.¹, Бегалинова Г.А.²¹ORCID: 0000-0001-8652-9762, магистрант,²ORCID: 0000-0001-8201-0947, кандидат искусствоведения, профессор

Казахская национальная академия искусств им.Т.Жургенова,

**ТВОРЧЕСТВО РОЗЫ РЫМБАЕВОЙ КАК ФЕНОМЕН ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА
КАЗАХСТАНА****Аннотация**

Статья посвящена творчеству народной артистки Казахстана Р.Рымбаевой. Несмотря на широкую известность и общественное признание не только в Казахстане, но и за рубежом, к сожалению, нет исследований, посвященных изучению творчества Р.Рымбаевой, внесшей огромный вклад в развитие эстрадного искусства. Актуальность его изучения обусловлена значимостью и уникальностью личности певицы для истории музыкальной культуры страны, деятельность которой заслуживает отдельного научного рассмотрения и осмысления.

Ключевые слова: музыка, Роза Рымбаева, творчество, вокальное искусство, эстрада, песня, Казахстан.

Окапов А.Т.¹, Begalinova G.A.²¹ORCID: 0000-0001-8652-9762, master student,²ORCID: 0000-0001-8201-0947, PhD in Art, professor,

T.Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts

CREATIVITY OF ROZA RYMBAYEVA AS A PHENOMENON OF PERFORMING ARTS IN KAZAKHSTAN**Abstract**

The article is devoted to the creativity of the People's Artist of Kazakhstan R. Rymbayeva. Despite the public recognition not only in Kazakhstan, but also abroad, unfortunately, scientific papers devoted to the study of creativity R.Rymbayeva that has made a huge contribution to the development of pop art, does not exist. The relevance of the study due to the significance and uniqueness of the personality of the singer for the history of the musical culture of the country, which deserves separate scientific review and reflection.

Keywords: music, Roza Rymbayeva, creativity, vocal, pop art, song, Kazakhstan.

Среди плеяды звезд на небосклоне современной отечественной эстрады можно с полным правом выделить имя Народной артистки Казахстана, Лауреата Государственной премии Казахстана, Лауреата международных конкурсов, Почетного гражданина г. Астана (2016), кавалера орденов «Парасат», «Курмет» и «Звезда созидания», профессора - Розы Куанышевны Рымбаевой.

Вторая половина двадцатого столетия характеризуется развитием многих музыкальных жанров Казахстане, в том числе и эстрадной музыки, в частности песни. «В условиях тоталитарного режима самым широким по воздействию, а потому и самым влиятельным художественным резонатором духовной жизни становится песня. Создание сольных песен для многих композиторов было делом первостепенной важности, а иногда почти единственным жанром в творчестве. Вокальные сочинения композиторов того периода Казахстана ознаменовали небывалый расцвет жанра, составив отдельный культурно-исторический пласт. Свидетельством тому является целая плеяда ярких, самобытных, талантливых композиторов, таких как Ш. Калдаяков, Н. Тлендиев, А. Бейсеуов, Т. Кажгалиев, Е. Хасангалиев, К. Дуйсекеев, Б. Оралулы и многие другие» [1, с.3].

Ключевой фигурой, стоящей между композитором и слушателем, несомненно, является исполнитель, от таланта которого во многом зависит дальнейшая судьба песни. Надо сказать, что произведения в исполнении Розы Рымбаевой почти всегда становились хитами, так как она, обладая незаурядными вокальными данными и тонким мироощущением, способна донести до массового слушателя глубинный замысел и мелодическую красоту песни. «Сильный и глубокий голос, выразительные эмоции, чёткая дикция, искренность, естественность и необыкновенная энергия - всё восхищало в этой обаятельной и изящной женщине. Не зря Розу Куанышевну нередко величают «Поющим соловьём Средней Азии» [2].

Профессиональную трудовую сценическую деятельность Р.Рымбаева начала в 1975 году, когда после судьбоносного знакомства с руководителем республиканского молодежно-эстрадного ансамбля "Гульдер" Таскыном Окаповым, который отметил незаурядные способности молодой певицы, способствовал тому, что она была принята на работу в данный коллектив. Первый крупный успех пришел к ней довольно рано, уже в 20 лет, принимая участие в 1977 году во Всесоюзном телевизионном конкурсе «С песней по жизни» Роза Рымбаева завоевала звание победителя, блестяще исполнив песню «Алия» (муз. Сейдуллы Байтерекова - ст. Бакира Тажибаева) на казахском языке, посвященной герою Советского Союза, погибшей во время Великой отечественной войны, девушке-снайперу Алие Молдагуловой. Эта песня попала в номинацию как «Лучшая песня года». Триумфальное шествие с песней «Алия» продолжилось и на международном фестивале «Золотой Орфей» в Болгарии, на котором Р.Рымбаева получила Гран-при. Песня быстро приобрела широкую популярность, и это был достаточно редкий случай в истории существования советской эстрады для не русскоязычного произведения, пользующегося всенародной славой. В 1977 году Роза Рымбаева выиграла международный конкурс эстрадных исполнителей «Золотой Орфей». Казахская общественность с радостью и ликованием праздновала эту победу.

Драматическое монументальное полотно, ода - песня «Алия» в бузукоризненном, высокохудожественном исполнении Р.Рымбаевой вошла в сокровищницу отечественной музыкальной культуры Казахстана, став бесценным шедевром, нематериальным памятником нашего исторического наследия.

Первая грампластинка Р. Рымбаевой издана Всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», в которую были включены песни: «Верю я» (А.Мажуков – А.Дементьев), «Детство» (Т.Русев – Д.Дамианов), «Снег седины» (Г.Пономаренко – В.Боков), «Поэзия» (М.Зив – К.Кулиев). Кроме того, песня «Алия» вошла в журнал «Кругозор» (№6, 1977 г.), который с точки зрения сегодняшнего дня являлся своеобразной звуковой летописью, отражавшего основные, наиболее актуальные события прошлых лет. В этом же году была одержана еще одна серьезная победа на международном фестивале песни в Сопоте (Польша) - «Гран-при» (1977г.), где на суд жюри и слушателей были вынесены песни «Озарение» (муз. А.Бабаджаниян. ст. Р.Рождественский) и «Табуны» (муз.С.Байтереков, ст. Т.Малдагалиев)

В 1978 г. по мнению читателей газеты «Московский Комсомолец» по итогам года, в рубрике «Звуковая дорожка» Р.Рымбаева была признана лучшей певицей года. С 1979 по 1987 годы Р.Рымбаева с успехом работала с ансамблем «Арай», много гастролируя по разным странам и континентам, выступая на главном союзном телевидении «Останкино». В 1979г. на Международном конкурсе «Алтын микрофон», который проходил в Стамбуле (Турция) она снова оказывается победителем, покорив членов жюри и зрителей, завоевав главный приз. В этом же году Р.Рымбаевой было присвоено звание Заслуженной артистки Казахской ССР. С 1979 года и по настоящее время продолжает свою трудовую деятельность в качестве солистки Республиканского концертного объединения «Казахконцерт».

Несмотря на признание, и тот факт, что она состоялась как певица, Р.Рымбаева не остановилась на достигнутом и получила образование по актерской специальности (специализация «Актер музыкального театра») в Казахском Театрально-художественном институте с 1979 по 1984г. Актерская профессия оказалась востребованной, в 1981 году Р.Рымбаева снялась в главной роли в фильме-концерте «До свиданья, Медео!», созданном при совместном производстве киностудии «Казахфильм» и чешской киностудии «Баррандов».

На долю 60-80-х годов двадцатого столетия приходится этап расцвета советского вокального эстрадного искусства, связанный с формированием и развитием творчества целого созвездия талантливых композиторов-песенников, внесших большой вклад в музыкальную культуру. В советский период творчества Р.Рымбаевой довелось работать со многими маститыми композиторами, одними из лучших, творивших в то время, такими как А. Бабаджаниян, А. Мажуков, Д. Тухманов, Ю. Саульский, А. Пахмутова, Р.Паулс, А. Зацепин и другие. Некоторые песни были написаны специально для певицы, учитывая ее колоссальные голосовые возможности, позволяющие использовать широкий диапазон мелодических и выразительных средств музыкального языка, что давало композиторам большую свободу, выходя за рамки обычного массового песнетворчества. Результатом этого коммуникативного акта в связке композитор-исполнитель, стали произведения, отражающие яркие музыкально-поэтические образы, априори несущие черты исполнительской индивидуализации. Поэтические тексты, наряду с музыкой, были не менее важной составляющей песни, несущие основную идею. Поэт-композитор-артист, находясь в тесном взаимодействии триединства, создавали поистине произведения высокого искусства, органично сочетая музыкальное, поэтическое и исполнительское начало. В исполнении Р. Рымбаевой звучали песни, созданные на стихи таких поэтов, как М. Танич, Р. Рождественский. Е. Евтушенко и других.

Талант Р.Рымбаевой оценен не только в Казахстане, но и союзными республиками, так в 1984 год ей присвоено звание Заслуженной артистки Узбекистана, и позже, уже в 2000 г. - Заслуженного деятеля искусств Кыргызстана. В 1986 году за вклад в развитие национальной культуры Р. Рымбаевой присуждается звание Народной артистки Каз ССР. В 2000 г. Р.Рымбаева удостоивается ордена «Парасат», который выдается деятелям науки, культуры и искусства, внёсших большой личный вклад в развитие и умножение духовного и интеллектуального потенциала Республики Казахстан. В этот же период на церемонии вручения «Человек года» Р.Рымбаева получила премию Платиновый Тарлан в номинации «Звезда эстрады» (2000 г.), а в 2004 г. была присуждена Государственная премия Республики Казахстан в области литературы, искусства и архитектуры.

Профессионализм, талант и годы плодотворной работы певицы были отмечены соседним дружественным государством, так 21 марта 2005 г. около знаменитого Государственного Центрального концертного зала «Россия» состоялось открытие именной звезды на Площади Звёзд Эстрады в Москве, впервые этой столь престижной наградой была удостоена казахская певица, единственная представительница среднеазиатских республик бывшего СССР. На концерте «Цвети, земля моя!», приуроченного этому знаменательному событию прозвучало немало хороших высказываний в адрес казахстанской певицы, народный артист России Ф.Чеханков, сказал о том, что её чистый, хрустальный, проникновенный голос, её талант покоряли и покоряют слушателей не только в России и Казахстане, но

и во многих странах и уголках нашей планеты, так как настоящее искусство всегда объединяет народы вне зависимости от языка и культурных традиций. Эти слова являются доказательством того, что российский зритель, услышав ее в 70-х годах прошлого столетия никогда не забывал и всегда помнил ее необыкновенный голос, и по сей день ее творчество актуально.

Интерес к личности Р.Рымбаевой, ее творческой судьбе не ослабевает на протяжении многих лет как на родине, так и за рубежом. О жизни и творчестве Р.Рымбаевой снято несколько документальных фильмов, таких как «Роза Рымбаева» (2001 г., режиссер Ж. Сабинова), «Хвост кометы. Роза Рымбаева» (2002 г., режиссер А. Бурыкин), «И снова здравствуйте!» (2010 г., Россия). Она стала героиней не только многих казахстанских телевизионных программ, но также и российских, таких как «Женский взгляд» Оксаны Пушкиной (1999 г., Россия), «Пусть говорят» Андрея Малахова (2013 г., «Первый канал», Россия). «Наедине со всеми» Юлии Миньшовой (2015 г., «Первый канал», Россия).

Несмотря на то, что довольно тяжело совмещать исполнительскую, гастрольную деятельность с преподавательской, ей тем не менее блестяще удается быть настоящим педагогом, делясь своим богатым опытом и знаниями со студентами, молодыми, начинающими актерами и певцами.

Таким образом, рассматривая творчество артистки, мы можем констатировать, что Р.Рымбаева является феноменом исполнительского искусства Казахстана, а также важным и уникальным звеном в эстрадном музыкальном искусстве республики, в связи с чем представляется весьма актуальным его исследование в общей цепи историко-культурного процесса развития страны.

Список литературы / References

1. Аханова Л. Творческое наследие Сейдуллы Байтерекова в музыкальной культуре Казахстана. Авторф. дисс... канд. иск.: 17. 00. 02/ Аханова Ляззат Музарафовна – Алматы: КазНАИ им.Т.Жургенова, 2010, 24с.
2. Морозова М. Роза Рымбаева. Золотой голос Казахстана. [электронный ресурс] /М. Морозова// Super Стил. - 23.10.2015 - № 200 (2494) – URL: http://www.superstyle.ru/23oct2015/roza_rymbaeva?print=1 (дата обращения: 10.11.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Akhanova L. Tvorcheskoe nasledie Seydolly Bayterekova v muzykalnoi kulture Kazakhstana [Creative heritage of Sejdulla Bajterekov in the musical culture of Kazakhstan]. Avtoref. dis. ... of PhD in Art : 17. 00.02/Akhanova Lyazzat Muzarafovna - Almaty: T. Zhurgenov KazNAI, 2010, 24 P. [in Russian]
2. Morozova M. Roza Rymbayeva. Zolotoi golos Kazakhstan [Roza Rymbayeva. The golden voice of Kazakhstan] [Electronic resource]/ M. Morozova// Super Style. - 23.10.2015 - № 200 (2494) - URL: http://www.superstyle.ru/23oct2015/roza_rymbaeva?print=1 (accessed: 10.11.2016). [in Russian]

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

*Мы настоятельно рекомендуем всем нашим авторам зарегистрироваться в системе **Science Index РИНЦ**.*

Таким образом, авторы могут более детально контролировать список своих публикаций, не только в нашем журнале, но и во всех научных изданиях, входящих в РИНЦ. Регистрация в системе также позволит узнать индекс научного цитирования автора и его публикаций.

Подробную инструкцию по регистрации в системе Science Index РИНЦ Вы можете найти на нашем сайте <http://research-journal.org/> в разделе «Полезно знать».

DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.010

Чихачёва М.М.¹, Экард Л.Д.², Шкредова И.Н.³¹Кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории музыки, ²Доцент кафедры хорового дирижирования,³Старший преподаватель кафедры истории музыки,

Красноярский государственный институт искусств

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-14-24601); при содействии Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности***ДЕТСКИЙ ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР ТУРУХАНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2016 Г.)****Аннотация**

Статья посвящена изучению традиционного детского фольклора, бытующего на территории Туруханского района Красноярского края. Предмет исследования связан с выявлением локальных особенностей регионального детского игрового фольклора. Материалом исследования послужили данные, зафиксированные в ходе фольклорно-этнографической экспедиции Красноярского государственного института искусств 2016 года. Центрами работы с информаторами стали поселения Туруханского района: село Туруханск, деревня Селиваниха, село Старотуруханское. Особое внимание авторов исследования уделяется подробным описаниям традиционных детских игр с фиксацией их местных вариантов.

Ключевые слова: детский фольклор, игры, фольклорно-этнографическая экспедиция, Туруханский район, Красноярский край.

Chikhcheva M.M.¹, Jekard L.D.², Shkredova I.N.³¹PhD in Arts, Associate professor, ²Associate professor, Krasnoyarsk State Institute of Arts, ³lecturer,

Krasnoyarsk State Institute of Arts

*This article was prepared with the financial support of the Russian Humanitarian Foundation (Project № 16-14-24601); with the assistance of the Krasnoyarsk regional fund to support research scientific and technical activities***CHILDREN'S GAME FOLKLORE OF TURUKHANSK DISTRICT, THE KRASNOYARSK TERRITORY
(MATERIALS OF FOLKLORE-ETHNOGRAPHIC EXPEDITION, 2016)****Abstract**

The article is devoted to the traditional children's folklore of Turukhansk district (the Krasnoyarsk Territory). The research is aimed at identifying the local features of the children's game of folklore. The material was collected during folklore-ethnographic expedition (team of Krasnoyarsk State Institute of Arts, 2016). The expedition worked in the settlements Turukhansk district: Turukhansk, Selivaniha, Staroturukhanskoe. The article gives a detailed description of traditional children's games (local variants).

Keywords: children's folklore, games, folklore-ethnographic expedition, Turukhansk district, Krasnoyarsk region.

Одно из направлений научно-исследовательской работы Красноярского государственного института искусств связано с изучением фольклора Красноярского края. Преподаватели и студенты творческого вуза выезжали с фольклорно-этнографическими экспедициями в Боготольский, Богучанский, Большемуртинский, Пировский, Тухтетский районы Красноярья. В 2016 году красноярские фольклористы отправились «покорять» один из северных округов края – Туруханский район.

Изначальная гипотеза участников экспедиции, связанная с тем, что удаленность и труднодоступность северной территории способствует консервации и обеспечит высокую степень сохранности русского фольклора, не получила достаточного подтверждения. Постоянная миграция населения (вплоть до настоящего времени) «вымывала» остатки традиционной культуры.

Красноярским фольклористам удалось зафиксировать образцы песен позднего периода формирования – городскую лирику, частушки, даже тюремную лирику.

Тем не менее, к большой радости исследователей на территории Туруханского района широкое распространение получили жанры детского фольклора, прежде всего, игрового. Это стало тем более ценным, что достаточно редко на современном этапе фольклористам удается зафиксировать аутентичный детский фольклор от информаторов – носителей «живой традиции». Возможность записать неизвестные или региональные варианты бытующих традиционных игр – большая удача для фольклорно-этнографической экспедиции.

В деревне Селиваниха (осн. в 1841 г.) Туруханского района был записан ряд бытовавших детских игр от Савельева Георгия Анатольевича (1947 г.р.). Многие из этих игр широко распространены не только по всей Сибири, но и за ее пределами, такие как: «Лапта», «Прятки», «Догоняшки». Большой интерес у экспедиции вызвали местные детские игры, такие как: «Тыр, тыр», «Сражение на саблях», «В лунки» и региональные варианты игр, распространенных повсеместно: «Выжигало», «На горе».

Приведем описание некоторых зафиксированных образцов.

«Тыр-тыр»

Играли зимой. Игроки делятся на две команды по равному количеству игроков. Команды расходятся из центра по краям деревни и одновременно прячутся (за сугробы, заборы, сараи и т.д.). Затем, прячась, начинают наступать друг на друга к центру деревни (к месту начала игры). Кто из соперников увидел своего противника кричит его имя и звук имитирующий выстрел пистолета «тыр-тыр», противник «умирает» – то есть покидает игру. Игра продолжается до победы одной из команд.

«Сражение на саблях»

«Сабли» делали из тальника сами дети. Играли в основном мальчики. Игроки делятся на две команды по равному количеству игроков. Затем разбиваются на пары (из представителей противоборствующих команд) и по команде начинают бой. Те игроки, кого заделали саблями, покидали поле боя. Победивший в паре игрок может помочь в сражении своему товарищу из команды. Игра продолжается до победы одной из сторон.

«Игра в лунки»

Для игры брали небольшой мяч (размером с теннисный мяч). Из песка нагребали холм, делая горку. На склоне холма выкапывали небольшие лунки друг за другом через равное расстояние. За каждым игроком закреплялась лунка. По считалке выбирали водящего, который скатывал мяч с горки. Игрок, в чью лунку попадал мяч, становился «голящим». Он хватал мяч и кричал слово «стоп». В это время все остальные игроки разбегались в разные стороны. Услышав слово «стоп», замирали. «Голящий» кидал мяч в ближайшего игрока. Если попал в него, то тот выходит из игры. Если промахнулся – сам «голящий» выходил из игры.

«Выжигало»

Игроки делятся на две команды по равному количеству игроков. Первая команда образует внутренний круг, вторая – внешний круг. Задача внешнего круга выжечь мячом всех игроков во внутреннем круге. Если игрок из первой команды попадает в игрока из второй команды, то игрок второй команды покидает игру. Но если игрок с команды внутреннего круга ловит мяч (ловушка), то команды меняются местами. Выигрывает та команда, которая выжигает всех игроков из внутреннего круга.

Локальной особенностью игры является пространственное расположение команд по отношению друг к другу.

«На горе»

Играли зимой. Игроки делятся на две команды по равному количеству игроков. Первая команда располагалась на горе; вторая команда – под горой. По сигналу вторая команда начинает забираться на гору. Задача игроков первой команды – не дать противнику оказаться на вершине горы. Побеждает та команда, которая останется на горе.

Игра представляет собой разновидность повсеместно распространенной игры «Царь горы» с возможными отсылками к игре «Взятие снежного городка».

От другого информатора, жительницы районного центра – села **Туруханск** (осн. как село Монастырское в 1670 г.) – Кругляковой (Симоновой) Анны Ананьевны (1937 г.р.) удалось записать оригинальные образцы местных вариантов известных народных игр. Среди этих игр есть известные не только в Сибири, но и по всей России, например, «А мы просо сеяли» или «Дрема», но мелодия напевов представляет собой сибирский вариант.

Приведем некоторые из них.

«Выжигательный круг»

Все участники игры встают в круг. По считалке выбирают игрока, который становится в центр круга – «центрального». Стоящие в кругу дети по очереди перебрасывают мяч друг другу через центр круга на противоположную сторону. Задача «центрального» игрока поймать мяч, пока он летит на другую сторону. Если «центральной» ловит мяч, то игра продолжается. Если нет, то «центральной» выходит из игры, на его место становится игрок кидавший мяч последним.

«Сапожник Федосей»

Выбирают по считалке сапожника. Игрок садится в центр круга, остальные игроки идут по кругу и поют сапожнику песню:

"Жил сапожник Федосей, Федосей,
Шил ботинки для детей для детей.
Вот башмак, вот другой,
Этот мал, а тот большой.
Где сапожник Федосей?"

После песни сапожник откликнулся: «Я сапожник», – и выбирал следующего игрока на свое место.

«А мы просо сеяли, сеяли»

Парни и девки делятся на две команды. Встают в две линии друг напротив друга. Игру начинают парни. На первую фразу первого куплета песни идут линией вперед, а на вторую – назад. Второй куплет поют девки, повторяя движения линией как у парней. В конце песни парни выбирают девуку, называя ее имя. Выбранная девка, переходит на сторону парней. Игра начинается сначала.

- А просо сеяли, сеяли,
Ходит лада, сеяли, сеяли.
- А мы просо вытопчем, вытопчем.
Ходит лада, вытопчем, вытопчем.
- А чем же вам вытоптать, вытоптать.
- А мы коней выпустим, выпустим.
- А, мы коней в плен возьмем, в плен возьмем.
- А, мы коней выкупим, выкупим.
- А, чем же вам выкупить, выкупить.
- А, мы дадим вам сто рублей, сто рублей.
- А, нам не надо тысячу, тысячу.
- А, кого вам надо, вам надо вам.
- А, нам надо девицу, девицу.
- У девицы имя есть, имя есть.

Парни называют имя девицы. Выбранная парнями девка переходит в линию парней.

«Фантики»

У каждого участника игры должен быть фант. Выбирается водящий, который говорит текст:

-Вам барыня прислала,
Галик (вариант «голик» – веник из голых прутьев) и веник,
Сто рублей денег.
Что хотите, говорите,
С черным, с белым не берите,
«Да» и «нет» не говорите.
Вы поедете на бал?

Последний вопрос и последующие ведущий задает первому игроку. «В чем поедете?» и т.д. Задача ведущего спровоцировать игрока на запретные слова (да, нет, черное, белое). Если участник произносит запретное слово, то отдает свой фант. Когда ведущий собрал у всех фантики, выбирает любого проигравшего и накрывает его голову платком (чтобы не было видно, где чей фантик). Ведущий достает фантики по очереди с вопросом «Что делать?» Игрок дает любое творческое задание – спеть, сплясать и т.д. Игра продолжается до тех пор, пока все игроки не вернут фантики.

«Дрема»

Выбирают ведущего – «Дрему», который садится в центр круга. Все участники идут по кругу и поют песню. На словах песни «Бери, Дрема, поскорей, поскорей» ведущий выбирает любого участника, выводит к себе в центр и по ходу песни сначала треплет его, потом жалеет. По окончании песни выбирают нового Дрему.

Сидит Дрема, сидит Дрема,
сидит Дрема, сама дремлет, сама спит,
сидит Дрема, сама дремлет, сама спит.
Вставай, Дрема, вставай, Дрема,
вставай, Дремушка, проснись-пробудись,
вставай, Дремушка, проснись-пробудись.
Мойся, Дрема, мойся, Дрема,
мойся, Дрема, почищей, почищей,
мойся, Дрема, почищей, почищей.
Взгляни, Дрема, взгляни, Дрема,
взгляни, Дрема, на людей, на людей,
взгляни, Дрема, на людей, на людей.
Бери, Дрема, бери, Дрема,
Бери, Дрема, поскорей, поскорей,
бери, Дрема, поскорей, поскорей.
Трепи, Дрема, трепи, Дрема,
трепи, Дрема, посильней, посильней,
трепи, Дрема, посильней, посильней.
Жалей, Дрема, жалей, Дрема,
жалей, Дрема, побыстрей, побыстрей,
жалей, Дрема, побыстрей, побыстрей.

Еще одна интересная особенность традиционного детского фольклора на территории Туруханского района связана с тем, что к жанрам детского фольклора «примкнул» и обряд колядования. В селе **Старотуруханское** (изначально наз. «Туруханск»; осн. в 1607 г.) местные жители подтверждают бытование обряда колядования и тот факт, что лишь дети ходят по дворам и поют частушки. При сохранении обрядово-игровой стороны колядования – розыгрыши, переодевание и в чертей, цыган, медведей, мазание сажей – по отношению к напевам можно сделать вывод, что в Туруханском районе дети не знают и соответственно не поют колядки, а их место в обряде прочно заняли частушки. Зафиксированная особенность наблюдается и в других поселениях Туруханского района.

Обобщая особенности игрового детского фольклора, зафиксированного фольклорно-этнографической экспедицией 2016 года на территории Туруханского района, важно отметить, что описанные примеры игр представляют собой местные варианты известных детских фольклорных игр. Особо ценным для красноярских фольклористов стала фиксация игр, сопровождающихся напевом.

Записанные в Туруханском районе образцы народных игр функционировали, преимущественно, как коллективные. Некоторые из них, игрались только на улице, поскольку для этих игр требовалось большое свободное пространство. Эти игры воспитывали в детях дух коллективизма, взаимовыручки, помогали развивать такие качества – как ловкость, сила, быстрота реакции; развивали творческие способности и задавали психологические/этические нормы поведения.

В настоящее время можно наблюдать процесс угасания традиционной культуры, в том числе и по отношению к народным играм как одной из важных составляющих жизненного цикла развития ребенка. Как следствие этого процесса можно констатировать резкое сокращение традиционного игрового репертуара (коллективных игр) в детской среде. Задача по освоению, сохранению и развитию региональных фольклорных игр является одной из важных в становлении современной культуры и педагогики.

Список литературы / References

1. Лебедев Н. Н. Туруханский район (историческая справка) / Н. Н. Логинов // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Выпуск 3 / сост. Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995. – С. 306-316.
2. Логинов Я. Л. Туруханск – северная вотчина государства российского / Я. Л. Логинов, Е. Е. Мутовкина. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2004. – 208 с.

3. Экард Л. Д. Собираание фольклорного материала в Красноярском крае / Л. Д. Экард // Культура и искусство сибирского города: традиции и современность. – Красноярск: КГАМиТ, 2012. – С. 204-207.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lebedev N. N. Turuhanskij rajon (istoricheskaja spravka) [Turukhansk district (historical reference)] / N. N. Loginov // Pamjatniki istorii i kul'tury Krasnojarskogo kraja [Monuments of History and Culture of the Krasnojarsk Territory]. – Vypusk 3 / sost. G. F. Bykonja. – Krasnojarsk: Krasnojarskoe knizhnoe izd-vo, 1995. – P. 306-316. [in Russian]

2. Loginov Ja. L. Turuhansk – severnaja votchina gosudarstva rossijskogo [Turukhansk – northern fiefdom of the Russian state] / Ja. L. Loginov, E. E. Mutovkina. – Krasnojarsk: Krasnojarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004. – 208 p. [in Russian]

3. Jekard L. D. Sobiranie fol'klornogo materiala v Krasnojarskom krae [Gathering of folklore material in the Krasnojarsk Territory] / L. D. Jekard // Kul'tura i iskusstvo sibirskogo goroda: tradicii i sovremennost' [Culture and art of the Siberian city: tradition and modernity]. – Krasnojarsk: KГАМиТ, 2012. – P. 204-207. [in Russian]